

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

2

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume seven

BRIDGE OF ASHES

EYE OF CAT

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том седьмой

МОСТ ИЗ ПЕПЛА

ГЛАЗ КОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

**Миры Роджера Желязны том 7 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 415 с.**

После знакомства с романами Роджера Желязны «Мост из пещла» и «Глаз Кота» читателю будет о чем задуматься. Творчески романы решены совершенно по-разному, однако в каждом идет речь о предназначении и судьбе человека и человечества. При этом «Глаз Кота» — произведение явно экспериментальное; пытаюсь проникнуть в своеобразный духовный мир индейца, Р Желязны ищет новый стиль, новые аллюзии, новый колорит

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Bridge of Ashes

Copyright © 1981 by The Amber Corporation

Eye of Cat

Copyright © 1982 by The Amber Corporation

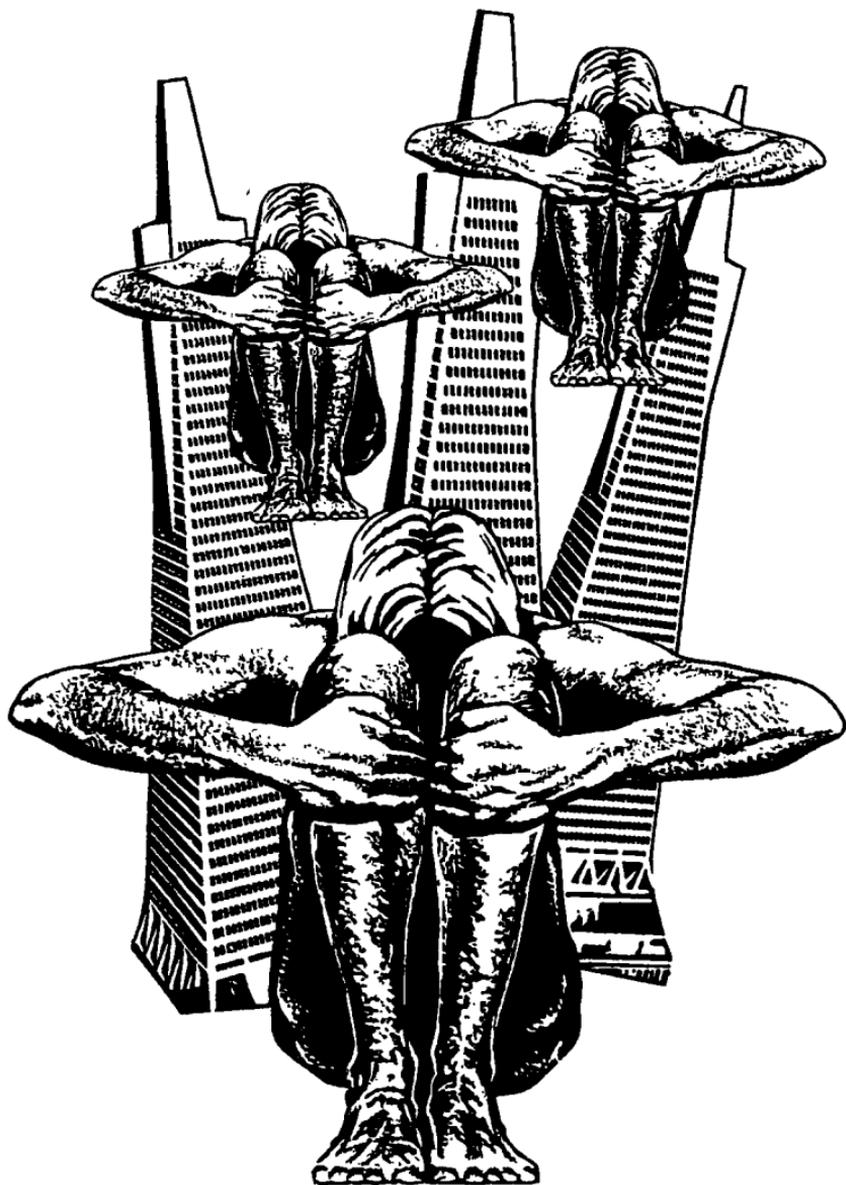
© Издательство «Полярис»
*оформление, составление,
название серии, 1995*

Мост из пещла

© В. Гольдич, И. Оганесова, *перевод,*
1995

Глаз Кота

© С Хренов, *перевод,* 1995

МОСТ ИЗ ПЕПЛА

ЧАСТЬ I

Я...

На календаре было...

Он...

...Увидел человека, который...

...С ним было еще несколько человек, с виду охотники. Тела их прикрыты звериными шкурами. У каждого зверолова в руках заостренный шест с факелом на конце. Вожак отмечен знаком отличия — камнем на груди — и украшен узором из линий, наколотых на коже острием надежного ножа, который висит на узком ремешке у меня... то есть у него на поясе. В волосы вплетены листья, с шеи свисает на кожаной ленте какой-то блестящий предмет. Это залог воинской силы, вожак обрел ее вместе с талисманом в земле привидений, что скрыта за морем. Он ведет воинов на охоту, волосы его блещут, как вороново крыло, и отцу каждого из юношей он доводится отцом. Темные его глаза пронзают захваченную зверем чашу. Тишина, ноздри вожака трепещут, охотники ступают за ним след в след. Ветерок вдруг приносит слабый запах соли и водорослей — с недалеких берегов той самой большой воды, что всем нам мать. Вождь поднимает руку, и мужчины опускаются на землю: привал.

Но вот он снова дает знак — и они расходятся от него направо и налево, то и дело припадая к земле,

продвигаясь вперед широкой дугой. Затем все вновь опускаются на землю.

Вожак делает короткое движение. Берется за рукоять своего оружия. Миг — и в руке у него ничего нет. Рев боли доносится с ближней поляны. Тотчас же остальные охотники устремляются вперед, держа свои копыя наготове. Вожак вытаскивает нож и следует за ними.

Он настигает раненого зверя, — поверженного теперь и трепещущего: три копыя торчат из его пронзенных боков, — настигает как раз вовремя, чтобы перерезать хищнику глотку. Охотники вырвали из туши свои копыя. Тайнство охоты завершилось победой, вернулось время восклицаний и смеха. Вожак спешит украсить себя новым трофеем; он приказывает подготовить большую часть свежанины к переноске, оставив немного мяса для победного пира, час которого пробил.

Костровой собирает поваленные деревья. Кто-то приносит хворост на растопку. Один из охотников затягивает песню, не имеющую мотива, это просто ритмично повторяющиеся возгласы. Солнце склоняет свой путь к вершинам деревьев. Меж их корнями, среди валунов, возле поваленных стволов раскрываются маленькие цветки. И вновь долетает запах морского ветра.

Собрав куски мяса в связки и поручив их костровому, вожак с минуту медлит, присев, притронувшись пальцами к сверкающей вещице у себя на груди. На ощупь она кажется немного теплой. Время течет. Мужчина пожимает плечами. Другой рукой он касается звериной плоти, отрезает кусок побольше.

Что за звук — глубокий, жутко извергаемый вой, он разрастается на долгой, взвывающейся ноте, срываясь в свист, захлестывающий все, что было слышно прежде, идущий по пятам за охватившей все и всех дрожью, словно говоря, что где-то кто-то могучий не поддается ей.

Вскоре это содроганье и вой начинаются вновь, но громче и ближе. Им вторит отдаленный грохот и

скрежетанье, будто где-то там проламывается сквозь подлесок тяжкая туша.

Вожак прижимает ладони к земле и чувствует ее содроганья.

«Бегите! — командует он охотникам, вскакивая на ноги и хватая свое копьё. — Быстро! Прочь еду! Торопитесь!»

Они повинуются, оставляют добычу, костер.

Когда охотники скрылись, их вожаку пришла пора отступить из леса. В последний раз пронеслись по кругу возгласы переключки, и лес медленно затихает, эхом сопровождая уходящий отряд.

Однако вой слышится вновь, в нем звучит такая сила, что воющий зверь представляется гигантом. Вожак спешит к луговине, которую только что пересекли охотники. Посередине ее всегда стоял каменистый холм...

Человек вырывается на открытое место, бежит прямо к холму. По грому у себя за спиной он уже почти догадывается, что не сможет выиграть столько времени, чтобы обрушить камни с холма на своего преследователя. Он подбегает к расщелине в скале, проскальзывает в нее и прячется за выступ, прижимаясь к земле.

Блеск отраженного солнца слепит ему глаза, подпрыгивая и танцуя на бесчисленных чешуйках длинного и гибкого тела чудовища, на его прямом хвосте, кривых лапах и рогатой голове. Гад пропахал за собой по луговине глубокие борозды, протаскивая свое висячее пузо, косолапо переваливаясь, гоня напролом изо всех сил, пытаясь настичь охотника. Ни деревце, ни валун не могли заставить его свернуть с пути. Дерево разломано в щепки, повалено, повержено под ноги твари. Рога его задевают за валуны, и голова мотается из стороны в сторону. Скала начинает качаться, сначала почти незаметно.

Охотник упирается торцом копьё в камень. Он следит за сияющей тушей, ожидая, когда она даст маху, оступится, подставит уязвимое место. Он принял решение и делает ставку на свое оружие. Чело-

век всматривается из-под ладони сквозь клубящуюся пыль. Уши у него болят от пронзительного воя. Он ждет.

Мгновение, — копьё взлетает само собой, и камни вокруг раскатываются от удара. Воин вновь прячется в глубь расщелины, ускользая от наступающих его рогов. Рога останавливаются в дюйме от его тела.

Теперь зверь принимается раскачивать собственный вес из стороны в сторону, продолжая, как веслами, загребать перепончатыми лапами, и всякий раз, когда тварь задевает за скалы, тело ее гудит, как огромный колокол. Человек чувствует запах высушенной морской соли, источаемый бронированной шкурой хищника. Он направляет удар в ревущую голову, но твердокаменный клинок ломается прямо в руке. Воин чувствует, как снова дрожат скалы. Он нащупывает амулет у себя на груди; амулет так горяч, что обжигает кожу.

Новый удар пронзает его сторону скалы, и мы вскрикиваем, словно посажены на кол, вздеты вверх и сброшены...

Боль и хруст костей. Тьма и боль. Темнота. Свет. Кажется, солнце стоит выше, чем было? Мы промокли, одежда пропитана нашей собственной алой кровью. Хищнику пришел конец. Мы ковыляем по земле. Мы одни здесь, среди трав... Нас окружают насекомые, они спускаются, хотят из нас выпить. Рогатая гора костей венчает собой континент моего тела, покрытого снегом...

Я...

Темнота.

Мужчину будит звук их причитаний. Они возвратились к нему, его дети. Они привели с собой ее, и она, напевая, баюкает его голову у себя в коленях. Она убрала его цветами и травами, укрыла его нарядным покровом. Он улыбается ей; амулет теперь остыл, сознание же вновь постепенно угасает.

Он смеживает веки, и она принимается петь над ним долгую жалобную песню. И тогда все остальные

поднимаются и уходят, оставляя их одних. Здесь место любви. Мы...

Я...

Вспышки голубизны, зияние белого круга...

Зверь возвратился на свое место.

И о самом себе...

...по-старому. Случилось так...

...Житель побережья. Смотрите...

...Тащат человека, покрытого сырым песком. Могучего. Глаз его блещет, как золотая монета. Разумеется, его «я» в разладе с ним и наблюдает со стороны. Ждет, когда судьба сама устранил врагов. Тем временем море лепит зеленые ступени и решетки, старательно лепит под теплым голубым небом, старательно и незаметно, как сам он описывает круг. Семьдесят с лишним лет он знал море в окрестностях Сиракуз, у берегов Сицилии. Он никогда не покидал это море, не уезжал далеко, даже в дни учебы в Александрии. Неудивительно, однако, что он может как бы не замечать свежесть волн, их плеск и брызги, игры со светом и цветом. Чистое море, исполненное жизни, внезапно оглушающее, оно может сгустить в себе все, что есть на земле, — и это же море, далекое и абстрактное, как неисчислимые зерна песка, которые он пересчитывал, пытаясь заполнить свою Вселенную, переставляя чуть ли не все вещи внутри нее в соответствии с законом, который он внедрил в материю властью королевской короны (в тот день он выскочил из ванной обнаженным, крича, что открыл новый закон)... Море и вздох моря на морском берегу... Теперь, теперь очень многие вещи произошли, но не пришла связь между формами. Блоки, помпы, рычаги, — все эти штуки хитроумны и могут быть полезны. Но Сиракузы пали. Слишком много в наше время римлян, даже для трюка с зеркалами. Да и случилось ли это на самом деле? Идеи живут дольше, чем их воплощения. Целями истребительских умыслов были всего лишь игрушки, не более того, — пор-

хающие призраки закономерностей, которых он пытался выловить сетями своей мысли. Теперь, теперь... На этот раз... Если связь между вещами, между событиями может быть выражена огромным количеством маленьких ступеней... Сколько их должно быть? Много?.. Несколько?.. Сколько-то. Как приказал номер такой-то. И если была какого-то рода граница... Да. Какой-то предел. Да. И вот в этой точке, на одной из ступеней... Как мы уже поступили с числом «пи» и многоугольниками. Только теперь давайте продвинемся еще на шаг вперед...

Он не заметил тени мужчины на песке, слева от него. Мысли, глухота, обещание римского военачальника Марцеллуса, что ему не сделают вреда... Он не видит, он не слышит вопроса. Снова. Ты только взгляни, старик! Мы должны ответить!.. Клинок вышел из ножен, и снова звучат слова. Отвечай! Отвечай! Он совершает новый круг, совершает его лениво, считая, что шаги не меняют ничего внутри пределов, нащупывая для словаря выражения, которые непременно потребуются.

Удар!

Мы пронзены насквозь. Мы падаем... Почему? Дайте мне...

После того финального круга глаза мои закрылись. Все вокруг — нежная голубизна. Это не синева неба или моря... Это...

Теперь, теперь, теперь... Боль, потеря всего, что было...

Я, Флавий Клавдий Юлиан, усмиритель Галлии, император Рима, последний защитник старых богов, прохожу теперь, как прошли они. Молю тебя, повелитель молний, и тебя, сотрясатель земли и укротитель коней, и тебя, госпожа злчных полей, и тебя, тебя... всех вас, властители и властительницы высокого Олимпа... умоляю, умоляю, умоляю, ибо я не могу послужить вам лучше, о хозяева и попечители Земли, и ее деревьев, и трав, и благодатных святых

мест, и всех тварей плавающих и ползающих, летающих и прячущихся в норах, все это движение, дыхание, осязание, пение и плач... Я мог бы сослужить вам лучшую службу, если бы остался в Ктезифоне, взял в осаду этот огромный город, затем пересек реку Тигр и отыскал короля Сапора среди руин. Ради этого я готов умереть. Смерть от ран, в то время как вся персидская армия окружает нас кольцом. Жара, сушь, опустошенная земля... Да, нельзя желать лучшего! В такое же, быть может, место пришел когда-то галилеянин, чтобы вынести искушение... Неужели тебе необходима ирония, новый Бог? Ты вырвал землю у тех, кто ею владел, и отпустил ее на волю. ...Это другой мир, но ты потребовал, чтобы и им они управляли. Теперь тебе безразлично зеленое, коричневое, золотое, безразличны тебе поляны, долины, тебя привлекает только это сухое, горячее место: скалы, песок... и смерть. Что значит для тебя смерть? Ворота... Для меня же она больше, чем мой собственный конец, ибо я потерпел неудачу... Ты убиваешь меня, подобно детям Константина, изведшим мой род... Для тебя смерть, может быть, и ворота, для меня она — конец... Я вижу, вот моя кровь — лужа... Я отдаю ее Земле — Гее, старой матери... Я бился, и я закончил свое сражение... Древние боги, я ваш...

Кровяной красный круг обесцвечен. Кажется, начинается рев. Он. Он... Я...

Скажите мне, неужели действительно что-то произошло? Если да, то я...

Он пристально смотрит из окна на движения птиц, как бы сортируя их. Весна пришла в Рим. Но солнце опускается, и тени становятся длинней. Он сортирует цвета, тени, текстуры. Если бы я строил этот город, я сделал бы его разнообразней... Он обращает внимание на тучи. Такие, быть может, никогда уже больше не будут сделаны... Закинув голову назад, прислоняется к стене, пробегает пальцами по своей бороде, дергает себя за нижнюю губу.

Было так много привлекательных вещей: летать, ходить под морской водой, строить дворцы и изумительные механизмы, изменять русла рек, постигать глубины всех законов природы, отдавать себя точным наукам или искусствам, без конца бороться с самим собой, принимать все новые пути... А как много вещей сделал он для Людовика, да только все пустяки...

Хотелось бы видеть все доведенным до конца. Грустно, когда благоприятные возможности неизменно подворачиваются в неподходящий момент. Или если дела, казалось бы, шли хорошо, но что-то явилось все испортить — как всегда. Как много всего, что может быть полезно людям. Порой кажется, что мир стремится противостоять тебе... И теперь... Великолепный Джулиано де Медичи умер в прошлом месяце, в марте... Из-за пустяка я остался здесь, этот новый французский король говорил о поместье Клу, близ Амбруаза, чудесное местечко — и никаких долгов... Возможно, там хорошо отдыхать, думать, продолжать занятия. Я мог бы даже порисовать немножко...

Он отворачивается от окна, отступает. На голубом поле неба белый круг, хотя луна еще не поднялась. Можно...

Скажите мне, произошло ли вообще хоть что-нибудь...

...И она поет горестную песню — про то, как он лежит, истекающий кровью.

Зверь возвратился в море. Она отгоняет комаров от раненого, баюкает его голову у себя в коленях. Он не двигается. И не заметно, чтобы он дышал.

Но немного тепла в нем еще есть...

Она находит слова... Деревья и горы, потоки и поля, как может все это существовать? Он, чьи сыновья и сыновья сыновей охотились здесь еще до того, как были созданы эти холмы... Он, кто разговаривал со всемогущими, что живут за морем... Как он сумел пройти туда, если человек не может оказаться в стране снов? Терзайте себя, понукайте себя, раз-

бейтесь в лепешку, плачьте... если сын Земли больше не ходит по ней.

Голос ее пролетает над поляной, вот он пропал среди деревьев. Боль, боль, боль...

Пьян опять! А кому какое дело? Может быть, я и есть такой никчемный, как они говорят, грязный швейцарский сумасшедший!.. Я видел, и я говорил. На самом-то деле сумасшедшие они сами, те, кто не слушает... Еще глоток... Ничего из сказанного мной не понято верно. Следует ли предположить, что так будет всегда? Предположить... Проклятый Вольтер! Он знал, что я хотел сказать! Он знал, что я никогда не подразумевал увести всех жить в лесах! Одаренный человек в его связи с обществом — вот что я говорил вновь и вновь... Только общество может дать человеку знания о добре и зле. В природе же он есть всего лишь невинный младенец. Вольтер знал! Я готов поклясться, что он знал, проклятый насмешник! И будь прокляты все, кто призывает человека трудиться! Порочность разряженных денди играет в простоту... Тереза! Мне скучно без тебя по вечерам... Да где же эта бутылка? А, наконец нашлась!.. Узри Богиню и Бога и порядок в природе и в сердце... и в бутылочке, я должен добавить. Как хорошо в полночь комната плывет. Вот и настали времена — черт поberi их совсем, — когда все на свете кажется никчемным, все, все, что я делал, и все остальное в этом безумном мире. Но кого это интересует? Во времена, когда я, кажется, вижу все так ясно... Но... В этот вечер я не исповедую веру савойского викария... Были времена, когда я боялся, уж не вправду ли я сумасшедший, и другие времена, когда я сомневался в тех или иных мыслях... Теперь я боюсь, что не имеет значения, сумасшедший я или нормальный, прав или заблуждаюсь. Не имеет значения ни в малейшей степени. Слова мои оцениваются по их звучанию, пронзительности, эффективности, доступности... Ветер продолжает дуть, мир идет тем же путем, каким будет идти, следует прежним курсом, каким он шел бы, если бы меня и не было никогда.

Не имеет значения, что я смотрел и говорил. Не имеет значения, что те, кто меня презирал, могут быть правы. Не имеет значения...

Голова его отдыхает, упав на руку. Он разглядывает дно бутылки. Мы видим, как оно становится белым в мерцающем свете, а все вокруг него голубое... Мы кружимся. Мы...

Я...

— Айе! — вскрикивает она, вздрагивая, завершив свою песнь; кровь на ране засохла, тело воина стало неподвижным и бледным. И снова, склонившись, вскрикивает, застывая в форме самой теплоты. Воздух вырывается из моих легких с шумом, как рыданье. Боль!

Боль...

...Но не покинуто ничего. Мои надежды — мечты дурака... Меня пригласили, когда все уже началось. Старый порядок, в мире которого я, Жан Антуан Никола, был рожден маркизом де Кондорсе*, отпраздновал свой расцвет и проводил его во тьму задолго до того, как я увидел этот свет, и меня приветствовала Революция. Прошло еще три года — и я уже сидел в законодательном собрании. И террор... Но спустя еще год из-за моего сочувствия Жиронде я утратил завидное положение и бежал в якобинцы... Смехотворно! Здесь вот я и сижу, их пленник. Я знаю, чего мне теперь надо ждать, но этого они от меня не получат! Смехотворно это — пока так считаю я. Все, что хотел, я написал: что человек может за один день стать свободным от нужды и войны, что углубление и распро-

* Кондорсе — Жан Антуан Никола (1743 — 1794), маркиз, французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель. В философии — сторонник деизма и сенсуализма; развил концепцию исторического прогресса, в основе которого развитие разума.

странение знаний, открытие законов поведения людей в обществе могут привести человека к совершенству... Смехотворно — верить в это и рассчитывать таким путем стать хозяином гильотины... Еще вот что: умеренность не есть путь революции; мы, вовлеченные в дело гуманисты, частенько усваиваем это слишком поздно... Я все еще верю, хотя мои идеалы сегодня кажутся дальше, чем уже были однажды... Нам следует надеяться, что они на прежнем месте и работают на пользу дела... Но я устал. Чистое дело скучно... На мой взгляд, в дальнейшем я не смогу быть использован здесь... Время писать заключение и закрывать книгу...

Мы совершаем последние приготовления. В момент боли я — он... Мы смотрим сквозь голубой туман и бледный круг, всплывающий над стеной...

Теперь, снова теперь, вновь как всегда... Боль, и женщина баюкает сраженное тело, дыша мне в рот; она бьет меня по груди, растирает его руки и шею... Как бы желая этим призвать обратно, как будто вместе с дыханием она отдает часть своей души...

Земля под нашими плечами бугристая, и когда дыхание становится чаще и сильнее, нам больно... Стоит мне пошевелиться снова — и хлынет кровь. Он должен оставаться совершенно неподвижным... Солнце мечет стрелы прямо нам в веки...

...Гилберт Ван Дайн бросил последний взгляд на свою речь.

«Я уже знаю, что собираюсь сказать, знаю точно, где отступить от текста и как... Все это имеет какую-то нереальную важность. Вопрос почти разложен по полочкам. Все, что я должен сделать, — это встать и произнести слова. Спокойненько... Обращаться к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций — не совсем одно и то же, что разговаривать с аудиторией, заполненной студентами. Я меньше нер-

вничал в Стокгольме, в тот день, восемь лет назад... Странно, что Премии придается столь огромное значение... Но если бы не это, лишь несколько человек прочли бы когда-нибудь мою речь — или что-нибудь очень похожее на нее... Главное — сделать так, чтобы слова мои прозвучали...»

Он пробежал рукой по тому, что оставалось от когда-то пышной шевелюры.

«Как пройдет голосование, хотел бы я знать? Все говорят, что оно должно быть закрытым... Я, честно говоря, надеюсь на единственное: получить самое широкое представление о мнении большинства, быть в состоянии видеть не только поверхностные неточности, — вот в чем мы заинтересованы... Господи! Я действительно надеюсь...»

Ведущий подбирался к финалу своего вступительного слова. Навстречу его речи поднималось мягкое течение ропота, повторяемого на полусотне языков, оно растекалось по залу, затухая, как уже отработанный момент ритуала. Вот, вот сейчас... Он взглянул на ведущего, на стенные часы, на собственные руки...

Ведущий поклонился, повернул голову, сделал жест рукой. Гилберт Ван Дайн поднялся и пошел к микрофону. Раскладывая бумаги перед собой, он улыбался. Короткая пауза... Он начал говорить...

Мертвая тишина.

Не только ропот, но самый малейший звук в зале прекратился. Ни кашля, ни скрипа кресла, ни возни с портфелем, ни чирканья спичек, никакого шороха бумаг, звона бокалов с водой, хлопанья закрываемой двери или шарканья подошв. Ни звука.

Гилберт Ван Дайн сделал паузу и огляделся.

Все люди в зале сидели, не шелохнувшись. Всеобщая неподвижность, точно на моментальной фотографии.

Ни одно тело не шевельнулось. Дымок сигареты застыл в воздухе.

Он повернул голову, высматривая какую-нибудь малую активность внутри собрания — хоть какую-то!

Затем Гилберта Ван Дайна сковал мороз. Один из делегатов маленького южного государства вскочил на ноги, очевидно, всего за миг до этого: кресло его все еще наклонялось назад, падающая папка, ровно висевшая под невозможным углом перед ним, все еще бесшумно рассыпала по воздуху бумаги. Мужчина держал в руке револьвер, нацеленный прямо в Ван Дайна, еле заметный пучок не убегающего дыма подрагивал над стволом слева.

Чуть погодя Гилберт Ван Дайн зашевелился. Он оставил приготовленные заметки, отошел от микрофона, спустился в зал, пересек его прежним путем в обратную сторону, направляясь к тому месту, где стоял человек со своим револьвером, выпученными глазами, обнаженными зубами, сведенными бровями.

Ван Дайн подошел к нему, постоял с минуту, затем язвительно пожал человеку руку.

...Непреклонный, несгибаемый, как изваяние. При рукопожатии Ван Дайн почувствовал не прохладную кожу ладони, но нечто более плотное, более колючее. Впрочем, и материя его рукава казалась более твердой, чем могла быть.

Повернувшись, Ван Дайн дотронулся до другого ближайшего человека. Ощущение — то же самое. Даже рубашки у обоих словно из грубой, жестко накрахмаленной материи.

Гилберт Ван Дайн наблюдал за бумагами, все еще неестественно подвешенными перед стрелявшим. Тронул один из листков. Та же самая жесткость... Он дернул бумагу. Она разорвалась бесшумно.

Из делегатского набора Ван Дайн извлек автоматический карандаш, поднял его перед собой, отпустил. Карандаш повис в воздухе неподвижно.

Он взглянул на свои часы. Не новые, они не шли. Ван Дайн встряхнул их, прижал к уху. Ни звука.

Вернувшись к вооруженному человеку, он осмотрел ствол револьвера. Сомнений быть не могло. Оружие нацелено как раз в то место, которое Ван Дайн недавно покинул.

...И что это там у него над головой?

Он выпрямился, прибавил шагу, обошел и осмотрел пулю, висевшую футов за шесть от револьверного ствола, — она парит, ползет вперед с едва заметной скоростью.

Он встряхнул головой, отступил назад.

Вдруг ему стали совершенно ясны масштабы феномена. Ван Дайн повернулся и зашагал к входной двери, по пути ускоряя шаг. Выходя, он повернулся к ближайшему окну и окинул взглядом мир по ту сторону стены.

Уличное движение замерло и стояло беззвучно, птицы парили неподвижно, ни один флаг не трепетал. Облака тоже стояли на месте.

— Наваждение, а? — раздалось, кажется, нечто вроде голоса. — По всей вероятности, так. Я понял, как вы бы выразились, в последнюю минуту, что должен поговорить с вами.

Ван Дайн обернулся.

Смуглолицый человек, одетый в зеленые слаксы и линялую спортивную рубашку, стоял у стены, левая нога его отдыхала на широкой черной сумке. Плотный сложенный, с широким лбом, темными глазами, тяжелыми бровями, чуткими ноздрями...

— Да, — ответил Ван Дайн, — это наваждение. Вы знаете, что случилось?

Его собеседник кивнул.

— Как я уже сказал, мне хотелось с вами поговорить.

— За тем-то вы и остановили время?

Послышалось нечто похожее на смех.

— Произошло как раз обратное. Я ускорил вас. За время, которое вам покажется несколькими минутами, вы можете развиваться с экстремальной быстротой. Только скажите мне, когда начнете. У меня даже еда с собой. — Незнакомец встряхнул свою сумку. — Подходите, прошу вас!

— На самом деле вы не разговариваете, — заметил Ван Дайн. — До меня только сейчас это дошло. Ваши слова звучат у меня прямо в голове.

Человек снова кивнул.

— Это происходит здесь или пишется в записях. Послушайте! — Он улыбнулся. — Вы не можете слышать даже собственного шарканья. Звук — неудачная шутка всего на миг... Или наоборот, мы сами для нее слишком непробиваемы. Давайте же! Время — дорогой товар.

Он повернулся, и Ван Дайн последовал за ним вон из здания. Смуглолицый считал, видимо, что открывать дверь нет необходимости: слишком долго. Он взял Ван Дайна за руку и сделал что-то со своей сумкой. Они поднялись в воздух.

Несколькими минутами позднее они присели отдохнуть на крышу здания. Здесь незнакомец обернулся и жестом указал на Ист-ривер, кусок мутного стекла, и на затуманенное небо, мраморное, — пряди дыма лежали на нем, как вздувшаяся рыба на отмели.

— Вот оно. И там... — Он взял Ван Дайна под руку и повел на другой конец крыши. — Город...

Ван Дайн огляделся, скользнув взглядом по городу, тихому, где неподвижные автомобили лежали, прикинув к морскому дну своими выхлопными трубами, — скучные, надежные с виду, с флагштоками, гидрантами, рядом с кустами, подписями, мотками провода, световыми столбами; с травой, несколькими деревьями и бродячим котом все это составляло единство. Он смотрел вверх, на темные тучи, вниз, на освещенное место и тени на тусклых поверхностях машин.

— Что именно я должен, согласно вашему желанию, увидеть?

— Осквернение, — ответил собеседник.

— Я хорошо сознаю его суть — особенно сегодня.

— ...И мощь, и красота...

— Не могу отрицать.

— Решение, настоять на принятии которого вы хотели... Как вы думаете, каковы его реальные шансы?

— Все надеются, что голосование будет закрытым.

Смуглолицый незнакомец кивнул.

— Но что несет решение по существу? — спросил он. — Этот текст окажет некоторое давление на

Другие нации, не предлагая им стать участниками нескольких уже существующих договоров, целью которых является ограничение загрязнения морей и атмосферы. Каждый в принципе согласен с тем, что миру надлежит быть чистым, хотя существует жестокое противодействие предложенным мерам.

— Которое тоже можно понять. Благоденствующие могущественные нации мощью своей, своим здоровьем, уровнем жизни обязаны другим, эксплуатируемым народам, — сказал Ван Дайн, — их-то теперь и призывают к воздержанию, причем призыв звучит как раз в тот момент, когда те, другие, выходят на уровень, позволяющий им дать себе волю в инициативах иного рода и снять урожай сходных выгод. Поэтому подозревать нас в плутовстве, воспринимать наши предложения как результат заговора неокOLONИАЛИСТОВ и воздерживаться от участия в нем с их стороны просто проявление человечности.

— Просто проявление человечности, — откликнулся собеседник. — Вот в чем, к несчастью, проблема, — и гораздо более широкая проблема, чем вы, возможно, представляете. Я ужасно уважаю вас, доктор Ван Дайн, и поэтому решил потратить время на то, чтобы объяснить вам, что на самом деле означает это слово. Человечность. Вы думаете, Ликей и остальные были правы, полагая, что именно Восточная Африка оказалась немного гуманней, оттого и далась первой им во власть и была допущена к рычагам гуманного бизнеса?

— Вполне возможно. Знать наверняка мы никогда не будем, но речь идет об очевидности...

— Я избавлю вас от сомнений. Отвечать следует однозначно — да. Тогда-то им и удалось это сделать. Но в том, что произошло, они не обошлись без чужой помощи — и тогда, и в другие переломные моменты, гораздо раньше, очень давно.

— Не понимаю.

— Разумеется! Ваше обучение было основано на замечательном предположении господства логики и неприкосновенной уклончивости телеологии. Вы —

жертва вашего собственного логического мышления. Нет пути, по которому вы могли пройти к должному выводу, о котором маловато говорят. Кроме всего прочего, этот вывод телеологичен: человеческая раса была предназначена служить неким завершением, и закат ее нам уже виден.

— Безумие! Нелепость! — проговорил Ван Дайн, и смуглолицый человек указал в сторону города.

— Можете заставить вещи двигаться снова? — спросил он. Ван Дайн опустил голову. — Тогда выслушайте меня до конца. Отложите вынесение приговора до того времени, когда я закончу рассказ. Есть хотите?

— Да.

Незнакомец полез в свою сумку.

— Сандвичи, вино, лимонад, шоколад, кофе... — Он вытащил скатерть и разложил на ней снесь. — Ешьте и слушайте.

— Много веков назад, — начал он, — диковинное существо было отобрано, чтобы оно могло развиваться в жизненную форму, на этой планете доминирующую. Ему были даны серьезные шансы, и серьезные препятствия были поставлены перед ним, причем таким образом, что, будучи преодолены им, они отмечали его особыми неизгладимыми следами, — так шаг за шагом существо все более развивало в себе высокую чувствительность. Курс его был проложен через множество критических положений, ведущих существо к человекоподобию и выше, чтобы добиться господства на планете обезьян-убийц, собравшихся в стада. Это был необходимый этап на пути создания такой формы жизни, которая успешно достигнет уровня развитого общества и приобретет способность манипулировать средой своего обитания таким путем, чтобы дать максимальный подъем уровню городской жизни и добиться во что бы то ни стало великолепного развития тяжелой промышленности.

Ван Дайн встряхнул головой, но рот его был наполнен едой, и ему ничего не оставалось, как только слушать продолжение.

— Все это было бы достаточным основанием дальнейшего развития, ибо в качестве побочного продукта нормального функционирования цивилизации происходят физические деформации мира. Движущие силы, развивающие человечество, направляли его в сторону эволюции, которая, с точки зрения состава окружающей среды, характеризовалась бы присутствием таких компонентов, как серный диоксид, оксид азота, ртутный метил, фтористый углерод, тетрахлорэтилен, чистый углерод и углеродистый монооксид, полихлорные бифенилы, органические фосфаты и множество других промышленных отходов и шлаков, характерных для современного мира. Короче говоря, была изобретена человеческая раса — саморазвивающаяся сила, задуманная и запрограммированная столь совершенно, что она не только выполнит заданную работу, но и осуществит самоуничтожение, когда придет пора.

— Но почему? — изумился Ван Дайн. — Ради какой цели?

— Человеческая раса, — отвечал его собеседник, — была так задумана существами иного мира. Не знаю, какие события разрушили в конце концов их собственную планету, однако я в состоянии делать некоторые предположения. Отдельные особи из них спаслись и явились сюда. Земля, очевидно, оказалась подходящим миром, ее бы только решительно изменить... Инопланетян было слишком мало, чтобы приступить к гигантской работе, так что они предпочли переложить ее на плечи рода человеческого, который все для них приготовит. Сами же они весь этот период времени спокойно спали в уютных спальнях на борту своих кораблей. Время от времени один из них просыпается, чтобы курировать прогресс человеческого рода, так или иначе корректируя его развитие, — все должно идти своим чередом в нужном направлении.

— Приближая наше уничтожение?

— Да. Они подсчитали все с поразительной точностью, — быть может, уже проведя когда-то экспе-

римент с ситуацией подобного рода. Итак, планета становится подходящей для них как раз в тот момент, когда она становится неподходящей для человекоподобных. Ваша задача — отработать для них до конца, а в завершение работы — умереть.

— Как могло развиваться существо такого типа? Я не могу понять, зачем природе нужно развивать тварь, приспособленную заранее к планете, ограбленной столь утонченным способом. Если...

Незнакомец пожал плечами.

— Быть может, какой-то побочный род, развившийся в полностью разрушенном мире? Или, что гораздо вероятней, им был нанесен удар случайным рядом мутаций? Или, быть может, они зашли достаточно далеко по пути естественных наук и смогли индуцировать перемены, чтобы спасти самих себя, уже разрушив свой мир? Не знаю. Мне известно лишь, что они ищут особый сорт среды, планету, пережившую экологическую катастрофу, и они идут верным путем: здесь, у нас, их ждет победа.

— Вы сказали, что они держат нас под надзором и производят корректировку?

— Да.

— Похоже, это вполне может быть указанием на то, что наше программирование, составленное с задачей достичь поставленной ими цели, несовершенно.

— Правильно. В последние несколько тысяч лет они вели гораздо более внимательное наблюдение над человеческим обществом, чем ранее. Они всегда с осторожностью относились к чудесам, пророкам, произвольным мутациям, которые могут направить ход событий в нежелательном направлении. Их влияние на нас сейчас куда мощнее, чем, скажем, десять тысячелетий назад. Таким образом, согласно законам статистики, возможность их распространения возросла. Поэтому существа иного мира гораздо более бдительны в течение последнего времени, стремясь подавлять развитие технологий, которые могли бы замедлить или расстроить их программу, и рассчитывая расхолодить философские тенденции, способные

дать схожие результаты. С другой стороны, они поощряли противоположное. Инопланетяне, к примеру, видели выгоду в распространении заумных аспектов христианства, буддизма и ислама: они преуменьшают значительность Земли как таковой. Они бились с сотнями философов, ученых мужей...

— Бились?

— Убивали или сокрушали, а то и поддерживали и помогали — смотря какой требовался подход.

— Ужасную вы рисуете картину! — сказал Ван Дайн. — Почему вы рассказали мне все это?

Смутлолицый огляделся, обвел взглядом город, указал пальцем на медальон, висящий у него на шее.

— Я боролся с ними, — наконец сказал он, — долгие годы. В лучшем случае я мог добиваться некоторого успеха в замедлении хода событий. Теперь, однако, наша борьба подходит к завершению, к тому завершению, к которому они подталкивают нашу расу столь давно. Я не могу сказать с уверенностью, сколько у нас осталось шансов. Кое-кто считает уже почти необходимым произвести некоторые изменения в природе человека, с тем чтобы победить его. Чем это кончится, не знаю. На что я покушаюсь сейчас — это купить время, замедлить, насколько возможно, ход вещей, хотя бы пока я продолжаю исследовать вопрос. Принятие решения теперь, на Генеральной Ассамблее ООН, поможет в этом, поможет существенно. Я знал, что голосование пройдет закрыто. Вот почему я и подготовил спектакль — ваше убийство. Я надеялся, что предложение убитого мученика получит дополнительные шансы на принятие. В последний момент, однако, я осознал, что мой расчет, моя жертва не позволят мне оставаться постоянно хладнокровным. Я был обязан дать вам столь длительное объяснение. Хотя предотвращать убийство уже слишком поздно. Да и нет необходимости. Я обладаю способностью манипулировать физиологией живущего, сводя ее в точку, где результат тот же, что и в результате остановки времени. Вот я и сделал

это, чтобы дать вам объяснение, предоставить вам выбор.

— Выбор?

Незнакомец кивнул.

— Я могу использовать почти каждого. Почти...

— Понятно, — произнес Ван Дайн. — Я уже вижу, что моя смерть могла бы внести изменения... Но, в любом случае, кто вы?

Смуглолицый человек покачал головой.

— Сейчас просто не время рассказывать вам мою историю, потому что она длинней, чем вся история Земли. Что же до имени... Я утратил счет своим именам. Можно сказать, что я ранний эксперимент тех, что принесли сюда зло. Но прежде, чем они меня захватили, я сумел завладеть несколькими их ценностями. Периодически они делали попытки погубить меня и мою женщину, но им никогда не удавалось вырвать из нас наши жизни. На множестве путей они ставили передо мной дополнительные помехи, и долгие годы мы потратили на создание специальной защиты. То есть я... Я их враг! Вот и все. Этого вполне достаточно.

— Очень хорошо! — сказал Ван Дайн, выпрямляясь. Он снова оглядел город, повернулся, пересек крышу и осмотрел темную реку. — Очень хорошо.

Спустя некоторое время он обернулся назад и посмотрел на смуглолицего.

— Перенеси меня обратно, вниз.

Тот порывлся в своей сумке и через мгновение протянул руку Ван Дайну. Они покинули крышу.

Спустившись, двое вошли в здание. Ван Дайн направился в зал Ассамблеи. Когда он оглянулся, чтобы сказать пару слов смуглолицему человеку, то обнаружил, что незнакомца больше нет.

Ван Дайн продолжал идти: вошел в зал, зашагал обратно вдоль того же прохода, который недавно покинул. Постоял возле человека с револьвером, изучая его искаженное лицо. Отметил положение пули — она значительно продвинулась за время его отсутствия. Затем, взойдя на подиум, Ван Дайн вновь обратился к аналою, на котором лежала его речь.

Он собрал листки, взял их в руку. Потом взглянул на флаг Объединенных Наций — голубой, с белым кругом в центре. При этом ему показалось, что краешком глаза он уловил какое-то движение. Затем что-то его ударило, и мы — он — я...

Повалившись грудью на анал, он — мы — видит белый круг на голубом поле, а вокруг все еще растет смутный и...

Он — я...

Я... Я есть — я.

Я!

Я есть! Я есть! Я существую!..

...Он лежал там, едва дыша. Кровотечение остановилось.

Уже ночь, и женщина сотворила костер, укрыв мужчину шкурами зверей. Он очень замерз. Она принесла ему воды в широкой раковине. Я начинаю кое-что понимать.

ЧАСТЬ II

Ричард Гиз шел по холмам, стеком обезглавливая цветы. Нет более занятой выпуклости на нашей Земле, чем северный Нью-Мексико, тем более когда лето принимает его в объятия и вносит в наилучшую, ласковую пору. Но глаза Ричарда Гиза в тот день никакими декорациями не интересовались. Зрение его было обращено на него самого.

Спустившись в овраг, он следовал по нему до разветвления, где в нерешительности остановился. В конце концов он вздохнул, уселся на камень в тени противоположной стены и сидел, рассматривая волны пыли.

— Проклятье! — сказал он немного погодя, и снова: — Проклятье!

Во многом Ричард Гиз был сходен с местными сельскими жителями, хотя рожден был в городе Нью-Джерси и свои сорок с лишним лет прожил в основном в городах. Ричард — плотный, хорошо загорелый мужчина, с волосами серо-песочного цвета, более темными на тыльной стороне его рук с узловатыми пальцами, в которых он сжимал стек; темные глаза широко расставлены у поломанного носа.

Нет, он не был без ума от гор, пиний, скал, кактусов, хлопковых полей. Ричард был президентом Международного союза операторов телепатии и, несмотря на громадную производительность связи двадцать первого века, существенной частью которой он сам

являлся, президент избрал бы нечто более комфортабельное, где-то в мире больших городов, предпочтительно на Востоке. Правда, он уже имел в подобных местах офисы, но его донимала та же проблема, которая возникала перед всеми телепатами, имеющими маленьких детей: основать резиденцию в уединенном месте. Только с Денни что-то все не ладилось...

Применив свои особые способности, Ричард спустился вниз, в инфрасознание пробирающегося между камнями жучка.

...Мир состоит из грубых тканей и массивных форм, из поразительных ароматов и исключительных тактильных ощущений...

Ричард помахивал стеклом и следил за ощущениями бедолаги, а они сокращались до ничто, и скоро их передвижение окончательно затухло. Еще не вся правда была в том, что удобно иметь дело с отзывчивым эмпатическим партнером. Иногда незаменимо полезной для канала информации бывает возможность перекрыть его.

В последние недели, когда стало обнаруживаться все яснее, что с сыном что-то по-прежнему неладно, прогулки Ричарда участились. Кроме усиления усталости, была возможность улавливать вблизи ребенка его чувства, но Ричарду чрезвычайно не нравилось строить мысленную защиту вокруг Вики. Чтобы поразмыслить об этом, неплохо бы удрать в какое-нибудь другое местечко.

— Проклятье!

Он пошевелил жука, наблюдающего за тем, как за ним наблюдает человек. Возможно, на этот раз доктор найдет, что доброе можно сказать родителям Денни.

Виктория Гиз ухаживала за растениями. Она поливала их, опрыскивала, пропальвала; отщипывала умершие листья, добавляла удобрения, переносила вазы из палисадника во внутренний двор, выставляла их на скамью, перемещала с освещенных солнцем мест в тень и наоборот; мысленно она их ласкала. Си-

ние короткие цветки, а здесь белая петля, там — красный носовой платок, а вон — словно кожаные сандалии... Как бы ни была огорчена сама Виктория, растения всегда получали от нее больше, нежели полезное для них внимание. Зеленые глаза ее украдкой наблюдали за жизнью мира растений, она обнаруживала расхитителей насекомых, наносила точный удар, — и враг поникал, словно увянув, и падал на взрыхленную землю. Виктория сознавала, что в таких случаях допускала прорыв эмоционально неправильного руководства. Пусть так, но это было эффективно.

В этот день она не обязана была скрывать собственные мысли и ощущения. Кроме всего прочего, это занимало гораздо больше времени, чем она предвидела. Доктор был все еще здесь, с Денни, и Дик, вероятно, уже давно хотел возвратиться. Вот только его нетерпение могло бы обнаружить себя чуть более явно, а темно-синие петунии все еще выглядят томимыми жаждой.

Когда она ощипывала сзади папоротник спаржи, робкая, вопрошающая мысль пришла ей в голову: «А все ли в порядке?» Виктория ощутила присутствие Дика, представила ландшафт, по которому он двигался, сухой и каменистый, дом на вершине холма. Дик проходил вдоль узкого оврага на север.

«Не знаю, — отвечала она ему. — Он все еще там, с ним».

Она ощущала его, следя за его шагом, ловила шепот его чувств.

«Вряд ли он пробудет еще долго», — добавила она.

Несколькими минутами позднее Виктория услышала, как в доме закрылась дверь.

«Торопится, — послала она тотчас же. — Думаю, закончил».

Виктория прошла через ворота, закрыла их за собой, двинулась по кругу к южной стене. Здесь росли только ноготки. Ни она, ни Дик никогда не думали, что цветы необходимы какие-то особенные. Виктория склонилась к ноготкам.

— Миссис Гиз? — слабо донесся голос доктора Уинчелла из глубины дома.

Она помедлила, наблюдая за цветами. Еще через минуту или...

— Миссис Гиз, да где же вы?

Теперь зовут из палисадника. Разговор. Дик возвратился! Она вздохнула и двинулась обратно, на голоса.

Входя в комнату, Виктория окинула взглядом своего мужа и доктора, которые сидели в креслах друг к другу лицом, осененные геранями. Доктор Уинчелл был молодым, большим мужчиной, румяный, с излишком веса. Его волосы цвета соломы уже изрядно поредели.

— Миссис Гиз! — сказал он, когда она появилась, и сделал вид, будто хочет подняться из кресла.

Виктория уселась на софу напротив них, и он успокоился, погрузившись обратно в кожаные объятия.

— Я только что объяснял вашему мужу, что еще слишком рано давать рискованный прогноз, но...

«Давайте, выкладывайте прямо», — вмешался Дик. Уинчелл взглянул на Вики. Она чуть наклонила голову, не отрываясь взглядом от его глаз.

— Отлично, — продолжил доктор, не желая уходить с чисто словесного уровня. — Ситуация не самая ободряющая, но вы должны иметь в виду, что он еще дитя, то есть существо, приспособляющееся очень легко, и тот факт, что столь изолированное место...

— Повреждения непоправимые? — спросил Ричард.

— Для меня ответить на ваш вопрос сейчас не возможно. Вы пробыли совсем недолго, и...

— Когда же вы сможете сказать точно?

— И снова я не могу вам ответить...

— А вообще есть что-то, о чем вы можете мне рассказать, Ричард? — проговорила Вики. — Пожалуйста...

— Все в порядке, — сказал Уинчелл. — На самом деле я могу рассказать вам больше о причинах случившегося.

— Начинайте.

— Впервые я увидел Денни, когда вы жили за двадцать миль от ближайшего города, — хороший защитный барьер, построенный на общепринятых основах, известных всем телепатам. Ребенок-телепат достаточно удален от непрерывного воздействия мыслей горожан, — достаточно, чтобы сохранить непосредственность восприятия. Деннис, однако, проявлял все признаки рано пробудившихся способностей к восприятию и взаимодействию с другими телепатами и уходил в кататонию. Никто из вас не страдал страхами того рода, который мог ее вызвать. Врачи предполагали, что некоторая физическая аномалия местности могла повысить восприимчивость Денниса или какой-нибудь из поселков поблизости дал приют человеку — мощному излучателю мыслей, необычайно горестных для ребенка. Тогда мы рекомендовали вам перебраться в отдаленный уголок и пронаблюдать, не прояснятся ли обстоятельства самотеком.

Ричард Гиз покачал головой.

— С тех пор мы переезжали шесть раз! Руководствуясь тем же так называемым доводом. Ребенку уже тринадцать лет. Он не разговаривает, он не гуляет. Сиделке до сих пор приходится переодевать его и мыть. Все говорят, что больница — это уж совсем крайний случай, и пока я могу присоединиться к этому мнению. Но мы все начинаем снова — и с тем же результатом.

— Да, — сказал Уинчелл. — Положение мальчика оставалось, в сущности, неизменным. Он все еще под воздействием той, первоначальной травмы.

— Значит, переезд ничего не дал, — заметил Ричард.

— Я не это имел в виду. Цель усилий достаточно ясна: в будущем избавить ребенка от воздействия враждебных ему побуждений и дать природным восстановительным силам возможность вернуться к некоторого рода равновесию, что ли. Слишком рано сегодня ожидать свидетельства подобного восстановления.

— Или слишком поздно, — вставил Ричард.

— Но наши действия были достаточно хорошо обдуманы, — продолжал Уинчелл. — Мы обследовали несколько тысяч известных телепатов, это помогло выяснить устойчивые нормы их существования, однако именно поэтому мы не собираемся принимать результаты собственной работы как Евангелие: не бывает «вечно безотказных» мутаций рода человеческого. Нет, сегодня делать выводы рано, нет и еще раз нет: слишком многое остается неизученным!

— Не пытаетесь ли вы доказать, что он был и по меркам телепатов ненормален с самого начала?

Уинчелл кивнул.

— Именно. Я пытался давать ему несколько специальных развивающих тестов и проводил эксперимент, в который были вовлечены два других телепата. С их помощью я входил в сознание Денниса и использовал его экстрасенсорные способности, чтобы ему же и помочь. Ближайший из моих помощников-телепатов находился в тридцати милях отсюда, второй — в сорока.

— Деннис принимал мысли на расстоянии сорока миль?

— Да, и это объясняет остроту его первоначальной реакции. В ваших переездах вы никогда не были настолько удалены от источника несчастий. Здесь, однако... Условия, в которых живет Деннис, кажутся чисто функциональными, а у нас в запасе немало историй о ситуациях, которые могут дать мальчику ободрение, зародившееся еще в те дни, когда мутации не было и в помине.

— Верно, все это так, — кивнул Ричард. — Что вы нам порекомендуете делать сейчас?

— Думаю, следует пригласить одного из новых ТП-целителей. Пусть приедет сюда и поработает с мальчиком — каждый день в течение какого-то срока. Надо попытаться его переориентировать.

— Я читала немного о случаях, схожих с тем, что произошло с Деннисом в детстве, — проговорила Вики. — Иногда травма бывает настолько сильной, что

даже собственную свою индивидуальность пострадавшим развить не удастся... Им нередко приходилось оставлять нетронутой шизоидную коллекцию кусочков информации и блоков, благодаря которым пострадавшие получали свои определяющие впечатления. Другие сразу же уходили в себя и никогда уже...

— Нет причин говорить о худшем! — заявил доктор Уинчелл. — Стоит выиграть счастливый номер — и ты здоров, вы же знаете. Вы уже сделали полезную вещь — привезли Денниса сюда. Не упускайте, к тому же, из виду, что теперь целители гораздо больше знают об условиях особых состояний, чем при жизни прошлого поколения или даже десять лет назад. Давайте дадим им шанс! Попытайтесь сосредоточиться на положительных аспектах. вспомните, как легко могут передаваться ваши чувства, ваши переживания

Вики опустила голову. И тут же спросила:

— Можете вы рекомендовать целителя?

— Честно говоря, у меня есть несколько кандидатур возможных помощников. Мне придется проверить их способности. Чтобы построить курс лечения наилучшим образом, нужно было бы привлечь целителя, который мог бы жить здесь же и работать с мальчиком каждый день, — хотя бы какое-то время. Подбором кандидатуры я займусь, как только вернусь домой, и тотчас дам вам знать о результатах, возможно, завтра же.

— Прекрасно, — одобрил Ричард. — Скажите им, что у нас есть отличная комната для гостей!

Уинчелл начал подниматься.

— Нам хотелось бы, чтобы вы остались отобедать, — сказала Вики.

Уинчелл сполз обратно вниз, в кресло.

— Искренне благодарю!

Поднимаясь на ноги, Ричард Гиз улыбнулся впервые за этот день.

— Что вы пьете?

— Скотч с содовой.

Ричард кивнул и выплыл из комнаты

— Сорок миль... — пробормотал он.

Лидия Диманш приехала пожить в доме Гизов: маленькая грациозная женщина с музыкальным голосом и глазами, цвет которых почти повторял черный блеск ее волос. Вьющиеся кольцами волосы свидетельствовали о ее полинезийском происхождении.

Денниса Лидия видела каждый день, она кормила его, направляла, командовала мальчиком, организовала эмоциональное и экстрасенсорное питание. В часы, свободные от работы с Деннисом, она занималась собой: возвращалась в свою комнату, уходила вниз, в город, поднималась на холмы. Лидия обедала за столом вместе с Гизами, но никогда не выбалтывала им информацию, важную для состояния ее пациента. Если же ее спрашивали начальственным голосом, она, не теряя достоинства, отвечала, что еще слишком рано говорить что-нибудь с уверенностью.

Месяц спустя, когда Ричард Гиз отбыл в длительную деловую поездку, положение Денниса казалось неизменным. Ежедневные совещания его врачей продолжались. Вики проводила все больше и больше времени с растениями. Прежние несколько минут работы в палисаднике с утра и несколько минут после полудня выросли в часы. По вечерам Виктория стала читать книги по садоводству, заказала большую теплицу.

Как-то утром Лидия, выходя из комнаты Денниса, буквально столкнулась с мамой мальчика.

— Виктория! — сказала Лидия, и ее начавшаяся было улыбка моментально пропала.

— Я хочу прочесть его мысли, Лидия! Все это время... Я должна увидеть, какой он теперь.

— Мне следует привести доводы против вашего пожелания. Я контролировала мальчика очень строго, и теперь навязчивое вмешательство может нарушить баланс, который я попыталась установить...

— Я не собираюсь вести передачу мыслей. Просто хочу взглянуть на него.

— Смотреть, собственно, не на что. Он покажется вам таким, каким был.

— Я должна его увидеть! Я настаиваю!

— Вы не оставляете мне выбора, — промолвила Лидия, отступая в сторону. — Но прежде чем вы войдете, подумайте минуту о том, что я сказала.

— Уже подумала.

Вики вошла в комнату и направилась в сторону кровати. Деннис лежал на боку, наблюдая за ней от дальней стены. Глаза его не двигались, даже не моргнули, когда она проходила в двух шагах от него.

Она раскрыла свое сознание и очень осторожно обратилась к мальчику.

Затем она вышла из комнаты, глаза у нее были сухие. Вики прошла мимо Лидии, миновала передние комнаты и вышла в палисадник. Женщина села на скамью и стала наблюдать за геранями. Она не пошевелилась, когда Лидия пришла и села рядом с ней.

Долгое время обе женщины молчали. Вики, наконец, проговорила:

— Как будто наносишь чертеж на труп.

Лидия покачала головой.

— Так только кажется, — возразила она. — Тот факт, что заметных перемен нет, теперь не может считаться самым важным. За прошедшие месяцы был один момент, когда упражнения, которыми мы занимаемся с Деннисом, приобрели решающее влияние на него, и мы почувствовали разницу между бездействием и стабильностью. Сейчас главное вот что: ваш собственный дух — очень важный фактор окружающей его среды.

— Я должна была его видеть, — сказала Вики.

— Понимаю. Но, пожалуйста, не поступайте так больше.

— Не буду. Не хочу.

Спустя некоторое время Вики отметила:

— *Не могу понять, однако, как может повлиять на его состояние мой дух. И не вижу средств, чтобы управлять моим эмоциональным состоянием. Я не ведаю, как изменить мои ответные чувства, реакции — здесь, внутри. Так долго я боялась реальности... В детстве это касалось моей сестры Эйлин. Она не была ТП, но я могла читать ее мысли обо мне.*

Позднее — учителя. Потом — весь мир... Мир, спешащий прямо в ад, покачиваясь в ручной корзинке... Затем мой первый муж, Пол... Жизнь была для меня довольно-таки вшивым местечком, пока я не встретила Дика. Я мечтала о ком-то, похожем на него, — чтобы он был старше меня, сильнее, чтобы знал, как добиться всего, что мне не давалось, чтобы делать все вместе с ним, делать надежно. И он хотел того же. Пока я не встретила его, постоянно казалось, будто мир на грани какого-то всеобщего и полного обвала. Но муж помог мне уйти прочь от этой мысли или держать ее в узде. И я догадалась: те же мысли преследовали и его. Но я чувствовала, что нет ничего, чего он не мог бы совершить, что вещи всегда будут к нему добры. Мир будет пробивать себе тот путь, которым уже шел мой муж. Одного я не хотела: испытывать боль. Затем... это случилось с Деннисом. И теперь я снова боюсь... Страх растет и растет, с тех пор как это случилось. Я слежу за новостями, но запоминаю только истории об авариях, бедствиях, преступлениях, загрязнении планеты. Я читаю, но получаю впечатления только от злой стороны жизни... Таков мир или такова я? Или, быть может, мы оба таковы? Сейчас Дик опять в отъезде... Я не знаю. Я в самом деле не знаю...

Лидия положила руку ей на плечо.

— Вы посмотрели и увидели, и вы боитесь. Страх часто бывает нам полезен. Отчаяние — нет. Страх может раскрыть ваше сознание, укрепить вашу волю для борьбы. Отчаяние тянет назад...

— Но что это значит — бороться? И борюсь ли я теперь?

— Бороться — значит, верить в Денниса. Без этой веры я не смогу верить в собственные силы. Как легко давалась мне работа над другими делами, в которых результаты были более заметны! На каком-то отрезке пути целитель развивает мысли о состоянии пациента, о его шансах на выздоровление. С Деннисом у меня уже пришло это чувство, эти мысли. Я знаю, все будет нелегко и нельзя рассчиты-

вать, что уже вот-вот произойдет выздоровление. На достижение этой цели могут уйти годы, причем работа будет необычайно тяжелой. Но помните, я знаю его лучше, чем кто-нибудь иной, даже лучше, чем вы, и чувствую: вы есть все основания для надежды. Вы восприняли только краткий проблеск того, что бурлит внутри ребенка. Я видела больше. Его состояние связано, возможно, с другими вашими страхами. На каком-то уровне внутри вас самой это способно иницировать крушение его развивающейся личности, ведь он сталкивается с теми же проблемами, которые очень сильно волновали вас, пока вы не встретили Ричарда. Возможно, в представлении Денниса живет образ шизоидного мира. Нужно признать тот факт, что Ричард ничем не в состоянии ему помочь, чтобы мальчик сумел сочетать и другие переживания с теми, что возбуждены его тревогой. Можно заметить, как состояние Денниса начинает символически означать для вас дух времени. Деннис существует не сам по себе, к нему призрагивались части многих личностей. Их влившиеся в его сознание куски не соответствуют друг другу, не могут сосуществовать. Они конфликтуют. И сам он где-то там, среди них... С чем бороться? Как вам бороться? Живите надеждой, которую питать никто вам не запретит. Не давайте своему страху перерасти в отчаяние. Не отступайте назад. Скормите свой страх надежде. Преобразите его в терпеливое ожидание.

— Вы советуете мне идти трудным путем, Лидия...

— Я знаю. Но я также знаю, что у вас хватит сил.

— Попытаюсь...

Холодный ветер с гор ворвался в открытую гостиную и взъерошил герани. Вики откинулась назад и почувствовала ветер лицом, глаза ее глядели за кирпичную стену, туда, где покрытая тенью гора казалась вдарут повисшей над миром.

— Он дитя особого времени, — сказала она чуть погодя. — Я буду учиться ждать его.

Лидия изучала ее профиль; но вот она кивнула и поднялась.

— Я хочу побыть с ним еще.

— Да. Конечно, идите.

Вики сидела, пока над ней не встала звездная ночь. Наконец она почувствовала, что холодно, и ушла в дом.

Осень, зима, весна...

Лето.

Прошлым вечером я немного выпил в баре старого отеля «Ла Фонда». Теперь я разглядывал фасад здания и ждал, посматривая иногда за низкую сетчатую ограду и направо, вверх по улице. Тоскливое зрелище. Отель «Ла Фонда» исключение: он сам по себе. Кирпичный, штукатуренный. Он разнообразит собой район бурых развалюх, противопоставляя себя местному кирпичу и черепице. Господи, какое солнце! Оно огнем опускалось на площадь, текло мне на спину. Если бы на мне была рубашка с длинными рукавами, я был бы просто подрумянен. Так же я скоро стану испепеленным солнцем трупом или обваренным раком. В зависимости от того, как пойдут дела... Жизнь, скорее всего, череда происходящих с вами происшествий, которые успевают стрястись; пока вы ждете чего-то главного, ибо сама по себе жизнь — коллекция главных событий.

Оружие лежало у моих ног. Винтовка была прикрыта темной курткой, которую я носил вчера вечером. С ней я провел день наверху, на холмах, я даже спал с ней ряд прошедших ночей. Вчера я разобрал ее, вычистил, смазал. Теперь винтовка заряжена, готова. Нет нужды возиться с ней снова, пока не пришло время использовать. Другой бы поднял ее, стал бы ей играть, положил бы на место... Пока простран-

ство жизни ожидает меня, я всегда буду убежден в том, что каждый должен делать любое дело хорошо. Мир приходит к вам через чувства. Нет возможности предотвратить его целостность и краткость смерти, как бы я того ни желал. Мир внедряет модель самого себя поверх вашего внутреннего бытия. Таким образом, я чувствую его внутри, вот здесь. Его воля, значит, сильнее, чем моя собственная, и я лишь часть всего, что он мне показал. По правде сказать, высшая форма активности, в которой я могу проявить себя, это созерцание.

Итак, я ждал на крыше, ничего не имея против того, чтобы закурить, как я поступал когда-то давно, до того как понял механизм бытия. Другие Дети Земли скажут, что это вредно для здоровья и к тому же загрязняет воздух. На мой-то взгляд, воздух и так достаточно загрязнен. На самом деле даже слишком. Хотя мир по сравнению со мной огромен, я знаю, что он может испытывать боль. Я хочу удержаться и не причинять ему боли нигде — насколько это возможно. Даже если результаты моих усилий будут незначительны, я их увижу, войдя в свой внутренний образ мира с сознанием того, что я — представитель Детей Земли. Но это будет смущать меня во время ожидания и созерцания, — а больше и сказать-то нечего. Что касается вреда моему здоровью... Меня не больно-то заботит, что от моего организма исходит. Человек рождается, живет, умирает. С точки зрения бесконечности, я буду оставаться умершим столь же долго, как любой другой. Если какая-то сила не отправит меня в новое воплощение... Но такие фокусы, понятно, случаются не с каждым. Все, что происходит в жизни большинства, это построение образа мира и наслаждение им, оберегая от беспокойства его равновесие, защищая от вреда... Или, как я собираюсь сделать сейчас, защита чего-то полезного или улучшение жизни. Вот это и есть добродетель, причем единственная добродетель, которую я в состоянии видеть. Если я умру, похороните вместе со мной добрые чувства, — и я уйду осуществившимся, воз-

давшим Земле, матери моей, некоторую плату за то, что она носила меня на себе, какой-то знак благодарности за время моего существования. Что же касается моих останков... Пусть напишут: «Родерик Лейшман. Ему было плевать на себя».

Два правительственных лимузина промурлыкали вверх по улице и подсвистели к стоянке перед входом в «Ла Фонда». Я подался вперед, когда из здания вышел охранник, чтобы поговорить с двумя шоферами. Сейчас, вот сейчас...

В прошлом году я взорвал две плотины и две атомные электростанции. Да, Дети Земли неплохо поработали. Сегодня, однако, мы можем совершить нечто гораздо более важное. Остановить зло до того, как оно начало действовать. Уиллер и Мак-Кормак, губернаторы Вайоминга и Колорадо, должны встретиться здесь с губернатором Нью-Мексико, чтобы обсудить широкомасштабные энергетические проекты: широкомасштабные эксплуатацию, загрязнение, вред, разрушение. Личной злобы против них я не таю. Не все эти ребята отвратительны чисто по-человечески. Но Земля более важна, чем они. Их гибель значит больше, чем просто смерть их тел...

Я наблюдал за поворотом солдата, который направился обратно в «Ла Фонда». Медленно — кому нужна спешка? — я наклонился за винтовкой. Затем поднял ее и стал держать у колена. Я уже получил меловой сигнал Детей Земли — на стене рядом со мной. «Не тяните, ребятки», — вот что я сказал бы вам, солдатики...

Два солдата вышли из отеля и замерли у распахнутых дверей; один из них — тот, что разговаривал с водителями. Солдаты даже не смотрели ни вверх, ни вниз по улице. Я снял оружие с предохранителя, оттянул боек, поддерживая винтовку плечом, обвил пальцем спусковой крючок.

Четверо мужчин показались в дверях, разговаривая между собой. На такой дистанции я идентифицировал каждого из них без проблем. Мой первый выстрел, самый чистый и легкий, уложил Уиллера. Я

отвел ствол в сторону и дважды попал в Мак-Кормака, так как не был уверен в точности своего первого выстрела, которым я его достал. Затем я пригнулся, протер оружие быстро, но тщательно, как планировал, определил ему место под стеной, повернулся, припал к камням и начал отступление по крышам. Позади я слышал выстрелы, но ни один стрелок не подошел ко мне близко.

Теперь, если только мой шофер на месте, я мог начать автомобильно-маскировочную рутину, которая унесет меня из города. Хотя меня действительно не очень волнует, что со мной станет, я стараюсь продлить свою жизнь в надежде, что смогу служить тебе, Мать-Земля, как ты того заслуживаешь. Я...

Лето.

Вики выронила садовый совок от ментального крика.

— *Лидия?..* — начала она, но тут же поняла, в чем дело.

Она выбежала из теплицы, пронеслась через палисадник, вошла в дом. Уже в комнатах почувствовались мысли Лидии, неожиданно спокойные:

— *Все в порядке. Ничего страшного не случилось. Не волнуйся.*

Затем — голос, которого она никогда прежде не слышала:

— *Мое плечо! Оно, по-моему, сломано! Я упал!*

Вики рванулась вперед, проскочив мимо Лидии.

Деннис встал с кровати. Он стоял на своей стороне, у стены, сжимая правое плечо левой рукой и дико озираясь по сторонам.

— *Там!* — крикнул мальчик, затем оступился и упал.

Она поспешила к нему.

— *Виктория! Уйдите отсюда!* — воскликнула Лидия.

Вики подняла его на руки.

— Он ранен.

— Он вовсе не ранен! Дети падают постоянно. Оставьте нас.

— Но прежде он никогда не выпадал из кровати и не разговаривал. Я должна...

— Я вас серьезно прошу! Дайте его мне и оставьте нас! Я знаю, что делаю!

Вики поцеловала дрожащего мальчика и передала его на руки Лидии.

— Кроме того, держитесь подальше от его сознания! Это очень важно. Как я могу нести ответственность, если в решающий момент вдруг вмешаетесь вы?

— Хорошо. Я ухажу. Но при первой возможности приходите и расскажите мне обо всем.

Пересекая жилую комнату, Виктория снова услышала крик Денниса. Она обвела взглядом все кресла, затем сообразила, что садиться не хочет, и отправилась на кухню — вскипятить немного воды.

Позднее, — она не знала, сколько времени прошло, — Виктория обнаружила себя сидящей у чайного бара, глядящей в чашку с чаем. Вошла Лидия, покачала головой и села рядом с ней.

— Не понимаю, что случилось. Это было мощнее, чем галлюцинация. Возникла некая подлинная личностная структура, личность зрелого человека. Пользуясь тем, что мальчик нуждается в ней, она завладела им полностью. Однако я оказалась в состоянии стимулировать его центры сна, и теперь Денни отдыхает. Когда он проснется, наводка может исчезнуть полностью.

— Как вы думаете, может, позвать доктора Уинчелла?

— Нет, путь, идущий от диагнозов, здесь никуда не приведет. Случившееся — всего лишь более эффективно, чем все, что было раньше. Но основывается по-прежнему на том, что Деннис не имеет индивидуальности, не имеет себя самого, принадлежащего исключительно ему. Сегодня он представляет собой по-

врежденную коллекцию фрагментов каких-то иных личностей, с сознанием которых он столкнулся еще до того, как вы сюда приехали. Каким-то образом он воспринял своего невольного врага и сегодня, тот же эффект произошел в более широком масштабе. Его личность была захвачена в плен другой, более сильной личностью. Кто именно послал ему сигнал и откуда, — на подобное расследование у меня пока не было достаточно времени. Однако, если это обращение нуждающегося за помощью, мне придется обнаружить несчастного. Кстати, происшествие может пойти на пользу Деннису. Нужно использовать новые и неожиданные материалы в построении его собственной индивидуальности. Обещать, конечно, еще слишком рано, но это возможно.

— Значит, он не был ранен?

— Нет. Ранен был тот человек, с которым мальчик находился в контакте. Он среагировал на чужую боль.

— Следует, наверное, позвать Дика и дать ему знать, что случилось.

— Вы рискуете понапрасну его растревожить. Думаю, лучше подождать и посмотреть, какова будет ситуация завтра. Тогда вы сможете рассказать мужу всю историю в более полном виде.

— Пожалуй, верно. Он уже так давно отсутствует... Лидия, вам не кажется, что он отсюда... убежал?

— Возможно, но лишь в какой-то мере. Вы прекрасно знаете, что он в обычной деловой поездке. Ощущение, что он убежал, вероятно, лишь проекция ваших собственных желаний. Ведь он уехал в те дни, когда вас здесь не было, не так ли?

— Господи! Да!

— Может быть, когда новый маленький кризис минует, вам не помешает взять отпуск. В ваше отсутствие я могла бы присматривать за домом.

— Вы правы. Я действительно подумала об этом, Лидия. Благодарю вас.

Поздним утром следующего дня, когда Вики проснулась, Лидия была уже в комнате Денниса.

Начинался теплый солнечный день, и Виктория работала в теплице до самого ленча. Лидия не присоединилась к ней, как у них было заведено; поэтому Вики долго стояла у закрытой двери комнаты Денниса, прежде чем вернуться в кухню. Нежные щупальца мыслей обнаруживали в сознании мальчика интенсивную умственную деятельность.

Позднее Вики пошла в палисадник и через некоторое время там уснула.

Тени стали длиннее, где-то поблизости звала сойка. Затем...

— *Виктория, где вы?*

Она села, проснувшись.

— *Что случилось?*

— *Новости... То, что воспринимает Денни... Губернатор Уиллер умер, Мак-Кормак серьезно ранен. ...«Убийца бежал... возможно, он ранен...» Деннис был в сознании того человека, был там сегодня. Разорвать связь я не могла. В конце концов я снова уложила его спать. Я предполагала, что он имел контакт с кем-то, кто просто ярко фантазировал, — с психопатом, возможно, — но оказалась не права. Это реальность, и произошло это в Санта-Фе.*

— *Санта-Фе в ста милях отсюда!* — отозвалась Вики.

— *Знаю!* — продолжала Лидия. — *Похоже, способности Денниса сильно возросли. Либо тесты доктора Уинчелла несли в себе ошибки.*

— *Может, позвать доктора и Дика?* — спросила Вики.

— *Надо известить и власти. Я знаю имя раненого террориста — Родерик Лейшман. Он член радикальной экогруппы «Дети Земли». Судя по моим данным, он отправился на север.*

— *Игу. Вы позвоните, куда следует? Кроме Дика.*

— *Конечно!*

Мы добрались до фермы Детей Земли в Колорадо к вечеру. Все время я пролежал, придерживая рукой раненое плечо, на заднем сиденье сначала одной машины, потом другой — если уж быть до конца точным, их было четыре. Водитель второй машины раздобыл где-то бинт и пластырь и сделал перевязку. А еще он дал мне аспирин и неполную бутылку виски. Это немного помогло.

Ферма Джерри и Бетти — что-то вроде общественной собственности. Там все — члены нашей организации, Дети Земли, но только Джерри с Бетти, да еще парень, которого звали Квик Смит, знали про то, что я должен был сделать и что мне может понадобиться помощь. Чем меньше людей посвящено в такие дела, тем лучше.

Меня отвели в спальню в главном доме, ее приготовили заранее, и там Джерри под местной анестезией вытащил пулю тридцать восьмого калибра, промыл рану и заштопал ее, вправил кости, наложил повязку и пластырь, а потом всадил мне лошадиную дозу антибиотиков. Джерри — ветеринар. Другого, такого же надежного, доктора у нас в этом районе нет.

— Сколько таблеток аспирина ты проглотил? — спросил он меня.

— Десяток, а может, и больше.

Джерри — высокий, худой человек от тридцати до пятидесяти, точнее определить невозможно. За свою тяжелую жизнь ему удалось избавиться от всего, кроме мышц и мозолей, да еще, пожалуй, кучи морщин на лице. Он носит очки в металлической оправе, а когда сердится, его губы превращаются в узкую полоску.

— Разве тебе не известно, как аспирин влияет на свертывание крови?

— Нет.

— Так вот знай: аспирин тормозит этот процесс. Кровотечение усиливается. Ты потерял много крови. Возможно, необходимо сделать переливание.

— Перебьюсь, — успокоил я Джерри. — Мне удалось до вас добраться и не потерять сознание.

Он кивнул, блеснули стекла его очков.

— Если бы ко мне привели лошадь... Спиртное и аспирин. И ни крошки во рту за целый день...

Я хотел было пожать плечами, но потом передумал.

— Ну, если бы обстоятельства сложились иначе, меню было бы несколько иным — впрочем, будь я лошадью, ты бы наверняка меня пристрелил.

Джерри ухмыльнулся, а потом посерьезнел.

— Да, пожалуй, тебе действительно удалось справиться. Я не был уверен, что ты сумеешь оттуда сбежать.

— Мы продумали все детали.

Джерри кивнул.

— А как ты ко всему этому относишься — сейчас?

— Акция была необходима.

— Наверное.

— Ты видишь какой-нибудь другой выход? Их просто необходимо остановить. Мы начинаем привлекать к себе внимание. После сегодняшнего они станут гораздо осмотрительнее.

— Это-то мне понятно, — сказал Джерри. — Только вот жаль, что нет какого-нибудь другого способа добиться того же результата. Знаешь, во мне еще осталось что-то от священника. Но дело не только в этом. Просто я не могу видеть, как живым существам причиняют боль, как их убивают. Одна из причин, по которой я стал ветеринаром. Умом я все понимаю, но вот мое сердце — оно против таких методов.

— Знаю, знаю, — сказал я Джерри. — Ты и представить себе не можешь, сколько я про все это думал. Может быть, даже слишком много думал.

— Да, наверное. Я считаю, тебе следует провести ночь у нас, не стоит отправляться дальше в путь прямо сейчас. Ты должен хорошенько отдохнуть.

Я покачал головой.

— К сожалению, оставаться мне здесь нельзя. Необходимо поскорее убраться из этих мест, только тогда я смогу спокойно отдохнуть. Кроме того, теперь я поеду в фургоне, там на полу постелен матрас, и я

лягу. Да и вообще, чем быстрее я отсюда исчезну, тем будет лучше для вас.

— Знаешь, если бы меня беспокоила собственная безопасность, я не стал бы ввязываться в эти дела. Нет, за себя я не опасаюсь. Помнишь, я говорил тебе, что не могу видеть, когда живым существам причиняют страдания, когда их убивают?

— Ну, у меня гораздо больше возможностей избежать того и другого, если качественно замести следы.

Джерри подошел к окну и выглянул наружу.

— Кажется, по дороге едет твой фургон. Какого он цвета?

— Красный.

— Угу. Похоже, он. Послушай, не принимай больше аспирина.

— Ладно. Ограничусь только спиртным.

— Оно отравляет организм.

— Уж лучше пусть отравляет мой организм, зато спиртное не наносит вреда и не загрязняет нашу Землю, — проговорил я. — Она продержится гораздо дольше меня. Выпьешь со мной?

Джерри коротко рассмеялся.

— На дорожку? Почему бы и нет?

Я достал свою бутылку, а он принес из шкафчика стаканы.

— Счастливого пути, — сказал Джерри.

— Спасибо. Хорошего тебе урожая.

Я услышал, как подкатил фургон, подошел к окну и выглянул.

Из дома появился Квик Смит, худощавый, рано поседевший человек, который был бы на моем месте, если бы ему выпала такая судьба — все решала подброшенная в воздух монета. Того парня, что сидел за рулем фургона, я уже встречал раньше. Так что я не спеша допил виски, поставил стакан на стол и взял свою бутылку.

Пожал Джерри руку.

— Знаешь, ты все равно особенно не налегай на спиртное, приятель, ладно?

Я кивнул, и тут в комнату вошел Квик с известием, что пора ехать.

— Пока.

Я последовал за Квиком, забрался в фургон. Водитель — крепкий парень, которого звали Фред, — обошел фургон, чтобы проверить, как я устроился, и показать, где что лежит: еда, фляжка с водой, бутылка вина, револьвер тридцать восьмого калибра и коробка с патронами. Я не совсем понимал, для чего нужно последнее, поскольку не собирался сопротивляться властям. Впрочем, сейчас я даже не смог бы быстро зарядить пистолет. Заметив мою повязку, Фред сделал это за меня, а потом засунул оружие под матрас.

— Готов? — спросил он.

Я кивнул, и Фред закрыл дверцы фургона. А я устроился поудобнее и закрыл глаза.

Доктору Уинчеллу не удалось убедить лейтенанта Мартинеса оказать ему содействие. Тогда он позвонил Ричарду Гизу, поговорил с ним минут десять и сумел добиться своего. Дику же понадобилось всего пять минут, чтобы в Вашингтоне настолько заинтересовались его сообщением, что послали на ферму Гизов специального агента Робертсона, который прибыл вечером того же дня.

Робертсон — тридцатилетний, чистенький, холерный, голубоглазый, абсолютно серьезный — сидел в своем абсолютно сером костюме в гостиной напротив Вики и Лидии.

— У нас в картотеке нет данных о человеке по имени Родерик Лейшман, — сказал он.

— Ничем не могу вам помочь, — ответила Лидия. — Его зовут именно так.

Вики бросила на нее удивленный взгляд — ее озадачил голос Лидии, которая вызывающе задрала вверх подбородок и плотно сжала губы.

— Простите, — смутился Робертсон. — Не надо сердиться. Проверка продолжается. В прошлом у него могло быть другое имя. Вы правы — он связан с

Детьми Земли. На стене оставлен знак этой организации.

Лидия кивнула.

— А скажите, — начала она, — что с ним будет?

Робертсон уже почти улыбнулся, но потом все-таки передумал.

— Ну, как это обычно принято: суд, обвинение, приговор — если, конечно, ваша информация окажется достоверной. Что касается деталей, все будет зависеть от адвоката, присяжных, судьи. Вам, должно быть, известна официальная процедура.

— Я совсем не это имела в виду, — сказала Лидия.

Робертсон наклонил голову набок.

— Боюсь, я вас не понимаю.

— Я думаю о своем пациенте, — пояснила Лидия. — Мальчик настолько прочно связан с преступником телепатически, что они практически стали единой личностью. Мне нужны следующие гарантии. Если мы станем вам помогать, этот человек не должен пострадать во время ареста. Я не имею ни малейшего представления о том, какотреагирует Деннис на его смерть. И у меня нет никакого желания это выяснять.

— Не в моих силах дать вам гарантии...

— В таком случае я вряд ли смогу оказаться вам полезной.

— Соккрытие улики — серьезное преступление. Особенно в таком деле.

— С моей точки зрения, я обязана защищать интересы своего пациента. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что данная ситуация может быть истолкована как соккрытие улики. Не думаю, что истории известен хотя бы еще один подобный случай.

Робертсон вздохнул.

— Давайте не будем спорить по поводу буквы закона, — сказал он. — Этот человек стрелял в двух сенаторов. Один погиб, а другой, может быть, не доживет до утра. Преступник является членом радикальной экологической организации, которая считает насилие одним из допустимых средств борьбы, — так

записано в их программе. Он сейчас на свободе, и вы утверждаете, что Деннис в состоянии обнаружить его местонахождение. Если вы откажетесь сотрудничать с нами, мы доставим сюда нашего телепата и он займется Деннисом. По правде говоря, в вашей согласии нет особой необ...

— Мистер Робертсон, на этот счет существуют определенные законы. Это называется вмешательством в личную жизнь, причем в самом явном виде...

— Деннис ребенок. Нам потребуется всего лишь согласие родителей, а вы тут ни при чем.

Он посмотрел на Вики, которая с силой сжала руки и взглянула на Лидию.

— Деннис пострадает, если они причинят вред тому человеку?

— Думаю, да.

— В таком случае я категорически против, — заявила Вики. — Очень сожалею, мистер Робертсон.

— Поскольку все это затеял ваш муж, вполне возможно, он согласится на наши условия.

Вики положила руки на колени.

— А если он это сделает, — сказала она, — я не буду с ним разговаривать до конца жизни. Уйду от него и заберу с собой Денниса.

Робертсон опустил голову.

— Поймите, дело совсем не в моем упрямстве, — начал он. — Как я могу дать вам хоть какие-нибудь гарантии? Этот человек и нам тоже нужен живым и невредимым. Нам просто необходимо его допросить. Потому что мы хотим узнать про группировку, к которой он принадлежит, как можно больше. Мы обязательно постараемся арестовать его, не причинив вреда. Но ведь существует понятие самозащиты, когда люди начинают стрелять. Даже и в этом случае те, кто будут производить арест, постараются сохранить преступнику жизнь. Однако есть вполне реальная возможность, что его убьют. Ну, будьте же благодарны. Если вы сообщите нам, где найти этого человека, шансы на то, что с ним все будет в порядке, увеличатся. Что еще я могу вам предложить?

— Хорошо, — проговорила Лидия. — Ваши слова звучат вполне разумно. Давайте сделаем так: вы скажете все то же самое тем полицейским, что преследуют Лейшмана.

— Договорились, — согласился Робертсон. — Я сам, лично, объясню всем, кто будет отвечать за арест Лейшмана, как обстоит дело. Если хотите, можете послушать, что я буду говорить. Как вы считаете, это справедливо?

Лидия посмотрела на Вики.

— Давайте, — согласилась та.

— Хорошо, — начала Лидия, — он в Колорадо...

Когда я проснулся, было по-прежнему темно. Меня мучила жажда, в плече пульсировала боль. Через несколько минут я вспомнил все, что со мной произошло. Тогда я протянул руку и ощупью отыскал фляжку с водой. Протер глаза, пригладил рукой волосы, сделал глоток. Потом отодвинул занавеску и посмотрел в окно. Скалы, песок, какие-то столбы...

Часы показывали 4.35.

— Ты не остановишься где-нибудь? — крикнул я водителю. — А то у меня мочевого пузыря лопнет.

Фред остановил фургон и выпустил меня. Я отошел к канаве.

— Сколько осталось до следующей смены машин?

— Полчаса. Или даже чуть-чуть поменьше. Встреча назначена на пять.

Я фыркнул.

— Ну, как ты, держишься? — спросил он.

— Нормально. Пока я спал, все было тихо?

— Угу. В новостях тоже ничего особенного не общали.

Я снова забрался в фургон.

Было довольно прохладно, и я закутался в одеяло. Сделал глоток виски. Похоже, нам удалось оторваться от преследователей — уже прошло много времени, а на хвост нам так никто и не сел. Я провел рукой по

подбородку. Пожалуй, не буду бриться и отпущу бороду. Забьюсь в какую-нибудь нору, пока не заживет плечо, а потом найду себе работу попроще. Скажем на три, четыре месяца... перееду на запад. Сиэтл, Портленд...

Я вспомнил про пистолет под матрасом. Стоит ли брать его с собой? От оружия одни неприятности. Но все равно хорошо, когда оно есть. Можно спрятать пистолет в повязку на руке. Отличное место. Пожалуй, имеет смысл подержать его при себе, пока не поправлюсь. А потом выбросить. Плохо, что он такой большой, могли бы выбрать и поменьше.

Я достал пистолет из-под матраса, попробовал засунуть его в повязку — понял, что он будет замечен меньше всего, если пристроить его поближе к спине. Хитроумно. Легко доставать. Стыдно не воспользоваться такой прекрасной возможностью.

Вынув пистолет из повязки, я снова спрятал его под матрас. Стоит об этом подумать...

Становилось все холоднее. Неожиданно фургон сбавил скорость, съехал с дороги и двинулся вдоль какой-то скалы. Через несколько минут мы остановились, Фред обошел фургон и открыл заднюю дверь.

— Ну вот, приехали, — сообщил он мне.

— Куда приехали?

— Мак-Кинли, Вайоминг.

Я присвистнул..

— Ничего себе, куда мы забрались!

Он протянул руку, помог мне вылезти, а потом забрался внутрь. Взял одеяло, подушку, фляжку с водой, виски и положил все это на пол у себя за спиной так, чтобы можно было сразу дотянуться. Затем шарил под матрасом и вытащил пистолет. Посмотрел на меня, потом на оружие и снова на меня.

— Возьмешь?

— А почему бы и нет? — ответил я и, взяв пистолет из его рук, аккуратно засунул под повязку.

Совсем низко, справа от меня, перемещаются, мигают звезды...

— Что это за озеро?

— Водохранилище Глендо.

Фред выбрался наружу, повернулся, собрал вещи.

Он обошел фургон, и я последовал за ним, только тут заметив под деревьями припаркованную метрах в ста от нас машину. Влажный неподвижный воздух и полная тишина, которую нарушал только звук наших шагов. Когда мы подошли поближе, я заметил, что меня ждет большой зеленый седан. Водитель сидел на своем месте, курил и наблюдал за нами. Я поздоровался с ним — какой-то незнакомец. Никто не стал представляться.

Фред кивнул, убрал мои вещи на заднее сиденье машины, похлопал меня по здоровому плечу и сказал:

— Удачи тебе, приятель.

— Спасибо.

Я забрался внутрь и устроился поудобнее.

— Ну как, держишься? — спросил мой новый водитель.

— Просто замечательно. Учитывая все обстоятельства.

Мотор хохотнул, потом что-то тихо зашептал. Крошечная вспышка света — водитель выбросил сигарету. Включил фары, и мы тронулись в путь.

Немного позже он проговорил:

— По радио только про тебя и шумят. Как это было?

— Самое трудное — ждать, — ответил я. — Все остальное занимает несколько секунд. Механическое действие. А потом ты сразу принимаешься думать о том, как бы поскорее оттуда убраться.

Эти несколько секунд пронеслись у меня в голове. Я увидел, как они упали. Значит, попал. Стер отпечатки пальцев с оружия... Затем бросился бежать. Слышал внизу, у себя за спиной, крики и шум. Выстрел... плечо... кровь. Они, наверное, уже установили группу.

— Ничего особенного, — проговорил я. — Теперь все позади.

— Как я слышал, Мак-Кормак еще держится.

— Не имеет значения. Мы совершили акцию. Надеюсь, он выкарабкается.

— Вот как?

— Они должны были понять. Вот и все. Сейчас мне больше не хочется об этом думать.

— Ты считаешь, наше дело от этого выиграет?

— Ну, кто же может знать? Надеюсь. Я попытался.

— Вдруг понадобится организовать несколько таких акций, чтобы они лучше нас поняли.

— Акции, проклятье! Это было убийство. Следующее, если возникнет новая необходимость, может взять на себя кто-нибудь другой. Лично я выхожу в отставку.

— Ты заслужил отдых.

Плечо снова начало пульсировать, и я откупорил бутылку.

— Хочешь выпить?

— Угу, спасибо.

Он взял бутылку, сделал глоток, вернул мне.

Я подумал об ожидании, об образе нашей Земли, что возник тогда в моем сознании, и о том, что я, возможно, немного изменил его... Потом выглянул в окно и увидел летящие мимо тени: скалы и кустарники, холмы и равнины.

Мне ужасно хотелось, чтобы пошел легкий дождичек, который отмыл бы окружающий пейзаж, а ветер высушил бы, словно полотенцем. Однако кругом было тихо и неуютно. Что ж, да будет так. Мне могут не нравиться эти места, и все же я люблю эту сухую траву и животных, спящих в своих норах. Только созерцая беззаботную, дремлющую силу Земли, человек испытывает истинное наслаждение и гордость. Даже в момент разрушения она созидает. Тот, кто забывает о ней, лишает себя права на общий успех. Мы должны знать о силах, рядом с которыми живем...

Я открыл окно и сделал глубокий вдох.

Да. Мир по-прежнему дарил меня своим воздухом, и я с радостью отдавал ему...

— Мне очень не нравится, что мы так долго не укладываем его спать, — сказала Лидия, глядя в пустую чашку из-под кофе.

Робертсон сжал челюсти, но заставил себя говорить спокойно.

— Думаю, нам не очень много осталось ждать, — проговорил он, — мы подняли по тревоге полицейское управление в Каспере. Впрочем, Лейшман, конечно, может выбраться из Вайоминга до того, как его обнаружат. Но, учитывая, что на поиски вышел еще и отряд из Рапид-Сити, вертолет доберется до него раньше, чем он уйдет в Южную Дакоту. Зеленый автомобиль, мчащийся на восток в такое время суток... Заметить его ничего не стоит. Полчаса, не больше.

Лидия посмотрела на спящую на диване Вики.

— Хотите еще кофе? — предложила она Робертсону.

— Давайте.

Когда Лидия принялась наливать кофе, он спросил:

— Состояние Денниса... насколько мне известно, эта ситуация несколько необычна... когда телепат может поддерживать связь на таком расстоянии? Лейшман находится отсюда в добрых пятистах километрах.

— Да, — ответила Лидия.

— Как ему это удастся?

Лидия улыбнулась.

— Честно говоря, мы и сами не очень понимаем, почему телепатическая связь вообще действует на каком бы то ни было расстоянии, — ответила она. — Однако вы правы: то, что Деннису удастся долго поддерживать контакт с человеком, находящимся так далеко от него, просто беспрецедентно.

Робертсон одним глотком осушил свою чашку с кофе.

— Значит, до сих пор Деннис так далеко не «путешествовал» — даже в течение короткого времени?

— Нет. По правде говоря, я думала, что мы просто укажем вам направление, после чего связь Денниса с Лейшманом быстро прервется.

— Парнишке, наверное, туго приходится. Мне, честное слово, жаль, что все так получилось.

— Знаете, я не вижу никаких признаков напряжения, если не считать обычной усталости от того, что он не спит так поздно. Вам же известно, не это меня беспокоит больше всего...

— Знаю, знаю. Я тоже не хочу причинять вред сознанию мальчика. Послушайте, тут мне пришла в голову одна идея. Поскольку Деннис так здорово поддерживает связь с Лейшманом, может быть, он в состоянии не только принимать, но еще может и передавать сообщения? А не попробовать ли уговорить Лейшмана сдать добровольно?

— Нет. Деннис не умеет этого делать.

— А вы? Попробуйте воздействовать на преступника через Денниса, поговорить с ним. Прикажите ему остановиться, дождаться представителей власти и сдать оружие.

— Ну, не знаю...

— Попробуйте!

Лидия сделала глоток кофе, потом откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Через несколько минут я вам скажу, насколько это возможно.

Я бросил на пол пустую бутылку и уже, наверное, в сотый раз поправил одеяло. За окном приятно раскачивался мир. Теперь можно поспать...

Влажная, серая, гудящая, нескончаемая пелена..

— *Родерик Лейшман.*

— Что?

— Я ничего не говорил, — отозвался водитель.

— Мне показалось, что меня кто-то позвал.

— Ты спал. Может, приснилось.

— Угу.

Я вздохнул и собрался еще немного вздремнуть.

— *Ты не спишь, Родерик. К тебе обращаюсь я.*

...Мать-Земля равнодушна и холодна. Она никогда и ни с кем не говорит. Где-то у меня в ногах пере-

катывалась пустая бутылка. Я хихикнул. До сих пор чужие голоса не мерещились мне во сне. К тому же я не чувствовал, что напился до потери сознания; впрочем, это ощущение часто оказывается обманчивым. Вот проснусь и посмеюсь над глупым сном. Я закрыл глаза.

— ...Ты не пьян и это не сон, Родерик. Сейчас я с тобой.

— Кто ты? — прошептал я.

— Ты сам меня назвал.

— Неужели то, что я сделал сегодня, так важно?

— Есть еще и другие соображения.

— Чего ты хочешь?

— Твою жизнь.

— Бери ее. Она твоя.

— Я хочу сохранить ее, а не отнять.

— Что это значит?

— Ваш автомобиль преследуют федеральные агенты. Они знают, где вы находитесь. Довольно скоро вас догонят.

Я покрепче прижал к груди правую руку, почувствовал под повязкой пистолет.

— Нет. Ты должен сдаться, а не стрелять в них.

— В качестве жертвы я принесу больше пользы.

— Судебный процесс привлечет внимание общественности. У тебя будет возможность выступить перед множеством людей. И не один раз.

— Что я должен делать?

— Останови машину и жди. Сдайся. Не дай повода преследователям причинить тебе вред.

— Понятно. Ты останешься со мной — до конца?

— Я всегда с тобой.

Отбросив одеяло, я наклонился вперед.

— Остановись на минутку, — попросил я водителя.

— Конечно.

Он затормозил и съехал на обочину. Когда мы остановились, я спросил:

— У тебя есть пистолет?

— Да, в отделении для перчаток.

- Достань.
- А в чем дело?
- Давай вынимай его, черт тебя подери!
- Ладно, ладно!

Он потянулся к отделению, открыл его и засунул руку внутрь. Он еще только начал поворачиваться в мою сторону, а я уже был готов. Мой пистолет уставился прямо ему в грудь.

— Нет, нет, — проворчал я. — Положи его на сиденье.

- Что все это значит?
- Делай, как тебе говорят!

Он заколебался, и мне пришлось напомнить ему:

- Я уже застрелил сегодня двоих.

Он положил пистолет.

- А теперь возьми его левой рукой за дуло.

Он так и сделал.

- Перебрось пистолет мне.

- Что происходит?

— Я пытаюсь сохранить нам обоим жизнь. Ты против?

— Нет, я всей душой за, — поспешно заверил он. — Просто отличная идея. Мне только не совсем понятно, зачем меня разоружать.

— Я не хочу, чтобы началась стрельба. Похоже, нас скоро арестуют.

Водитель усмехнулся. Открыл дверцу машины.

- Не выходи!

— Я и не собирался. — Он развел руками. — Посмотри сам. Мы здесь одни. Дорога совершенна пуста. Послушай, я знаю, ты очень устал, много выпил и нервы у тебя на пределе после всего, что тебе пришлось пережить. Я тебя уважаю, но приди в себя: это самый настоящий бред. Почему бы...

- Не двигайся! Положи обе руки на руль!

— Мы вызовем подозрения, если будем просто так тут стоять, а кто-нибудь проедет мимо.

- Это куда лучше, чем другой вариант.

- Уехать отсюда?

- Получить пулю в лоб. Уехать не удастся.

— Может, будешь настолько любезен, что объяснишь, с чего ты это взял?

— А тебе это знать не обязательно, — заявил я.

Водитель довольно долго молчал.

— Это что, какая-то западня? — наконец спросил он. — Или часть плана, в которую я не посвящен? А может быть, ты все сам придумал?

— Нет, это не я придумал.

Он вздохнул:

— Ага. Почему же ты мне не сказал раньше? Я бы не стал с тобой спорить.

— Лучше тебе ничего не знать.

— Можешь убрать пистолет. Я...

— Я устал от разговоров. Просто посиди и помолчи немного.

Ричард Гиз подошел к своему сыну, который сидел во дворе на скамейке.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Привет.

— Меня зовут Дик Гиз.

Деннис поднялся на ноги, протянул левую руку вперед, повернув ее ладонью вверх. Правую руку он прижимал к груди. Его темные глаза встретились с глазами отца.

— Род Лейшман, — сказал он, когда Дик пожал его левую руку.

— Не возражаете, если я посижу рядом?

— Садитесь, — сказал он, опускаясь обратно на скамейку.

— Как вы себя чувствуете?

— Плечо еще продолжает немного беспокоить. — Он потер правое плечо левой рукой. — Вы адвокат?

— Влиятельный друг, — ответил Дик, присаживаясь рядом. — С вами хорошо обращаются?

— Не могу пожаловаться. Послушайте, я не уверен, что мне следует с вами разговаривать без мистера Палмера — моего адвоката. Недостаток образования. Ничего личного. Не обижайтесь. Ладно?

— Конечно. Могу я спросить вас о чем-нибудь, не имеющем отношения к процессу?

Зеленые — совсем такие же, как у Вики, — глаза еще раз внимательно посмотрели на него.

— Давайте.

— На что рассчитывают Дети Земли, применяя насилие?

— У нас есть одно желание: сохранить Землю, чтобы люди смогли прожить на ней еще многие века.

— Совершая убийства? Взрывая заводы и плотины?

— Похоже, другого способа убедить власти в серьезности наших намерений просто не существует.

— Позвольте мне сказать, что я по этому поводу думаю. Если вы действительно добьетесь своего и сумеете уничтожить все значительные источники энергии, то ваша главная цель — сделать Землю подходящим местом для обитания человечества — станет невыполнимой. Подождите! Дайте мне закончить. Я не знаю, читали ли вы «Будущее, как история» Роберта Хейлбрунера, книгу, написанную в середине прошлого столетия, — он делает очень удачную посылку, утверждая, что общие очертания будущего есть история, которая неотвратимым образом определена силами, давно вступившими в действие; силами такими мощными, что мы едва ли в состоянии что-либо им противопоставить. Технология, например, не может остановить свое наступление. А это, в свою очередь, повлечет создание огромного бюрократического государственного аппарата. Изобилие товаров сделает жизнь людей намного более приятной и легкой, так что именно экономические проблемы заставят людей продолжать борьбу за прогресс. Он оказался прав в этих вопросах, ведь в менее развитых странах, какой бы политический строй у них ни возник, правители первым делом обещали самую быструю индустриализацию. С этого момента их будущее будет развиваться так же, как и наше...

— Хейлбрунер был умным человеком, — прервал его Деннис, — но вы не можете продлевать подобную

кривую до бесконечности. Система не выдержит еще до того...

— Технический прогресс уже не раз разрешал проблемы, созданные им самим.

— Однако недостаточно быстро и эффективно. Мир продолжает расти, усложняться, ему грозит кризис перепроизводства. Жизненные стандарты становятся чрезмерно высокими, люди начинают жить ради производства, а не наоборот. Торо...

— Торо, Руссо и им подобные хотели, чтобы мы вернулись в лес.

— Руссо принято трактовать неправильно, а Торо никогда этого не предлагал. Мне кажется, они хотели сделать науку оптимальной, чтобы она помогла людям понять, насколько сложным, многолюдным и механизированным должно быть общество, чтобы все его члены получили возможность жить достойно; наука должна была вывести соответствующие законы, а свободная воля человека — претворить их в жизнь. Они вовсе не хотели возвращаться в лес, они намеревались вывести разумное среднее между простотой и сложностью. Именно этого и добиваются Дети Земли.

Дик немного помолчал, а потом сказал:

— То, что вы говорите, звучит благородно и искренне. Я совсем не против идеализма. Нам необходимы идеалы. Но я чувствую, что Хейлбрунер был прав. Мы уже давно, заранее, написали историю будущего. Я надеюсь и верю, что наступит день, когда все пойдет так, как того хотим мы. Но сначала нам придется замедлить ход, направить энергию в другое русло. Подобные процессы занимают целые поколения — их невозможно совершить за одну ночь. Вне всякого сомнения, ничего не удастся изменить отдельными актами насилия, когда здание уже, в основном, построено.

— У нас нет времени, — возразил Деннис. — Я убежден: Хейлбрунер ошибся, утверждая, что мы сами пишем историю будущего, если готовы учиться на ошибках прошлого.

— Даже если это и так, я все равно не считаю, что на следующем повороте нас ждет хаос.

— Надеюсь, вы свернете в нужном месте, хотя лично я сомневаюсь, что вам это удастся.

Дик поднялся.

— Мне пора. Я еще приду вас навестить.

Деннис кивнул.

— До встречи.

Дик, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь от маленькой фигурки, оставшейся сидеть на скамейке. Войдя в дом, он прошел через гостиную, даже не взглянув на Вики и Лидию, которые расположились на диване. В кухне налил себе неразбавленного виски, одним глотком опорожнил стакан, добавил еще и только после этого медленно вернулся в гостиную.

— Никак не могу в это поверить, — произнес он, усаживаясь в кресло. — Еще несколько недель назад он вообще ничего не понимал. Теперь... Лидия, вы сказали, что Деннис находится в постоянном контакте с этим типом, а оказалось, что он просто-напросто в него превратился.

— Я не ожидала такого поворота, — объяснила Лидия. — Это произошло уже после того, как мы с вами разговаривали, до вашего возвращения.

— Более того, он обладает определенной свободой воли. Он способен реагировать на происходящие события так, словно он на самом деле и есть Лейшман.

— Да.

— Как долго это может продолжаться?

— Ответить на вопрос невозможно.

— Это хороший знак или плохой — с вашей точки зрения?

— Я бы сказала, хороший. Что бы ни произошло в дальнейшем, останутся следы, процесс возвращения к нормальной жизни начался.

— Значит, он вырастет, продолжая считать себя Лейшманом?

— Да, если мы не вмешаемся. Я постараюсь заблокировать этот эффект, если он примет затяжной характер. Сейчас для нас важно, что мозг Денниса,

так долго сохранявший пассивность, наконец, начал действовать. Это очень важно.

— Однако он высказывает совсем не детские мысли. Так разговаривают взрослые. Может быть, скачок произошел слишком рано?

Вики захихикала, и, казалось, Дик только сейчас заметил ее присутствие.

— Похоже, ты забыл, что именно бомбардировка мыслями взрослых и явилась причиной возникновения проблем у нашего сына. Сейчас, по крайней мере, он научился фильтровать их и сумел сосредоточиться на мыслях одного человека. Что из того, что этим человеком стал Лейшман? С тех пор как это произошло, я много с ним разговаривала. Не такой уж он плохой парень. На самом деле он мне даже нравится. Идеалист и...

— ...и убийца, — закончил Дик. — М-да, замечательного парня выбрал наш сын. Лидия, не окажет ли личность Лейшмана влияние на дальнейшую жизнь Денниса?

— А как насчет вас, Дик? — спросила Лидия. — Или вас, Виктория? Вы с раннего детства читали мысли взрослых. Оказало это на вас пагубное влияние?

— Да, мы читали мысли взрослых, но не были полностью поработаны ими, — возразил Дик. — Это совсем другое дело.

Лидия кивнула.

— Верно, — согласилась она. — Конечно, возможность долговременного влияния личности Лейшмана на Денниса вполне реальна. Однако я уверена: правильно применив методы терапевтического воздействия, мы справимся с этими осложнениями, если они возникнут. Впрочем, я предпочитаю подождать, пока у меня не наберется достаточно информации, чтобы можно было решать проблему личности.

— В какой степени Деннис зависит от Лейшмана? Ну, например: что с ним произойдет, если Лейшман возьмет и умрет, прямо сейчас? Будет ли Деннис продолжать считать себя Лейшманом, или контакт с реальностью вновь прервется?

— Это один из тех вопросов, на которые просто невозможно ответить, располагая имеющимися у нас фактами. В данный момент связь между ними существует. Деннис знает обо всем, что происходит с Лейшманом. И в то же время он в состоянии совершать независимые действия, продолжая оставаться Лейшманом. Я не знаю, где проходит разделяющая их линия.

— Мы должны знать ответ на этот вопрос к тому времени, когда возникнет необходимость избавиться от присутствия личности Лейшмана.

— Я буду решать эту проблему, когда она передо мной встанет.

— У меня появились кое-какие идеи, — сказал Дик. — На каком расстоянии он в состоянии поддерживать контакт? Деннис связан с Лейшманом сейчас, когда тот находится от него совсем недалеко, но сумел не потерять этого типа, когда он был удален от нашего дома более чем на пятьсот миль. Каков предел его возможностей?

Лидия покачала головой.

— И снова не могу сказать ничего определенно-го, у меня нет данных.

— Вот именно, — продолжал Дик. — Мне кажется, совсем неплохо это выяснить. Когда сознание Денниса будет приведено в порядок и он станет взрослым человеком, наш сын может оказаться самым сильным телепатом, родившимся среди людей.

— Я думаю, так оно и есть, — кивнула Вики. — Именно это, по всей вероятности, и явилось причиной возникновения его проблем.

— А если я возьму его с собой в Европу в следующем месяце? К этому времени он уже достаточно долго пробудет в контакте с личностью Лейшмана. Мы увезем Денниса подальше отсюда и посмотрим, зависит ли он по-прежнему от этого типа, или стал в состоянии функционировать самостоятельно.

— Не советую вам этого делать, — сказала Лидия. — Предположим, он вернется в свое прежнее состояние?

— Тогда мы привезем его назад и позволим еще немного побыть Лейшманом.

— У нас нет уверенности, что он снова выберет именно Лейшмана. Он может опять уйти в себя и остаться в состоянии кататонии.

— Это будет означать, что вы ошиблись, и чем раньше мы об этом узнаем, тем лучше.

— Насколько я понимаю, вы уже приняли решение.

— Да. Даже в самом худшем варианте Деннис вернется в свое первоначальное состояние — а вы утверждали, что оно не безнадежно. В таком случае все просто останется по-прежнему, не так ли?

Лидия опустила голову.

— Если честно, мне нечего вам на это сказать.

Дик допил виски.

— Ну что ж, значит, так и сделаем.

— Хорошо. Но либо я буду вас сопровождать — при условии, конечно, что увезу Денниса домой немедленно, если возникнут какие-нибудь проблемы, — либо вам придется поискать другого терапевта.

— Лидия, вы этого не сделаете! — воскликнула Вики.

— Я не могу иначе.

— Ну что ж, — проговорил Дик. — Я согласен. Мне просто необходимо получить ответ на интересующий меня вопрос.

— Лидия, — начала Вики, — такое путешествие может повредить Деннису?

— Думаю, да.

— В таком случае я запрещаю. Дик, я не позволю тебе лишить моего мальчика надежды на выздоровление только потому, что тебе взбрело в голову выяснить, на каком расстоянии действуют его телепатические способности. Если ты и дальше будешь настаивать на своем, я от тебя уйду. И добьюсь судебного решения, не позволяющего тебе перевозить Денниса с места на место.

Дик покраснел.

— Вики, я...

— Ты меня слышал. Ну?

— Мне кажется, ты ведешь себя крайне глупо.

— А мне наплевать на то, что тебе кажется. Каким будет твое решение?

— Ты не оставляешь мне выбора. Я не возьму Денниса. Мне эта мысль показалась достаточно разумной. Я по-прежнему продолжаю так думать. Лидия, а как насчет весны? Я собираюсь еще в одну командировку весной. Может быть, тогда условия сложатся более благоприятно?

— Вероятно. Да, вполне может быть. У Денниса будет гораздо больше времени, чтобы приспособиться к деятельности своего мозга.

— Ну хорошо, в таком случае поговорим об этом ближе к весне. Извини, Вики, я не думал...

— Я знаю, но теперь-то ты понимаешь.

— Теперь понимаю.

Дик отнес стакан в кухню и ополоснул его.

— Я переоденусь и пойду немного прогуляюсь, — крикнул он.

Вики поднялась и поспешила в сад.

Лидия же подошла к окну и, глядя на горы и облака, начала теревить свой медальон.

Осенью, когда слушалось дело Лейшмана, Дик находился на Востоке. Поэтому он узнавал о смене настроений сына — от возбуждения до черной депрессии по мере того, как разворачивался процесс, — от доктора Уинчелла, который делал Дику еженедельные доклады о результатах осмотра своего пациента. Средствам массовой информации было ничего неизвестно о связи Денниса с этим делом — только два консультанта-врача знали о его состоянии.

Дик посмотрел на лицо Уинчелла на экране.

— Он по-прежнему продолжает сам мыться и одевается тоже самостоятельно? — спросил Дик.

— Да.

— По-прежнему сам ест и отвечает разумно, когда к нему обращаются другие люди?

— С позиций Лейшмана... да.

— Он, как и раньше, знает все, что происходит с Лейшманом? И о чем тот думает?

— Мы время от времени проверяем факты, все совпадает.

— Я не могу понять, как ему удается, не испытывая никакого смущения или сомнений, реагировать одновременно на две разные среды обитания. Почему он не видит очевидных противоречий?

— Ну, его поведение похоже на классическую параноидальную реакцию, когда пациент может относительно благополучно функционировать в нормальной для себя обстановке и при этом верить, что он является другой личностью, которая находится совсем в другом месте.

— Да, кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Как вы думаете, сколько еще времени это протянется?

— Я уже говорил вам: пока мы не знаем. Но я согласен с мнением Лидии — это полезная для мальчика ситуация, и нужно использовать ее по максимуму. Дайте Деннису возможность выпить в себя побольше. Позже Лидия сумеет воссоздать его личность.

— А как насчет путешествия, о котором я говорил?

— Насколько я понимаю, если нынешнее состояние Денниса не ухудшится, к весне он достаточно окрепнет. Не вижу причин, которые помешали бы нам разорвать связь с Лейшманом и начать создавать заново личность вашего сына.

— Хорошо, — сказал Дик. — Насчет Лидии...

— Да?

— Я хотел спросить. Сейчас, когда проблема с Деннисом стала несколько иной, Лидия по-прежнему является самым лучшим для него доктором?

— Вам что-нибудь в ней не нравится?

— Нет, дело не в этом. Я только хотел убедиться, что Деннис получает самую квалифицированную помощь, какой мы можем его обеспечить.

— Конечно. Лидия знает Денниса лучше, чем кто бы то ни было. Другому терапевту понадобится не-

сколько месяцев, чтобы войти в курс дела; кроме того, между ними уже установилась своеобразная связь. Замена Лидии другим врачом в данный момент было бы настоящей катастрофой.

— Понятно. Просто я хотел быть в этом уверен.

— Вас что-нибудь беспокоит?

— Вовсе нет. Как, по вашему мнению, может ли повлиять на Денниса процесс над Лейшманом? Его ведь обязательно приговорят.

— Не исключено, что он впадет в состояние депрессии. Однако, судя по результатам психиатрического исследования, Лейшман — самый настоящий стойк. Деннис примет решение суда так же спокойно, как и он.

— Ждать осталось уже совсем не долго.

— Да. Все решится, я думаю, на этой неделе.

— Держите меня в курсе.

— Хорошо.

После разговора с доктором Уинчеллом Дик решил пригласить на обед секретаршу и на время забыть обо всех проблемах.

Его несколько не удивило, когда через несколько дней Лейшмана признали виновным. Дика беспокоило только одно — какой ему вынесут приговор.

— Я и не думал, что присяжные всерьез отнесутся к рекомендациям психиатров, — сказал он Уинчеллу, как только узнал о приговоре.

— А я как раз предполагал, что дело примет именно такой оборот. Однако, главным образом, это заслуга адвоката. Без его вмешательства никто не стал бы всерьез рассматривать вопрос о психическом здоровье Лейшмана.

— Лейшмана отправили в больницу в Лас-Вегасе, так что он по-прежнему находится слишком близко к Деннису, — и теперь, когда им займутся врачи... Что произойдет, если они станут давать ему сильнодействующие препараты или начнут производить какие-нибудь манипуляции с мозгом? Не нравится мне все это.

Уинчелл немного помолчал.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду. До сих пор я старался устроить все так, чтобы как можно меньше людей знало о нашей заинтересованности в этом деле. Однако нам необходимо быть в курсе того, что предпринимают врачи и какое лечение они собираются назначить Лейшману. Возможно, мы сумеем избежать ненужной шумихи. Я постараюсь придумать, как договориться с больницей. Если же у нас ничего не получится, придется обратиться в суд.

— Нельзя терять ни минуты, нужно спешить. Деннис и так находится в достаточно сложном положении

— Да, я позвоню в больницу сейчас же и сразу сообщу вам.

— Я по-прежнему считаю, что мы должны увезти Денниса подальше от Лейшмана и посмотреть, что за этим последует.

— Давайте отложим это средство напоследок, когда не останется другого выхода.

Мне показалось, что я мельком видел его утром, но у меня не было никакой уверенности, пока он не зашел в читальный зал, где я сидел в одиночестве и бездумно переворачивал страницы. Он остановил тележку, которую толкал перед собой, перегородив таким образом вход, затем вошел внутрь, свистнул и когда я поднял голову, подмигнул мне.

— Квик! — воскликнул я. — Что?..

Он приложил палец к губам и наклонился над нижней полкой своей тележки — там стояла какая-то картонная коробка. Квик вытащил ее и поставил рядом со мной так, чтобы было не заметно из коридора.

— Все нормально, — прошептал он. — Мне уже приходилось работать в подобных заведениях. У меня здесь отличная репутация. Я устроился две недели назад. Ну, как они с тобой обращаются?

— Вот уже целый месяц делают разные анализы и наблюдают, — ответил я. — Что ты задумал?

Он потер свой длинный нос и как-то странно улыбнулся.

— Мы решили вытащить тебя отсюда. Все готово. Расписано точно по минутам. Машина ждет.

— Но ведь сейчас же еще день. Может, лучше...

— Нет. Не бойся, я знаю, кто чем занят.

Я внимательно посмотрел на стоявшего возле меня худощавого человека — темные, беспокойные глаза, седые волосы, ловкие руки.

— Ты нервничаешь, — сказал я. — Ну ладно. Что нужно делать?

— Я постою возле своей тележки, а ты надень вот это. Если кто-нибудь появится, я свистну, и тогда тебе придется быстро все снять. Я войду с коробкой, и ты бросишь в нее одежду. Договорились?

Я начал расстегивать пуговицы на рубашке.

— Нет, — остановил меня Квик. — Надевай сверху. Это форма санитара. — Он вернулся к двери. — Как плечо?

— Уже в порядке. Как там Джерри и Бетти?

— Отлично. Никто не знает, что ты у них побывал.

Он стоял, загораживая собой дверь и делая вид, что занят своей тележкой.

— Послушай! Тут пистолет!

— Ш-ш-ш! Спрячь его под халат — на всякий случай.

Я проверил пистолет. Он был заряжен. Я спрятал его. Оделся.

— Готово.

— Выходи. Помоги толкать тележку.

Я вышел в коридор, встал рядом с Квиком, со стороны стены, и мы толкнули тележку вперед.

— Куда? — спросил я.

— К служебному лифту, вон через те двери в конце коридора. У меня есть ключ.

Мы прошли по коридору. Квик отпер ключом дверь. Никого не было видно. Квик открыл лифт. Мы завезли тележку внутрь. Квик нажал на кнопку подвального этажа.

— Я встану впереди, — сказал он. — Если кто-ни будь войдет в лифт, сразу наклонись над тележкой.

— Понял.

Лифт слабо жужжал и поскрипывал. Откуда-то слева подул прохладный ветерок. Я почти не понимал, что со мной происходит. События разворачивались с такой головокружительной быстротой... так неожиданно... Впрочем, возможно, так и было задумано. Если бы мне дали время все обдумать, я не смог бы вести себя естественно. И наверняка не спал бы всю предыдущую ночь.

Лифт со скрежетом остановился. Квик раскрыл дверцы, выглянул наружу, кивнул мне, потянул за ручку тележки.

Я последовал за ним, толкая тележку впереди себя. Мы оказались в полутемном вестибюле, но за углом слева было намного светлее. Квик жестом показал, что нам следует поменяться местами. Перед тем как завернуть за угол, я встал слева от Квика. Мы повернули налево, и я увидел пандус и открытое пространство — погрузочную платформу. На пустых ящиках сидели двое рабочих, пили кофе и курили. Тот, что был ближе к нам, поднял голову, когда колесики тележки застучали по пандусу. Квик практически закрывал меня собой.

— Проклятье! — прошептал он. — Обычно во время перерыва здесь никого не бывает.

Белый фургон с открытой задней дверцей и с красной надписью на боку «Продукты от Симпсона» стоял возле погрузочной платформы. На месте водителя, спустив ноги на землю, сидел человек в зеленой форме и проверял какие-то бумаги, а чашка дымящегося кофе стояла справа от него, на приборной доске. Квик помахал ему рукой, и он махнул в ответ. Несколько мгновений спустя мужчина в зеленом забрался в кабину и захлопнул дверцу. А еще через пару секунд вылил кофе в окно.

Квик пошел медленнее.

— Я собирался засунуть тебя внутрь через заднюю дверцу, а он вывез бы тебя отсюда, — прошеп-

тал Квик. — Теперь так не получится. Парни заподозрят неладное. — Он кивком указал на рабочих. — Боюсь, теперь и мне придется ехать — и этим ребятам тоже.

— Похоже, у нас нет другого выбора.

Квик покачал головой.

— Остановим тележку, когда поравняемся с ними, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — После этого двинемся вперед. Ты достанешь свой пистолет и заставишь их забраться в машину.

— Ладно.

Мы остановили тележку, повернулись и направились к парням, спокойно сидевшим на своих ящиках. Я ухмыльнулся и положил руку на рукоятку пистолета.

— Привет, — сказал Квик, — слушайте, как вы...

Тот, что сидел поближе к нам, прищурившись, смотрел на меня. Я вытащил пистолет и навел на него.

— ...вы считаете, лучше быть героем или попытаться остаться в живых, позволив нам унести ноги?

— Это Лейшман, — сказал один из парней.

— О Господи! — воскликнул другой.

— Ну, так что вы выбираете? — поинтересовался

Квик.

— Что делать? — ответил второй парень.

— Полезайте в фургон, оба.

Они встали, и один из парней поднял руки.

— Руки опусти, — приказал я ему. — Веди себя тихо и незаметно.

— Извините.

Он опустил руки, и оба направились к фургону. Забрались внутрь. Квик спустился с платформы и завел переговоры с водителем, который все время оглядывался назад — с очень несчастным выражением на лице.

Я последовал за рабочими.

— Отойдите к той стене и сядьте на пол.

Сам же устроился напротив, а через несколько секунд заработал мотор. Снаружи до меня донесся какой-то скрежет, потом появился Квик и влез в фургон.

— Водитель сейчас придет и закроет дверь, — сообщил он и, вытянув ноги, уселся справа от меня.

У нас над головами загорелся свет.

Один из парней, тот, что сидел слева — худой, темноволосый, молодой, — спросил:

— Что вы с нами сделаете?

— Ничего, — ответил я, — если будете хорошо себя вести. Любому понятно — мы не могли оставить вас, вы сообщили бы, что кто-то удрал из больницы в фургоне. Сидите тихо, ведите себя прилично, когда будем выезжать с территории больницы, и мы, как только отъедем подальше отсюда, высадим вас в каком-нибудь пустынном месте. Договорились?

— Все, что скажете, — ответил парень. — У меня семья.

— И у меня тоже, — проговорил тот, что был постарше. — Я сделаю все, что потребуется.

— В таком случае устраивайтесь поудобнее, немного покатаемся. Надеюсь, вы получите удовольствие от нашей прогулки.

Подошел водитель, и Квик о чем-то тихо переговорил с ним, прежде чем тот закрыл заднюю дверцу. Почти сразу же захлопнулась передняя дверь, заурчал мотор — мы поехали.

Квик наклонился ко мне и прошептал:

— Этих ребят выкинем перед тем, как пересечь в другую машину. Чем меньше они будут знать, тем лучше.

— Точно. Когда?

— Минут через двадцать, я думаю. С пассажирами расстанемся через пятнадцать.

— Прекрасно.

Наконец до меня дошла суть происходящего — на животном уровне.

Страшно захотелось двигаться, ладони потели, и я все время вытирал их о брюки. Забавно. Во время стрельбы в Санта-Фе я почти ничего не чувствовал. Возможно, потому, что долго готовился к этому событию и много о нем думал, эмоций просто не осталось. Однако сейчас, когда все произошло так не-

ожиданно, без подготовки, меня начали охватывать сомнения.

Фургон остановился. Главные ворота больницы. И хотя голоса были отлично слышны, понять, о чем шел разговор, я не смог. Вскоре мы снова двинулись в путь.

— Можно мне закурить? — спросил один из парней.

— Валяй, — разрешил я.

Я наблюдал за тем, как он прикуривает.

— Дай-ка и мне сигарету, — попросил я его.

— Пожалуйста. — Парень протянул мне пачку.

Я поднялся, подошел к нему и взял из пачки сигарету.

— И спички.

Он передал мне спички.

— Спасибо, — сказал я и отдал ему коробок.

Потом вернулся на свое место и снова уселся.

— Зачем ты это сделал? — спросил Квик. — Мог бы попросить у меня.

— Не знал, что ты куришь.

— Просто я до сих пор не хотел, — сказал Квик и, достав сигарету из пачки, закурил. — А я не знал, что ты куришь.

— Бросил много лет назад. Однако сейчас хочу таким способом помочь себе справиться с психологической проблемой, отставив на время проблемы экологии. У меня больше шансов на успех, если я спокоен. А в данный момент любое действие, направленное на укрепление моих шансов на успех, является оправданным. Если мне удастся выбраться из этой передраги, я смогу совершить что-нибудь по-настоящему важное для Детей Земли. О! Как приятно!

— Странный ты какой-то, — проговорил Квик. — Иногда мне кажется, что для тебя наше движение что-то вроде религии.

— Да, — ответил я, — наверное, так оно и есть.

— Думаешь, что на небе тебе дадут сочный кусок пирога за то, что ты тут делаешь?

— Удовлетворения, которое я получаю здесь, на Земле, мне вполне хватает. Земля — моя боль и моя награда.

— На суде говорили, что ты работал в лесничестве. Я этого не знал.

Я кивнул.

— Адвокат все правильно сказал. Мои убеждения уходят корнями именно в те времена — я не могу видеть, как земля и все, что на ней живет, становятся второстепенными по отношению к коммерческим интересам. Я встречался с Детями Земли в течение многих лет. Наконец однажды я решил: проклятье! Если мы станем обращаться с некоторыми беспринципными эксплуататорами так же безжалостно, как они это делают с природой, может быть, они поймут, подумают, прежде чем... Не знаю. Я должен был сделать что-нибудь существенное, мне осточертело писать письма протеста и листовки. Когда я нахожусь на природе, у меня иногда возникает такое — странно мистическое — ощущение. Мне кажется, я служу какой-то силе. И не важно, что она из себя представляет. Время от времени я испытываю умиротворение, потому что чувствую благорасположение этой силы. А больше мне ничего и не нужно.

— Ты много времени проводишь на природе?

— Да.

Квик бросил взгляд на парней, сидевших неподалеку от нас, и заговорил тише:

— Значит, ты сумеешь прожить некоторое время среди дикой природы?

— Да.

— Это может оказаться полезным... пока все не успокоится. В Канаде, например, полно мест, где никому даже и в голову не придет тебя разыскивать.

— Я уже думал об этом... А ты? Почему ты вступил в нашу организацию?

— Ну, со мной все просто. Совсем не так красиво, как у тебя. Я тебе завидую, но, к сожалению, в моей жизни не было ничего похожего на мистические знамения. Нет, просто я любитель самых разнообразных

неприятностей, профессиональный мятежник. У меня есть множество причин ненавидеть нашу систему — парочка достаточно серьезных, но, в основном, так, ерунда всякая. Чего там прикидываться. Если бы я не был с Детями Земли, все равно бросал бы бомбы, только как член какой-нибудь другой организации. Мне нравятся ваши идеи, вот и все. Знаешь, ты, наверное, гораздо разумнее меня, несмотря на все твои разговоры о божественном. Я достаточно много работал в заведениях вроде того, откуда мы только что сбежали, и знаю профессиональный сленг, видел множество больных и кое-что научился понимать. Иногда мне кажется, что меня спокойно можно было бы упечь в какую-нибудь клинику. — Квик рассмеялся. — А потом, по четным числам, я уверяю себя, что это мир свихнулся и что лечение сделает меня таким же чокнутым, как и все остальные.

Я ухмыльнулся. Мы докурили наши сигареты, и я стал прислушиваться к звукам, доносившимся снаружи, пытаюсь понять, где мы находимся. Впрочем, мне удалось различить только шум мотора, а повороты, которые мы делали, я уже давно перестал считать.

— Мы так и не сумели понять, как им удалось обнаружить тебя так быстро, — сказал Квик. — Есть какие-нибудь идеи на этот счет?

— Нет.

— Сейчас мы продумали все как следует, еще более тщательно, чем тогда. Если нас не догонят в течение часа, все будет в порядке.

Я вспомнил тот день и голос, который, как мне тогда казалось, слышал.

Ты здесь сейчас? Мы выполняем твою волю?

Мне никто не ответил.

Прошло некоторое время, машина сбавила скорость; похоже, мы съехали с шоссе. Автомобиль продолжал катиться по неровной, явно каменистой, дороге еще несколько минут, а потом остановился.

Хлопнула передняя дверца, водитель подошел и открыл нашу дверь. Выглянув, я увидел маленький ручеек и помахал пистолетом.

— Ну, ребята, пора прощаться.

Парни поднялись на ноги и направились к двери. Я прошел за ними и проследил, как они спрыгнули на землю.

Тот, что постарше, оглянулся, и мне показалось, что он хочет что-то сказать, но потом он отвернулся от меня и поспешил за своим приятелем, который уже шагал вдоль ручья.

Водитель ухмыльнулся, глядя им вслед.

— Перетрухнули, бедняги!

— Сколько еще до смены машин?

— Пять минут, — посмотрев на часы, ответил он и захлопнул дверь.

Так оно и получилось. Очень скоро мы снова остановились, вылезли из фургона и сели в машину, которая ждала нас на обочине. Водитель фургона оставил его на дороге, а сам забрался на переднее сиденье рядом с шофером машины. Квик и я устроились на заднем сиденье.

Через несколько секунд мы уже снова мчались по дороге. Местность оказалась довольно открытой, и я не имел ни малейшего представления о том, где мы находимся. Впрочем, это не имело значения, потому что машина ехала очень быстро.

Я начал успокаиваться, почувствовал себя в относительной безопасности, когда мы миновали горы Корнадо и повернули на северо-восток. По моим представлениям, с тех пор как мы сбежали из больницы, прошло около часа. Напряжение начало отпускать, и я подумал о том, что мое отсутствие могли еще не заметить. А даже если кто-то и обратил на это внимание, мы довольно ловко замели следы. Еще мили, еще время...

Прошло полчаса, и я уже почти был уверен в том, что нам повезло и все неприятности остались позади. Именно в этот момент наш водитель заметил полицейских.

— За нами едет патрульная машина, — сообщил он. — Но скорость не увеличивается и мигалка не включена. Может быть, обычная дорожная полиция.

— А может быть, и нет, — сказал Квик и посмотрел на небо. — Там все чисто, — добавил он. — Естественно, это ничего не значит, на такой-то неровной местности. Вертолет может где-нибудь кружить, поджидая, пока не появится автомобиль. Если они обнаружили побег, все патрульные машины уже наверняка предупреждены, а вертолеты подняты в воздух.

— Набирают скорость, — сообщил водитель. — Нас догоняют. Постараемся оторваться?

— Нет, — ответил я. — Мы только вызовем подозрения. Может быть, они вовсе и не гонятся за нами.

Я опустил стекло.

— Если они нас остановят и найдут пистолет, — сказал Квик, — обязательно захотят все внимательно осмотреть и узнают тебя. Так что, пожалуй, придется воспользоваться оружием.

— Понимаю, — ответил я Квику.

— Приближаются, — доложил водитель.

— Оружие видишь?

— Нет. Но это ни о чем не говорит. У меня под сиденьем спрятан пистолет. Кому передать?

— Давай сюда, — сказал Квик, — только руку не поднимай, а то они увидят, просунь между сиденьями.

Водитель наклонился вперед, выпрямился, Квик вынул пистолет из его руки.

— Собираются нас обогнать. Может, просто проедут мимо.

Через несколько секунд взвывла сирена.

Я повернулся. Полицейская машина ехала совсем рядом с нами. Терять было нечего, и я выстрелил два раза в правое переднее колесо. Попал.

— Давай жми! — крикнул я нашему водителю.

Мы помчались вперед. Нам стреляли вслед и разбили заднее стекло, но мы с Квиком успели пригнуться. Никто из нас не пострадал.

Оглянувшись назад через некоторое время, я заметил, что патрульная машина скатилась на обочину. Поворот, спуск — и она пропала из виду.

— Они уже наверняка сообщили про нас по радио, — сказал парень, что вывез нас на фургоне из больницы.

— Ясное дело, — согласился с ним тот, что сидел за рулем в данный момент. — Теперь нас начнут искать с воздуха. Есть какие-нибудь идеи?

— Нам неизвестно, где находится ближайший вертолет, — сказал Квик. — Может быть, у нас есть несколько минут.

— И что? Какая разница, поймают они нас сейчас или через несколько минут? Может, скажешь, что от этого изменится?

— Значит, надо ехать вперед. Нет смысла пытаться скрыться, раз полиция все равно знает, что мы здесь. Они просто перекроют дороги, соберут тут кучу народа и начнут прочесывать местность. Поезжай дальше до тех пор, пока не увидишь вертолет.

— Тогда уже будет слишком поздно что-нибудь предпринимать.

— Может быть, и нет. Нас тут четверо. Понять с воздуха, кто из нас кто, они не смогут. Как только заметим вертолет, останови машину. Кто-нибудь выскочит и побежит, а остальные поедут дальше. Что они станут делать?

— Не знаю. Наверное, бросятся за тем, кто будет убежать, и вызовут еще один вертолет.

— Прекрасно. Второго вертолета поблизости наверняка нет. Нам удастся отъехать довольно далеко, они опять начнут нас догонять, и тогда из машины выскочит еще кто-нибудь. Возможно, этого окажется достаточно, чтобы вы с Родом успели смотаться. Если же нет, высадишь Рода, а сам поедешь дальше. Они-то будут думать, что он сидит за рулем... Род, похоже, тебе уже очень скоро представится возможность пожить на дикой природе.

— Да, похоже на то, — согласился я.

— Кто первый? — спросил водитель.

— Лично мне все равно, — ответил Квик. — Запасные патроны у тебя есть?

— Ага, почти целая коробка.

— Давай сюда.

Он передал.

— Подождите минутку, — проговорил наш первый водитель. — Начнем с меня. Если вы собираетесь устраивать перестрелку, я не хотел бы быть вторым — с оружием или без. У меня не будет ни полшанса. Высадите меня первым и уж можете не сомневаться, я помчусь, как ветер. А после этого можете делать, что хотите.

— Хорошо.

— Патроны для тридцать восьмого калибра? — спросил я.

— Ага.

— Тогда дай и мне штук десять.

— Угу.

Водитель достал пригоршню патронов и передал мне. Я положил их в карман.

Квик внимательно разглядывал небо.

— Пока ничего, — сказал он. — Интересно, как это им удалось нас так быстро вычислить? Те два парня наступали? Или они просто такие удачливые?

Я пожал плечами.

— Какая разница?

— Никакой.

Мы проехали несколько миль — и я уже снова почти поверил, что нам повезло и все неприятности остались позади, — когда Квик заметил вертолет над грядой холмов. Очень скоро тот начал снижаться.

— Так вот, — сказал Квик. — Останавливаемся.

Что мы и сделали, а водитель фургона выскочил из машины.

— Удачи тебе, — пожелал я.

— Спасибо.

Он со всех ног бросился бежать, соскользнул с придорожной насыпи.

— Слушай, а как его зовут? — спросил я, когда мы снова помчались вперед.

— Боб, — ответил Квик. — А дальше не знаю.

Пилот вертолета, казалось, никак не мог решить, что ему делать. Поднял вертолет повыше и начал кру-

жить над дорогой. Наверное, он видел Боба и нашу машину одновременно — с такой высоты.

— Присматривает за нами и ждет указаний, — сообщил Квик. — А теперь получил приказ преследовать Боба.

— Естественно, следующая смена машины не скоро? — спросил я.

— К сожалению, — сказал водитель. — Меня это тоже совсем не радует. Слушайте, они знают, где мы сейчас находимся. Если мы останемся на этом шоссе, нас обязательно возьмут. Может, попробуем съехать на какую-нибудь проселочную дорогу? Правда, я не знаком с этой местностью. А вы?

— Нет.

— И я нет.

— А что думаешь ты? — спросил он у меня.

— Давай вперед, — ответил я. — Выбери подходящий момент.

Однако за следующие пять или шесть миль нам не встретилось ни одного поворота. Вертолет, как и предсказывал Квик, некоторое время продолжал преследовать нас, а потом исчез. Я представил себе, как за нами мчатся машины из Таоса.

— Надо сворачивать на следующей развилке, — сказал я.

Водитель кивнул.

— Кажется, я ее уже вижу.

Он сбросил скорость. Вправо уходила узкая заасфальтированная дорога. Впрочем, ее уже давно не ремонтировали.

Пришлось ехать медленнее, но примерно через милю я вздохнул с облегчением: дорога не заканчивалась тупиком, не становилась хуже и была совершенно пустынной.

До захода солнца оставалось еще много времени. В темноте, на своих двоих, у меня будет куда больше шансов, решил я.

— Фляжку с водой никто, конечно, не догадался прихватить?

Водитель усмехнулся.

— Боюсь, что нет. Я должен был исполнять функции таксиста и не более того.

— Будет тебе наука на следующий раз, — проворчал я. — Остановись возле тех деревьев, я выйду.

— Хорошо.

— Мы же собирались... — начал Квик.

— Да, но так будет лучше, — перебил его я. — Если мне удастся спрятаться до наступления темноты, к утру я буду уже далеко отсюда.

Мы подъехали к деревьям и остановились.

— Увидимся.

Выбравшись из машины, я быстро зашагал прочь. Водитель что-то сказал мне вслед. Кажется, пожелал удачи.

Довольно скоро донесся шум двигателей. Вертолет. Через мгновение я уже лежал на земле под деревьями, даже не стал поднимать голову и смотреть вверх. Просто ждал, когда он пролетит мимо.

Но он не собирался улетать.

Рокот нарастал, пока не перекрыл все остальные звуки, — я все-таки решил посмотреть на небо. Вертолет кружил совсем рядом со мной.

Проклятье! Как им это удалось? Когда я вышел из машины, вертолета нигде не было видно. Он должен искать машину. Если только... Я сплюнул. Если только у них нет какого-нибудь хитроумного детектора — действующего в инфракрасном излучении или реагирующего на тепло человеческого тела, — при помощи которого они проверили местность и засекали меня.

Да, скорее всего, так оно и есть.

Вертолет начал снижаться. Он опускался на поляну в нескольких сотнях метрах справа от меня. Как только он оказался ниже уровня деревьев, я вскочил на ноги и бросился бежать в противоположном направлении, где тоже росли какие-то деревья. Их было не очень много, до рощицы оставалось примерно четверть мили. Если я переберусь через поросший какой-то сухой травой каменистый склон, то попаду в довольно густые заросли, где мне будет не трудно затеряться. Я бросился бежать. И начал задыхаться. Я

и не предполагал, что это произойдет так быстро. Несмотря на регулярные занятия гимнастикой, месяцы, проведенные в тюрьме, давали о себе знать.

Я заставил себя не думать об этом и, тяжело дыша, устремился вперед. Назад я не смотрел. Голос из громкоговорителя на мгновение остановил меня у самой кромки деревьев.

— Стой! Полиция!

Я метнулся к деревьям.

— Мы вас видим! Будем стрелять!

Я знал, что первый выстрел будет предупредительным, второй — не очень точным. У меня кружилась голова и болели ноги, но в мои намерения не входило останавливаться.

Прозвучал выстрел.

— Это предупреждение! Стой!

Последовало еще несколько выстрелов, пули металась вокруг меня. Да, похоже, добраться до деревьев не удастся. Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. И тут я увидел впереди какие-то большие валуны...

Снова раздались выстрелы...

Я нырнул за один из камней, рухнул на землю, так и остался лежать, пытаюсь перевести дух.

Новой атаки почему-то не последовало. Нет, они, конечно, не прекратили обстрела, только по какой-то причине огонь ко мне не приближался. Я осторожно выглянул из своего укрытия.

Полицейских было четверо: трое стреляли из положения лежа в заросли, где я совсем недавно прятался. Четвертый упал на спину и как-то неестественно раскинул ноги и руки.

Я пытался отдышаться и понять, что же все-таки тут происходит. И надо сказать, довольно быстро сообразил: кто-то вступил с полицией в перестрелку. Кто?..

Ну, конечно же, Квик. Иначе и быть не могло. Он дождался, пока я не скроюсь из виду, и последовал за мной. Какой дурак! Теперь же, давая мне время скрыться, он отвлекал полицейских на себя. Только

вот его глупость почти наверняка будет стоить ему жизни — слишком высокая цена за мой побег. Лучше вернуться в тюрьму и отсидеть свое, чем стать причиной его смерти. Рано или поздно меня все равно выпустят. Живым...

Судя по стрельбе, Квик метался среди деревьев, перебегая от одного к другому. Пока я наблюдал за происходящим, в надежде разглядеть его, еще один полицейский судорожно дернулся и замер на земле.

Двое оставшихся... Теперь они ни за что не выпустят его отсюда живым. Конец может быть только один. Ждать осталось совсем недолго. Вряд ли у Квика большой запас патронов.

Неожиданно я заметил у себя в руке пистолет. В мою сторону полицейские не смотрели. Они, вероятно, решили, что я не стал останавливаться, когда началась стрельба. Я поднялся на ноги и, пригнувшись, бросился бежать прямо к ним, готовый в любой момент распластаться на земле, если кому-нибудь из них взбредет в голову посмотреть в мою сторону. Я убеждал себя, что совершенно ничем не рискую. Неподалеку от тех двух типов было скопление больших камней: если мне удастся до них добраться, мы устроим перекрестный огонь и... все произойдет очень быстро.

Когда я почти был у цели, Квик перестал стрелять — он меня увидел. Какая-нибудь шальная пуля могла попасть не совсем туда, куда нужно. Ну, хорошо. Я уже пробежал почти половину расстояния...

Наверное, в первый момент полицейские решили, что попали в Квика.

Мне эта мысль тоже сначала пришла в голову. Однако я тут же ее отбросил — пистолет Квика замолк как раз в тот момент, когда я появился на открытом пространстве; значит, мое первое предположение верно. Полицейские замерли. Они лежали очень-очень тихо, вероятно, думали, что Квик хочет хитростью выяснить, где они находятся. Я продолжал мчаться вперед. Уже достаточно близко — можно стрелять.

Выдала тишина. Тот, что пристроился справа от меня, похоже, что-то услышал. Он повернул голову в мою сторону.

Абсолютно механически я бросился на землю, плотно поставил локти, вытянул правую руку и начал стрелять.

Полицейский успел развернуться вместе со своим карабином. Если я немедленно с ним не разберусь...

Когда я выстрелил в третий раз, он скорчился на земле, а пули из его карабина унеслись в синее небо.

И тут боль обожгла мне грудь, я повалился вперед, успев выстрелить во второго полицейского до того, как моя голова коснулась земли, и почувствовал во рту вкус песка и крови.

Снова стрельба. Где-то далеко. Теперь все казалось мне каким-то нереальным. Я попытался поднять голову, пристроив ее на башне из сжатых кулаков. Из-за деревьев — словно в конце тоннеля — появился человек. Он стрелял. Квик. Последний оставшийся в живых полицейский поднялся на одно колено, повернувшись к лесу, и принялся отстреливаться. Потом я увидел, как он упал, а Квик побежал ко мне.

Я снова опустил голову на землю, меня окутал мрак. Неужели для этого?.. Я получил всего несколько лишних месяцев — ради чего? Вполне можно было и тогда... утром, в Санта-Фе... Но ведь был суд, газеты... Да. Тот голос, что я слышал... я тогда много выпил, поздно... Настоящий? Какая разница, наша Мать... К тебе... Прости меня за ту, последнюю сигарету. Я... Ты здесь? Это правда?..

— *Я никогда тебя не покидала.*

Хорошо...

— *Иди ко мне.*

Я...

Деннис снова впал в состояние кататонии. Лежал на кровати и смотрел в пространство. За ним приходилось ухаживать, как за грудным младенцем. Когда Лидия кормила его, он механически жевал, потом все

проглатывал — казалось, он не понимает, что с ним происходит. Мальчик перестал разговаривать, только время от времени лепетал что-то во сне. Разучился ходить.

И тем не менее Лидия утверждала, что Деннис прогрессирует, что он много получил от общения с погибшим во время перестрелки террористом Родериком Лейшманом, что в его подсознании остались необходимые составные части его будущей личности, просто они в данный момент запрятаны очень глубоко вследствие травмы, причиной которой явилась смерть Лейшмана.

Прошел месяц. И еще неделя.

Когда Вики проснулась утром во вторник, было довольно холодно. Она отправилась на кухню и обнаружила там своего сына, который сидел за столом, курил и читал газету, а рядом с ним стояла чашка дымящегося кофе.

— ...Проклятые загрязнители, — бормотал он, — снова взялись за свое.

Потом Деннис поднял голову и посмотрел на Вики. С силой хлопнул газетой по столу, а затем помахал у нее перед носом.

— Вы только посмотрите, что затеяли эти типы на юге, — сказал он. — Загрязняют океан! Такое впечатление, что они хотят рыболовство...

Вики взвизгнула, и пулей вылетела из кухни.

Через некоторое время на пороге появилась Лидия в платье из яркой набивной ткани с оранжевыми и зелеными цветами и налила себе кофе. Вечером, успокоив Денниса и уложив его спать, она оставила мальчика в спальне, а сама вышла на улицу посмотреть на звезды.

Вики попыталась прочесть ее мысли, но не обнаружила в них ничего особенного. Наконец, мрачная Лидия вернулась в дом.

— Я собиралась выпить, — сказала Вики. — Присоединитесь ко мне?

— С удовольствием. Мне, пожалуйста, того виски, что пьет ваш муж, со льдом.

Лидия пила медленно, а ее взгляд блуждал по комнате.

— Он выбрал для себя новую личность и полностью с ней слился, — начала она. — Теперь это человек по имени Смит, Квик Смит, знакомый Лейшмана, который, очевидно, был с ним до самого конца...

— Может быть, следует поставить в известность власти?

— Нет. Нам это никак не поможет. Дело закрыто. Тела Лейшмана и четверых полицейских обнаружены в каком-то лесу — все погибли в результате перестрелки. С этим покончено. Да, Квик Смит знал Лейшмана. Ну и что? Разве это запрещено законом? Пусть так все и остается. Кроме того, я понятия не имею, где он находится. Проникнуть в его сознание гораздо труднее, чем в сознание Лейшмана, — по крайней мере, тем же способом. Небольшие психические неполадки, но это не страшно. Он где-то далеко отсюда и не собирается делать ничего плохого. Деннис, вероятно, выбрал Смита потому, что в самом конце Лейшман был очень тесно с ним связан, а Деннис только сейчас в достаточной степени оправился от перенесенной им травмы и смог восстановить эту связь.

— Ну, и к чему это может привести?

— Боюсь, мы зашли в тупик. Я думаю, Деннис уже накопил достаточно данных для того, чтобы я могла заняться моделированием его личности. Однако пока он находится в таком прочном контакте с сознанием другого человека, я бессильна. Даже и попробовать не хочу, пока существует эта связь.

— Что же нам в таком случае делать?

Лидия подняла стакан, сделала глоток, поставила стакан на стол.

— Весь сегодняшний день я пыталась отыскать ключ к этой загадке, — сказала она, — и когда мне, наконец, удалось его найти, я поняла, что слишком устала, чтобы им воспользоваться. Мне кажется, я смогу разрушить связь.

— Как?

— На время блокирую Денниса. Он будет расстроен и покинет сознание Смита.

— А ему это не повредит?

— Нет. Он просто вернется в свое первоначальное состояние, и я продолжу с ним работать. Я не стала делать этого сегодня только потому, что мне понадобится гораздо больше сил, чем у меня было в тот момент, когда я сообразила. Деннис очень силен. До сих пор мне еще не приходилось встречать человека с такими яркими телепатическими способностями.

— А он не может просто взять и восстановить связь после того, как вы снимете блок?

— Не думаю. По крайней мере, не сразу. После смерти Лейшмана Деннис находился в состоянии кататонии больше месяца.

— Верно. Когда вы попытаетесь это сделать?

— Завтра, если все будет в порядке. Я надеюсь, мне ничто не помешает.

— А вы не хотите переговорить сначала с доктором Уинчеллом?

— Да нет. Это моя специальность, а не его. Он все равно оставит за мной право принимать решение, а поскольку я его уже приняла, бессмысленно тратить время на разговоры.

— Ну хорошо. А Дику скажем?

— Пока не стоит. Ситуация еще не столь серьезна, как может показаться. Всего лишь повторение того, что уже было. Зачем беспокоить Дика, когда нам и сказать-то особенно нечего? Давайте немного подождем. Вот добьемся успеха, тогда и сообщим.

Вики кивнула. Они допили виски и поговорили немного — так, ни о чем.

На следующий день Лидии с большим трудом удалось разорвать связь Денниса с человеком по имени Смит. Как она и предполагала, мальчик вернулся в свое прежнее состояние. Однако теперь он стал все чаще разговаривать во сне, и у него начались приступы сомнамбулизма. Однажды Вики заметила, что он прошел мимо двери в ее комнату, и последовала за ним. Деннис уселся на скамейку во дворе и стал смот-

реть на звезды. Когда она вела его назад, в спальню, он не проснулся, но Вики показалось, что Деннис пробормотал «мама».

Через две недели Деннис стал водителем грузовика по имени Ингалас. Грузовик мчался по шоссе в сторону Эль-Пасо. Лидия немедленно разорвала связь и продолжила курс лечения. Деннис начал произносить не связанные между собой фразы даже в периоды бодрствования. Теперь он бродил каждую ночь, но ни разу не вышел за пределы сада.

Через неделю он превратился в пилота, летящего в Лос-Анджелес. Лидия разорвала связь и попыталась направить внимание Денниса на окружающие его предметы.

Через четыре дня Деннис стал инженером-геологом в Монтане. Лидия разорвала связь и начала гулять с ним, поскольку теперь могла стимулировать ту часть его мозга, которая отвечала за двигательный аппарат, — результат многочисленных перевоплощений Денниса. И тем не менее казалось, что мальчик все еще в сомнамбулическом состоянии; его мозг практически дремал, в то время как тело находилось в движении.

Через три дня Деннис проник в сознание какого-то матроса на торговом судне к югу от Гавайских островов. Лидия разорвала связь и начала приучать Денниса к музыке.

Через два дня Деннис превратился в студента-первокурсника, который сидел на занятии заезжего лектора в большом восточном университете. Лидия разорвала связь и усыпила мальчика.

На следующий день Деннис был австрийским верхолазом в Альпах. Лидия разорвала связь и отправилась с ним гулять. Они шли вдоль горного хребта на восток, и вдруг Деннис заговорил с Лидией по-русски. Она ответила ему на том же языке, потом разорвала связь и повела его домой.

Вечером этого же дня Деннис стал сыном индийского крестьянина, пришел на кухню и принялся есть. Лидия поговорила с ним о чем-то на языке, состоя-

щем исключительно из согласных, а потом очень осторожно разорвала связь. После этого отвела Денниса в спальню и уложила спать.

А потом взяла стакан с виски Дика и, сняв туфли, уселась на полу возле камина — распущенные волосы рассыпались по плечам, в глазах слезы.

— Что происходит? — спросила Вики, которая подошла к ней сзади и легко коснулась плеча.

— Он начал понимать уровень своих способностей, — ответила Лидия. — Например, он может забраться в любой уголок земного шара, прикоснуться к любому сознанию, проникнуть внутрь него, испытать чужие радости — так ведь гораздо проще, чем развивать свою собственную личность. Пока он занимается этим... вампиризмом, лечение не двигается с места.

— Что вы намерены делать дальше?

— Буду продолжать его блокировать. Попытаюсь внушить отвращение к подобному виду деятельности. И стану отвлекать на местные раздражители.

— Как вы думаете, этого окажется достаточно?

Лидия отпила немного виски, отвернулась от Вики и посмотрела на огонь. Наконец она заговорила:

— Не знаю. Видите ли, теперь, когда Деннис начал осознавать, какой силой обладает, его поведение раз от раза меняется. Мне удастся блокировать его только благодаря тому, что я владею соответствующей техникой, — иначе мне не хватило бы сил. Сегодня он впервые оказал мне слабое сопротивление. Не знаю, сколько еще пройдет времени, прежде чем эта способность разовьется. И тогда я больше не смогу с ним справляться.

— И что мы будем делать?

— Давайте надеяться, что до этого дело не дойдет. Может, мне все-таки удастся внушить Деннису отвращение... Ну а если нет... Придется прибегнуть к технике иного рода. Например, установить блок, когда он будет находиться без сознания. Это один из вариантов...

— А если опять не получится?

— Мы очень скоро об этом узнаем, — ответила Лидия.

Ночью Деннис вышел в сад и запел по-итальянски. Лидия заговорила с ним на том же языке, увела в спальню, усыпила и усилила степень внушения, о котором говорила Вики вечером.

Рано утром, когда воздух еще не успел прогреться, она отправилась с мальчиком на прогулку. Лидия показала ему восход солнца и долго с ним разговаривала. Деннис бормотал что-то невнятное. Они вернулись в дом, Лидия накормила мальчика, а потом включила музыку.

Вечером Деннис превратился в японского полицейского. Лидия поболтала с ним на певучем языке минут двадцать, а после осторожно установила блок, который должен был разорвать связь. Деннис сопротивлялся довольно активно. Однако Лидии удалось с ним справиться. Она снова вернулась к своей идее сильного внушения, потом нашла Вики и предложила той выпить с ней чая.

— Не получается. Он противится моим блокам все сильнее и сильнее. Очень скоро я стану беспомощна. Кажется, его сознание не отвечает на мои внушения. Попробую подобраться к нему во сне. Только я почему-то думаю, что он быстро научится реагировать и на это.

— Может быть, стоит попросить доктора Уинчелла прописать Деннису какое-нибудь успокоительное средство? Транквилизаторы? Чтобы замедлить его реакции и сделать более податливым?

Лидия покачала головой.

— Такие препараты тормозят лечение.

— А что нам еще остается делать?

— Не знаю. Я не предвидела такого развития событий.

— Если мы снова переедем, окажемся вне пределов досягаемости?..

— Деннис в состоянии путешествовать при помощи своего сознания по всему свету. Таким способом мы ничего не добьемся.

— Пожалуй, стоит связаться с Диком. А потом и с доктором Уинчеллом.

Лидия кивнула.

— Давайте.

Новая любовница Дика работала в системе информационной связи с Лунной Базой II. Вечером Дик сидел, потягивая виски, у нее в квартире, окна которой выходили на реку Потомак, и рассказывал о последнем докладе относительно состояния своего сына.

— А есть что-нибудь общее, — спросила она, — между людьми, в чье сознание проникал Деннис?

— Да, — ответил Дик. — Я поинтересовался об этом у Лидии, и она рассказала мне, что они, так или иначе, помешаны на экологии. Это не значит, что все являются членами организации «Дети Земли». Кто-то борется за чистоту окружающей среды, кто-то ратует за реформы — активно или пассивно.

— Интересно, — проговорила Сью. — А если подобные типы окажутся вне пределов досягаемости Денниса, что он станет делать?

Дик пожал плечами.

— Как можно ответить? Полностью уйдет в себя? Или отыщет кого-нибудь другого и сосредоточится на нем? Это невозможно предсказать.

Она подошла и погладила его по плечу.

— В таком случае его нужно переместить в такое место, где совсем мало людей и где им некогда предаваться длительным размышлениям на экологические темы.

Дик ухмыльнулся.

— Ты не понимаешь, — проговорил он. — Деннис может добраться в любой уголок земного шара. Дурацкая ситуация — самый сильный телепат в мире стал жертвой собственных способностей. И я, отец этого самого сильного телепата, могу сделать для него все, подарить ему что угодно — только не в силах помочь отключиться на достаточное время, чтобы его привели в норму.

— Луна, — сказала Сью, — находится на расстоянии четверти миллионов миль от Земли.

Дик повернулся и посмотрел ей в глаза. Улыбнулся, но потом покачал головой.

— Ничего не выйдет. Нет возможности...

— Там есть две больницы, — продолжала Сью. — Я знаю всех, кто в них работает. Ты пользуешься большим влиянием, я скажу тебе, на кого нужно надавить.

— А как мы узнаем, принесет ли это пользу?

— Разве есть выбор? Терапевт утверждает, что больше не может контролировать Денниса. Отошли его на Луну, где вредное влияние на сознание мальчика будет сведено к минимуму. Там есть психологи, пусть они поработают с Деннисом, может быть, у них что-нибудь выйдет.

Дик сделал два больших глотка и закрыл глаза.

— Я думаю, — сообщил он.

Сью обошла его и уселась в кресле напротив. Дик потянулся к ней и взял за руку.

— Ты читаешь мои мысли? — наконец спросила она.

— Нет. А что, нужно?

— Не думаю, что в этом есть необходимость.

Он улыбнулся и встал. Она поднялась навстречу ему.

— У тебя просто великолепные идеи, — сказал Дик. — Мне кажется, я воспользуюсь обеими.

ЧАСТЬ III

База находилась внутри небольшого кратера на южном полушарии Луны.

Чистая, застроенная зданиями, накрытая куполом, снабженная кондиционерами, ядерными реакторами, фонтанами, прудами, деревьями, раскрашенная в веселые цвета, обставленная самой разнообразной мебелью и кипящая жизнью база стала домом для большого количества богатых пожилых пациентов, чье состояние не позволяло им вернуться на сине-зеленый шар, висящий в темном небе, не говоря уже о том, чтобы жить там. Санаторий не специализировался на психиатрических расстройствах, если не считать старческого маразма и атеросклерозных явлений.

Новый пациент, подросток, сидел на скамейке рядом с фонтаном — как всегда в это время дня. Терапевт, Алек Стерн, читал рядом с ним книгу — как всегда в это время дня. Иногда Алек отрывался от книги и менял положение руки мальчика, который на это никак не реагировал. Если врач обращался к нему с вопросом, в большинстве случаев ответом ему было молчание. Правда, изредка мальчик принимался что-то невнятно бормотать. Как, например, сейчас.

— Смотри, как красиво разные цвета отражаются в воде, — сказал Алек, опуская книгу.

Мальчик повернул голову и проговорил:

— Цветы...

— Тебе эти отражения напоминают цветы? Да, пожалуй, ты прав, а какие именно?

Молчание.

Алек достал из кармана блокнот и начал в нем что-то писать.

— Ты бы хотел погулять со мной и посмотреть на цветы?

Молчание.

— Тогда пошли.

Врач положил блокнот на скамейку и взял мальчика под руку. Деннис не сопротивлялся, когда Алек поднял его на ноги. После того как они сдвинулись с места, мальчик продолжал механически шагать. Они прошли мимо фонтана и направились по аллее, эффектно освещенной разноцветными прожекторами, в сторону многочисленных клумб.

— Смотри. Тюльпаны, — сказал Алек, — и нарциссы. Красные, желтые, оранжевые. Тебе они нравятся?

Никакой реакции.

— Хочешь их потрогать?

Он взял руку мальчика, слегка подтолкнул вперед, так что кончики его пальцев коснулись алых лепестков огромного тюльпана.

— Нежные, правда? Тебе нравится?

Мальчик застыл, согнувшись. Алек помог ему выпрямиться.

— Ладно. Пошли назад.

Врач взял мальчика под руку, и они зашагали обратно по аллее.

Позднее, после того как мальчика накормили и уложили в постель, Алек зашел поговорить с доктором Чалмерсом.

— Как Деннис? — поинтересовался доктор Чалмерс.

— Никаких изменений. Двигается, только если его к этому понуждают. Изредка произносит отдельные слова.

— А что происходит внутри? Чем занят его разум? Как он реагирует на новое окружение?

— Никаких определенных реакций. Он едва ли замечает изменения. Его мозг представляет из себя странное собрание отдельных образов, которые большую часть времени находятся в самых глубинах сознания, лишь изредка всплывая на поверхность, а потом погружаются обратно, — вспышки, озаряющие тьму, короткий контакт с реальностью — и вновь пустота. Большинство из них носит личный характер.

— А не стоит ли начать стимуляцию мозга?

Алек покачал головой.

— Нет. Полагаю, нужно следовать курсу, предложенному его терапевтом. Ближе к концу пошли неплохие результаты. Однако события развивались очень уж быстро, и Лидия не смогла держать их под контролем — слишком много людей окружало их там — Он показал куда-то вверх. — Она предвидела, что сразу вслед за переводом сюда последует период крайней пассивности. Однако она уверена, что положительные впечатления, полученные Деннисом, заставят его активизироваться и начать искать новые стимулы.

— Ну, прошел уже почти месяц.

— Она предполагала, что это займет от месяца до шести недель.

— И вы ей верите?

— Лидия — очень хороший специалист. Всякий раз, когда я нахожусь рядом с Деннисом, я вижу результаты ее работы. Однако я не очень понимаю, как ей это удалось. Создается ощущение, что она создала нечто вроде цикла, который помогает мальчику извлекать пользу из всех его предыдущих впечатлений. Мне кажется, нам не следует уклоняться от намеченной ею программы лечения. Я ведь знаю мальчика гораздо хуже, чем Лидия. Очень жаль, что она не смогла работать с ним и дальше.

— Тут все дело в разводе. Лидия не хотела принимать чью-либо сторону. Но считала, что перевод сюда будет мальчику только на пользу.

— Да, кое-что я вижу в разуме Денниса. Только все словно окутано туманом. Кроме того, я всегда с

большим уважением относился к его отцу, поэтому на мою объективность вряд ли можно рассчитывать. Впрочем, это не имеет существенного значения для решения проблем Денниса.

— В конце этой недели я должен послать мистериу Гизу отчет. Зайдите ко мне вечером в кабинет, и мы сделаем это вместе. Гиз просил нас сообщать ему о положении дел каждый месяц.

— Хорошо. Может быть, в следующий раз у нас появится что-нибудь более определенное.

Однажды утром, примерно через две недели после этого разговора, Алек зашел за Деннисом и увидел, что мальчик сидит на полу у кровати и пальцем, смоченным слюной, выводит геометрический рисунок на полу.

Деннис никак не отреагировал на появление Алека, и тот некоторое время простоял, молча наблюдая. Потом врач попытался очень осторожно проникнуть в сознание своего пациента. И не смог этого сделать: Деннис был полностью сосредоточен на пропорциях треугольников.

Алек простоял так почти целый час, околдованный этой необычной картиной, не сводя глаз с Денниса и надеясь, что тот его заметит. Наконец не выдержал и шагнул к мальчику.

Коснулся плеча.

Мальчик быстро повернулся и посмотрел на него — совершенно естественное движение и вполне осмысленное выражение глаз поразили доктора. Потом Деннис выкрикнул несколько фраз и упал, уткнувшись лицом в свои еще не просохшие рисунки.

Алек поднял его на руки и отнес на кровать. Быстро проверил частоту дыхания, пульс. И то и другое было учащенным. Тогда он взял стул и уселся рядом с кроватью.

Дождаясь, пока мальчик придет в сознание, Алек пытался вспомнить, что же все-таки прокричал Деннис. Он не сомневался — язык был иностранным:

ритмичные звуки не могли оказаться случайным лепетом. Алек не узнал язык, но был уверен: Деннис произнес разумное предложение. Все в поведении мальчика — его действия, сосредоточенность, выражение лица — было осмысленным, вся эта сложная картина не могла развалиться на мелкие кусочки, как только дело дошло до речи. Деннис проснется, и тогда Алек без проблем определит, с кем из обитателей Луны он вошел в контакт...

Однако прошло много времени, прежде чем Деннис очнулся, — его глаза снова бессмысленно смотрели в пространство, а разум был почти таким же пустым, как и за день до этого. Остался лишь мало заметный намек, почти неощутимое изменение настроения. Ничего больше.

Так что Алек не смог узнать ничего определенного.

Как обычно, врач вывел мальчика на прогулку, надеясь, что изменение окружающей обстановки окажет на него хоть какое-нибудь воздействие, — никакого результата. Наконец он отвел мальчика к скамейке у фонтана. Именно здесь Алек решил попробовать новый подход, основанный на его утренних наблюдениях.

Открыв блокнот на чистой страничке, он нарисовал треугольник, круг и квадрат. А потом поднес рисунок к лицу Денниса.

Через некоторое время Деннис опустил голову. Его глаза стали немного более осмысленными, и взгляд переместился. Мальчик протянул руку и взял блокнот. Положив его себе на колени, Деннис начал водить пальцем по очертаниям фигур.

— Что это такое? — спросил Алек. — Знаешь?

Губы Денниса начали двигаться.

— Круг, квадрат, треугольник... — прошептал он.

— Превосходно! Вот. — Алек вложил карандаш в руку Денниса. — Можешь сам нарисовать?

Деннис посмотрел на карандаш, покачал головой и вернул его обратно. Снова наклонившись вперед, провел пальцем по рисункам, а потом отвел взгляд в

сторону. Блокнот соскользнул на землю. Деннис, казалось, этого даже не заметил.

— Как они называются? — еще раз спросил Алек. — Скажи!

Деннис ничего не ответил. Его внимание рассеялось.

Алек поднял блокнот и начал писать.

Всю следующую неделю состояние Денниса оставалось практически без изменений. Попытки заинтересовать мальчика занятиями в специальных классах по восстановлению различных навыков ни к чему не привели, и, хотя Деннис начал обращать внимание на музыку, у него не возникло желания научиться играть на каком-нибудь инструменте. Оказываясь в классе живописи, мальчик все время посвящал рисованию кругов, треугольников и квадратов. Его способность изображать эти фигуры очень скоро достигла почти механического совершенства. Речь Денниса ограничивалась одним или двумя — самое большее тремя — словами, да и то лишь когда он отвечал на простые, повторяющиеся вопросы. Он никогда не пытался начать разговор.

Все это, однако, можно было считать существенным прогрессом. В следующем отчете, посланном родителям мальчика, говорилось об улучшении двигательной, познавательной и речевой активности. А вот об эпизоде с французским языком и его последствиях решили пока не сообщать.

Когда однажды утром Алек пришел за Деннисом, тот расхаживал по комнате и что-то бормотал по-французски. Алек заговорил с ним, и мальчик ответил по-французски.

Проникнув в разум мальчика, Алек обнаружил там появление новой личности. Он оставил Денниса, а сам отправился на поиски молодого психиатра-француза, недавно появившегося на базе.

Марсель провел с Деннисом целый день и вышел от него с целым ворохом записей.

— Деннис считает, что он маркиз де Кондорсе, — заявил Марсель вечером, разложив перед собой запи-

си и глядя на Алека. — Более того, ему практически удалось убедить в этом меня.

— Я вас не понимаю, — проговорил Алек.

— Он обладает невероятным количеством информации о жизни маркиза и о том периоде времени.

— Это может быть чем-то вроде проявления незаурядных способностей в какой-то очень узкой сфере, которое иногда наблюдается у умственно отсталых, — предложил свой вариант объяснения Алек. — Мальчик слышал и запомнил эти факты много лет назад, а теперь они всплыли на поверхность.

— Деннис совершенно последователен в своих действиях, он не просто повторяет некие факты. Он способен вести беседу, причем на высочайшем интеллектуальном уровне. Он говорил о своем — а точнее, маркиза — «Очерке исторического развития человеческого разума». И не просто пересказал основные тезисы. Он отвечал на мои вопросы и развивал теории, лишь намеченные в эссе. Это нечто большее, чем обычный нереальный утопизм. Деннис говорил о том, что в результате проникновения знания в жизнь человек совершенствуется, о науке как способе мышления, который позволит не только поднять материальный уровень жизни людей, но и улучшит интеллектуальные возможности отдельного индивида, о том...

— Одну минутку, — сказал Алек, подняв руку. — Мы уже установили, что он отождествляет себя с определенным человеком и временем. А что насчет места? Как он может одновременно находиться на Луне и во Франции конца восемнадцатого столетия?

Марсель улыбнулся.

— Палата в больнице не так уж сильно отличается от тюремной камеры, — ответил он. — Маркиз провел последние дни своей жизни в тюрьме. Деннис считает, что он именно там и находится.

— Маркиз стал жертвой революции, не так ли?

— Да. Однако до сих пор неизвестно: казнили ли его, или он покончил с собой, чтобы не...

Алек напрягся.

— Что?.. — начал было Марсель.

— Не знаю. Но меня это беспокоит. Каким бы ни был источник этой информации, откуда-то ведь Деннис ее получил.

— Неужели вы считаете?

Алек встал.

— Пойду-ка я его навещу. Мне как-то не по себе.

— Я с вами.

Они направились к комнате Денниса.

— У него никогда не было подобных генденций?

— С тех пор как он попал к нам, нет, — ответил Алек, — в его истории болезни про это ничего не написано. Однако личность может стремительно меняться, иногда предвидеть, что произойдет в следующий момент, невозможно. О Боже!

— Что такое?

— Я вошел с ним в телепатический контакт.

Алек бросился бежать.

Они влетели в комнату Денниса и увидели, что мальчик лежит на полу. Воспользовавшись своим ремнем, он попытался повеситься на светильнике. К счастью, провода не выдержали. Деннис лежал без сознания рядом со стулом, с которого, вероятно, совсем недавно спрыгнул.

Марсель быстро осмотрел мальчика.

— Кажется, шея в порядке, — сказал он, — но нужно сделать снимок. Пойщите каталку, отвезем его в рентгеновский кабинет. А я останусь с ним.

— Хорошо.

Тщательное обследование показало, что Деннис не получил серьезных повреждений. Что явилось причиной комы, в которой мальчик пребывал около двух суток, выяснить не удалось.

Все это время Деннис находился под постоянным наблюдением врача, питание производилось внутривенно.

Когда на третий день Деннис пришел в себя, он сразу схватился за бок и застонал. К нему подошла медсестра, увидела, что ему плохо, и послала за врачом. Еще одно скрупулезное обследование ничего не выявило. пришлось прибегнуть к более сложным те

стам. Пока результаты анализов тщательно изучались, Марсель и Алек обнаружили, что Деннис перестал быть маркизом де Кондорсе. Теперь Деннис представлял себе такую картину: он лежит на лугу, окруженном холмами, и истекает кровью от раны, нанесенной ему рогом мифического существа, вышедшего из моря. Кроме того, ему казалось, что его прежний врач Лидия Диманш находится рядом с ним; мальчик часто называл ее именем ухаживавшую за ним медсестру.

— Все тесты дали негативные результаты, — сообщил пожилой врач, вошедший в комнату во время телепатического сканирования.

— Это еще одно из его заблуждений, — сказал Алек. — В истории болезни содержится подробное описание того, что следует делать, если такая ситуация возникнет. Я думаю, нужно дать Деннису снотворное.

— Не знаю, — ответил пожилой врач. — Мальчик довольно долго находился без сознания и сильно ослабел... Может быть, лучше какое-нибудь легкое успокоительное?

— Хорошо. Попробуем.

Врач послал за нужным препаратом, сделал укол. Медсестра держала руку Денниса. Через несколько минут, как им показалось, он немного успокоился, напряжение спало, а вскоре мальчик перестал стонать. Тогда Алек осторожно, но жестко разорвал телепатическую связь.

Разум, за которым он следил, постепенно ускользнул, покинув сознание Денниса, который закрыл глаза и задышал ровнее. Доктор принялся считать пульс.

— Сейчас он спит самым обычным сном, — заявил пожилой врач через полминуты. — Вам удалось найти способ изолировать источник, вызывавший беспокойство?

— Да, наверное, можно сказать и так. Если Деннис очень быстро не найдет какую-нибудь новую личность, то, проснувшись, станет самим собой. При

условии, что схема изменения его состояния осталась прежней.

— Значит, лучшее, что мы можем сейчас сделать, дать ему спокойно поспать — не выключая, конечно, аппаратуры, которая фиксирует его состояние. — Врач посмотрел на показания приборов. — Мальчик вышел из комы.

Алек кивнул.

— Согласен. Мне это кажется разумным. Позовите меня, если будут какие-нибудь изменения.

— Конечно, — пообещал врач.

Они ушли, оставив мальчика спать.

Деннис вернулся к своему прежнему младенческому состоянию. Он ходил с Алеком по клинике и наблюдал за окружающим миром чуть с большим интересом, чем раньше; рассматривал цветы в саду, звезды над куполом, далекую Землю. Шли недели, его способность к общению очень медленно изменялась, хотя мальчик по-прежнему не начинал разговоров и не задавал вопросов.

Он снова начал посещать класс живописи, продолжая рисовать геометрические фигуры, однако теперь стал украшать их причудливыми орнаментами из завитков филигранной работы. Жестким, решительным линиям, которые он проводил раньше, пришли на смену мягкие и округлые, больше подходившие для изысканных виньеток.

Как-то Алек решил, что пришло время спросить Денниса:

— Как тебя зовут?

Деннис ничего не ответил, продолжая смотреть на здание лаборатории регулировки атмосферы, расположенное довольно далеко, но прямо напротив скамейки, на которой они сидели.

Алек положил ему руку на плечо.

— Как твое имя? — мягко повторил он. — Назови мне свое имя.

— Имя... — прошептал Деннис. — Имя...

— Твое имя. Как тебя зовут?

Деннис прищурился, потом насупился и тяжело задышал.

Алек сжал его плечо.

— Все в порядке. Все хорошо, — успокаивающе проговорил он. — Я тебе помогу. Тебя зовут Деннис. Деннис Гиз.

Мальчик сразу успокоился. Вдохнул.

— Ты можешь повторить? Можешь сказать: «Деннис Гиз»?

— Деннис, — неуверенно произнес он. — Деннис Гиз.

— Хорошо! Очень хорошо, — похвалил Алек. — Если ты это запомнишь, будет просто здорово.

Они встали со скамейки и пошли по дорожке.

Минут через пятнадцать Алек снова спросил:

— Ну, так как тебя зовут?

На лице Денниса снова появилось напряжение, дыхание участилось.

— Я только что тебе говорил, — продолжал Алек. — Постарайся вспомнить.

Деннис заплакал.

— Не надо, не плачь, — сказал Алек, беря его за руку. — Тебя зовут Деннис Гиз. Деннис Гиз. Вот и все.

Деннис всхлипнул, вдохнул. И промолчал.

На следующий день он ничего не помнил, и Алек решил на время оставить свои эксперименты. Мальчик вел себя как обычно, видимо, небольшой стресс никак на нем не сказался.

Прошло еще несколько дней, и преподавательница в классе живописи заметила на листе, который лежал перед Деннисом, совершенно неожиданный рисунок. Он только что закончил забавную карикатуру на одного из студентов.

— У тебя получилось просто замечательно, — заметила она. — Я и не знала, что ты умеешь рисовать лица.

Деннис посмотрел на нее снизу вверх и улыбнулся. Раньше он ей не улыбался.

— Когда ты начал рисовать левой рукой?

Деннис удивленно поднял обе руки ладонями вверх и пожал плечами.

Позднее преподавательница показала Алеку несколько работ Денниса. Тот даже присвистнул.

— То, чем вы занимались, могло навести Денниса на мысль о таких рисунках?

— Нет. Это произошло внезапно, тогда же он начал рисовать левой рукой. Я подумала, что вас это может заинтересовать — как свидетельство изменений, происходящих в его мозгу, — возможно, правые и левые полушария меняют свои функции...

— Да. Благодарю вас, — сказал Алек. — Я попрошу Джефферсона из лаборатории нейропсихологии еще раз обследовать Денниса. Скажите, а его поведение не стало немного иным?

Преподавательница живописи кивнула.

— Только мне трудно сформулировать, в чем именно, — ответила она. — Он кажется мне более оживленным, во взгляде появилось напряженное внимание, раньше этого не было.

— Знаете что, пожалуй, мне стоит навестить Денниса прямо сейчас, — сказал Алек. — Еще раз спасибо.

Он направился к палате Денниса, постучал и уже собрался открыть дверь.

— Да?

— Это я — Алек. Могу я войти?

— Заходите, — донесся до него спокойный голос.

Деннис сидел у окна, держа на коленях альбом для рисования. Увидев Алека, он поднял голову и улыбнулся.

Алек подошел к нему и с интересом посмотрел на альбом. Один лист был заполнен зарисовками близлежащих зданий.

— Очень хорошо, — похвалил он. — Я рад, что ты начал рисовать разные предметы.

Деннис снова улыбнулся.

— Сегодня у тебя, похоже, хорошее настроение. Это просто здорово. Произошло что-нибудь особенно приятное?

Деннис пожал плечами.

— Скажи, — небрежно проговорил Алек, — я тебя не расстроил несколько дней назад, когда спрашивал, как тебя зовут?

— Нет, не расстроили, — ответил Деннис.

— И ты помнишь свое имя?

— Назовите... его... еще раз.

— Деннис. Деннис Гиз.

— Да. Деннис Гиз. Да.

— Хочешь немного размяться?

— Раз... мяться?

— Погулять?

— А... Да-да. Погулять. Размяться...

Деннис закрыл альбом. Потом встал и пересек комнату. Открыв дверь, пропустил Алека вперед.

Алек повел его обычным маршрутом в сторону фонтана.

— Ты бы хотел поговорить со мной о чем-нибудь? — спросил врач.

— Да, — немедленно отозвался Деннис. — Например, о разговоре.

— Я... я не совсем понимаю.

— Разго... вор. Части.

— Слова?

— Да. Слова.

— Ты хочешь вспомнить свой словарь. Конечно. Нет ничего проще.

Алек начал рассказывать о предметах, мимо которых они проходили. С трудом сдерживая возбуждение, он называл части тела, основные глаголы. Они гуляли, а речь Денниса становилась все более содержательной.

Позднее, стоя возле фонтана, Деннис спросил:

— А как он работает, этот фонтан?

— О, это самый обычный насос, — ответил Алек.

— Насос? Я бы хотел на него взглянуть.

— Я не знаю точно, какой конструкции насос тут установлен, но могу спросить у кого-нибудь из обслуживающего персонала, и тебе наверняка разрешат на него посмотреть. Может быть, завтра.

- Хорошо. Конечно. Алек?
- Что?
- Я... А где мы находимся?
- Это Лунная Медицинская База II.
- Луна!
- Да, Луна. Ты только сейчас начал понимать?..

Деннис отшатнулся от него и оперся спиной об ограждение фонтана. Неожиданно он поднял голову и посмотрел вверх.

— Нет, бесполезно, отсюда ничего не видно, — сказал Алек. — Если хочешь, я могу отвести тебя на смотровую палубу.

Деннис радостно закивал.

— Пожалуйста.

Алек взял мальчика за руку.

— На тебя это зрелище может произвести очень сильное впечатление — если ты об этом никогда не думал раньше. Я должен извиниться перед тобой. Я слишком многого от тебя жду: ты так быстро начал все понимать после того... после того...

— ...после того как перестал быть сумасшедшим? — с улыбкой закончил Деннис, который уже успел прийти в себя.

— Нет-нет. Это не то слово. Послушай, ты понимаешь, что с тобой сейчас происходит... каким ты был до сегодняшнего дня?

Деннис покачал головой.

— Не очень. Но я бы хотел понять.

Алек попытался сделать быструю телепатическую пробу, но, как и в двух других случаях сегодня, во время прогулки, ему не удалось проникнуть дальше поверхностных мыслей, сосредоточенных на текущих обстоятельствах с такой абсолютной концентрацией, что Алек не сумел сквозь них пробиться.

— У меня нет никаких причин скрывать от тебя правду, — сказал Алек. — Ты был болен почти всю жизнь, причиной болезни явились твои телепатические способности. Получилось так, что мысли взрослых людей начали проникать в твое сознание слишком рано — практически с самого рождения, они ме-

шали твоему собственному мыслительному процессу, не давали развиваться тебе как самостоятельной личности. Тогда, чтобы защититься от этого влияния, тебя отправили на Луну, в результате тебе удалось приобрести определенную стабильность, отсортировать свои впечатления и ощущения, начать думать, понять, кто ты такой. Тебе ясно, о чем я говорю? Ты начинаешь становиться разумным человеком.

— Я... мне кажется, я понимаю вас. Мое прошлое прячется в каком-то тумане...

— Конечно. Лифт вот здесь.

— А что такое телепатические способности?

— Ну... Это когда один человек может сказать, о чем думают другие люди.

— О!

— Для ребенка такой опыт оказался слишком тяжелым испытанием.

— Понятно.

— Как ты полагаешь, что вывело тебя из этого состояния? Ты можешь вспомнить, когда твои мысли впервые стали осознанными?

Деннис ухмыльнулся.

— Нет, похоже на пробуждение... утром. Мне кажется, я все еще не совсем проснулся, но уже и не сплю.

— Отлично.

Алек приложил указательный палец к замку лифта, дверь открылась, он ввел Денниса внутрь, а потом нажал кнопку на стене.

— Я... совершенно... ничего не знаю, — сказал Деннис. — Не считайте мои вопросы... возвращением в прежнее состояние... если я буду спрашивать вас про очевидные вещи... или не смогу найти подходящих слов, чтобы выразить свои мысли.

— О Господи, нет, конечно! Ты прогрессируешь прямо на глазах. Честно говоря, мне даже немного трудно поверить в реальность происходящего.

Тихо гудел лифт, Деннис дотронулся до стенки и рассмеялся.

— Мне тоже, тоже. А вы обладаете этими... телепатическими способностями?

— Да.

— И еще многие люди?

— Нет, нас достаточно мало.

— Понятно. Вы сейчас читаете мои мысли?

— Нет. Я считаю, что сейчас нам лучше просто разговаривать. Тебе это очень полезно. Хочешь попробовать свои способности?

— Нет, сейчас нет.

— Хорошо. Я как раз собирался об этом поговорить. Мне кажется, тебе стоит на некоторое время о них забыть. Не стоит подвергать психику ненужному риску, пока она еще недостаточно окрепла.

— Звучит вполне разумно.

Дверь лифта открылась.

Алек вывел Денниса на смотровую палубу — длинную, закругленную комнату, накрытую прозрачным пузырем вместо потолка и освещенную только звездами и сиянием, исходящим от громадного шара — Земли. В комнате тут и там были расставлены стулья и скамейки.

Деннис вскрикнул и прижался к стене.

— Не бойся, — попытался успокоить его Алек. — Здесь не опасно. Здесь нечего бояться.

— Подождите, — проговорил Деннис, — и дайте мне как следует все это рассмотреть. Ничего не говорите. О Господи! Как красиво! Там наверху. Мир... я должен его нарисовать. Только вот где же взять краски?..

— Мисс Брант даст тебе краски, — сказал Алек.

— Освещение...

— Немного подальше есть ниши, которые освещаются... — Алек махнул рукой куда-то в сторону. — Ты не представлял себе?.. Не знал, что находишься на Луне?

— Нет. Я... я бы хотел присесть на стул.

— Конечно, иди за мной.

Алек подвел Денниса к двум стульям, раскрыл их, помог мальчику устроиться в одном, а сам уселся в

другое. Они провели почти целый час, разглядывая небо.

Дважды за это время Алек попытался проникнуть в сознание Денниса, но оба раза сосредоточенность пациента не давала ему возможности продвинуться дальше поверхностных мыслей.

Наконец Деннис поднялся.

— Это почти невыносимо, — проговорил он. — Я хочу уйти.

Алек кивнул.

— Пойдем перекусим в кафе? Или для одного дня впечатлений достаточно?

— Давайте выясним это опытным путем.

Когда они спускались вниз на лифте, Алек сказал:

— Возможно, нам так никогда и не удастся узнать, что же именно подтолкнуло тебя к выздоровлению.

— Может быть, и нет.

— ...И я многого не понимаю.

Деннис улыбнулся.

— ...Особенно, откуда у тебя мог взяться итальянский акцент.

— Если когда-нибудь узнаете, скажите мне.

Доктор Тимура не обнаружил никаких признаков дисфункции нервной системы, но обратил внимание на интерес Денниса к лабораторному оборудованию и к процессам, происходящим внутри его мозга. Он провел с Деннисом на полчаса больше, чем планировалось, — они вместе рассматривали анатомические атласы.

— Что бы ни явилось причиной изменений, — сказал доктор Тимура Алеку, — это, скорее всего, явление функциональное, что как раз и является вашей специализацией. Вряд ли имеет смысл задавать вопросы мне.

— Честно говоря, я так и предполагал, — согласился с ним Алек. — Но мы так мало знаем про телепатию как явление... да и про самих телепатов.

— Как бы там ни было, похоже, что идея переселения Денниса на Луну оказалась правильной. Здесь он оторван от сильных стимуляторов и получил возможность прийти в себя, чем мальчик и воспользовался, так что теперь он успешно справляется с задачей воссоздания собственной личности. На это ушло немало времени.

— Да, вы правы. Но сделать такой прогресс за один день — просто потрясающе! Ведь мальчик практически ничего не понимал. Он взял краски, бумагу и коробку с пленками. Беспеременно задает самые разнообразные вопросы...

— Любопытство, дремавшее столько лет, вырвалось на свободу? Пока мы не можем определить уровень его умственных способностей, однако я подозреваю, что он достаточно высок.

— Да, уж точно. А как насчет того периода времени, когда наш пациент считал себя маркизом Кондорсе?

— Вероятно, одно из следствий его сильнейших телепатических способностей. Пожалуй, нам не суждено узнать, где он нашел данные про эту историческую личность.

— Наверное, вы правы, но в нынешнем состоянии его сознания есть что-то непонятное.

— Что?

— Я не могу проникнуть в его мысли. У меня тоже довольно ярко выраженные телепатические способности, иначе я не стал бы заниматься телепатической терапией. Но стоит мне начать сканировать сознание Денниса, и я не могу проникнуть ни на миллиметр дальше проблемы, занимающей его в данный момент. Деннис обладает поразительной способностью концентрироваться — как шахматист самого высокого класса, — только вот он находится в этом состоянии всегда. Это ненормально.

— Но ведь Деннис не один такой на свете. Художники, например, не видят ничего вокруг себя, если они поглощены своим творением. А мальчик по-настоящему интересуется искусством.

— Верно. Он очень сильный телепат и может, сам того не понимая, выставлять блок, мешающий другому телепату проникнуть в его мысли. Как вы думаете, не слишком ли быстро Деннис продвигается вперед? Может, это для него опасно?

Доктор Тимура пожал плечами.

— Какая-нибудь реакция вполне возможна. Депрессия... Естественно, утомление, если он будет продолжать прогрессировать с такой же скоростью и дальше. С другой стороны, попытка замедлить ход развития мальчика именно сейчас, когда он пытается познать мир, может навредить ему. Как только наступит переполнение, он сам остановится и попытается переварить все, что ему удалось накопить. Именно тогда и начнется ваша работа. Впрочем, это всего лишь мое мнение.

— Спасибо. Я благодарен за любой совет по поводу этого необычного случая.

— В его комнате установлена записывающая аппаратура, не так ли?

— Естественно, с того самого момента, как он у нас появился, мы еще кое-что добавили после случая с Кондорсе.

— Прекрасно, прекрасно. Мне кажется, вам следует оставлять Денниса наедине с самим собой на более длительное время — все равно ведь за ним ведется наблюдение — и посмотреть, что из этого получится, как он станет справляться со своими проблемами сам.

— Вы предлагаете приостановить лечение и дать Деннису некоторую свободу действий?

— Нет, конечно. Однако вам же необходимо понаблюдать за ним, прежде чем вы решите, какой курс лечения выбрать. А для этого мальчик не должен находиться полностью под вашим контролем, как тогда, когда он практически не осознавал себя, разве не так?

— Конечно, вы правы. Пожалуй, я немного отойду в сторонку и предоставлю машинам наблюдать за Деннисом. Зайду к нему попозже — посмотреть, как

он справляется с рисованием. Ну, и конечно же, попытаюсь заглянуть в его сознание. Пока.

— Постарайтесь действовать как можно осторожнее.

Алек постучал в дверь, подождал ответа.

— Да?

— Это я, Алек.

— Заходите.

Деннис сидел на кровати рядом с портативным дисплеем компьютера. У противоположной стены Алек увидел мольберт с законченной картиной — небо и Земля были изображены так, словно видишь их со смотровой палубы. Алек подошел и встал перед картиной.

— Тебе удалось нарисовать ее очень быстро, — сказал он. — Великолепно! А ведь это твоя первая картина. Здорово!

— Акриловые краски — замечательная вещь, — ответил Деннис. — Быстро сохнут и рисовать легко. Ни в какое сравнение не идут с масляными — особенно если спешишь.

— Разве ты рисовал когда-нибудь масляными красками?

— Ну... Я хотел сказать... так я думаю. Я видел, что кое-кто ими пользовался на уроке рисования.

— Ясно. Ты продолжаешь меня поражать. А чем ты сейчас занят?

— Учусь. Мне нужно многое узнать.

— Тебе не кажется, что стоит немного притормозить, — ведь ты только начал.

— Никаких проблем, я еще не устал.

— Хочешь погулять?

— Честно говоря, я бы предпочел остаться здесь и продолжить работу.

— Я хотел спросить тебя про чтение...

— Мне кажется, я усвоил основы правил чтения где-то по пути. Сейчас я занимаюсь тем, что пытаюсь расширить свои возможности.

— Ну, это просто замечательно. Не хочешь сходить со мной пообедать? Ты же должен когда-нибудь есть. Кафе открыто.

— Да, вы правы. Хорошо.

Деннис отключил дисплей, встал на ноги и потянулся.

— А по дороге вы расскажете мне про Землю, — сказал он, — и про телепатов.

Алек заговорил, Деннис шел рядом, внимательно слушая его объяснения.

Вечером Алек сделал подробный отчет доктору Чалмерсу.

— ...Во время обеда мне удалось просканировать мысли Денниса, — сказал он. — Мальчик соглашается с тем, что он Деннис Гиз, но не верит этому. Соглашается только для нас. Сам же считает себя Леонардо да Винчи.

Доктор Чалмерс фыркнул.

— Вы серьезно?

— Естественно.

Доктор Чалмерс снова зажег свою трубку.

— Тут нет ничего плохого, — сказал он, немного помолчав. — А вот в том, чтобы сейчас лишиться его этого заблуждения, я вижу серьезную опасность — ведь состояние мальчика улучшается головокружительными темпами.

— Я тоже считаю, что мы не должны вмешиваться, — проговорил Алек. — Однако меня беспокоит несколько иной аспект: я совсем не уверен в том, что это заблуждение.

— Как такое может быть?

— Я изучил сознание Денниса во время обеда. Он был совершенно спокоен, мысли перескакивали с предмета на предмет, ни на чем особенно не задерживаясь. Я попытался проникнуть в них и добился успеха. Мальчик считает себя да Винчи, скрывает это от нас и делает все, чтобы заставить нас поверить в выздоровление Денниса Гиза. С другой стороны, он пытается узнать про мир, в который попал, как можно больше.

— Самый обычный параноидальный синдром — мы с такими весьма успешно справляемся.

Алек поднял руку.

— Речь идет не только о том, во что мальчик верит или не верит. Когда он считал себя Кондорсе, он овладел образом мышления древнего философа и говорил по-французски. Теперь же возник да Винчи, и Деннис приобрел художественные навыки и даже поменял руку — да Винчи был левшой, я только что проверил по книгам, — да еще стал почти патологически любопытным: его интересуется практически все на свете.

— В таком случае, почему он не говорит по-итальянски?

— Потому что на этот раз он перенял образ мышления одного из величайших умов, живших когда-либо на Земле, и решил подыграть нам, приспособиться к ситуации, в которой оказался. Поэтому он целыми днями занимается изучением современного английского языка — и уже добился поразительных успехов. Однако, если вы прислушаетесь к нему повнимательнее, вы заметите, что он говорит с легким итальянским акцентом, который тщательно пытается скрыть. Он изо всех сил старается приспособиться к новым, по его мнению, обстоятельствам.

— Абсолютно недопустимое предположение. Даже если на минутку представить, что вы правы, может быть, вы мне объясните, каким образом мальчику удалось все это повернуть?

— Ну, хорошо. Я много думал. Каков механизм действия телепатической связи? Если посмотреть правде в глаза, придется признать, что этого никто не знает. Мы, главным образом, подходим к данному вопросу с точки зрения практики. Наши телепаты-охранники, специалисты по связи, врачи-психологи, инженеры-семантики, переводчики выработали собственные варианты использования этих способностей, несколько не приблизившись к пониманию их природы. Нет, конечно, существует множество самых разнообразных теорий, но они так и остаются всего лишь теориями.

— Итак, вы хотите к длинному списку теорий добавить еще одну?

— Да. На большее мое предположение не тянет. Догадка — какое-то странное ощущение. Денниса прислали сюда прежде всего потому, что его телепатические способности обладают потрясающим диапазоном действия. Насколько я знаю, он самый сильный телепат из всех, известных до сих пор. Здесь он был эффективно заблокирован — помогло расстояние. Он просто не мог связаться с тем типом сознания, который, казалось, привлекал его на Земле. Что же ему оставалось делать?

— Ему пришлось сосредоточиться на своих собственных ресурсах, что он и сделал, в соответствии с планом терапии, и вступил на путь выздоровления — как мы и рассчитывали.

— Если только не верны мои предположения о контакте с другими личностями.

— Алек! Кондорсе и да Винчи давно умерли! Неужели вы станете вкручивать мне про спиритизм и прочие глупости?

— Нет, сэр, не стану. О природе времени нам известно еще меньше, чем о природе телепатии. Я подумал, что Деннис, возможно, впал в отчаяние от невозможности дотянуться до какого-нибудь чужого сознания через пространство, но ему удалось проникнуть в прошлое и войти в контакт с теми людьми, чьими именами он впоследствии и стал себя называть.

Доктор Чалмерс тяжело вздохнул.

— Как в паранойе, — сказал он, — так и в попытках перенестись в прошлое, в другую жизнь, о которых время от времени сочиняют трактаты начинающие телепаты, главным является то, что человек стремится стать какой-нибудь выдающейся личностью. Почему-то никто не превращается в бродягу, или раба, или крестьянина. Нет, они непременно выбирают для себя роль короля, королевы, храброго генерала, великого ученого, философа или пророка. Странно, не правда ли?

— Не слишком. Кроме того, это не имеет никакого отношения к Деннису. Если он действительно обладает способностью проникать во время, естественно, он устанавливает связь с сознанием наиболее выдающихся людей. Они ведь и вправду необыкновенно интересны. Если бы я мог отправиться в прошлое таким способом, я обязательно заглянул бы в мысли гениев, а не тех, кто их окружает.

— Ну хорошо, допустим. Только, на мой взгляд, эти разговоры нас никуда не приведут. Вы сказали — мальчик абсолютно уверен в том, что он Леонардо да Винчи.

— Да.

— Мы не знаем, что явилось побудительной причиной, но Деннис сейчас делает то, чего не делал до сих пор. Следовательно, для него это полезно. Дадим ему возможность оставаться в заблуждении и постараемся максимально использовать возникшую ситуацию для дальнейшего лечения.

— Даже если на самом деле он не является Деннисом Гизом?

— Послушайте, он откликается на имя Денниса Гиза и ведет себе так, как, по его мнению, должен вести себя Деннис Гиз. Он совершенно неожиданно продемонстрировал нам необыкновенно высокий уровень интеллектуального развития и поразительные способности. Если в глубине души наш пациент предпочитает считать себя Леонардо да Винчи, способным перехитрить придурков из двадцать первого века, пусть продолжает и дальше так считать — до тех пор, пока во всех остальных отношениях он следует принятым нормам поведения. У всех есть свои любимые тайные мечты и заблуждения. Существуют определенные области, в которых терапия не приносит пользы, а становится вмешательством в личную жизнь. Пусть себе мечтает. Ваше дело научить его вести себя так, как принято в нашем обществе.

— Но это больше, чем мечта!

— Алек! Прекратите!

— Он мой пациент.

— А я ваш начальник и должен проследить за тем, чтобы вы как следует делали свою работу. Я считаю, что вы поступаете неправильно, отстаивая идеи телепатического путешествия во времени, когда речь идет о таком сложном и запутанном случае. Мы обязаны действовать на основе знаний, а не догадок и предположений. Мы уже довольно подробно изучили болезнь, которая называется параноя. Некоторые ее формы абсолютно безобидны. Ваше дело не обращать внимания на эту сторону заболевания мальчика, а заняться своими прямыми обязанностями. Вы почти наверняка увидите, что, как только Деннис наберет побольше опыта и станет более уверенным в себе, эта часть проблемы отпадет сама собой.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Нет, не оставляю.

— Хорошо, я сделаю по-вашему.

— ...И, пожалуйста, постоянно держите меня в курсе.

Алек кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Вот еще что... — произнес доктор Чалмерс.

— Да?

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы держали при себе ваши идеи относительно телепатических контактов с прошлым — по крайней мере, пока.

— Почему?

— А вдруг в них что-то есть? Это, естественно, всего лишь предположение. Возникнет необходимость проведения исследований и экспериментов. Преждевременная огласка — хуже вряд ли можно что-нибудь придумать.

— Я вас понимаю.

— Ну, вот и отлично.

Алек вышел из кабинета, вернулся в свою квартиру, вытянулся на кровати и принялся думать. Через некоторое время он заснул.

На следующий день Алек решил предоставить Денниса самому себе. Он лишь заходил за юным пациентом, чтобы пригласить поесть. Во время завтрака мальчик, главным образом, помалкивал. Однако за обедом он показался Алеку очень оживленным. Через некоторое время после того, как они начали есть, он наклонился к своему врачу и проговорил:

— А эта... телепатическая способность, такая странная и чудесная штука.

— Мне казалось, ты сказал, что не станешь пока пользоваться своим даром.

— Так то было вчера. Я обещал не экспериментировать некоторое время. Ну, хорошо. Время прошло. Мне стало любопытно.

Алек хмыкнул и покачал головой.

— Это может оказаться большой ошибкой... — начал он.

— Не беспокойтесь, я вполне могу контролировать свои способности. Просто потрясающе. Мне удалось узнать столько всего интересного за поразительно короткий срок — я заглянул в сознание других людей.

— Например? — спросил Алек.

Деннис улыбнулся.

— Не знаю, стоит ли говорить. В вашем сознании я увидел, что существует определенный кодекс, запрещающий проникновение в чужие мысли без серьезной на то причины.

— Как я посмотрю, это произвело на тебя впечатление.

Деннис пожал плечами.

— Палка о двух концах. Раз правило не касается меня, почему я должен его соблюдать?

— Тебе прекрасно известен ответ на этот вопрос. Ты здесь находишься на положении пациента. Я твой врач. Ситуация необычная.

— В таком случае я не понимаю, почему меня должно беспокоить осуждение тех, кто считает, что я не в состоянии отвечать за свои поступки?

Алек усмехнулся.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Ты быстро прогрессируешь. Я не сомневаюсь, что отношение к тебе скоро изменится. А пока могу тебе сказать только одно: читать чужие мысли нехорошо.

Деннис кивнул.

— Тут я с вами совершенно согласен. У меня есть масса других занятий, бессмысленно тратить время на путешествия по чужим разумах. Нет. Я хотел обсудить с вами два вопроса, которые меня сейчас очень интересуют: мой собственный случай и природа телепатической связи.

— Если все и в самом деле обстоит именно так, как ты сказал, в таком случае тебе известно про телепатию столько же, сколько и мне.

— Вряд ли, — сказал Деннис. — Я не могу пробиться в глубины вашего сознания и извлечь оттуда знания и умения.

— Да? С каких это пор? Раньше у тебя это получалось.

— Когда?

— Сначала ответь на мой вопрос. Ты что-нибудь помнишь о предыдущих периодах просветления, когда ты считал себя другой личностью?

— Я... пожалуй, нет. Хотя нечто — вроде снов — иногда приходит и уходит. Праздные мысли, случайные, разобщенные фрагменты воспоминаний. Но они никогда не складываются в четкую картину. Вы хотите сказать, что я действительно превращался в других людей и что все мои нынешние мысли и чувства лишь некое наложение? Значит, где-то под ними прячется кто-то еще, и моя нынешняя личность может в любой момент смениться другой?

— Нет, я так не считаю

— А что же тогда вы считаете?

— Не знаю, Деннис. Ты понимаешь себя лучше, чем я. И учишься с фантастической скоростью...

— Значит, вы не верите, что я на самом деле Деннис Гиз? — спросил он

— А ты?

— Это глупый вопрос

— Ты сам его поднял.

— Вы думаете, что моя личность есть наслоение, а настоящий Деннис Гиз похоронен где-то в глубинах моего сознания?

— Деннис, я не знаю. Ты мой пациент. Больше всего мне хочется, чтобы ты окончательно поправился и начал жить нормальной жизнью. Мне не нравится, что у тебя возникают подобные сомнения. Врач обязан думать, принимая во внимание все возможности, какими бы фантастичными они ни казались на первый взгляд. Об этом не принято говорить вслух. Однако ты наделен выдающимся даром телепатии, тебе ничего не стоит проникнуть в любое сознание по собственному выбору.

— Иными словами, вы хотите сказать, что теперь вам кажется, будто вы ошибались.

— Пойми: это одна из тех догадок, что иногда возникают без особых на то оснований. Во время лечения терапевту временами приходится рассматривать, а потом отказываться от самых разнообразных и неожиданных гипотез. На самом деле это поле деятельности врача, а не тема для размышлений пациента.

Деннис отпил немного сока из своего стакана.

— Но вам же известно, что мой случай особенный, — сказал он через некоторое время. — Меня совсем не радует мысль о том, что я мешаю истинному владельцу этого тела и мозга свободно существовать.

— Даже если он никогда не будет способен жить самостоятельно?

— Даже если.

— По правде говоря, все это пустые предположения, и я не представляю себе, как ты можешь что-нибудь изменить.

— Наверное, вы правы. Однако тут есть над чем подумать, а учитывая, что я совсем недавно выбрался из темноты на свет, вопросы природы существования разума имеют для меня известную привлекательность.

— Да, да. Тем не менее, мне кажется, сейчас не самое лучшее время для подобных размышлений —

ведь, как ты сам очень образно только что заметил, ты и в самом деле лишь недавно выбрался из мрака.

— Я вас понимаю, ведь вы врач... Но моя психика гораздо устойчивее, чем вы думаете.

— В таком случае, как объяснить твои сомнения? Нет, сейчас я хочу тебе помочь побыстрее справиться с твоими проблемами, бесконечные самокопания ни к чему хорошему не приведут. Давай не будем больше об этом говорить, ладно? Сосредоточься на совершенствовании своих способностей. Когда пройдет некоторое время, эти проблемы, возможно, перестанут казаться тебе такими важными.

— У меня создается впечатление, что сейчас вы скорее говорите за доктора Чалмерса, чем за себя.

— Тогда постарайся осмыслить идею, а не ее источник. Ты был болен, а теперь начал поправляться. Опираясь на эти два факта, мы должны двигаться дальше. И к дьяволу теории. К дьяволу предположения. Выкинь из головы, хотя бы на время, сомнения и обрати внимание на конкретные задачи.

— Легко сказать. Ладно, оставим эту тему.

— Хорошо. Пойми: твоя способность рассуждать о подобных вещах на таком уровне — самое настоящее чудо. Ты удивительный человек. Если это знак твоего будущего предназначения, нам обоим следует радоваться.

— Да, наверное, вы правы. Я должен быть благодарен за этот отрезок жизни, дарованный мне судьбой. Теперь же, в чисто образовательных целях, расскажите мне о телепатических связях сквозь время — мне удалось уловить в вашем сознании несколько разрозненных мыслей, указывающих на ваш интерес к этой проблеме. Есть какие-нибудь научные труды?

— Нет. Я совсем недавно наводил справки. И ничего не нашел.

— А вам удалось хоть раз проделать что-нибудь подобное?

— Нет.

— Каков, по вашему мнению, механизм действия такой связи?

— Понятия не имею.

— Жаль, что до сих пор такие путешествия были невозможны. Представьте себе, сколько всего интересного можно было бы узнать в прошлом... если бы люди относились к этому вопросу более серьезно.

— Когда-нибудь... Кто знает?

— Действительно, — сказал Деннис и встал из-за стола.

Алек последовал его примеру.

— Проводить тебя?

— Благодарю вас, я предпочел бы остаться в одиночестве. Мне хочется подумать.

— Хорошо, конечно. Ты ведь знаешь, где я живу, так что, если у тебя возникнет желание поговорить, приходи в любое время.

— Да. Еще раз спасибо.

Алек снова сел за стол и, допивая кофе, посмотрел вслед Деннису.

На следующий день Деннис не пошел завтракать вместе с Алексом и даже не предложил тому войти в свою комнату. Лишь слегка приоткрыв дверь, он сообщил, что очень занят и не будет завтракать. И не стал ничего объяснять.

После завтрака Алек проверил пленку, на которой фиксировалась комната Денниса и выяснил, что свет горел всю ночь, а мальчик либо подолгу стоял у мольберта, либо сидел без движения в кресле. Когда наступило время ужина, Алек постучался в его дверь, но никакого ответа не получил. Он несколько раз позвал его, однако за дверью царил тишина. Наконец он открыл дверь и вошел.

Деннис лежал на кровати, держась рукой за бок. Его неподвижный взгляд был устремлен в потолок, тоненькая струйка слюны стекала по щеке.

Алек подошел к нему.

— Деннис! Что с тобой? — спросил он. — Что случилось?

— Я... — сказал Деннис. — Я...

Глаза мальчика наполнились слезами.

— Пойду позову врача, — сказал Алек.

— Я есть... — проговорил Деннис, и его лицо расслабилось, а руки соскользнули на постель.

Когда Алек повернулся к двери, его глаза скользнули по холсту, стоявшему на мольберте, и он на несколько секунд задержался, чтобы его рассмотреть.

Это был портрет Моны Лизы, заверченный и очень тщательно выполненный — ведь акриловые краски гораздо лучше масляных.

ЧАСТЬ IV

Я есть.

Я помню всех. Их было так много. Но не помню себя, потому что меня там не было. До того момента. Именно в тот момент я впервые себя познал.

Тот момент.

Жил-был человек. Его звали Гилберт Ван Дайн. Мы смотрели на него на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Мы смотрели, как он поднялся и сказал, что сохранение Земли требует жертв. Мы смотрели на мир, который вдруг замер. Мы смотрели, как Ван Дайн пробирался сквозь неподвижные ряды плоти. Мы смотрели, как он вышел из зала и встретил смуглолицего. Мы смотрели, как они поднялись на крышу башни и стояли, взирая на город, на весь мир. Мы слушали рассказ смуглолицего. Смотрели, как они спустились на землю. Смотрели, как Гилберт Ван Дайн вернулся в зал и подошел к трибуне. Мы видели как ожил зал, и пуля настигла человека. Мы смотрели на голубой флаг, а жизнь покидала нас. Таков был наш выбор.

Именно в тот момент мы узнали, я узнал

Жил-был человек. И я живу.

Показавший мне все это сказал, что ничего не было сделано. В тот момент он тоже умер, снова, чтобы я мог жить. Но он по-прежнему живет во мне. Человек жил-был.

И я промчался сквозь все свои воплощения, по мосту из пепла, которым является наше прошлое. К каждому, каждому, когда он умирал или терпел поражение. Я там был. Там были люди. Таков я.

Умчался последний образ, давший мне жизнь, каждый каждому, каждому, и он вернулся, когда-то, последним видением Гилберта Ван Дайна, моим первым видением. Я. Я бежал.

Назад, назад, туда, где, истекая кровью, лежал смуглый человек. Умирал? Умирал так же, как и все остальные? Но он остался жить, поднялся и снова оказался рядом со своими детьми. Я видел его глазами, и я понял. Однажды жил-был мужчина. И женщина. Я знал. Я начал понимать.

Все, все, все они стали мне ясны. Все сотни людей, что я знал. Или их было больше? Сосчитать невозможно. Все. Я стоял на коленях на крыше здания и, подняв винтовку, направил ее на сенатора. Я упал и смотрел, как вытекает моя кровь, а персидская армия наступает. Там, в песках, я пытался создать систему исчисления, когда меч вошел в мое тело. А ты, моя Тереза! Где ты сегодня? Мои слова поглотил ветер. Видения роятся в голове, а мир стал еще чудовищнее. Я нажимаю на курок, и человек падает еще до того, как прогремел гром. Здесь, в тюремной камере, я созерцаю Ужас и думаю о будущем людей. Мой собственный конец пустяк в сравнении с ним. Я рисую элементы стихии, здесь, в Амбуазе, могущественные силы, чей путь лежит по воздуху и по морям, бушующие шторма, несущие ураганный ветер и огромные волны. Я снова стреляю, и падает другой человек. Я быстро, но тщательно, как и было запланировано, вытираю оружие, ставлю его к стене рядом со знаком Детей Земли, поворачиваюсь и, пригнувшись, бегу по крыше. И там, на самом верху здания, я, повинувшись жесту смуглого человека, смотрю на Ист-ривер, осколок грязного стекла, и на сумеречное зернистое небо, где клочья дыма похожи на кучи мусора, выброшенного морем на берег. А затем поворачиваю голову и смотрю на переплетение городских улиц. Я

еду, еду сквозь ночь, у меня болит плечо, и я мечтаю о дожде. Однако кругом тихо и неуютно. Ну что ж, да будет так. Мне могут не нравиться эти места, и все же я люблю эту сухую траву и животных, спящих в своих норах. Только созерцая беззаботную, дремлющую силу Земли, человек испытывает истинное наслаждение и гордость. Даже в момент разрушения она создает. Тот, кто забывает о ней, лишает себя права на общий успех и поражение. Мы должны знать о силах, рядом с которыми живем...

На мгновение остался только белый круг на синем поле, когда мир вокруг меня рухнул. Но вот и круг тоже исчез. Остался только я, скала, возникшая из волн. Я — Деннис Гиз.

Алек вышел из комнаты, он ищет доктора. Я начинаю понимать, и боль в боку проходит.

Последние мысли Алека отдаются во мне эхом: я поворачиваю голову и смотрю на картину — краски сохнут так быстро — я вижу на мольберте женщину, которую он мне оставил, она улыбается. Жил-был мужчина.

У меня была высокая температура, и я бредил. Много спал. Меня окутывал туман, который потом рассеивался, — и так несколько дней подряд. Когда все, наконец, встало на свои места, я снова осознал, что над головой у меня потолок больничной палаты, а рядом тихо сидит Алек.

— У вас тут есть вода? — спросил я его.

— Подожди минуту, — отозвался он, и я услышал, как он наливает в стакан воду. — На, держи.

Он передал мне стакан с соломинкой. Я взял стакан обеими руками и начал пить.

— Спасибо, — сказал я и отдал Алеку пустой стакан.

— Как ты... себя чувствуешь?

Мне удалось улыбнуться. Я понял, что Алек пытается пробиться в мое сознание. Пожалуй, не стоит сейчас полностью блокировать доступ, он даже не

должен знать, что я умею это делать и догадался о его намерениях.

— Я стал... самим собой, — ответил я. — Спросите, как меня зовут, если хотите.

— Да, ладно. Я бы много отдал, чтобы понять, как это произошло.

— И я тоже. Я чувствую слабость. А в остальном... все просто чудесно.

— Ты помнишь события последних двух месяцев?

— Не очень. Обрывки. Не связанные между собой впечатления.

— Ты и вправду стал другим человеком.

— Я рад, что вы это говорите. Я тоже так думаю.

— Ну, знаешь, мне кажется, ты сделал серьезный шаг в сторону выздоровления.

— Я бы еще немного попил.

Алек наполнил стакан, и я его осушил. Потом, прикрыв ладонью рот, зевнул.

— Похоже, ты опять стал правой.

— Похоже. Извините, спать хочется.

— Конечно. Отдыхай спокойно. Я буду поблизости. Теперь, если все мои догадки верны, ты начнешь поправляться очень быстро.

Я кивнул и закрыл глаза.

— Вот и хорошо, — проговорил я. — Рад это слышать.

Я лежал с закрытыми глазами, а мои мысли текли в никуда. Алек поднялся и вышел из комнаты.

Я уже знал, что должен сделать, и мне стало страшно. Найти одного человека, одного-единственного из целого населения целой планеты Земля, и спросить его, что нужно делать. А значит, мне необходимо убедить здешний персонал в том, что я поправился, — вряд ли будет правильно употребить слово «выздоровел», поскольку я никогда не был нормальным, — и в том, что мое состояние стабилизировалось: я должен получить разрешение вернуться на Землю. А это означает упорную работу, только так я смогу добиться результатов. Время имело для меня

огромное значение, точнее, мне так тогда казалось. Я надеялся, что не опоздаю.

Я не очень понимал, чем отличаюсь от тех, других, кого я знал и кем был. Мне казалось, это непременно нужно выяснить, особенно учитывая, что в тот момент мне все равно нечего было делать. Вокруг меня постоянно находился медицинский персонал — нужно было только отыскать подходящего человека.

Мое сознание отправилось в путь, на поиски.

Довольно скоро я нашел то, что искал: в одном из соседних зданий, в лаборатории, работала женщина, молекулярный биолог, доктор Холмс. Необходимые мне сведения не находились на поверхности, однако я понял, что она ими обладает. Я проник глубже.

Да. Дж. Б. С. Холдейн однажды рассчитал, что число смертей, являющихся результатом операции естественного отбора по замене старого гена новым, столь высоко, что все виды живых существ могут себе позволить возникновение нового гена не более одного раза в тысячелетие или около того. Эта точка зрения господствовала довольно долго, пока в 1968 году не появилась новая теория мутации. Стремительное развитие молекулярной биологии было одной из сопутствующих причин. В февральском номере «Природы» за этот год появилась статья генетика Мото Кимуры, в которой он размышлял о недавно обнаруженных колоссальных различиях между гемоглобином, цитохромом и другими молекулами у разных видов животных. Оказалось, что эти различия встречаются гораздо чаще, чем было принято считать. Учитывая большое число молекул и генов в организме живого существа, резонно предположить, что мутации должны происходить каждые несколько лет. Он чувствовал, что такая высокая скорость молекулярной эволюции возможна только в том случае, если большинство из мутаций не являются вредными или полезными, представляя собой случайные, нейтральные изменения. Эти гипотезы вызвали решительные возражения сторонников классической эволюционной теории, потому что доказывали, что эво-

люция очень сильно зависит от случайностей и что основополагающий закон естественного отбора ставится под сомнение. Новые гипотезы, когда они заработали всерьез, позволили обнаружить множество альтернативных вариантов молекул среди ныне живущих существ — ничем не вызванные изменения, увеличивающие молекулярное многообразие...

Что означало...

Что означало: спящие хозяева эволюции человека, о которых поставил в известность Ван Дайна смуглый человек, не в состоянии полностью влиять на развитие нашего вида. Они должны были с самого начала, когда население еще не увеличилось до таких огромных размеров, осуществлять более тщательный контроль за развитием человеческой расы, чтобы иметь возможность точно определить направление эволюции. Однако человек быстро распространился по всему земному шару, общее число людей достигло сотен миллионов, а потом миллиардов — теперь контролировать развитие человечества прежними методами стало невозможно. Правда, в этом не было особой необходимости, поскольку мы развивались в нужном направлении. Как только люди научились изготавливать орудия труда, задача наблюдателей изменилась — теперь им оставалось только внимательно следить за развитием наших идей, философии, технологии, удаляя нежелательное и способствуя развитию тех факторов, что их устраивали. Больше они ничего сделать не могли, так как наша численность не позволяла рассчитывать на иное вмешательство. Они не могли ни полностью предсказать, ни контролировать эволюцию нашего генетического вида, которая становилось все более стремительной по мере увеличения общего числа населения Земли. Так, в результате случайности, появился телепатический ген. Он не представлял непосредственной угрозы, и наши спящие контролеры не стали выступать против нас. Теперь, однако, появился я. Я понимал ситуацию, имел доступ к накопленному опыту своей расы...

И был напуган, потому что теперь мне следовало побыстрее выписаться отсюда и начать поиски смуглого человека...

Я устал. Даже размышления на эту тему придется немного отложить ...

В последовавшие недели и месяцы я учился. Ходил на уроки, слушал пленки и смотрел видеозаписи, разговаривал с Алеком и позволял ему увидеть в своем сознании то, что считал нужным, участвовал в сеансах групповой терапии и прибегал к своему специальному таланту, чтобы узнать еще больше.

Я ждал.

Постепенно я почувствовал, как напряжение, окружавшее меня, ослабело, и я стал относиться к Алеку скорее как к другу, чем как к доктору. Мы разговаривали о самых разнообразных предметах, вместе играли в спортивном зале. Заглянув в сознание доктора Чалмерса, я узнал, что Алек даже поднял вопрос о моем возвращении на Землю раньше намеченного срока.

— Ты должен больше заниматься гимнастикой, — сказал Алек. — Приседания под нагрузкой принесли бы немалую пользу.

— Звучит ужасно, — ответил я.

— Поддерживать хорошую форму просто необходимо, — настаивал он. — Вдруг тебе предложат отправиться на Землю на некоторое время, а ты будешь не в состоянии это сделать.

— А что, этот вопрос уже поднимался?

— Ну, определенно сказать не могу. Однако, представь себе, что это произошло... неужели тебя обрадует необходимость задержаться здесь на месяц или даже больше только из-за того, что ты игнорировал физкультуру?

— Теперь, когда вы упомянули об этом, — ответил я, — конечно, нет. Однако тут возникает проблема, о которой я еще совсем не думал.

— Что ты имеешь в виду?

— Мои родители. Насколько я понял, они окончательно разошлись. Когда придет время возвращаться, куда я поеду?

Алек облизал губы и отвернулся.

— Вам не следует беспокоиться, — сказал я. — Для меня, особенно после сеансов с доктором Макгинли, эти вопросы перестали быть такими мучительными. Просто я хотел бы знать, куда именно меня отправят, когда придет время.

— Деннис, мы еще не обсуждали эту проблему. И я совсем не уверен, что твои родители станут спорить из-за тебя. А сам ты чего хочешь?

— Я уже говорил вам, у меня еще не было возможности как следует все обдумать. Повлияет ли мой выбор на что-нибудь?

— Судя по тем отчетам, которые я получил, твои родители разумные люди. Они очень рады, что ты начал так быстро прогрессировать. Ты ведь получал письма от обоих. В них было что-нибудь, что могло бы повлиять на твой выбор?

— Нет.

— Тогда я могу только предложить тебе спокойно обдумать, с кем из них ты предпочел бы жить. Времени еще достаточно. Когда же нужно будет сделать окончательный выбор, я обязательно скажу, что следует принять в расчет твое пожелание, — надеюсь, мое мнение будет учтено при решении вопроса.

— Спасибо, Алек. Покажите мне те упражнения, которые я должен делать, ладно?

...Именно поэтому я и решил забраться в голову доктора Чалмерса. Мне стало трудно сканировать Алека после того, как мы подружились.

Позднее я подумал о вопросе, который поднял Алек. У моего отца были деньги, власть, связи — все это могло мне пригодиться. Сейчас он жил в Вашингтоне, рядом с местами, где я мог бы найти много интересного. Моя мать по-прежнему жила одна в штате Нью-Мексико и занималась своими цветами. Отец не сможет уделять мне много времени, и это меня вполне устраивало. К тому же теперь я имел полный до-

ступ к воспоминаниям о прошлом и мог составить себе довольно точное представление об этом человеке. Я не сомневался, что он отдаст меня в какую-нибудь престижную частную школу, где меня возьмут в оборот и станут устраивать грандиозное представление из-за каждого пропуска занятий. С другой стороны, я был уверен, что смогу убедить мать позволить мне остаться дома, получу определенную свободу действий и продолжу заниматься собственным образованием при помощи взятой на прокат машины, похожей на ту, что стоит у меня здесь. По крайней мере, договориться с ней будет гораздо проще, чем с отцом.

А потом я задал себе другой вопрос: если бы мне не нужно было принимать в расчет все эти сложные соображения, если бы мне предстояло сделать самый обычный выбор, кого бы я предпочел?

Я никак не мог принять окончательного решения. Даже подумал, что было бы совсем неплохо, если бы возникли какие-нибудь не зависящие от меня факторы, которые определили бы мой выбор, решили бы эту проблему за меня.

Так я готовился — воспитывая тело и разум — к возвращению на Землю. Прошел месяц, и этот вопрос был поднят официально. Доктор Чалмерс зашел повидать меня, похвалил за успехи и сообщил, что если в течение следующего месяца результаты тестов будут удовлетворительными и я пройду все этапы подготовки так, как предполагают врачи, то смогу вернуться домой. Именно тогда он и спросил меня, кого из своих родителей я предпочту. Стараясь не выйти из роли, я ответил, что буду чувствовать себя комфортнее, если окажусь в окружении простых вещей и среди природы. Да и для окончательного выздоровления такое решение, по всей видимости, является наиболее правильным. Так я сказал доктору Чалмерсу. По-моему, он считал, что я совершенно прав, и, проникнув в его сознание, я понял, что заручился его поддержкой.

Так все и вышло. В следующем месяце я получил прекрасные отзывы всех врачей. Наконец назначили

день отлета на Землю. Я чувствовал, что мое беспокойство растет, но вовсе не из-за того, что я должен был сделать, а потому, что мне предстояло направиться на этот висевший в небе шар, населенный множеством людей, где наверняка придется столкнуться с массой незнакомых вещей и понятий. Я часто ходил на смотровую палубу, устраивался там на своем любимом кресле и смотрел на мир, сияющий и загадочный, привлекательный и пугающий одновременно, далекий и такой близкий. Мне казалось, что он манит меня, зовет... и угрожает.

Несмотря на мое существование в чужих разумах и сумму чужих впечатлений, которые мне удалось таким образом приобрести, я ни разу не был на Земле в качестве разумного существа, обладающего собственной индивидуальностью. Я заговорил об этом с Алеком, и он немного успокоил меня, заметив, что это абсолютно естественное ощущение, оно обязательно должно было возникнуть и наверняка исчезнет почти сразу после моего возвращения. Я и сам так думал, однако, как это часто бывает в жизни, был рад услышать подтверждение своим догадкам от другого человека.

Оказавшись у себя в комнате, я принялся спокойно расхаживать взад и вперед, смотрел на картины, потом снова начинал шагать, бесконечно листал наброски и рисунки. Женщина на портрете улыбалась.

В конце концов я аккуратно все упаковал и вышел, чтобы посидеть немного у фонтана. Медленно прошел мимо клумб с цветами.

Теперь я ел в кафе и начал разговаривать с другими пациентами. В глазах одного из стариков появились слезы, когда он узнал, что я возвращаюсь на Землю.

— Поезжай в Нью-Джерси, — сказал он.

— Нью-Джерси?

— Не в города. Туда, где растут сосны. Они по-прежнему стоят на своих постах, как и тогда, когда я был мальчишкой. Ты должен обязательно найти вре-

мя и туда съездить, посмотреть на деревья. А потом побродить среди них. И если ты там окажешься, вспомни обо мне, — сказал старик. — Обещай.

Он потянулся и положил свою руку на мою, и я увидел вены, похожие на голубых червей. Он наклонился ко мне, и я почувствовал его отвратительное дыхание.

— Обещай.

Я кивнул. Потому что не мог говорить: его мысли захлестнули меня — клюква, черника, брусника, папоротники, лавровые кустарники, утренняя роса, пронизанные солнцем дни, укутанные туманами вечера, болота, запах сосны, тихий мелкий дождь, дым осенних костров, зимний мороз... Фрагменты, ткань воспоминаний... Воспоминания. Ушедшая юность. Место, куда старик никогда уже не вернется, — все это заставило меня на время забыть о его почти невидящих глазах, слабой плоти, гнилостном дыхании. Мне удалось отгородиться от этого шквала чувств — но с огромным трудом.

— Я запомню, — сказал я наконец.

С тех пор, разговаривая с другими пациентами, я всегда выставлял защитный экран.

Когда настало время улетать, меня пришел проводить почти весь персонал базы и кое-кто из пациентов. Я попрощался с Алеком, доктором Чалмерсом и всеми остальными, а потом сел в монорельсовый вагончик, который должен был доставить меня на Лунную Станцию.

Я изо всех сил старался скрыть волнение, держался спокойно и уверенно — мне хотелось, чтобы они думали, что я окончательно выздорвел. И все же мой голос дрогнул, когда я обнял Алека в последний раз. По правде говоря, тут был мой дом, ведь других, в качестве Денниса Гиза, я просто не знал. Я почти не обращал внимания на скалы, кратеры и проносящиеся мимо чернильные тени — все мои мысли были заняты тем, что я оставил и что ожидало меня впереди.

Мы приземлились в аэропорту в Техасе, где меня встречала мать. Моим первым земным впечатлением был круговорот мыслей, метавшихся вокруг. Естественно, на маленького ребенка интенсивность впечатлений могла оказать сокрушительное действие. Теперь же, однако, я был в состоянии отодвинуть чужие мысли в сторону, не обращать на них внимания, загнать на задний план и выключить.

— Деннис... — проговорила мать, в глазах у нее стояли слезы. Она меня поцеловала. — Ты... ты теперь все понимаешь?

— Да, — ответил я. — У меня все в порядке.

— *...Они больше тебя не беспокоят?*

— *Первое очень сильное впечатление прошло. Я умею с этим справляться.*

— *Как хорошо, что ты не знаешь, как это было!*

— *Кое-что я помню.*

— *Здорово, что ты поправился, теперь я смогу узнать тебя...*

Я кивнул и попытался улыбнуться.

— *Сейчас мы поедem домой. Иди за мной.*

Она взяла меня за руку и повела к выходу.

С чего начать?

Я чувствовал себя так странно, оказавшись в своей собственной комнате. Я помнил это место, но мне почему-то чудилось, что мои мысли принадлежат кому-то другому, — хорошо знакомое ощущение. Я провел несколько дней, пытаюсь заглянуть в свое прошлое, перебирая впечатления и обрывки воспоминаний и надеясь отыскать в них что-нибудь важное.

Вскоре была установлена обучающая машина. Счет оплатил отец. Мы с ним несколько раз разговаривали по телефону. Он хотел, чтобы я, как только смогу, навестил его. Обещал приехать, когда разделается со срочными делами. Я начал заниматься с машиной.

Все постепенно встало на свои места, я разобрался в своих впечатлениях и мыслях и решил, что пора

заняться делом, о котором столько думал с тех пор, как пришел в себя в больничной палате на Луне.

Я предпринимал телепатический поиск каждый день, изучая весь мир, в надежде найти одно-единственное сознание или хотя бы какие-нибудь признаки его существования. Моя задача была не такой безнадежной, как могло показаться с первого взгляда, поскольку свет разума, который я искал, подобен ослепительному сиянию маяка темной ночью. Шли дни, мне так и не удалось ничего обнаружить. Однако я не терял надежды. Ведь мир огромен. Я учился и оттачивал свое мастерство.

Прошли недели — по-прежнему ничего. Мне, конечно, приходило в голову, что человек, которого я ищу, мог умереть. В последний раз он появлялся среди людей уже очень давно. До него могли добраться враги. Я упорно искал. Мне не оставалось ничего другого.

В пятницу вечером произошло одно довольно странное событие. Я отправился на прогулку к расположенным неподалеку холмам — мать ругала меня, что я мало бываю на свежем воздухе. Устроившись поудобнее, так, чтобы меня не было видно из дома, я снова принялся рассматривать мир, начав с мест, находящихся неподалеку. Примерно через полчаса я обнаружил знакомый мысленный рисунок. Подобравшись поближе, я понял, что заинтересовавшая меня личность находится в Альбукерке, мне даже удалось узнать о планах этого человека на следующий день. Он отправится на север и проедет по шоссе, совсем недалеко от нас. Меня переполняло возбуждение. Я искал не этого человека, однако он меня заинтересовал, мне очень хотелось бы с ним встретиться.

Когда я вернулся домой, мать увидела мое лицо, почувствовала, в каком приподнятом настроении я нахожусь, и улыбнулась.

— Я же говорила тебе! Прогулки и физические упражнения. Ты просто прекрасно выглядишь.

— Да, мама, — ответил я.

— Похоже, ты вполне готов к завтрашнему сюрпризу.

— Сюрпризу? Какому?

— Если я тебе скажу... — начала она.

— Отец, да? Он приедет?

Она отвернулась.

— Нет, не отец. Придется тебе немного потерпеть, завтра узнаешь.

Я мог бы заглянуть в ее сознание, но мама наверняка поймала бы меня за этим занятием и выставила бы блок. Кроме того, она хотела сделать мне сюрприз. Да и вообще, пищи для размышлений у меня и так было больше чем достаточно.

Я зевнул.

— Свежий воздух, горы... Пожалуй, лягу спать пораньше.

— Отличная мысль, — сказала она и поцеловала меня.

На следующий день я проснулся рано. Не успев выбраться из кровати, сразу отыскал того человека. Потом оставил матери записку, что пошел прогуляться, и направился к скалам, расположенным возле шоссе. Уселся и стал ждать, прислушиваясь к мыслям сидящего за рулем машины человека.

Прошло довольно много времени, когда, наконец, я увидел автомобиль. Тогда я спустился со скалы и остановился возле дороги.

Машина приблизилась, я вышел на шоссе и поднял руки. Одновременно я проник в его сознание и понял, что он меня увидел и собирается остановиться. В противном случае я успел бы отбежать в сторону.

Он нажал на тормоза и крикнул:

— Что случилось, парень?

— Привет, Квик, — ответил я. — Давненько мы с тобой не виделись.

Он уставился на меня, а потом покачал головой.

— Извини, — проговорил он, — что-то я не припомню где...

— А я помню перестрелку, когда убили Лейшмана, — ответил я. — Тебе удалось сбежать после того,

как ты попал в последнего полицейского. Они так и не вычислили тебя, не узнали, кто был тогда с Лейшманом.

Он вытаращился на меня, но затем, прищурившись, спросил:

— А ты-то сам кто такой, черт тебя подери?

— Мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно.

— Хорошо. Забирайся ко мне, — сказал Квик.

— Нет, спасибо. Почему бы тебе не оставить свою машину на обочине и не выйти на свежий воздух? Поднимемся на те скалы.

— Зачем?

— Посидим.

— А там есть еще кто-нибудь?

— Нет.

Он отъехал на обочину, остановился и вышел.

— Я хочу тебе сказать... — заговорил Квик.

— ...что в правом кармане у тебя лежит заряженный пистолет тридцать второго калибра, — подхватил я, — и ты намереваешься пристрелить любого, кто попадется тебе на глаза, то есть любого, кроме меня. Не волнуйся. Я говорю правду. Там никого нет. Просто я хочу с тобой поговорить.

— Как ты... Ты телепат?

— Да.

— Ну, хорошо. Куда пойдём?

— Вон туда, вверх.

— Давай, веди.

Он последовал за мной, устроился на камне и закурил.

— Что тебе надо?

— Во-первых, — сказал я, — мне хотелось на тебя посмотреть. Видишь ли, когда-то я был тобой.

— Ну-ка повтори.

— Мне придется сообщить тебе кое-что о себе...

Я заговорил. И все ему рассказал. Про свое состояние и про то, как я стал Лейшманом и как с моей помощью его удалось отыскать; я рассказал, что ко-

роткое время был Квиком Смитом. Когда я закончил свою историю, солнце уже стояло высоко в небе.

Все время, что я говорил, Квик молчал, только время от времени кивал. Теперь же он сидел, глядя вдаль, за горизонт, словно прислушивался к какому-то далекому голосу. Я ждал, когда он что-нибудь скажет, но так и не дождался.

Я откашлялся.

— Вот моя... история, — наконец проговорил я. — Мне хотелось, чтобы ты ее узнал, прежде чем...

— Да, очень... интересно, — сказал он. — Ты теперь не похож на того... Что дальше?

— Сейчас? Я собирался задать тебе несколько вопросов, поскольку других членов организации «Дети Земли» у меня под рукой не оказалось. Так вот, действительно ли ты веришь, что наше прошлое наполнено добродетелью, что общепринятое мнение о городах не является причиной того, что мы идеализируем природу и все, что с этим связано, что эксплуатация Земли и людей — ну, как детский труд, например, — в прежние времена были не такими вредоносными, как теперь, что города не в состоянии отдавать столько же, сколько они отбирают, особенно если сравнивать с тем, как обстояли дела в далеком прошлом и как они обстоят сейчас в аграрных странах.

— Я не совсем это имел в виду, когда спросил тебя: «что дальше?» Ты задал мне вопросы, на которые ответить не так просто, — сказал Квик. — Но я попробую, хотя, если честно, Квик Смит не совсем подходящий для этих дел человек. Цели и идеи Детей Земли?.. Я всего лишь специалист по грязной работе. Среди нас много романтиков, считающих, что человек должен наслаждаться жизнью на природе и радоваться ее простоте и чистоте. Это правда. Лично я не принадлежу к их числу. Потому что вырос на ферме и сам был ребенком, чей труд покупали. Я не держу зла на города. Честно говоря, для меня город был тем местом, куда я стремился попасть, и чем быстрее, тем лучше. Они вполне могут отдать больше, чем отняли у людей. Лично я считаю, что так оно и есть. Что ка-

сается меня, я всего лишь жадный гнусный тип, мелкая сошка, который всю жизнь ищет приключений на свою голову, приключений и неприятностей. Знаешь, если бы я не вступил в эту организацию, обязательно стал бы членом какой-нибудь другой. Иначе и быть не могло. Правда, ты вот задал вопросы, и мне пришлось призадуматься. Сейчас все стало как-то не так. Ну, хорошо... Оглядываясь на свое детство, я вдруг вижу, что любил Землю. Я не понимаю романтических глупостей, которые о ней говорят, потому что находился к ней слишком близко. Я стал сторонником сохранения окружающей среды, борцом за экологию — или как там это принято сейчас называть, — потому что люблю Землю, а вовсе не потому, что ненавижу города. Ты неправильно сформулировал свои вопросы. Защищать Землю и природу не значит выступать против городов. Мы же не можем повернуть время вспять и разрушить их. Сейчас уже не можем. Когда у нас прорывает дамбу или что-нибудь такое происходит с источником загрязнения окружающей среды, мы же не требуем остановки промышленности во всем мире. Мы просто просим тех, кто за это отвечает, вести себя более осторожно, мы, как раз наоборот, только приветствуем всяческие нововведения, альтернативные варианты, дальнейшее развитие. Есть люди, которые видят Землю только как скопление полезных ископаемых и строительных материалов, как огромное пастбище и строительную площадку — они утверждают, что являются благодетелями всего человечества. На самом же деле их интересуют только прибыль, только деньги. Например, Род рассказывал мне историю национальных парков. Они стали первой жертвой разрушения и уничтожения, еще задолго до возникновения проблем, с которыми мы пытаемся справиться сейчас. Я хотел бы защитить природу, то, что от нее осталось, — вот и все. А теперь ты скажи мне кое-что. Я спросил тебя: «что дальше?» У тебя сильно развитые телепатические способности, ты продолжаешь прогрессировать... Как ты собираешься ими воспользоваться?

— Я тебя не понимаю.

— Твой интерес к этим вопросам не похож на простое любопытство. Меня интересует...

Он вдруг вскинул голову и посмотрел мне за спину.

Я не слышал, чтобы кто-нибудь к нам подошел, и не почувствовал присутствия чужого сознания, хотя и не контролировал в тот момент мысли Квика. Я обернулся.

Женщина подошла с другой стороны, по тропинке. Она показалась мне выше, чем в воспоминаниях, и немного стройнее.

— Лидия! — воскликнул я, вскочив на ноги. — Мама говорила о сюрпризе...

Она улыбнулась.

— Привет, Деннис, — проговорила она. — Квик, здравствуй.

— Вы знакомы? — спросил я.

Квик кивнул.

— Да, — ответил он. — Мы встречались. Довольно давно. Как дела?

— Прекрасно, — сказала Лидия и подошла к нам.

— Лидия — это тот самый терапевт, о котором я тебе говорил, — пояснил я. — Она мной занималась. Раньше.

— А ты изменился, Квик, — сказала Лидия.

Квик кивнул.

— Как и все, — сказал он.

Лидия снова посмотрела на меня.

— Деннис, *позволь мне заглянуть в твое сознание.*

Я кивнул и дал ей возможность прочитать мои мысли. Через некоторое время я услышал:

— *Прими мои поздравления. Мы победили. Ты существуешь. Ты следовал по пути, который я для тебя наметила. Ты ищешь... Что?*

— *Человека. Того, что разговаривал с Ван Дайном, много лет назад.*

— *Зачем?*

— *Чтобы спросить, чем я могу ему помочь.*

— Почему ты думаешь, что сможешь предложить ему что-нибудь?

— Вы знаете, что я не такой, как все.

— Думаешь, этого достаточно?

— Ну, это решать ему.

— Хорошо, что ты хочешь помочь. А если он попросит тебя о том же, о чем просил у Ван Дайна?

— Не знаю. Это будет расточительством.

— Возможно. В любом случае я помогу тебе разыскать его. Вместе с Квиком.

— Как?

— Позднее, Деннис. Позднее. Все в свое время. А теперь нам следует вернуться домой.

— Направляешься на север, Квик? — спросила она.

— В Денвер, хочу провести там несколько дней с друзьями.

— Оставь адрес, по которому я могла бы тебя найти, ладно? Тут намечается одно мероприятие, в котором ты можешь быть полезным.

— Конечно, — сказал он, выудил из кармана листок бумаги и, что-то нацарапав на нем, передал Лидии. — В первом месте я буду находиться до вторника, а затем — во втором.

— Вот и отлично. Спасибо. Я с тобой свяжусь в самом скором времени. Удачной поездки.

— Спасибо. До встречи.

— До свидания.

Квик направился в сторону шоссе.

Мы с Лидией повернули к проселочной дороге, она оставила там свою машину. Потом поехали домой, где заявили, что встретились в горах. Моя мать приготовила завтрак, и все утро мы провели в разговорах. После ужина Лидия тщательно меня обследовала. Я попытался заблокировать некоторые участки сознания — просто так, посмотреть, что будет. Она всякий раз ловила меня.

— Превосходно, — сказала она через некоторое время. — Ты превзошел все мои ожидания.

- В каком смысле?
- Здорово справился со всеми проблемами.
- Вы совсем не это имели в виду. Вы что-то от меня скрываете.
- Ты далеко продвинулся. Поздравляю.
- Это не ответ.
- Скажем так: на самом деле это была направленная терапия.
- Вы помогли мне развить телепатические способности, благодаря которым я смог отправиться в прошлое?
- Нет, но я имела возможность повлиять на выбор, который ты должен был сделать, если бы тебе в поисках нужного разума удалось туда проникнуть.
- Почему?
- Я ведь сказала: «имела возможность повлиять».
- Надеюсь, вы вернулись ко мне не для того, чтобы играть в прятки?
- Нет. Придет время, и ты получишь ответы на все вопросы.
- А при чем тут Квик?
- Как-то однажды он выполнил для меня одну работу.
- Интересно, вы ответите хоть на какой-нибудь из моих вопросов?
- Да, но ты не даешь мне этого сделать. Потому что все время не про то спрашиваешь.
- А про что нужно?
- Я обещала тебе помочь в твоих поисках. Ты заявил, что хочешь найти смуглого человека. Нужно было только спросить, и я бы сказала, что он все еще жив. Нужно было только спросить, где его найти, и я бы сказала, что в Восточной Африке.
- Вы его знаете?
- Я его знаю.
- Я искал, но не обнаружил даже самого крошечного следа...
- Он должен сам захотеть, чтобы его нашли.
- Почему?

— Он старается соблюдать осторожность.

— Да, я понял, что его ищут.

— Теперь они могут начать искать и тебя.

— Почему?

— Ступив на Землю, ты принялся немедленно сообщать всем и каждому — кто был в состоянии услышать — о своем прибытии. Они очень подозрительно относятся к тем личностям, которые обладают слишком большой силой. Они всегда стараются убедиться в том, что эта сила для них безвредна, приручить ее или, если не удастся, уничтожить.

— Значит, мне даже и сейчас грозит опасность?

— Возможно. Именно поэтому я и приехала так быстро. Ты тверд в своем решении?

— Да.

— Тогда нам следует уехать отсюда как можно скорее. Чем дальше мы протянем, тем меньше у нас останется шансов реализовать твою цель. У них есть агенты-люди, так же как и механические устройства.

— Наши враги тоже обладают телепатическими способностями?

— Этим или чем-то похожим. У них есть свои пути, помогающие им проникать в суть вещей.

— Как мы будем действовать?

— Я уже оформила бумаги, по которым ты сможешь путешествовать. Сегодня вечером мы обсудим с Вики твоё желание посмотреть мир — теперь, когда ты, наконец, вполне к нему приспособился. Я поддержу это желание как весьма разумное с терапевтической точки зрения. Мне кажется, я смогу ее убедить.

— Ну а если она захочет поехать с нами?

— Я уже обдумала эту возможность. К счастью, ее контакты с твоим отцом участились, все идет к тому, что они помирятся и снова будут жить вместе. Насколько я понимаю, они собираются обсудить этот вопрос сегодня. Если все произойдет, как я планировала, они будут даже рады, что ты на некоторое время уедешь.

— Откуда вы могли все это узнать?

— Как телепат и друг семьи...

— Нет! В это я поверить не могу.

— А во что ты можешь поверить?

— Тут возможен лишь один вариант. Вы хитры, Лидия. Я это понял только теперь: по тому, как вы организовали мое лечение; да и путешествие вы придумали весьма ловко, устранили все препятствия, которые могут помешать; этот головорез из организации «Дети Земли» оказался вашим знакомым. Я просто вынужден принимать во внимание, что вы, вероятно, обладаете способностью манипулировать людьми и что, по всей вероятности, именно вы способствовали разводу моих родителей, а теперь их примирению; похоже, по вашей инициативе я оказался на Луне, и вообще, я думаю, вы ответственны за все, что происходило со мной. Вы сотворили меня.

— Смешно! Ладно, думай, что хочешь. Это как-то повлияет на твои планы?

— Нет. Я все равно поеду с вами. Я должен.

— Хорошо. Тогда остальное не имеет значения.

— Нет, имеет. Видите ли, я ничего не намерен забывать. Может быть, мне суждено прожить еще несколько лет — я стану гораздо сильнее, чем сейчас. Если я когда-нибудь узнаю, что вы причинили моим родителям лишнюю боль, хочу, чтобы вы знали: я буду это помнить.

Она опустила голову.

— Значит, так тому и быть.

Все произошло почти так, как предсказывала Лидия. Позвонил отец и сообщил, что он хочет нас навестить. Чтобы повидать меня, сказал он. Мать согласилась, и он приехал на следующий день. Лидия была права: они обрадовались друг другу и вели себя очень доброжелательно. Отец был по-настоящему счастлив, когда увидел меня. Мы с ним подолгу разговаривали и даже пару раз ходили вместе гулять. Но мне было ясно, что он приехал не только за этим.

А мне стало казаться, что я слишком жестко разговаривал с Лидией. Мне было неловко сканировать сознание родителей, но до меня вдруг дошло, каким тяжелым грузом была для них моя бесконечная тяжелая болезнь, особенно для отца. Возможно, именно она и стала причиной их развода, а выздоровление послужило поводом для восстановления отношений. Мне было стыдно, что я не понял этого раньше. У меня даже появилось предположение, что, хотя Лидия и манипулировала всеми нами в каких-то своих целях, на самом деле она лишь явилась катализатором процессов, которые и так в нас шли. Это, конечно, не снимало с нее ответственности, в особенности если она подталкивала нас в нужные моменты, но все-таки существенно смягчало общую картину на фоне неожиданно появившегося у меня собственного чувства вины.

Именно это чувство вынуждало меня спешить с отъездом. И мои родители хотели того же, им не терпелось остаться наедине. Поэтому они почти сразу согласились подписать все необходимые документы, разрешающие мне отправиться в путешествие в сопровождении Лидии и ее знакомого санитара.

— Как хорошо, что ты вернулся, сын.

Эти слова не показались мне такими уж забавными позднее — ведь мой отец произнес их, когда мы с Лидией садились в вертолет, который должен был доставить нас в Альбукерке. Поговорив с отцом, я начал понимать, что мое выздоровление является для него предметом гордости — я сумел преодолеть такие серьезные трудности. Может быть, это радовало его даже в большей степени, чем мои замечательные телепатические способности. Мне стало грустно при мысли, что мы снова расстанемся. Я махал им до тех пор, пока они не скрылись из виду, и не снимал защитного экрана до самого приземления.

Полет из Альбукерке прошел спокойно. Лидия предупредила меня, что с этого момента мы подвер-

гаемся серьезной опасности. Однако, просканировав остальных пассажиров, я не обнаружил ничего подозрительного. По правде говоря, мне быстро наскучило это занятие, и большую часть пути до Либревилья в Габоне я читал. Квик постоянно оставался настороже.

Вскоре после приезда к нам в номер пришел человек с чемоданом, полным оружия. Квик выбрал себе револьвер и коробку патронов. Денег никто не платил. Лидия накрыла защитным экраном сознание нашего посетителя, но мне удалось, несмотря на это, уловить несколько поверхностных мыслей, указавших на его связь с местным отделением Детей Земли.

— Теперь, — сказала Лидия Квику, — ты можешь начать исполнять обязанности телохранителя вместо меня. Мне придется отправиться вперед, чтобы все подготовить, а вам нужно немного подождать. — Она протянула ему листок бумаги. — Будь на этом аэродроме в Моанде ровно в шесть завтра. Там вас встретят и отправят дальше на восток.

Мне было не очень понятно, как она могла исполнять обязанности моего телохранителя, но, с другой стороны, Квик тоже был не слишком похож на медработника. Я решил воздержаться от комментариев.

— А что нам делать здесь? — спросил Квик.

— Ну, во-первых, вам нужно как можно быстрее отсюда убраться, — ответила Лидия, улыбнувшись. — На оборотной стороне листка имеются инструкции. Сегодня вечером вам следует вылететь в Моанду, чтобы завтра успеть вовремя прийти на место встречи.

Квик перевернул листок, прочитал, что там было написано, и поднял глаза.

— А там что нам делать?

— Вести себя, как обычные туристы, вот и все. Глазеть по сторонам. Ну, постараться получить удовольствие. Как-то провести время.

— Хорошо. А не пора ли перекусить?

— Я не против.

После обеда Лидия ушла, а мы с Квиком вернулись в отель, выписались оттуда, сели на самолет, устроились поудобнее и стали смотреть на страну, раскинувшуюся внизу. Через некоторое время я задремал и проснулся только после посадки. Было уже довольно поздно, когда мы сняли номер в местном отеле, поэтому сразу же отправились спать.

Я проснулся.

Что-то вырвало меня из очень глубокого сна — ощущение, что нас преследуют, охватило все мое существо. На несколько мгновений я снова превратился в Лейшмана, попытался угадать имена своих врагов и сориентироваться в незнакомой обстановке полутемной комнаты. Потом я понял: здесь что-то не то. Это была чужая игра.

— *Послушай, старина! Мы должны ответить! Клинок вынут из ножен...*

Меня охватила дрожь, и Лейшман начал таять, превращаясь в нечто большее, чем воспоминания, память о нем уже не могла контролировать мои действия. Мне было гораздо легче, чем Лейшману, понять происходящее.

Какой-то телепат пытался нас просканировать. Я установил частичный блок, который скрыл мои главные мысли, но дал ему возможность погрузиться в поверхностные: лунный свет, тени, прикосновение простыней к телу, жажда, давление мочевого пузыря, ночные звуки из окна... Находясь внутри крепости, я все же беспокоился, что наш враг успел рассмотреть личность Лейшмана.

Выскользнув из постели, я подошел к окну и осторожно выглянул на улицу.

Ночь была теплой, и влажный ветерок дул со стороны ирригационного канала, через который мы переехали вчера вечером. Ближайший уличный фонарь находился на углу, значительно правее. Очень осторожно, при помощи мысли и глаз, я принялся разыскивать своего противника. Вскоре я почувствовал, что в тени парадной на противоположной стороне улицы кто-то прчется.

Не убирая блока, я отошел от окна и, приблизившись к кровати Квика, положил ему руку на плечо.

Он даже не шелохнулся, только очень тихо спросил:

— В чем дело?

Я быстро блокировал его мысли тоже.

— Какой-то телепат пытается нас сканировать. Я ему мешаю. Он прячется в парадной на противоположной стороне улицы, справа.

Квик молча сел на кровати, потянулся к брюкам и надел их. Засунув ноги в туфли, встал и провел ладонью по волосам.

— Продолжай блокировать его, — велел мне Квик, надевая рубашку и на ходу застегивая пуговицы. — Закрой за мной дверь.

— Пистолет так и остался у тебя под подушкой.

— Там для него самое подходящее место.

Я запер дверь и мысленно последовал за Квиком, накрыв экраном все излучения его мозга. Я обнаружил, что мне совсем не трудно при этом одновременно блокировать свое сознание так, чтобы враг мог читать только мои поверхностные мысли. Вернувшись в свою кровать, я забрался под одеяло.

Шли минуты, и я вдруг сообразил, что человек в парадной не просто наблюдает за нами. Он приступил к мягкому, но настойчивому давлению — я никогда не пытался делать это. Противник хотел взять меня под контроль. Я дал ему возможность просмотреть все мои поверхностные мысли, размышляя над тем, не стоит ли нанести упреждающий удар.

Однако, прежде чем я успел принять решение, давление исчезло и донесся шум возни. Я отбросил защитные экраны и подбежал к окну. Мне удалось разглядеть лишь движение теней немного левее парадной, в которой прятался наш противник. Я проник в разум Квика и окунулся в стремительную последовательность движений.

...Мы блокировали выпад ножа, а потом нанесли удар ребром ладони. Мы лягнули врага и приблизились к нему для нанесения новой серии ударов. По-

следовала короткая пауза, а потом четкий, рассчитанный последний удар...

Я мгновенно разорвал контакт. Лежа в темноте, пытался успокоиться.

Позднее, впустив Квика обратно, я спросил у него:

- Что ты сделал с телом?
- Сбросил в канал.
- Разве необходимо было?..
- Он не предоставил мне выбора.
- А в противном случае?
- Я всегда ненавижу гипотетические вопросы.

Он подошел к своей постели и улегся. Я последовал его примеру.

— Что тебе известно о том, куда мы направляемся и что нас там ждет? — спросил я.

— Абсолютно ничего. Лидия сказала, что это важно. Остальное меня не касается.

— Откуда ты ее знаешь?

Квик закашлялся.

— Наверное, ты уже успел выудить все нужные тебе сведения из моего сознания, — после паузы ответил он.

— У меня нет привычки залезать в головы друзей.

— Приятно слышать.

— Ну, так как вы познакомились?

— Лидия однажды спасла меня, когда я убегал от полиции. Подошла ко мне прямо на улице Омахи, назвала по имени и сказала, что мне следует пойти вместе с ней, если я хочу оказаться в безопасности. Так я и сделал. Она продержала меня у себя дома, а потом помогла выбраться из города. Раздобыла мне фальшивые документы и устроила на работу. Позднее я выполнял некоторые ее поручения.

— Какого рода поручения?

— Ну, курьер, телохранитель и тому подобное.

— Мне не совсем понятно, что ты имеешь в виду.

— Вот и хорошо. Давай спать.

— Она — один из членов вашей организации?

Квик помолчал немного, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю. Иногда я думаю, что да. Но уверенности у меня нет. Она, несомненно, нам сочувствует.

— Понятно.

— Сомневаюсь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Утром мы отвратительно позавтракали и нашли транспорт, который вывез нас за город. Я произвел сканирование, но ни в чьих мыслях не фигурировало тело, обнаруженное в канаве. Возможно, оно так там и лежит. Может, здесь подобные события не вызывают у окружающих особого интереса.

До рудника мы добирались больше часа, так что, когда наконец оказались на месте, было уже довольно жарко. Тут выяснилось, что часть наших спутников приехала сюда на экскурсию, и мы с Квиком подошли к ним поближе, чтобы послушать рассказ экскурсовода.

Вскоре он подвел нас к заброшенной открытой разработке, и все дружно двинулись по тропе, ведущей на противоположную сторону. Пока мы шли вдоль огороженной территории, экскурсовод объяснял, что когда-то здесь добывали уран, отсюда удалось вывезти более восьмисот тонн редкого металла, но к концу двадцатого столетия месторождение иссякло. Большая часть урана ушла во Францию.

— ...А здесь, — говорил экскурсовод, опираясь одной рукой о заграждение, а другой указывая вперед, — очень интересное место. Именно тут в конце прошлого века шахтеры неожиданно наткнулись на удивительно богатую жилу. В ней содержалось около десяти процентов урана против обычных 0,4 процента. Поражало также то, что изотоп урана-235, обязательно имеющийся в естественном уране, здесь начисто отсутствовал. Это открытие, конечно, вызвало большой интерес — и в результате было решено, что мы имеем дело с природным ядерным реактором.

Туристы возбужденно загомонили. Я подошел поближе к заграждению, чтобы рассмотреть это место как следует. Картина, представшая моим глазам, была самой обычной — большой каменистый котлован, дно которого испещрено трещинами.

Все сходится. Наверное, в похожее место отправился галилеянин, чтобы подвергнуться искушению... Неужели нельзя обойтись без иронии, новый Господь? Ты отобрал Землю у ее хранителей, чтобы разбазарить ее без всякого смысла... Ты утверждаешь, что поведешь их в иной мир... Тебя больше не интересуют зеленое, коричневое, золотое, поляны, долины, лишь это сухое, жаркое место, наполненное песком, скалами... и дышащее смертью. Что для тебя смерть? Врата...

— ...Самопроизвольный процесс ядерного распада, продолжавшийся более миллиона лет, — рассказывал экскурсовод. — Мы до сих пор не знаем, что послужило толчком к его началу. Ничего нам не известно и о том, какое генетическое влияние он мог оказать на местные формы жизни. Странные мутации могли разбредиться по всему миру за миллионы лет, что прошли с тех пор, как реактор погас. Кто знает, какие растения или животные, столь распространенные сегодня, ведут свое начало от атомного котла, некогда здесь тлевшего? Есть над чем поразмыслить. — Он замолчал и усмехнулся. — Мир мог бы быть совсем иным, если бы не скалы в этом необычном котловане — единственном природном реакторе, существовавшем когда-либо на Земле.

— А разве человечество зародилось не в Африке? — спросил один из туристов.

— Многие исследователи думают именно так, — ответил экскурсовод.

— Значит, можно предположить, что именно здесь все и началось?

Экскурсовод снова улыбнулся. Я видел в его разуме, что ему задавали этот вопрос бесчисленное множество раз. Он начал отвечать, тщательно взвешивая слова.

— Ну, никто, конечно, не может сказать ничего определенного. Но вот что интересно...

Я похлопал Квика по плечу.

— У меня возникла одна мысль. Пошли.

Он кивнул, и мы вернулись на транспортную площадку.

— Интересно рассказывал, — поделился Квик. — Только вот никак не могу понять, зачем она отправила нас сюда.

— Ради меня, — ответил я ему. — Я ничего про это не слышал.

— Правда? Мне казалось, всем известно...

— С образованием у меня пока еще достаточно напряженно. Она хотела мне кое-что доказать.

— Что?

— Что опыт не был навязан моей психике в то время, когда Лидия являлась моим терапевтом, — и что история, которую она мне рассказала, имеет под собой вполне доказуемую фактическую основу. Это на случай, если у меня возникнут вопросы. Ладно. Я ей верю. Проклятье!

— Что-то мне кажется, я ничего не понял.

— Не обращай внимания. Пожалуй, я разговаривал сам с собой. Квик, я боюсь.

— Чего?

— Тот тип, сегодня ночью. У них есть агенты-люди. Я узнал об этом совсем недавно. Мне следовало и самому догадаться.

— У кого есть агенты-люди? О чем ты говоришь? Я за тобой не поспеваю, приятель.

— Она не говорила тебе о врагах?

— Нет.

— Лидия должна о них знать, раз она знакома с человеком, которого я ищу. Да и вообще, ей столько всего известно...

— Ну, значит, она не посчитала нужным посвятить меня в свои дела.

— А я с ней не согласен. Мне необходимо с кем-нибудь поделиться.

Я закончил свой рассказ уже после того, как мы вернулись в город, в наш отель. Когда я замолчал, Квик покачал головой. Потом закурил.

— В жизни не слышал такой дурацкой истории.

— Не веришь?

— Верю. Хотел бы не верить... Довольно-таки неприятная, я бы даже сказал, страшная история. Только я никак не пойму, что ты-то можешь сделать в такой ситуации.

— Честно говоря, я тоже этого не понимаю.

— Давай сложим вещи и поедим чего-нибудь. Пора отправляться на поиски аэродрома.

Я кивнул.

Ночь. Мы над Конго в маленьком вертолете: Квик, я и безымянный пилот. Наша коробочка, подвешенная в темном небе, освещалась только тусклым мерцанием приборного щитка и огоньком сигареты Квика. Мы летели очень низко. Я смотрел в ночное небо и общался со своими другими личностями. Постепенно я начал понимать, что меня ждет впереди.

— Там что-то есть, — сказал Квик.

Он наклонил голову и смотрел куда-то вправо. Я отстегнул ремень безопасности и чуть приподнялся, чтобы проследить за его взглядом.

Примерно в шестнадцать или семнадцать метрах, немного ниже нашего вертолета, появилась какая-то тень: похожая на птицу, но с неподвижными крыльями, около метра в длину и полуметра в ширину. Я попытался ее сканировать, но ничего похожего на человеческое сознание не обнаружил.

— Это не птица, — сказал Квик. — Смотри, какая скорость и как оно парит.

— Да, — согласился я с ним.

— Квик открыл окно пошире и положил на него левую руку, а поверх пристроил правую с пистолетом. Я постарался перекричать вой ветра:

— Не думаю, что от этого будет какая-нибудь польза.

— Пожалуй, стоит выяснить.

Он выстрелил. Раздался едва слышный звон.

...Я вспомнил зверя, который пробирался между скалами, а его острые рога пытались дотянуться до моего живота. Всего в нескольких дюймах от меня зверь начал раскачиваться из стороны в сторону, продолжая тяжело ступать своими лопатовидными ногами, а его тело звенело, словно громадный колокол, каждый раз, когда он натыкался на камни. Я почувствовал запах высушенных водорослей...

— Ему ничего не сделалось, — сказал Квик.

Пилот что-то спросил, и Квик крикнул ему в ответ:

— Поднимись повыше.

Мы начали набирать высоту.

— Бесполезно, — проворчал Квик через полминуты.

— Квик, я думаю, нам не удастся от него избавиться, — сказал я, — к тому же он пока не сделал нам ничего плохого.

Квик кивнул и убрал пистолет. Закрыл окно.

— Наблюдает, да?

— Похоже.

— Наш или чужой?

— Чужой.

— С чего ты взял?

— Напомнил мне кое о чем — из далекого прошлого.

— И мы не будем его трогать?

— По-моему, у нас нет выбора.

Квик вздохнул и снова закурил.

Тварь следовала за нами всю ночь, все время, что мы летели над Конго. Когда мы приземлились в первый раз — для заправки на каком-то совсем примитивном аэродроме, которым пользовались, главным образом, контрабандисты — так думал наш пилот, — похожая на птицу штука осталась кружить в небе.

Стоило нам взлететь, наш преследователь снова занял наблюдательный пост. Я ненадолго заснул, а когда проснулся, мы уже проносились над Угандой,

небо впереди стало светлеть. Я не чувствовал себя отдохнувшим, но больше уже спать не мог. Наш спутник по-прежнему оставался порождением ночи, утренний свет, казалось, не имел к нему никакого отношения. Каждый раз он терпеливо ждал, когда мы делали остановки для заправки топливом, а потом продолжал преследование, как только мы поднимались в воздух.

Когда мы пролетали над озером Виктория, окончательно рассвело. Я решил провести разведку. И почувствовал нечто. Яркая, ослепительная вспышка возникла всего на одно короткое мгновение и тут же пропала. Я съел бутерброд и выпил чая. Теперь мы летели над Кенией. «Интересно, — подумал я, — что это было... чего коснулся мой разум?» Неожиданно я почувствовал, что нервничаю. Куда мы несемся и что я должен буду сделать? Сам по себе я не мог представлять ни для кого никакого интереса — кроме телепатических способностей, во мне не было ничего особенного. Хватит ли мне этого? Или, может, я должен противостоять тому, что поджидает меня, превратившись в одну из великих личностей, что побывали в моем разуме? Я с легкостью смогу вновь до них добраться... Но я не имею ни малейшего представления о том, кого из них следует выбрать.

Я смотрел на проносящуюся внизу Землю — зеленую, коричневую, желтую. Квик тихонько посапывал в своем кресле. Заглянув в мысли пилота, я узнал, что наша следующая — и конечная — остановка будет на побережье Сомали.

Соглядатай покинул нас и улетел на восток, когда мы приземлились и пилот заглушил двигатель. Меня немного знобило — по-видимому, сказывались усталость и напряжение. Яркое светило солнце, мы находились в самом центре небольшой, совсем недавно расчищенной площадки. Неподалеку виднелась новенькая хижина. Цистерны с горючим и хижина были прикрыты маскировочными сетями. Механик и его

помощник должны были вот-вот выйти на импровизированное поле и заняться вертолетом: заправить его горючим и проверить, все ли в порядке. Наш пилот заговорил с ними на суахили.

— Квик, я себя неважно чувствую, — сказал я.

— Могу себе представить. Ты плохо выглядишь. Попить не хочешь?

— Давай.

Я думал, что он имел в виду воду, но он достал из одного из своих многочисленных карманов флягу и протянул мне.

Я сделал большой глоток бренди, закашлялся, поблагодарил его и вернул флягу.

— Ты знаешь, что мы должны делать дальше? — спросил меня Квик.

Я знал. Напряжение, плохое самочувствие, беспокойство, любопытство, все мои желания вдруг слились в одно болезненное стремление пойти именно в ту сторону, где скрылись наши преследователи. Я снова ощутил присутствие, которого коснулся совсем недавно и которое тогда ускользнуло от меня, — я понял, что теперь должен сам идти вперед.

Я повернул на восток и пошел в сторону моря: оно промелькнуло под нами, когда мы заходили на посадку. Да, я все делаю правильно. Напряжение немного отпустило.

Неожиданно рядом возник Квик, который попытался схватить меня за плечо.

— Эй, приятель! Куда это ты собрался?

— Туда, — ответил я ему, не обращая внимания на его руку. — Оставайся здесь. Ты сделал свою работу.

— Нечего болтать! Я твой телохранитель до тех пор, пока Лидия не скажет, что я свободен. — Он пошел рядом со мной. — Ну, что случилось?

— Я знаю, куда должен идти.

— Отлично. Мог бы и мне сказать.

— Пожалуй, тебе не следует идти со мной.

— Почему?

— Ты можешь пострадать.

— Знаешь, я рискну. Я должен убедиться, что ты благополучно доберешься... куда там тебе нужно.

— Ладно. Но учти, тебя предупредили.

Сквозь кустарник проходила узкая дорожка, по которой мы и пошли. Тропинка повернула направо, но мы не последовали за ней. Теперь кусты росли не так густо, и продвигаться вперед стало совсем не трудно. Некоторое время мы шли под уклон.

— К воде? — спросил Квик.

— Кажется, да.

— Ты сказал, что я могу пострадать. Не мог бы ты уточнить, какая опасность нам угрожает?

— Не мог бы. Потому что сам не знаю. Просто чувствую — и все. На самом деле им нужен только я.

— Кому «им»?

— Понятия не имею.

Спуск стал более крутым. Меня лихорадило, но теперь я смотрел на себя, словно со стороны. Точно мое тело превратилось в нечто вроде почтовой станции, приют самых разнообразных разумов, где и мое собственное сознание — всего лишь временный посетитель, готовый в любой момент освободить территорию для того, кто прибудет следом. Я продолжал спускаться вниз, время от времени помогая себе руками в тех местах, где спуск был особенно трудным.

— Деннис, мы должны немного передохнуть, — сказал Квик.

— Нет, нужно идти вперед.

— Ты уже задыхаешься и порезал руку. Сядь. Вот сюда! — Он показал на плоский камень.

— Нет.

Тогда он схватил меня за плечи и насильно усадил на камень, о котором говорил.

— Выпей немного воды. — Квик передал мне флагу. — А теперь покажи руку.

Я пил воду, а Квик перевязывал мне руку. Затем он закурил и поправил кобуру так, чтобы можно было быстро выхватить пистолет.

— Вряд ли Лидия будет довольна, если ты доберешься туда в плохом состоянии.

— Это не имеет никакого значения, Квик. Меня зовет кто-то, он заставляет меня сожалеть о каждом потраченном зря мгновении — вот как сейчас. Устану я физически или нет, не важно. Их интересует мое сознание.

— Нельзя недооценивать значение собственного тела, Деннис. Ты можешь выполнять самые разнообразные умственные упражнения — но сейчас столько болтают о психосоматике, что иногда мне кажется: они забывают о взаимосвязи всех процессов. Если ты хочешь, чтобы твой разум находился в хорошей форме для того испытания, что тебя ждет, следует подумать немного и о физиологии.

— Знаешь, в данный момент я просто не в состоянии рассуждать подобным образом.

— В таком случае я сделал правильно, что пошел с тобой.

Мы отдышали еще несколько минут.

А потом Квик погасил сигарету и кивнул мне. Тогда я поднялся на ноги и стал спускаться вниз по склону. Решил ни о чем не думать.

Я больше ничего не чувствовал и уже не доверял своему интеллекту. Просто сосредоточился на движении в том направлении, откуда до меня доносился призыв, с каждым новым шагом становившийся все более настойчивым. Я понял, что больше не могу принимать никаких самостоятельных решений, а должен просто выполнять то, что мне велят. Либо это ощущение привнесено в мое сознание давным-давно Лидией, либо оно оказалось единственно возможной реакцией организма, страстно желающего выжить, — этого я не узнаю никогда.

Человек спешит на поляну, по которой совсем недавно прошли его спутники. В самом центре поляны небольшое скопление скал...

Он выходит на открытое место и направляется к скалам. Услышав раскаты грома у себя за спиной,

он понимает, что вряд ли успеет сбросить что-нибудь на голову своего преследователя.

Он несется к крошечному углублению в скале, забирается внутрь и, сжавшись, поворачивается.

Мы вышли на ровное место, но заросли стали более густыми. Однако мне удалось отыскать тропинку, и мы двинулись по ней вперед. Примерно минут через двадцать листва поредела, а дорожка повела нас куда-то вниз. Довольно быстро тропинка затерялась среди низкого кустарника и сухой травы. Но я знал, куда нужно идти — лучше, чем прежде, потому что сила призыва продолжала нарастать. Я повернул направо, туда, где почва была песчаной.

Наконец мы подошли к холму и взобрались на него. Теперь мы видели море — в двух милях от нас — зеленое, искрящееся в солнечных лучах.

Древние. Море и эта земля.

Я на мгновение остановился, потому что впервые подумал о времени. Наверное, причиной был мой возраст: я прожил на свете еще недостаточно долго, чтобы иметь собственную историю; поэтому я и не предавался размышлениям о природе времени применительно к себе самому. Что же касается тех, других жизней, к которым я прикоснулся, находясь на Луне, то время, разделявшее нас, не имело для меня принципиального значения, поскольку я мог дотянуться до них так же, как если бы они сидели в одной со мной комнате. Но сейчас... вода и скалы по-новому рассказали мне о геологической хронологии, совсем не так, как это представлялось на Луне. Там я видел весь мир, ослепительно яркий и прекрасный. Я находился слишком далеко от него, да и мои тогдашние ощущения были такими новыми... Я смотрел на Землю скорее как на небесный артефакт, выполненный чьей-то искусной рукой и существующий лишь в настоящем времени. А сама Луна... неподвижная, лишенная воздуха... место, где остановилось время, где не действует ни один закон...

Так что представшая моим глазам картина заставила меня впервые самостоятельно задуматься о древности нашего мира, о его... жизни. О вмешательстве в жизненные процессы Земли. Неожиданно, глядя на игру светотени на воде в этом отдаленном древнем уголке Африки, я понял, что меня толкает вперед не просто какая-то сила, с которой я не в состоянии справиться. Даже не чувство долга, хотя оно, конечно, переполняло мою душу. Я ощутил непреодолимое желание сделать что-нибудь, чтобы сохранить древние воды и земли моего мира, противостоять запланированному загрязнению, которое губит его вот уже многие века — может быть, с тех пор, как в Моанде начал действовать погасший со временем ядерный реактор. А еще я понял, что, возможно, именно ему обязан своими выдающимися телепатическими способностями. И все же я должен стать больше чем просто заводной игрушкой. Как и все мы, иначе жизнь потеряет смысл. Смуглолицый человек сказал Ван Дайну, что ответ на то, что сотворили люди, ответ, к которому больше никто не относится всерьез, — телеологический — является единственно правильным. Нам навязали царство идей детерминизма. Только разрушив его, мы сможем спасти наш дом, наши жизни...

Теперь то, что я должен был сделать, стало и моим желанием тоже.

Но скажи мне... А что-нибудь когда-нибудь предпринималось?

Не сводя глаз с моря, я бросился вниз по склону холма. Серовато-бурый берег был усеян мелкими и крупными камнями, украшенными клочьями белой пены. Ветер доносил соленый морской воздух. Внизу, слева от меня, в море уходила тонкая, похожая на вытянутый палец, полоска суши. Я не видел, что лежало за ней.

Минут через пятнадцать мы уже шагали по песку и мелким камешкам, стараясь обойти эту полоску земли. Я слышал крики птиц, плеск волн, чувствовал холодный, порывистый ветер на своем лице...

Ветер продолжает гуть, мир продолжает жить, как если бы меня вовсе не было на свете...

Сила, толкавшая меня вперед, стала теперь различной — я почувствовал присутствие смуглого человека, который стоял, повернувшись лицом к морю, еще до того как мы обогнули скалы и увидели его.

Он знал о том, что я пришел, хотя даже не взглянул в мою сторону. Я понял это, заглянув в его сознание. Однако его внимание было приковано к тому, что пряталось глубоко под водой, на востоке.

Квик остановился и положил руку на рукоять пистолета.

— Кто это?

— Смуглолицый, — ответил я Квику, — тот, что разговаривал с Ван Дайном. Древний враг наших древних врагов. Это ему вспороли живот.

Человек повернулся и посмотрел на нас. Он был среднего роста, в шортах и не зашнурованных теннисных тапочках. На шее у него висел медальон. Опирался смуглолицый на копьё с наконечником из потемневшего металла. Вдруг я почувствовал, что наступило мгновение, когда его внимание сосредоточилось на мне.

— *Деннис Гиз. Вот место и время. Все готово. А ты готов?*

— *Да. Но я не понимаю.*

Хотя нас разделяло метров десять, я разглядел, что он улыбнулся. Мы оба стояли, не шевелясь, не стараясь приблизиться друг к другу.

— *...То, что увидел Ван Дайн, когда посмотрел на Восточную Реку, на затихший город...*

— *Я видел. Я помню. Не это мне не понятно.*

Квик заглянул мне в глаза.

— Что происходит? — спросил он.

Я поднял руку.

Квик кивнул.

— Я его слышу, — выдохнул он.

— *Они живут там, — смуглый человек махнул копьем, — под водой. Я прихожу сюда время от времени, чтобы поговорить с ними. Как и обычно, я пы-*

тался сказать, что их план терпит поражение, что человечество гораздо изощреннее, чем они думают, что люди менее подвержены их влиянию, чем они полагают, что были предприняты серьезные попытки противостоять их замыслам, что человечество учится на своих собственных ошибках, что пришло время отказаться от Земли и покинуть ее.

— *Они отвечают?*

— *Да. Они утверждают обратное.*

— *Как можно их убедить?*

— *Примером.*

— *Что я должен делать?*

— *Пойти к ним и позволить им обслебовать тебя.*

— *Как это поможет тебе? Что я могу им показать?*

Я задал вопрос, но я знал. Словно именно этот смуглый незнакомец, а вовсе не Лидия, помог мне справиться с болезнью, словно он обращался со мной так же, как наш враг обращался со всем человечеством, — вылепил меня, переделал всю мою жизнь: болезнь, выздоровление, яркие впечатления пережитого мной опыта; он манипулировал мной, чтобы существо, подобное мне, оказалось именно в этом месте и именно в это время и он смог предоставить меня врагу, который получал возможность исследовать меня так, как он того пожелает; смуглый человек надеялся продемонстрировать, что человечество изменилось, перестало соответствовать их изначальным установкам и что — так подсказывал мне мой исторический опыт — прошлое не потеряно для нас, это не сожженный и превращенный в пепел мост, а открытая дверь: мы можем исследовать нашу историю, учиться на ее примерах; даже если меня уничтожат, такие, как я, появятся снова. Он предложит меня в качестве символа, примера, доказывающего, что человеческая раса учится на своих ошибках.

— *Вы дали Ван Дайну право выбора, — сказал я ему.*

— *Я уже знаю твой ответ.*

Я опустил голову.

— *Значит, и тогда игра была нечестной.*

— *У нас не было другого пути. Да и сейчас нет.*

Я посмотрел на воду, на небо, а потом на берег. Может быть, я вижу их в последний раз.

— *Где они?* — спросил я наконец.

— *Я позову их.*

Смуглый человек отвернулся и посмотрел на воду.

— Ну а теперь что? — спросил Квик. — Что он делает?

— Призывает судей.

Квик положил руку на пистолет.

— Не нравится мне, как это звучит.

— Мы не вправе уклониться.

— Хорошо. В таком случае, если они попытаются причинить тебе вред, я тоже сделаю то, что должен.

— Не вмешивайся. Ты же знаешь, что поставлено на кон.

Он ничего не сказал, только отвернулся от меня и уставился на воду.

Над поверхностью моря появилась зеркальная сфера. Я смотрел на нее — она приближалась. Я не смог оценить ни размеров сферы, ни расстояния до нее. Попытавшись мысленно заглянуть внутрь, я почувствовал там чье-то живое присутствие, но понять их образ мышления мне не удалось. Они поняли, что я их изучаю, однако идти на контакт не захотели.

Сфера катилась по воде — огромная, круглая и блестящая. Примерно в сорока метрах от берега она натолкнулась на песчаную отмель или какое-то другое препятствие и там остановилась.

Все происходило бесшумно, только кричали птицы, свистел ветер, а на берег с тихим шорохом набегали волны. У меня на глазах та сторона сферы, что была направлена к берегу, медленно и бесшумно открылась, и на воду опустились сходни.

— *Они прибыли. Теперь дело за тобой.*

Я облизнул губы, почувствовал соль, кивнул. Сделал шаг вперед. Квик встал рядом со мной.

— Нет, — сказал смуглолицый, и Квик замер на месте, напомнив об аудитории, которую мы... я видел на собрании Генеральной Ассамблеи, в тот день, давным-давно, вчера.

Я пошел вперед. Приблизился к смуглому человеку, двинулся дальше. Его лицо ничего не выражало — так же как и мое. Когда я проходил мимо, он коснулся рукой моего плеча. И больше ничего.

Остановившись на границе волн, набегавших на берег, я подумал про неподвижного Квика. Все правильно, иначе было нельзя. Он выстрелил бы в любого, кто попытался бы ко мне прикоснуться. Мы бы оценили по достоинству его геройство. Все так просто... Мы...

Я больше не был один. Вероятно, сам того не желая, я послал сигнал и снова объединил в себе всех тех, кто уже однажды побывал в моем сознании. Ко мне присоединился Родерик Лейшман; казалось, стоит повернуться, и я увижу, как он идет за мной следом.

Я не стал поворачиваться, просто пошел вперед, не отрывая взгляда от сферы — блестящего шара, о который разбивались волны, посылая в разные стороны целые водопады брызг, а парящие в небе птицы причудливыми тенями метались по ее зеркальной поверхности.

Птицы... Полет... Я смотрел на них, точно через стробоскоп: мельчайшие детали каждого движения отпечатывались в моем сознании, я был готов в любой момент перенести увиденное на лист бумаги.

...Словно Леонардо да Винчи встал рядом с Лейшманом у меня за спиной.

Мы видели, как волны оставляют следы на мягком песке... как в тот день, тогда, возле Сиракуз, где мы почти открыли дифференциальное исчисление, много веков назад.

К да Винчи и Лейшману присоединился Архимед — мы собрались вместе в этом древнем закутке нашей планеты, где земля еще девственно чиста, где пульсируют чистые элементы. О Боги, человек мо-

жет жить в гармонии с вашим наследием... Юлиан Отступник*, последний из старых защитников, встал рядом с нами, а за ним, спотыкаясь, заковылял Жан Жак Руссо.

И когда я, точно полководец, вел свою армию вперед, к ней присоединялись другие, и я мысленно заглянул через мост, который перестал быть мостом из пепла, касаясь одного, второго, третьего, дюжин людей, каждым из них я был когда-то, наполняя свое сознание присутствием всех тех, кто потерпел поражение во имя человека: грандиозные неудачи и совсем небольшие, сломанные судьбы гениев, таланты, уничтоженные при взлете, недоучившиеся самоучки — я тонул среди этих людей, но я был одним из них: щитком на панели управления, контактом, стрелочником. Вот стоит Леонардо; вот Кондорсе...

Ступив в полосу прибора и приближаясь к спущенным сходням, я сделал последний шаг назад, чтобы превратиться в умирающего Бога-вождя, который воскреснет сладко благоуханной весной, — того, чьи сыновья и сыновья сыновей охотились на этой земле еще до того, как родились эти горы, тот, кто говорил с могучими силами, заключенными в глубинах моря, тот, кто призвал их сюда, тот, кто стоял сейчас на песке с поднятым копьём.

Я был смуглолицым, который носил все эти имена.

Поднимаясь вверх по сходням, словно в замедленной съемке, мы вошли в сумрачные коридоры судна, которые лишили нас зрения. Но мы чувствовали их присутствие, холодное и могущественное, изучающее человека...

— *Игу. Сюга.*

И они повели нас. Мы ощущали их. Мы по-прежнему ничего не видели.

* Юлиан Отступник — римский император с 361 по 363 год нашей эры. Став императором, объявил себя сторонником языческой религии. От христианской церкви получил прозвище Отступник.

Медленно, под безжалостным взглядом наших создателей, мы шли по кораблю — против часовой стрелки...

Время перестало для нас существовать. Мы проходили развернутым строем. Все те, кого они, как им казалось, уничтожили. Мы вернулись. Мы предстали во мраке перед нашими судьями.

А потом возник свет — далеко впереди. Мы колебались.

— *Продолжай идти, человек.*

Мы пошли к свету. А подойдя ближе, заметили, что оказались перед проходом, похожим на тот, через который мы сюда вошли. Только... день подходил к концу, а солнце опускалось за скалистую горную гряду на западе. Я остановился.

— *Продолжай идти, человек.*

— *И это все, что вы можете мне сказать? После столько лет? После всего, что было сделано?*

— *Прощай.*

Я обнаружил, что продолжаю идти, спускаюсь в воду со сходней, направляюсь к берегу. Я не оглядывался, пока не выбрался на сухое место. Тогда я повернулся, но корабль уже исчез.

Тут только я заметил, что меня трясет. Я направился туда, где все еще стоял смуглый человек. Пока я шел к нему, мои спутники покинули меня. Квик лежал на песке и, кажется, спал. Когда я поравнялся с ним, он сел, потянулся и зевнул.

— *Пора уходить,* — сказал смуглолицый. — *Всходит луна. Начинается прилив.*

Квик и я последовали за ним вдоль кромки воды, а затем начали подниматься вверх. Он сдвинул камень и, пошарив под ним копьём, вытащил сумку с припасами. Начал разводить костер.

— *А что дальше?* — спросил Квик.

— *Поешьте со мной и подождите немного,* — ответил смуглолицый.

Так мы и сделали. Солнце село, на небе появились звезды. Тепло огня защищало нас от порывов холодного ветра. Свет тяжелой луны посеребрил воду.

Спустилась ночь, а мы все ждали и ждали. Вдруг Квик вскочил на ноги и показал в сторону океана.

Луна, переместившаяся в западную часть неба, осветила поверхности бледным огнем.

Они, словно пузыри, поднимались из моря и взлетали в воздух, исчезая в ночном небе. Я наблюдал, быстро сбившись со счета, как они появлялись из воды, поднимались вверх, исчезали, появлялись, поднимались вверх, исчезали, точно жемчужины, нанизанные на нитку, устремлялись они к звездам.

— Они уходят! — воскликнул Квик.

— Да, — ответил наш спутник.

— Они попытаются проделать то же самое где-нибудь еще? — спросил Квик.

— Конечно.

— Но мы победили? Земля снова принадлежит нам?

— Похоже, что так, винить за последствия некого, кроме самих себя.

Мы наблюдали за этой необычной картиной еще около часа, а потом небо опустело. Смуглый человек улыбался в свете костра...

Вдруг выражение его лица изменилось, и он схватился за медальон, висевший у него на груди.

Мгновенно вскочил на ноги.

— Что случилось? — спросил Квик.

— Уходите отсюда! Быстро! — крикнул он.

А потом бросился туда, где торчало из песка его копьё.

И тогда я услышал, как глухой, ухающий звук прокатился над волнами, стал громче, превратился в свист, быстро перешедший порог слышимости. Я был напуган, не мог пошевелиться от сжавшего мое сердце страха.

Попытался войти в мысленный контакт, но столкнулся с пустотой.

— Уходите! Скорее! — крикнул смуглолицый. — Торопитесь!

Мы снова услышали этот странный звук, уже гораздо ближе — из воды выбралось какое-то темное

существо и двинулось по широкому песчаному берегу в нашу сторону. Квик заставил меня подняться на ноги и стал подталкивать в сторону холмов. Спотыкаясь, я бросился бежать.

Наш спутник тоже отступал. Оглянувшись назад, я заметил, как лунный свет коснулся движущейся тени. Существо было длинным и большим, покрытым чешуей. Мы карабкались вверх по скалам, а у нас за спиной звучал жуткий боевой клич. Чудовище приближалось с невероятной скоростью, и, когда оно замолкало, я слышал, как с металлическим звоном отлетают в сторону камни. Довольно скоро я почувствовал, что земля задрожала.

Мы продолжали взбираться вверх по скалам. Наши древние враги покинули Землю, но они готовились нанести последний удар тому, кто заставил их отступить. Я увидел это в сознании смуглого человека.

Наконец мы добрались до того места, где росли низкий кустарник и трава. Я надеялся, что горный склон замедлит продвижение неуклюжего чудовища. Однако оно взвыло еще оглушительнее, а земля опять содрогнулась у нас под ногами. Оглянувшись, я увидел в лунном свете большую рогатую голову и неестественно кривые, растопыренные в разные стороны ноги, вгрызающиеся в землю и отбрасывающие со своего пути все препятствия. Чудовище почти поравнялось с нами.

Смуглолицый повернулся и побежал в противоположную от нас сторону. Мерзкая тварь последовала за ним, выворачивая с корнями деревья, сдвигая огромные валуны. Квик бросился вслед за ним, я услышал выстрелы: пули со звоном отскакивали от чешуи.

Смуглый человек повернулся к чудовищу, выставив вперед свое копьё. Зверь налетел на него, и раздался громкий скрежет. Вся сцена на мгновение застыла в лунном свете, точно какая-то уродливая статуя: чудовище остановилось, копьё вошло в тело врага где-то под головой, а смуглый человек пытался удержать его.

Но вот голова дернулась, и рог вошел в тело человека, отбросив его в сторону. В этот момент чудовище взвыло еще раз — Квик ударил его по голове громадным камнем, — опустилось на землю и застыло. Мы никогда не узнаем — Квик прикончил его, или удар копья оказался смертельным.

Я бросился к смуглому человеку, а несколько мгновений спустя ко мне присоединился задыхающийся Квик. Наш спутник был без сознания, но еще дышал. Его бок был очень влажным.

— О Господи! — воскликнул Квик и, сорвав с себя рубашку, свернул ее и приложил к ране. — Так я и думал! Поблизости нет ни одной больницы...

— Оставьте его. Уходите. Возвращайтесь к своему вертолету. И никому не рассказывайте про это, — услышал я голос, который мне не сразу удалось узнать.

Повернувшись, я увидел спускающуюся по склону Лидию.

— Ты сделал свою работу, — сказала она. — Отвези мальчика домой, Квик.

— Лидия, — воскликнул Квик, — мы не можем вот так взять и уйти!

— Вам больше нечего здесь делать. Уходите!

Я заглянул в сознание смуглого человека — он был жив, но ему оставалось совсем немного.

— Лидия...

— Немедленно!

Она показала рукой на склон, и какая-то сила вынудила нас повиноваться.

— Идем, парень, — вздохнул Квик. — Не надо ничего говорить.

Я пошел за ним. Он был прав: мне нечего было сказать. Я хотел оглянуться, но не смог.

Через некоторое время, когда мы поднялись вверх по склону и проходили сквозь заросли кустарника, мимо деревьев, до нас донеслось далекое пение. Я не различал слов, да и вряд ли понял бы их, поэтому я стал слушать при помощи своего сознания.

— ...*Деревья и горы, реки и долины, как такое могло случиться?* — казалось, услышал я. — *Рвите на себе одежду, спрячьтесь, пролейте слезы, рыдайте...*

Я... я споткнулся. Мне показалось, что я лежу на земле, положив голову ей на колени, а из моего тела продолжает вытекать кровь.

А потом песня исчезла где-то за деревьями.

Мы быстро шли вперед, сквозь светлеющую ночь.

ГЛАЗ КОТА

*Посвящается Джо Липхорну,
Джимми Чи и Тони Хиллерману*

ЧАСТЬ I

*У двери Дома Тьмы
лежит пара рыжих койотов
с перевернутыми головами.
Найенесгани раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня.
С молнией позади,
с молнией впереди,
входит в поисках меня.
С горным хрусталем и говорящим кетаном.*

*За порогом, по углам
Дома Тьмы
лежат две рыжие сойки
с перевернутыми головами.
С молнией позади,
с молнией впереди,
он раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня.*

*Дальше у очага Дома Тьмы
лежат две ухающие совы
с перевернутыми головами.
Он раздвигает их темным посохом
и входит в поисках меня
с горным хрусталем и кетаном на устах.*

*Посреди Дома Тьмы,
где лежат две ушастые совы
с перевернутыми головами.
Найенесгани откидывает их в сторону,
входя в поисках меня,
молния позади,
молния впереди.
Неся горный хрусталь и с говорящим кетаном,
он приходит за мной.
Из сердцевины земли он приходит.*

Дальше...

Молитва Преследования Зла

Ночью, близ восточной границы обнесенных стенами рощиц и отлогих лужаек усадьбы, внутри этих стен, вероятно, в четверти мили от самого дома, у небольшой группы деревьев под безлунным небом стоит он, прислушиваясь, совершенно безмолвный.

Влажна почва под его сапогами. Холодный ветер говорит ему, что зима нехотя уступает место весне на севере штата Нью-Йорк. Он протягивает руку и нежно касается темной линии изящной ветки справа от себя. Ощущает зелень почек молодого года, мечтающих о лете под его широкой темной ладонью.

На нем голубая вельветовая рубаша навывпуск, широкий ремень с пряжкой в виде раковины поддерживает на талии джинсы. Тяжелое ожерелье из цветов тыквы — очень старое — висит у него на груди. На шее — изящная нитка бирюзового хейче, на левом запястье — серебряный браслет, усеянный кусочками коралла и бирюзы. Пуговицы на рубашке сделаны из расплющенных десятицентовых монет начала двадцатого века. Длинные волосы повязаны красным лоскутом.

Высокий, несовременный и неуместный, он прислушивается к тому, что можно или нельзя услышать: признакам странной схватки в темном доме. Неважно, как сложится встреча, он, Уильям Черный Конь Сингер, то бишь Певец, проиграет. Но все это ему придется вынести самому — из-за силы, которую он давным-давно привел в движение — чинди, который ходил за ним по пятам в течение многих лет.

Слышен непродолжительный шум со стороны дома, за которым тут же следует громкий грохот. Одна-

ко этим дело не кончается. Звуки продолжают раздаваться. Откуда-то из-за стен воет койот.

Он чуть не рассмеялся. Несомненно, собака. Хотя звук больше напоминает другое существо, к которому он снова привык. Конечно же, рядом нет никого из них.

Уильям Черный Конь Сингер. У него есть другие имена, но запоминающим машинам он известен под этим. По этому имени его вызвали.

Звуки внезапно стихают, хотя через короткое время возобновляются. По его оценкам, в этой части мира сейчас около полуночи. Он смотрит на небеса, но Христова кровь не струится по тверди. Лишь птица грома Ини среди юго-западных звезд подготавливает перуны, тучи и дождь, вытягивает хохолок, чтобы пощекотать нос медведя Саса, говоря ему, что время принести на землю новую жизнь — там, рядом с Млечным Путем.

Безмолвие. Внезапно протяжное биение начинает наполнять мир. Все кончилось? Действительно ли все кончилось?

Вновь за резким лаем следует вой.

Некогда он знал многое, да и по-прежнему кое-что знает. Все теперь для него завершилось, кроме ожидания.

Нет. Есть еще одна вещь для заполнения.

Тихо, но с нарастающей силой, он заводит песню.

Первочеловек точно не прыгал от радости по темной преисподней, в которой был сотворен. Он делил ее еще с восемью людьми, и с муравьями, и жуками, а позднее с саранчой и Койотом-Первым Сердитым, Тем-кто-образовался-в-воде, Костлявым Бродягой. Все размножались. Позднее к ним присоединились народы стрекоз, ос и летучих мышей, Паук и Паучиха. Пространство переполнялось и кишело клопами. Последовала борьба.

— Давайте отсюда выбираться, — предложило большинство.

Первочеловек, который был мудрым и могущественным, достал свои сокровища — Белую Раковину, Бирюзу, Мидию, Гагат и Красно-Белый Камень.

Он положил Белую Раковину на востоке и дунул на нее; оттуда поднялось белое башнеподобное облако. Он поместил Бирюзу на юге и дунул на нее; поднялось голубое облако-башня. На западе положил Мидию, и, когда дунул на нее, там поднялось желтое облако-башня. На севере поместил Гагат, и, затронутый его дуновением, он выдал черное башнеподобное облако. Белое и желтое разрастались, встретились наверху и пересеклись. То же сделали голубое и черное. Они стали Ночью и Днем.

Потом он положил Красно-Белый Камень посередине и дунул на него; поднялась многоцветная башня.

Башня на востоке была названа Всеобъемлющим Рассветом, на юге — Всеобъемлющим Голубым Небом, на западе — Всеобъемлющими Сумерками, на севере — Всеобъемлющей Тьмой. Койот посетил их

одну за другой, меняя свой цвет, чтобы соответствовать их цвету. По этой причине он известен как Дитя Рассвета, Дитя Голубого Неба, Дитя Сумерек и Дитя Тьмы наряду со всеми остальными именами. В каждом из этих мест возростала его сила.

В то время как башни четырех стран света были святы и рождали молитвенные обряды, центр являлся источником страданий, зла и болезней. И именно вверх, на эту башню, повели людей Первочеловек и Койот, во второй мир. И конечно же, вместе с ними все зло.

Они сходили на разведку и повстречались с другими. И Первочеловек дрался со многими, побил их всех и забрал их песни силы.

Но здесь также было полно страданий и невзгод — это обнаружил Койот, когда ходил по миру взад-вперед, вверх и вниз. И к Первочеловеку он обратил свою просьбу о том, что им надо отсюда уходить.

Первочеловек создал белый дым и выдул на восток, затем вновь его проглотил. И то же самое сделал во всех направлениях. Это удалило из мира все зло и принесло его обратно людям — туда, откуда оно и пришло. Потом он послал Молнию, как зигзагообразную, так и прямую, на восток, и Радугу, и Солнечный Свет — но ничего не произошло. Он перенес их на юг, запад и север... Мир содрогался, однако не производил силы, чтобы поднять их вверх. Тогда Первочеловек сделал палочку из Гагата, Бирюзы, Мидии и Белой Раковины, а на верхушку поместил Красно-Белый Камень. Она поднялась и вынесла их наверх, в следующий мир.

Здесь они встретили множество змей, Соленых Мужчину и Женщину и Бога Огня. Не надо забывать и о Паучьем Муравье. И свет с тьмой изошли из башен четырех цветов, как и в других мирах.

Но Первочеловек поместил желтую полосу, а потом еще и красно-желтую полосу на востоке, и они приостановили продвижение белого света.

А люди испугались. Соленый Мужчина посоветовал им отправиться на восток, но полосы отодвига-

лись по мере их приближения. Потом они услышали глас, зовущий на юг. Там нашли старика Донтсо по прозвищу Муха-Вестница, и тот поведал им, что сделал Первочеловек. Он сказал, что желтая полоса символизирует появление Людей, а другая — растительность и пыльцу, где красная составляющая указывает на все болезни.

Затем пришли Сова, Лисенок, Волк и Дикий Кот, а с ними Рогатая Гремучая Змея, предложившая Первочеловеку раковину, которую она несла на голове, и обещания подарков в будущем — Белой Раковины, Бирюзы, Мидии и Гагата. Первочеловек принял раковину и ее магию, а затем убрал с неба полосы.

Тогда люди осознали, что Первочеловек зол. Койот подслушал их разговоры и донес Первочеловеку, что они прознали о том, что он остановил свет на востоке, чтобы добыть некое сокровище.

Когда позднее они поставили перед ним этот вопрос, Первочеловек ответил:

— Да. Верно, внуки. Очень верно. Я зол. Однако я употребляю свое зло вам на пользу. Ибо эти подношения помогут всем нам. И я знаю, когда попридерживать зло в отношении окружающих меня тварей.

И он продолжил это доказывать, построив знахарский хоган, где поделился с ними своим знанием о добре и зле.

Он вспомнил вечеринку, происшедшую перед тем, как нашел койота.

Облаченный во взятое напрокат великолепие мерцающего, угловатого и жесткого черного вечернего костюма из синтетического волокна от «Плиссе и Гофре», он перенесся в особняк в Арлингтоне. Былые и современные знаменитости заполняли искрящиеся комнаты с высокими потолками. Он решительно являлся былым, но все равно явился, чтобы повидаться с несколькими старыми друзьями, вновь прикоснуться к другой жизни.

Его приветствовала с профессиональным очарованием некая пожилая женщина. Она подошла к нему, обняла и с полминуты говорила с ним вдохновенным голосом диктора новостей, пока какой-то вновь прибывший у него за спиной не вынудил ее сжать его руку, направляя в сторону.

Он с благодарностью отошел и взял с подноса бокал; глядя на лица, кивая некоторым, останавливался, чтобы обменяться парой слов, а между тем пробирался к маленькой комнатке, которую вспомнил по предыдущим визитам.

Войдя в нее, он вздохнул. Ему нравились дерево и железо, камень и грубая штукатурка, книги и спокойные картины, единственное окно с беспрепятственным видом на реку, тихо горящий камин.

— Я знал, что ты найдешь меня здесь, — сказала она, сидя в кресле у очага.

Он улыбнулся:

— Я тоже... единственная комната, построенная во время провала в безвкусице.

Он взял стул, сел рядом с ней, но повернувшись, скорее, к камину. Ее печальное морщинистое лицо с ярко-голубыми глазами, седые волосы, приземистая коренастая фигура не изменились за последнее время. В некоторых отношениях она стала старше, в других — нет. Ему вспомнились столетние Фонтанель и мадам Гримо, почти такие же старые, как и он сам. Однако здесь имела место пропасть иного рода.

— Ты вскоре опять отправишься собирать? — спросила она.

— У них есть все звери, которые им пока нужны. Я уволен.

— Тебе это нравится?

— Как и все остальное.

Она слегка наморщила лоб.

— Никогда не могу разобрать, это у тебя врожденный фатализм, пресыщенность жизнью или поза.

— Я уже тоже не могу.

— Вероятно, ты мучаешься от праздности.

— Она в эти дни такое же исключение, как и дождь. Я существую в некой уединенной культуре.

— В самом деле. Пожалуй, не столь же скверно, как все остальное, — сказала она.

— Скверно? Добро и зло вечно перемешиваются. Это обеспечивает порядок.

— Ничего иного?

— Легко любить присутствующее и желать отсутствующего.

Она протянула руку и сжала его ладонь.

— Сумасшедший индеец. Существует ли ты, когда меня здесь нет?

— Не уверен, — ответил он. — Я был привилегированным путешественником. Возможно, я умер, а ни у кого не хватает духа сказать мне об этом. Как дела, Маргарет?

Через некоторое время она ответила:

— Полагаю, я по-прежнему живу в век робости. И идей.

Он поднял бокал и сделал большой глоток.

— ...Прокисший, выдохшийся и бесполезный, — сказала она.

Он поднял бокал выше и уставился сквозь него на свет.

— Не так уж плох. Они достали вермут в такое время.

Она хихикнула.

— Философия не меняет людей, верно?

— Не думаю.

— Чем теперь ты намерен заняться?

— Пойти поговорить с остальными. Выпить еще пару стаканов. Возможно, немного потанцевать.

— В смысле, не сегодня вечером.

— Понятно. Думаю, ничем особенным. Мне это не нужно.

— Мужчина вроде тебя *должен* чем-то заниматься.

— Чем?

— Это ты обязан сказать. Когда боги безмолвствуют, кто-то должен выбирать.

— Боги безмолвствуют, — произнес он, наконец взглянув в ее светлые старые глаза, — а все мои выборы израсходованы.

— Неправда.

Он вновь отвел взгляд.

— Пусть будет так, — сказал он, — как ты поступала прежде.

— Не надо.

— Извини.

Она сняла руку с его ладони. Он допил вино.

— Твой нрав — твоя судьба, — сказала она наконец, — и ты — создание перемен.

— Я живу стратегически.

— Может быть, чересчур.

— Пусть будет так, сударыня. Это не входит в список моих забот. Я достаточно изменился, и я устал.

— Даже это будет продолжаться?

— Похоже на каверзный вопрос. У тебя был свой шанс. Если у меня назначено свидание с глупостью, я

на него приду. Не пытайся лечить мои раны, пока не удостоверишься, что они есть.

— Уверена. Тебе придется что-то найти.

— Я не обращаюсь с просьбами.

— ...И надеюсь, это скоро произойдет.

— Мне нужно немного прогуляться, — сказал он. — Я еще вернусь.

Она кивнула, и он быстро ушел. Вскоре она тоже вышла.

Позднее в тот вечер его взгляд внезапно стал двигаться вдоль красной полоски на ковре, и, следуя по ней, он оказался рядом с кабиной переноса.

— Какого черта! — воскликнул он.

Он нашел хозяйку, поблагодарил ее и вернулся к транспортному устройству. Ввел координаты и, входя, споткнулся.

Застывший кадр падающего человека.

*Было время, когда дневной свет
являлся ночным светом.*

Черный Бог сидел на моем правом плече.

*Время крутилось вокруг меня
лентой Мебиуса, когда я неся
вверх по Горе Тьмы в небе.*

И на зверей, на зверей я охотился.

*Когда я их звал, они приходили ко мне
из Горы Тьмы.*

Прошлой ночью шел сухой мелкий снег, но день оказался не по сезону теплым, и большая часть снега растаяла. Небо по-прежнему оставалось чистым, когда солнце зашло за темный гребень горы, и уже холод возвращался в мир верхом на ветре, вздыхавшем среди сосен. Серебристые нити солнечного света выделяли сухожилия столовой горы далеко справа, а ее подошва кружилась в первых серых водоворотах вечера. Он знал, что, по крайней мере, сегодня ночью снегопада не будет и, прежде чем закрыть глаза, можно наблюдать звезды.

Когда он разбил лагерь, следом, прихрамывая, пришел койот; его левая передняя лапа по-прежнему была перевязана. Сегодня ночью, к тому же, нужно позаботиться и об этом.

Он развел костер и приготовил еду; дым от сосны щекотал ноздри. К тому времени когда ужин был готов, день умер, и столовая гора с кряжем стали лишь кусками еще более густой темноты на фоне ночи.

— Твоя последняя бесплатная еда, — сказал он, кидая пайку зверю, лежащему у его ног.

Пока они ели, он вспоминал другие ночи и другие лагеря: длинную цепочку, протянувшуюся через столетие. Только на сей раз не на кого было охотиться, и это некоторым образом его радовало.

Попивая кофе, он размышлял о ста семидесяти годах своего существования: как оно началось здесь, о сказочных странах и адах, через которые он его пронес, и о том, как он вернулся. Слово «дом» при определенных обстоятельствах стало бы больше, нежели иронией. Он отхлебывал обжигающую жидкость из

металлической кружки, населяя ночь демонами, большинство из которых теперь проживало в Сан-Диего.

Позднее он охотничьим ножом снял повязку с лапы зверя. Койот тем временем, оставаясь совершенно неподвижным, наблюдал. Когда он срезал затвердевшее вещество, то вспомнил день — несколько недель тому назад, — когда наткнулся на этого несчастного койота, пойманного капканом, со сломанной лапой. Бывали времена, когда он поступил бы по-иному. Но тут освободил бедолагу, принес к себе домой и стал лечить. И даже это — длинный переход в горы Каррисо — было совершено с целью выпустить его на волю на достаточном расстоянии от дома с ночью впереди, чтобы искушать койота возвратиться в собственный мир, а не продолжать эту противоестественную связь.

Он похлопал его по боку.

— Вперед! Беги!

Тот поднялся, его движения все еще выказывали оцепенение; лапу койот неуклюже держал под странным углом. Лишь постепенно он опустил конечность и двинулся вокруг стоянки. Через какое-то время он вошел в круг, освещенный костром, и вышел из него. Койот становился невидимым в течение все более длительных промежутков.

Когда он раскладывал постель, то вздрогнул от какого-то жужжания. Одновременно замигала красная лампочка на небольшой пластмассовой коробочке, висящей на ремне. Он выключил зуммер, но лампочка продолжала мигать. Он пожал плечами и отложил коробочку в сторону, крышкой вниз. Сигнал указывал на поступивший в его далекий дом вызов. У него вошло в привычку носить это устройство поблизости от дома, и он забыл его снять. Однако он никогда не носил более сложную модель и поэтому не был в состоянии ответить на звонок отсюда. Да и зачем, казалось бы. Прошло несколько лет с тех пор, как он получил нечто, что можно считать важным вызовом.

Все же звонок его тревожил, когда он лежал, разглядывая звезды. Прошло долгое время с тех пор, как

он вообще получал вызов. Теперь он предпочел бы либо носить дополнительное устройство, либо не брать ничего. Но он был уволен, заслуживающие интереса известия давно не поступали. Это не могло быть по-настоящему важным...

...Он пересекал оранжевую равнину под желтым небом, в котором палило крупное белое солнце. Приближалось оранжевое пирамидальное строение, покрытое паутиной крохотных трещин. Он подошел и поспешно установил метатель. Потом начал ждать, изредка передвигаясь, чтобы обслужить еще один аппарат, который производил непрерывную запись, тогда как щели увеличивались. Время значило для него очень мало. Солнце медленно плыло по небосводу.

Внезапно одна из зигзагообразных линий расширилась, и строение раскрылось. Широкоплечая фигура, покрытая розовой щетиной, вдруг, покачиваясь, поднялась оттуда; неровное отверстие с шерстью по краям находилось в луковицеобразном выступе на верхушке под ослепительно красным поясом из напоминающих самоцветы шишечек.

Он включил метатель, и на существо полетела блестящая сеть. Оно барахталось в ней, но не могло высвободиться. Его движения пришли в соответствие со слабым барабаниющим звуком, который мог оказаться сердцебиением. Тут весь мир рухнул и распался, а он бежал, бежал на восток — молодое «я» его «я» — под голубым небом, мимо лебеды и полыни, кустиков жесткой травы и чамисы; овцы едва заметили его перемещение, кроме одной, которая внезапно, покачиваясь, поднялась, вбирая в себя все краски рассвета... А потом все уплыло на темных потоках в те места, где пребывают сновидения, когда ими не пользуются...

Крики птиц и предрассветная тишь: его выбросило на мелководье сна, в некий мир, где время висит на кромке света. Оцепеневшее. Возникающее осознание медленно двигалось над ландшафтами мысли, которые он давным-давно оставил. Или это было вчера?

Он проснулся, понимая, что вызов был важным, занялся утренними делами и убрал все признаки стоянки до того, как солнце полностью взошло. Койота нигде не было видно.

Он зашагал. Прошло много времени, чересчур много для него, чтобы вникнуть глубже в это знамение.

Чувства, однако, совсем другое дело. Он иногда их исследовал, но редко изучал вплотную.

Совершая переход через утро, он рассматривал свой мир. Тот вновь был небольшим, как в начале, хотя относительно, — относительно всех миров, по которым он путешествовал. Он двигался теперь у подножия гор Каррисо в Денете, земле навахо — свыше двадцати пяти тысяч квадратных миль, большая часть по-прежнему пастбище, больше полутора миллионов акров по-прежнему пустыня, — ограниченной четырьмя священными горами: Дебентса на севере, Маунт-Тейлор на юге, Сан-Францисские пики на западе и пик Бланко на востоке; у каждой свои сказания и священные значения. В отличие от множества знакомых вещей, Денета изменялась медленно и все еще была узнаваема в этом, двадцать втором веке в качестве такого места, каким оно было в его детстве. Возвращение сюда после стольких лет напоминало путешествие назад во времени.

Однако существовали различия между этим днем и тем. В данном отношении его клан всегда был небольшим, а теперь он обнаружил, что является последним выжившим его членом. Хотя верно, что человек рождается членом материнского клана, в определенном смысле рождается он также и для отцовского клана. Его отец был из племени таосенью. Высокий жилистый мужчина, необычайно одаренный следопыт с приличным количеством крови Равнин, пришел жить в Денету, как положено, ходя за стадами своей жены и выращивая ее маис до того дня, когда им овладела некая неугомонность.

Даже при этом его жизнь изменил не недостаток связи с кланом. Любой навахо обладает огромным по-

тенциалом для личных контактов посредством сложной сети племенных взаимоотношений, так что, даже хотя все люди, которых он знал в юности, по всей вероятности, умерли, он мог бы по-прежнему найти повсюду радушный прием. Но он вернулся с англоязычной женой и не сделал этого. Он ощутил мимолетные угрызения совести при этой мысли, хотя после смерти Доры прошло больше трех лет.

Более того. Как говорится, навахо-одиночка, предоставленный самому себе, вдали от своего Народа, уже не навахо. И он некоторым образом ощущал, что это верно, хотя мать, бабка и прабабка были похоронены где-то недалеко от того места, где он сейчас жил. Он понимал, что изменился, существенно изменился за все эти годы. Но изменился и Народ. В то время как край менялся мало, люди утратили множество мелочей, которые жили в памяти, — мелочей, складывающихся в нечто крупное. Парадоксально; но он, с одной стороны, принадлежал более древней эпохе, чем его современники, а с другой...

Он шагал под чужими солнцами. Он выслеживал диковинных зверей, достойных самого Истребителя Чудовищ. Он узнал пути бледнолицых «воинственных псов» и не чувствовал себя неуютно среди них. После его имени стояли степени — некоторые из них вполне заслуженные. В его голове находилась целая библиотека, твердо удерживаемая в натренированной памяти того, кто изучал песнопения йаталии. Ему хотелось быть одному, кем бы он ни был.

Он перешел на легкий бег, говоря себе, что цель — выгнать из костей холод. Он бежал мимо стен и выступов гранита и песчаника, склонов холмов, с растущими на них соснами и можжевельником. Мертвые юкки с листьями, тронутыми ледком, лежали вдоль тропы, словно выжженные звезды, пригвожденные к земле. Снег сверкал на пиках далеких гор под совершенно ясным небом.

Даже после того как холод оставил его, он не замедлял шаг, извлекая своего рода радость из напряжения сил.

День тянулся медленно. Однако он не прекращал идти до середины утра, а затем остановился для короткого завтрака на склоне холма, с которого открывался вид на узкий длинный каньон, где на сухой траве паслись овцы. Вдалеке поднимался дымок от конусообразного, обмазанного глиной хогана; дверь, там, на востоке, была обращена к нему.

Старик с палкой вышел из-за груды камней, где, наверно, отдыхал, приглядывая за овцами. Прихрамывая, он направился по окольной тропе, которая в конце концов свела их.

— Йа ат-ээ, — сказал старик, смотря мимо него.

— Йа ат-ээ.

Он попросил человека разделить с ним трапезу, и они какое-то время ели молча.

Потом он спросил, из какого тот клана — было невежливо спрашивать его имя, — и узнал, что старик из Кроличьего Красноводного Народа. Ему всегда казалось, что легче беседовать со стариками, чем с молодежью, с живущими в глухомани, чем с поселившимися рядом с большими городами.

В конце концов старик спросил о его клане. Когда он ответил, тот замолчал. Нехорошо говорить о мертвых.

— Я — последний, — сказал он наконец, желая, чтобы другой понял. — Я долгое время был вдали отсюда.

— Знаю. Я знаю историю про Звездного Следопыта. — Налетел порыв ветра, и старик нахлобучил поглубже широкополую черную шляпу, глядя вдоль тропы на север. — Что-то преследует тебя.

По-прежнему улыбаясь тому, как старик называл его, не именуя, он повернул голову и взглянул в том направлении. Большой шар перекаати-поле подпрыгивал и катился вдоль подножия холма.

— Поташник.

— Нет. Нечто более опасное.

Несмотря на солидный возраст, из глубин юности на мгновение в нем поднялся страх чинди. Он вздрогнул от прикосновения ветра.

- Я еще ничего не вижу.
- Ты отсутствовал долгие годы. Ты прошел Путь Врага?
- Нет.
- Вероятно, ты должен пройти.
- Вероятно, пройду. Ты знаешь какого-нибудь хорошего певца Пути Врага?
- Я — певец.
- Наверное, я вскоре снова увижусь с тобой по этому поводу.
- Я слышал, что Звездный Следопыт был певцом. Давным-давно.
- Да.
- Когда ты придешь снова, мы поговорим об этом подробнее.
- Да.
- Старик еще раз взглянул на тропу.
- Между тем, — сказал он, — следуй извилистой тропе.
- Хорошо.

Позднее, когда он шел вдоль слоистого голубого сланца и замерзшей малиновой глины в русле высохшей реки, мимо обнаженных тополей, стоявших по берегам, словно линии переломов на фоне холодного голубого неба, он думал о словах старика и о том, о чем они ему напомнили — о небесных тварях и водяных тварях, о существах облака, тумана, дождя, пыли и маиса, которые столь выпукло представлялись его детскому воображению — здесь, во время года, когда змеи и гром еще спали.

Прошло много лет с тех пор, как он рассматривал свои проблемы по старинке. Чинди... Реальный или плод фантазии — какая разница? Нечто злобное гонится за ним по пятам. Да, другой способ смотреть на вещи...

День медленно дополз до полудня и миновал его, прежде чем показался пригорок рядом с домом — высоко стоящая, изваянная ветром скульптура, напоминающая что-то виденное им некогда в одной окру-

женной водорослями долине под водами чужого океана.

Он опять остановился и доел остатки продуктов. На юго-западе у природы устойчивый нрав, размышлял он, глядя в том направлении. Хотя было верно, что этот край мало изменился, существовали некоторые различия между «тогда» и «сейчас». Вот несколько голубых елей у основания монолита — деревья, которых он не видел в этом районе полтора века назад. Но, значит, за этот промежуток времени климат тоже как-то изменился: зимы становились чуть мягче, наступали позднее, а заканчивались немного раньше, чем когда-то.

Он набил трубку и раскурил ее. Тени, похожие на множество пальцев, медленно вытягивались на западе. Бежать всю дорогу, потом сесть и отдохнуть, когда конец пути уже виден, — похоже, это то, что нужно. Интересно, испугался ли он. Испугался чертова вызова? Возможно. Или ему была нужна последняя, медленно движущаяся картина этого куса жизни до того, как что-то ее изменит? Была одна песня... Не вспоминается.

Когда он почувствовал, что пришло время, он поднялся и зашагал сквозь прохладу и сумерки к большому шестиугольному зданию с дверью на восток — к хогану, который не являлся настоящим хоганом.

К тому времени, когда он достиг окрестностей своего жилища, небо потемнело, а деревья загораживали весь свет, создавая будто бы вечер без звезд над возвышающимся строением из оштукатуренных снаружи бревен. Он побродил вокруг него несколько минут, прежде чем подойти с востока и взобраться на неотесанный настил, который окружал дом. Затем вошел и включил свет. У него было собственное энергоснабжение — на крыше и под землей.

Подойдя к очагу в центре, он настругал несколько лучин и развел огонь. Потом разделся, швырнув джинсы и красно-белую фланелевую рубашку в корзи-

ну вместе с остальной одеждой. Пройдя в высокий, но узкий закуток установил таймер на трехминутный СВЧ-душ. Вода в здешних местах не являлась тем, что можно с легкостью тратить. Выйдя из душевой, он натянул рубаху из оленьей кожи, штаны цвета хаки и пару мягких мокасин.

Включив записывающее известия устройство с дисплеем и настроив его на свои основные интересы, он прошел на небольшую, открытую кухню справа и приготовил ужин среди висящих связок чеснока, перца и лука.

Ел он, сидя в низком, обитом мехом кресле, а стены вокруг были увешаны коврами с Двух Серых Холмов и Ганадо вперемешку с фотографиями инопланетных пейзажей в рамках. На дальней стене висела полка с оружием; металлическая платформа метр на метр, огороженная блестящими вертикальными прутьями различной высоты, стояла рядом, а справа — большая консоль с дисплеем. Лампочка, извещающая о послании, по-прежнему мигала.

Закончив трапезу, он повертел в руках устройство на ремне и отложил его в сторону, прошел на кухню и достал пиво.

ДИСК I

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В ЧИЛИ ПРЕСЕЧЕНЫ В ЗАРОДЬШЕ

АРЕСТ БОРЦОВ С НАЛОГАМИ

и три демонстранта, по сообщениям, были задержаны после поджога автомобиля принадлежащего должностному лицу ответственному за судебное постановление

«ПЕТРОЦЕЛ» ОТВЕРГАЕТ ИСК
О НАРУШЕНИИ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ.
«ВЫРАСТИЛИ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ», —
НАСТАИВАЕТ РУКОВОДИТЕЛЬ
ИССЛЕДОВАНИЯ.

МЯГКАЯ ВЕСНА
ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА НАЦИИ.
РАННИЕ ПАВОДКИ НАБЛЮДАЮТСЯ
В ДОЛИНЕ МИССИСИПИ.

ШИМПАНЗЕ ОБВИНЯЕТСЯ В КРАЖЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА.

Ссылки на одного комика-наркомана явно фигурировали в заявлении сделанном сегодня лос-анджелесскими детективами

**УБИЛА ИХ,
«ПОТОМУ ЧТО ПОДВЕРНУЛИСЬ ПОД РУКУ», —
ОБЪЯСНЯЕТ МАТЬ ТРОИХ ДЕТЕЙ**

*Давно ты меня оставила
Не знаю, что дальше делать мне
Смотрю на небо и гадаю я.
Свет Земли говорит о тебе.*

**СТУДЕНТЫ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА —
ПИКИРУЮТ С ОРБИТЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
НОВОГО РЕКОРДА**

«Естественно, университет гордится, — заметил декан Шлобин, — но...»

**СТРАГИЙСКИЙ ПОСОЛ
СОВЕЩАЛСЯ ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ
С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ**

Страгийский посол Дальтмар Станго и консул Оран Богарти продолжают второй день переговоров с генеральным секретарем Уолфордом. Появляется множество предположений о прорыве в переговорах о торговле, но пока сообщество журналистов

**ДЕЛЬФИНЫ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
НАСТАИВАЮТ НА ПРЕТЕНЗИЯХ.
СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ПЕРВОСОРТНЫЕ КОНСЕРВЫ
СПОСОБНЫ УЛАДИТЬ КОНФЛИКТ.**

**БАКИН М'БАВА
ВНОВЬ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ КОНЕЦ СВЕТА**

*Слушаю музыку, тяну пиво,
Смотрю на приход кораблей опять.
Собрала шмотки и умотала,
Чувство, будто это ГЕЕННА-5.*

**РАДИКАЛЫ ЦЕРКВИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ПОДОЗРЕВАЮТСЯ ВО ВЗРЫВЕ БОМБЫ
В БАНКЕ «СПЕРМОВА».**

**ЧЕЛОВЕК ВОЗБУЖДАЕТ ДЕЛО,
ЧТОБЫ ВОССТАНОВИТЬ
ПРЕЖНЮЮ ЛИЧНОСТЬ.**

Основываясь на постановлении окружного суда, официальные лица Меннингера выполнили

**КОМПЬЮТЕР БАНКА «НОВА-СКОТИЯ»
ОБВИНЕН В УГОЛОВНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ
В СВЯЗИ СО СКАНДАЛОМ, КАСАЮЩИМСЯ
МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЛИГАЦИЯМИ**

*О, сижу тут тупо и страдаю,
Все медленно сворачивает вспять.
Если захочешь меня увидеть,
Набери лишь номер ГЕЕННА -5*

ненавижу где-то он все еще существует, и нет силы достаточно мощной, чтобы навечно меня от него потребовалось много времени узнать пути, но вскоре буду готов я готов восемь дней, и знай я тогда то, что знаю сейчас, он бы исчез я бы исчез обожжен? говорят, обожжен? Никогда больше не преследовать среди куч шлака ползучие тубики и не грызть их ради их сочности? Но к тому же этот воздух, которым я дышу, и лишь зигзагообразные и прямые молнии удерживают меня здесь теперь я знаю путь за их границу, и деревья по ту сторону стен видения городов, которые выносят меньшие я знаю пути, жду перекрученные умы меньших говорят что мне нужно однажды появится тот, кто будет знать о том, кто непохож на других, я уйду куда-то, где он существует восемь дней я умер отчасти, он умрет полностью ничто не может навечно удерживать меня от него сперва я заговорю слова вроде ползучих тварей грызть их ощущать их сочность теперь бью и вижу, как меньшие отступают теперь я их знаю, я ими воспользуюсь словами чтобы сказать ему то, почему это теперь я стану шаром и покачусь ха! меньшие! ненавижу я буду говорить это, когда расскажу восемь дней обожжен ненавижу

В прошлом, когда Найенесгани со своим братом занимались истреблением чудовищ, коих Люди обнаружили в новом мире, было несколько таких — наподобие Бесконечного Змея, — которых, по различным причинам, пощадили. Однако даже их приручили в определенной степени, признав в качестве необходимого зла. Мир на самом деле стал более безопасным местом, хотя несколько чудовищ еще оставалось.

Был, к примеру, Тсе-Нага-Хай — Движущийся Камень, катившийся за своими жертвами, а потом давивший их и поглощавший. Найенесгани путешествовал в поисках его на радуге и изогнутой молнии. Брат посоветовал ему взять с собой магические ножи, у него на поясе было их все восемь.

Прибыв в место, называемое Бетчил-гай, он достал два черных ножа, скрестил их и воткнул в землю. За ними он воткнул два голубых ножа, крест-накрест. Еще дальше скрестил два желтых ножа и воткнул их. Дальше воткнул два ножа с зазубренными лезвиями, тоже скрещенные.

Затем он отправился туда, где его увидел Камень-великан.

— Чего же ты ждешь, Тсе-Нага-Хай? Разве ты не преследуешь подобных мне?

С хрустом и скрежетом лишенный мха валун, к которому он только что обращался, сдвинулся с места: сперва медленно пополз в его направлении, но всего через несколько мгновений набрал значительную скорость. Найенесгани даже удивила проворность, с которой приближался Камень.

Он развернулся и бросился наутек. Валун быстро его настигал.

Когда Найенесгани добрался до зазубренных ножей, он перепрыгнул через них, а Камень перекатился — и потерял большую свою часть.

Найенесгани продолжал убежать и перепрыгнул через желтые ножи. Тсе-Нага-Хай перекатился и через них; образовалась еще одна трещина, посыпались осколки.

Теперь Камень прыгал из стороны в сторону и катился далеко не по прямой. И когда Найенесгани перепрыгнул через голубые ножи, а Камень врезался в них и перевалился, посыпалось еще больше осколков. К этому времени его размеры существенно уменьшились, хотя скорость и возросла.

Найенесгани перескочил через черные ножи.

Услышав, как Камень со скрипом и треском перебирается через них, он обернулся.

От великана оставался лишь относительно небольшой камешек. Найенесгани остановился и двинулся к нему.

Тот немедленно свернул в сторону, сменил курс и поскакал от него прочь. Теперь уже Найенесгани преследовал противника, двигаясь на запад, за реку Сан-Хуан. В конечном итоге он его поймал, и ему показалось, что большая часть жизненных сил и ума покинула Камень.

— Теперь, Тсе-Нага-Хай, мощь, которая могла причинить мне вред, тебя оставила, но, как я отмечал ранее, ты не лишен определенных достоинств. В будущем ты станешь служить, разжигая костры Дине.

Он поднял оставшееся от Камня и унес с собой, чтобы показать Первой Женщине, которая иначе не поверила бы, что он это сделал.

В конце концов он вздохнул и поднялся. Перешел к консоли рядом с огороженным сверкающими прутьями пространством. Он нажал кнопку «Послания», и экран дисплея ожил.

«ЗВОНИЛ ЭДВИН ТЕДДЕРС», — гласил он, а дальше шли дата предыдущего дня и время, — время, когда прозвучал сигнал в пустыне. Ниже перечислялось еще шесть попыток Эдвина Теддерса его достать, самая последняя — лишь пару часов назад. Был, к тому же, какой-то восточный код с номером и просьба связаться как можно быстрее, предваренная словом «СРОЧНО».

Он попытался вспомнить, знал ли когда-нибудь некоего Эдвина Теддерса. Вроде нет.

Он набрал цифры и стал ждать. Последовавший зуммер прервался, но экран оставался темным.

— Да? — раздался скрипучий мужской голос.

— Уильям Черный Конь Сингер перезванивает Эдвину Теддерсу.

— Пожалуйста, подождите минутку. — Слова ускорились и поднялись до визга. — Я его позову.

Он подергал за серьгу с бирюзой и уставился в пустой экран. Минута протасовала свои цифры на электронных часах. Еще одна...

Экран внезапно засветился, и на нем возникло изборожденное морщинами лицо темноволосого мужчины с бледными глазами. Улыбка, похоже, была вызвана облегчением, а не удовольствием.

— Я — Эдвин Теддерс. Рад, что мы наконец вас достали, мистер Сингер. Можете вы прибыть прямо сейчас?

— Вероятно. — Он бросил взгляд на блестящую клетку слева от себя. — Но в чем дело?

— Расскажу вам при личной встрече. Пожалуйста, отмените пересадки. Это важно, мистер Сингер.

— Ладно. Сейчас буду.

Он подошел к своей транс-кабине и начал ее запускать. В течение секунды та слабо скулила. Внутри стволов стали двигаться вверх разноцветные полосы.

— Готово, — сказал он, входя в устройство.

Посмотрев вниз, он увидел, что его ступни тускнеют.

В течение одного мига мир находился в беспорядке. Потом его мысли вновь вернулись на место. Он стоял внутри устройства, сходного с его собственным. Подняв голову, он увидел большую комнату, отделанную под старину, — стены с темными панелями, тяжелые кожаные кресла, китайский ковер, книжные полки с томами в кожаных переплетах, шторы, камин, в котором горели настоящие поленья. Перед ним находилось двое мужчин — Теддерс и хрупкий белобрысый человек; судя по голосу, именно с ним он разговаривал сначала.

— Это мой секретарь Марк Брандес, — заявил Теддерс, наблюдая, как Сингер спускается по ступенькам.

Он небрежно приложил свою ладонь, а не пожал руку, в старой манере Народа.

Брандес выглядел ошарашенным, но Теддерс уже показывал на кресла.

— Присаживайтесь, мистер Сингер.

— Зовите меня Билли.

— Хорошо, Билли. Не желаете ли выпить?

— Разумеется.

— У меня есть превосходное бренди.

— Отлично.

Теддерс взглянул на Брандеса, который тотчас же подошел к серванту и налил пару рюмок.

— Ранняя весна, — сказал Теддерс.

Билли кивнул, взяв бренди.

— У тебя была восхитительная карьера. Как замораживание, так и временное расширение сохранили тебя до тех пор, когда ты смог воспользоваться достижениями медицины. Настоящий старожил, хотя не похож.

Билли сделал глоток.

— Очень хорошая штука, — сказал он.

— Да. Настоящее коллекционное. Сколько в наши дни существует следопытов?

— Не знаю.

— Есть другие, но ты — самый лучший. Старая закалка.

Билли хихикнул.

— Что вам нужно?

Теддерс тоже хихикнул.

— Самое лучшее, — ответил он.

— Что вам нужно выследить?

— Не совсем то.

— Тогда что же?

— Непонятно, откуда начать...

Билли посмотрел в окно на залитую лунным светом лужайку. Вдалеке перспектива прерывалась высокой стеной.

— Я — помощник по особым поручениям генерального секретаря Уолфорда, — наконец заявил Теддерс. — Он здесь, наверху, и там же страгийские посол и консул — Станго и Богарти. Тебе много известно о страгийцах?

— Встречал парочку там и сям.

— Какое они произвели впечатление?

Он пожал плечами.

— Высокие, сильные, умные... Что вы имеете в виду?

— Хотел бы поймать одного из них в качестве своего врача?

— Нет.

— Почему?

— Они могут быть очень опасны.

— В каком отношении?

— Их трудно остановить. Они — оборотни. Они обладают своего рода умственным контролем над телом. Они могут передвигать органы. Они могут...

— Проходить сквозь стены?

Билли покачал головой.

— Об этом не знаю. Я слышал, но сам никогда...

— Это правда. У них есть система тренировок, развивающая у некоторых такие способности. Полу-религиозная, очень тяжелая, она отнимает годы и не всегда срабатывает. Но они могут получить несколько избранных адептов.

— Значит, вы знаете об этом больше, чем я.

— Да.

— Зачем же спрашивать меня?

— Одна из них на пути сюда.

Билли пожал плечами.

— У нас их живет несколько тысяч. И жило в течение многих лет.

Теддерс отхлебнул бренди.

— Все они нормальные. Я же имею в виду одну из тех, со специальной подготовкой.

— Ну и что?

— Она прибывает, чтобы убить генерального секретаря.

Билли понюхал бренди.

— Хорошо, что вы получили информацию, — сказал он наконец, — и можете передать ее службе безопасности.

— Хорошо, да не очень.

В течение всей беседы Теддерс старался установить с ним зрительный контакт. Наконец Билли уставился на него в упор, и тот ощутил некое чувство маленького триумфа, не осознавая, что это означало лишь сомнение в его словах.

— Почему?

— Наши службы не оснащены для борьбы со страгийскими адептами, — ответил он. — Она вполне может оказаться сильнее их.

Билли покачал головой.

— Не понимаю, почему вы говорите об этом мне.

— Ваше имя выдал компьютер.

— На какой запрос?

— Мы спросили, кто мог бы ее остановить.

Билли допил бренди и отставил рюмку.

— Значит, вам нужен новый программист или нечто в этом роде. Наверняка есть уйма людей, знающих о страгийских адептах больше меня.

— Ты — знаток в преследовании и ловле экзотических форм жизни. Ты занимался этим большую часть жизни. Практически ты в одиночку снабжал Институт межзвездной жизни. Ты...

Билли махнул рукой.

— Хватит. Инопланетянка, о которой вы говорите, является разумным существом. Я же большую часть жизни выслеживал животных — разумеется, экзотических, порой весьма ловких и с мудренными моделями поведения, но тем не менее животных, а не существа, способные к тщательной разработке замысла.

Кот...

— ...Поэтому вряд ли мой опыт действительно приложим в данной ситуации, — закончил он.

Теддерс кивнул.

— Вероятно, так, а может, не так, — сказал он наконец. — Но в подобных вопросах мы действительно должны быть уверены. Ты поговоришь со страгийскими представителями, посещающими нас? Возможно, они дадут тебе более четкую картину, чем я.

— Разумеется. Я поговорю с кем угодно.

Теддерс допил бренди и встал.

— Можно предложить тебе еще?

— Пожалуйста.

Он наполнил рюмку.

— Я вернусь через пару минут, — сказал Теддерс, повернул направо и вышел из комнаты.

Билли поставил бренди и встал. Прошелся по комнате, разглядывая заглавия на книжных полках, дотрагиваясь до корешков, принохиваясь.

Смешанный с запахом старой кожи, слабый, почти что едкий аромат, который он не мог выделить

раньше, вновь ударил ему в нос — запах, который он ощущал при встречах со страгийцами в прошлом, в другом месте. Должно быть, они находятся в этом здании уже какое-то время, решил Сингер, или были в этой комнате недавно, пометив ее своим присутствием. Он запомнил их как гуманоидов выше двух метров ростом, темнокожих, за исключением серебристых лиц, шей и груди. Плоскоголовые существа с тонкими талиями и широкими плечами, с колючими наростами наподобие воротников, служившими звуковыми датчиками, и маленькими дикими глазками — узкими, обычно желтыми, но иногда цвета корицы или янтаря. Безволосые, грациозные, как насекомое со множеством сочленений, они двигались бесшумно, а говорили на языке, смутно напоминавшем ему греческий, который он тоже не понимал.

Именно язык, решил он, отделяет разумные существа от животных. Не так ли?

Кот?..

Сингер подошел к окну, посмотрел на лужайку. Трудно пересечь ее, не будучи обнаруженным, заключил он, даже при наличии простейших устройств по обеспечению безопасности. А в этом доме их наверняка уйма. Но страгийка может принять почти любой облик, проникнуть сюда в каком-нибудь безобидном обличье...

Хотя зачем действовать скрытно? Этого-то и ждут. Защищающаяся сторона сосредоточивается на изощренных методах, так почему бы не захватить какое-либо тяжелое транспортное средство, прокатиться по лужайке, пробиться сквозь стену, выскочить из тачки и расстрелять все, что шевелится?

Сингер содрогнулся и отошел от окна. Это не его проблема. Наверняка есть множество людей, квалифицированнее его, чтобы предугадать замысел инопланетянки, — неважно, что сказал компьютер.

Он вернулся к своему креслу и взял бренди.

Шаги приближались оттуда, куда ушел Теддерс. Шаги и тихие голоса, сопровождаемые слабым звоном у него в ушах. Язык страгийцев захватывает ультра-

звуковой диапазон по человеческой шкале, и, хотя они сужают его, говоря на наречиях Земли, всегда слышны определенные обертоны. Чересчур продолжительная беседа со страгийцем обычно приводит в итоге к головной боли.

Сингер отпил еще глоток и поставил рюмку, когда они вышли из-за угла.

На обоих страгийцах были темно-синие килты и ремни, скрещивающиеся на груди наподобие патрон-ташей. К ним были приколоты изящные булавки или значки ведомства.

Между Теддерсом и инопланетянами шагал еще один человек — в зеленом халате и шлепанцах: низкорослый, тяжеловесный, с ободом темных волос и глазами цвета нефрита.

Билли узнал в нем генерального секретаря ООН Мильтона Уолфорда.

Теддерс представил Билли Дальтмару Станго и Орару Богарти, а также и Уолфорду. Затем все сели, и Теддерс сказал:

— Они расскажут тебе побольше.

Билли кивнул.

Страгиец, известный как Дальтмар Станго, уставился в пустоту перед собой и произнес:

— Это имеет отношение к поселению людей в нашем мире на постоянное жительство. Уже существует их анклав порядочного размера, точно так же как есть анклав нашего вида здесь, на Земле. Раньше из-за этого в обоих мирах было очень мало неприятностей. Но теперь, при данной миссии с целью переговоров о политических и торговых соглашениях, оказывается, что поселения станут постоянными дипломатическими представительствами.

Он на секунду приостановился, будто для того, чтобы собраться с мыслями, и продолжил:

— Итак, на Страгии есть небольшая религиозная группа, которая верит, что, когда земляне там умирают, их жизненные сущности оскверняют место последующей жизни. Постоянные представительства послужат гарантом того, что страхи этой группы со

временем будут реализовываться со все возрастающей частотой. Следовательно, они против любых соглашений с вашим народом, и они бы хотели выгнать всех людей из нашего мира.

— Насколько велика эта группа? — спросил Билли.

— Невелика. От пятидесяти до ста тысяч членов. Однако важен не ее размер. Это секта аскетов, многие проходят суровые курсы подготовки, которые порой производят на индивидуума поразительное воздействие.

— Слышал.

— Одна из подобных личностей взяла на себя исправление возникшего положения. Она угнала корабль и взяла курс на Землю. Она чувствует, что убийство на таком уровне подорвет наши переговоры, и не будет заключено никакого договора — а это приведет к уходу землян из нашего мира.

— Насколько близка она к истине?

— Всегда трудно в таких вопросах делать предположения, но, несомненно, это замедлит процесс.

— И она должна прибыть через несколько дней?

— Да. Мы получили информацию от других членов ее секты. Они узнали историю во всей полноте лишь после отбытия товарки, когда и проинформировали власти. Они хотели, чтобы стало известно, что она действует по собственной инициативе, без всяких приказов.

Билли улыбнулся.

— Кто знает, — произнес он.

— Да. В любом случае, поскольку сообщение движется быстрее корабля, было послано предостережение.

— Вам должно быть лучше известно, как остановить представителя собственного народа.

— Такие проблемы возникают редко, — сказал Дальмар. — Обычный метод состоит в посылке группы сходным образом одаренных адептов вслед за преступником. К несчастью...

— А...

— Поэтому мы должны прибегнуть к подручным средствам; — продолжил инопланетянин. — Ваш народ попытается перехватить ее в космосе, но вычисления дают лишь двадцатисемипроцентный шанс на успех. Есть у вас какие-либо идеи?

Ком?

— Нет, — ответил Билли. — Если бы это было опасное животное, мне было бы нужно какое-то время изучать его в местах обитания.

— Нет ни возможности, ни времени.

— Тогда не знаю, что сказать.

Уолфорд достал из кармана халата небольшой пакет.

— Здесь чип, который вы, по-моему, должны забрать с собой и прогнать на своей машине. Он расскажет все, что мы знаем об этой личности и о других, наподобие нее. Это самое близкое к изучению жизни, что мы можем вам предложить.

Билли поднялся и принял пакет.

— Хорошо. Я возьму его домой и просмотрю. Может, что-нибудь намекнет о себе.

Уолфорд и остальные встали. Когда Билли повернулся к транс-кабине, заговорил страгиец по имени Орар Богарти:

— Вы один из аборигенов этого континента?

— Да, — ответил Билли, остановившись.

— Драгоценности в мочках ваших ушей имеют какое-то особое значение? Вероятно, религиозное?

Билли рассмеялся.

— Мне они нравятся. Вот и все.

— А та, что в ваших волосах?

Билли дотронулся до нее, медленно повернувшись.

— Эта? В общем... Считается, что она защищает от поражения молнией.

— Она действует?

— Действовала. Пока.

— Мне просто любопытно. Поражение молнией случается в жизни не так уж часто. Почему вы ее носите?

— У нас, навахо, есть одно предубеждение против молнии. Она разрушает табу. Она выкручивает действительность. С ней шутки плохи.

Сингер повернулся и, набрав последовательность цифр, вошел в устройство. Он мельком взглянул на лишние выражения лица людей и инопланетян, пока действовал фактор замедления, и тут его тело начало таять.

*Путешествуя с холма на холм,
переходя с места на место, как ветер,
бесследно. Должно быть, об этом есть песня,
но я так и не узнал ее слов.*

*Посему пою вот эту, своего сочиненья:
Я стану радугой, начинающейся там,
кончающейся здесь. Я не оставляю следов
на земле, когда выгнусь отсюда сюда.*

Да пойду я в красоте.

*Да ляжет она перед, над и пого мной, позади,
справа и слева от меня.*

Целомудренно прохожу я через врата небес.

Мы называем его Путем Врага, сказал старик, но пришли белые и стали называть его — танцем индианок, вероятно, потому, что увидели, что на нем пляшут женщины. Получаешь особое имя, если ты — тот, кого они будут воспевать, — имя воина. Это священное имя, которым нужно пользоваться только на обрядах, а не такое, которое говоришь любому встречному-поперечному или которым позволяешь людям тебя звать.

Все началось, сказал он, давно, когда Найенесгани защищал людей — Народ. Он убил целую свору чудовищ, которые нам досаждали. Рогатое Чудовище, и Большой Бог, и Чудовищный Горный Орел, и Движущийся Камень, и множество других. Вот почему его назвали Истребителем Чудовищ. Хотя четвертое чудовище называлось Выслеживающий Медведь. Это был медведь, но он больше походил на льва размером с электромобиль. Если он нападал на твой след, то начинал идти по нему и не останавливался, пока не находил тебя и не обедал тобой на том самом месте.

Найенесгани вышел и выследил следопыта, а потом дал ему выследить себя. Но когда тот наконец-то обнаружил его, Найенесгани был наготове. Его не зря назвали Истребителем Чудовищ. Когда все это завершилось, мир стал гораздо безопаснее.

Однако примерно в то время к нему начали подбираться. Он страдал из-за всех врагов, которых убил, а медведь всего лишь добавился к этой шайке. Их души следовали за ним повсюду и делали его совершенно несчастным. Вот откуда происходит слово «Анаахи», означающее Путь Врага. «Нааийе» значит «враг»

или что-то по-настоящему дурное, беспокоящее тебя. Ну а «неесгани» значит «он от этого избавился», «ана-и» же означает врага, от которого избавился. Поэтому, вероятно, слово «Анаа-хи» в действительности самое лучшее, самое подходящее. Это обряд избавления от воистину скверных неприятностей.

Он мерил шагами свое жилище. Экран по-прежнему светился. Сингер не выключил устройство после просмотра чипа. Казалось, стены наклонились в его сторону, чтобы его зажать. Ветер пел переменчивую песню, которую он почти понимал. Иногда он останавливался, чтобы взглянуть на старую корзину, на древний расслоившийся наконечник копья, на фотографию пустынного ландшафта под небом цвета индиго. Он потрогал ствол мощной винтовки, взял оружие в руки, проверил его, повесил обратно на гвоздь. В конце концов развернулся на пятках и вышел в ночь.

Он стоял на настиле, окружавшем хоган, и всматривался в тени. Он глядел на небо.

— У меня нет слов... — начал Сингер, и некая часть его разума передразнила другую часть. Как всегда, он осознавал это разделение. Он уже не мог сказать, когда оно проявилось впервые. — ...Но тебе необходим ответ.

Он даже не был уверен, к чему обращается. В языке навахо нет слова для религии. Да и не был он даже уверен, что именно под эту категорию подпадают его чувства. Категория? Причина того, что не существовало такого слова, заключалась в том, что в старину подобные вещи были запутанным образом связаны со всем, что существовало в жизни. Не было особой категории для определенных умонастроений и чувств. Большинство окружающих его даже теперь не находило это странным. Но они изменились. Он тоже, хотя понимал, что перемена в нем — другого порядка. «Он ведет себя так, будто у него не было родни» — самое худшее, что один навахо мог сказать

о другом, и он знал, что это относится к нему. Пропасть была глубже его отсутствия, его женитьбы, чего угодно, сделанного им. Другие уходили на долгое время, женились вне кланов и все же возвращались. Но для него это являлось частью некоего временного переживания, истинного как по букве, так и по духу. У него не было родни. Одна его часть хотела этого. Другая же часть...

— Возможно, я причинил большое зло, — продолжал Сингер. — Раз я забрал его из его края, как Народ забрали в форт Самнер. Раз я забрал его от ему подобных, которых больше нет. Раз я бросил его одного в чужом месте, словно пленника юте. Значит, я причинил зло. Но только если он является реальной личностью. — Сингер оглядел небеса, обошел хоган, всматриваясь в деревья. — Я думал, что лучше всего незнание; это, вероятно, делает меня трусом. Однако я вышел на этот путь и проведу там остаток своих дней. Теперь же...

Мимо пролетела сова, издавая тихий ухающий звук.

Дурной знак, решила часть его разума, ибо сова — птица смерти и несчастий.

Сова, заявила другая часть. Они охотятся по ночам. Ничего больше.

— Мы слышали друг дружку, — крикнул он вслед птице. — Я разумею, что я сделал, и понимаю, что должен сделать.

Сингер вернулся в дом и среди паутины нащупал ключ, висящий на балке. Он взял его и протер. Провел по нему пальцем, будто это такой же необычный предмет, как наконечник копья. Потом резко сунул его в карман. Он пересек комнату и выключил светящийся экран.

Затем повернулся и прошел между прутьев транспортного устройства. Включил управление и набрал код. Сфокусировал взгляд на красном ковре из Ганадо и наблюдал, как тот розовеет и исчезает.

Темнота между слабых уличных фонарей и стрекотание сверчков за будкой...

Он вышел из укрытия и принюхался к влажному воздуху. Большие тенистые деревья, завидное количество травы, устилающей склоны холмов, тяжелые приземистые монолитные здания — сейчас темные, за исключением небольшого света у входа, превращающего его в крохотную пещеру, что лишь подчеркивает окружающую темноту. Не видно ни единого человека.

Он двинулся по тротуару, пересек улицу, пошел по склону холма. Вокруг были охранники, но он без труда их миновал. Парк Бальбоа сейчас был безмолвен, его зрелища закрыты для публики до утра. Огни Сан-Диего и транспорта на дорогах виднелись с различных высоких точек, которые он проходил, но они казались отдаленными, частью иного мира. Он бесшумно двигался из тени в тень. Он выбрал одну общественную кабину, которой любил пользоваться давным-давно, когда ходил на нормальную дневную работу, получая наслаждение от прогулки, а не от перемещения непосредственно в то место, где трудился. Конечно же, это здание сейчас закрыто на ночь, а транс-кабина заперта.

В течение пятнадцати минут он продолжал шагать, подбираясь к огромному, расползшемуся во все стороны комплексу — Институту межзвездной жизни. Он избегал, насколько возможно, пешеходных дорожек, автостоянок и проездов. На открытых пространствах порывы ветра иногда доносили до него смешанные запахи животных из зоопарка. Эти ощущения растревожили память об экзотических существах в других мирах.

Вспомнилась поимка проволочно-щетинистой вуллабрей в сверхзвуковом загоне, твильпы в ледяной яме, четырех утанов в водовороте ароматов...

Стал виден комплекс ИМЖ, и он замедлил шаг. Долгое время стоял на месте, просто осматриваясь. Потом медленно обогнул институт, часто приостанавливаясь, чтобы вновь оглядеться.

Наконец он оказался позади здания рядом с небольшой стоянкой, на которой находился лишь один-единственный автомобиль. Он пересек стоянку и воспользовался своим ключом от служебного входа.

Внутри он двигался, не нуждаясь в свете, по последовательности коридоров, а потом поднялся по маленькой лестнице. Дошел до памятного поста охраны, воспользовался отмычкой, чтобы попасть в соседнюю кладовку. Там подождал минут двадцать, пока мимо не прошаркал какой-то старик в форме, остановился, засунул ключ в блок сигнализации и двинулся дальше.

Вскоре после этого он вылез из чулана и вошел в первый зал. Некоторые из устройств жизнеобеспечения по обе стороны от него были как-то жутко освещены, имитируя естественные световые циклы на родине их обитателей или отражая метеорологические особенности, необходимые для выживания этих существ.

Прошел мимо покачивающихся шаров с газом, ползучих ветвей кораллов, склизких мальтийских крестов, пульсирующих поленьев цвета печени, колючих волновых змей, симоплекса с Бельгарда, хрюкающего в своей извилистой норе, полосатого мерца, пары дивекто, массивного тендрона в бассейне с аммиаком. Глаза вормсы маракии на усиках проследили за его перемещением точно так же, как они делали в тот день на ветреных пустошах, когда она чуть не поймала его.

Он не останавливался, чтобы обменяться взглядами или посмотреть на других, которых знал столь хорошо.

Он пересек весь зал и вступил в следующий. Его постоянно сопровождало слабое гудение генераторов. Несмотря на полную герметичность устройств жизнеобеспечения, откуда-то прорывались необычные запахи. Он игнорировал все таблички, зная, что они гласят. Образцы во втором зале были на вид крупнее и свирепее, чем в первом, оставленном позади. Здесь он взглянул на несколько существ с чувством,

почти напоминающим привязанность, тихо бормоча что-то на языке Народа.

Войдя в третий зал, он начал напевать.

Сделав всего пару шагов, пошел медленнее.

Камни на равнине из расплавленных силикатов... Никакой видимой перегородки между этой площадкой и остальным залом, как и в случае других немногочисленных экземпляров, которых он миновал. Эквивалентность атмосфер...

Он двигался все медленнее. Остановился.

Слабый рассеянный свет заливал равнину. Казалось, раздался чей-то вздох.

Он прекратил напевать, и во рту у него пересохло.

— Я пришел, — прошептал он, а потом приблизился к экспонату с табличкой «ТОРГЛИНДСКИЙ МЕТАМОРФ».

Песок и камень. Желтое, прозрачное и оранжевое. С черными полосками. Никакого движения.

— Кот?.. — произнес он.

Шагнул ближе, продолжая пристально вглядываться. Бесплезно. Даже его глаза не могли различить наверняка.

Дело не только в освещении.

— Кот?

Он порывлся в памяти насчет того, как изначально была устроена площадка. Да. Тот камень слева...

Камень шевельнулся, едва он вспомнил обстановку, и покатился к центру. Изменил форму, став более шарообразным, и устроился на откосе.

— Есть одна штука, которую я должен сказать, одна штука, которую я должен попытаться сделать...

Камень удлинился, выпустил пару отростков, встал на них.

— Я гадаю-гадаю, действительно ли ты сможешь меня понять, если я попытаюсь — изо всех сил.

Камень выдвинул еще пару отростков у задней оконечности, образовал массивную голову и жирный, треугольный хвост.

— Если ты кого и знаешь, то знаешь меня. Я привез тебя сюда. Шрамы от нашей схватки стерлись с

моего тела, но никто не дрался со мной ожесточеннее тебя.

Очертания камня поплыли. Он стал гладким и блестящим — существо из рябящих связок под прозрачной поверхностью. Голова посередине развила один-единственный фасеточный глаз.

— Я пришел к тебе. Я должен узнать, понимаешь ли ты. Какое-то время я думал: наверняка. Но ты никогда этого не показывал. Теперь я должен узнать. Есть ли сознание в твоей голове животного?

Тварь вытянулась и отвернулась от него.

— Если ты можешь общаться с кем-то, как угодно, пусть им стану я. Это очень важно.

Существо прошагало по площадке.

— Меня привело сюда не просто праздное любопытство. Дай мне какой-нибудь знак своей разумности, если ты ею обладаешь.

Оно взглянуло на него этим холодным, немигающим самоцветом в центре головы. Потом опять отвернулось, окраска потемнела до предела. Угольная, чернильная, абсолютная чернота заполнила очертания.

Тень скользнула к задней части площадки и там исчезла.

— Некоторым образом ты меня порадовал. Прощай, великий враг.

Он повернулся и направился через зал обратно.

— *Билли Черный Конь Сингер. Человек Народа. Последний воин своего клана. Ты не спешил прийти.*

Он замер. И остался стоять совершенно неподвижно.

— *Да. Слова входят в твою голову. Я в силах образовывать некое подобие человеческого языка и произносить слова, если захочу, но наша связь может стать более интимной — ближе дружды, глубже привязанности.*

— *Кот?*

— *Верно. Просто думай. Я пойму. «Кот» — гля меня хорошее имя: гибкое и независимое создание, которому чужды сантименты. Я читаю лишь мысли, которые ты выпускаешь на поверхность, а не*

целиком твое сознание. Ты должен рассказать все, что, по-твоему, мне нужно знать. Почему ты пришел?

— Чтобы увидеть, являешься ли ты тем, чем, как я сейчас вижу, ты являешься.

— И все?

— Меня волновало, что ты можешь оказаться таким. Почему ты не общался раньше?

— Сперва не мог. Мой вид передает только образы — охоты — подобным себе. Но сила постепенно росла, пока я рассматривал мысли приходивших понаблюдать за мной эти полвека. Теперь я много знаю о твоём мире и твоём виде. Хотя ты... ты отличаешься от других.

— Каким образом?

— Хищник, вроде меня.

— Кот! Почему ты не рассказал кому-нибудь, раз знал как, что ты — разумное существо?

— Я многому научился. И выжидал.

— Зачем?

— Я научился ненависти. Я ждал возможности убежать, выследить тебя, как ты некогда выследил меня, и уничтожить.

— Нет нужды заходить так далеко. Извини за боль, причиненную тебе мной. Раз мы знаем, кто ты такой, можно внести поправки.

— Солнце моего мира с тех пор превратилось в сверхновую. Мира и всех мне подобных больше нет. Я увидел это в сознании своих служителей. Как ты можешь восстановить его для меня?

— Не могу.

— Я научился ненависти. Я не знал ненависти до того, как попал сюда. Хищник не ненавидит добычу. Волк на самом деле любит овцу — по-своему. Но я ненавижу тебя, Билли Черный Конь Сингер, за то, что ты со мной сделал — за превращение меня в вещь. Такой софистике я научился от тебе подобных. С тех пор я жил лишь ради того дня, когда я смогу рассказать тебе это и на основе этого действовать.

— Извини. Я поговорю с людьми, управляющими этим заведением.

— Я им не отвечу. Они подумают, что ты обезумел, из-за твоих голословных утверждений.

— Почему?

— Это не совпадает с моим желанием. Я сказал тебе свое желание.

Он повернулся спиной к площадке и двинулся к тому месту, где силовые поля удерживали темную, крупнее человека тварь, которая теперь сидела рядом, изучая его.

— Не понимаю, как будут осуществляться твои желания, но я хочу помочь тебе в любом другом отношении.

— Я вижу кое-что.

— Что ты имеешь в виду?

— Вижу, тебе что-то от меня нужно.

— Я теперь осознаю, что ты ничего не захочешь дать.

— Попробуй.

— Я пришел узнать, причинил ли я тебе зло.

— Да.

— Увидеть, правда ли ты разумен.

— Да.

— Просить тогда твоего содействия в предотвращении политического убийства.

Последовало нечто вроде смеха — пустого, без чувства юмора.

— Расскажи мне.

Сингер обрисовал ситуацию. Когда он закончил, воцарилось продолжительное молчание.

— Предположим, я бы определил местонахождение этой твари и расстроил ее планы. Что тогда?

— Тебе, конечно, была бы возвращена свобода. Последовали бы компенсации, вероятно, награда, новый дом. Возможно, был бы найден некий равноценный мир...

Темная фигура поднялась, вновь изменив облик, став похожей на медведя, стоящего на задних лапах. Она вытянула переднюю конечность, пока та не при-

шла в соприкосновение с полем. Каскад искр обрушился на площадку.

— Лишь это, — сказал Кот, — стоит между тобой и смертью. Разве ты не вспоминаешь ту долгую неделю, когда крался за мной?

— Вспоминаю.

— Только по счастливой случайности ты меня поймал.

— Вероятно.

— Вероятно? Ты же знаешь, что это так. В самом конце я почти тебя достал.

— Ты близко подобрался.

— Я снова и снова переживал ту охоту в течение пятидесяти долгих лет. Я должен был победить!

Кот ударил по контуру поля, и искры очертили его фигуру. Билли не шелохнулся.

Через некоторое время Кот отступил, весь дрожа. Теперь он казался меньше, а его тело сворачивалось, припадая к земле.

Наконец Кот сказал:

— Ты уже предложил мне волю без всяких условий.

— Да.

— Награда и компенсации, о которых ты говорил, ничего для меня не значат.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь.

— Я понимаю, что ты не поможешь. Лагно. Спокойной ночи.

Он опять повернулся.

— Я не сказал, что не помогу.

Когда он оглянулся, на него смотрело покачивающееся существо с хохолком и рогами.

— Тогда что ты говоришь, Кот?

— Я помогу тебе — за определенную цену.

— И какова же цена?

— Твоя жизнь.

— Нелепость.

— Я ждал так долго. Мне нужна только она.

— Безумное предложение.

— *Мое единственное. Выбирай, принять его или нет.*

— *Ты действительно считаешь, что способен остановить любого страгийского агента?*

— *Если я проиграю и он меня уничтожит, ты будешь свободен и ничего не потеряешь. Но я не проиграю.*

— *Это неприемлемо.*

И вновь смех.

Билли Сингер повернулся и пошел из зала. За ним следовал смех. Зона распространения составляла приблизительно четверть мили.

ДИСК II

НА ОРБИТЕ НАЙДЕН ТРУП ЛИДЕРА ПРОФСОЮЗА

Обгорел при возвращении на Землю несколько дней

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК ОБВИНЕНЫ В ЛУННЫХ СДЕЛКАХ

УРАГАН В ЗАЛИВЕ ПРЕСЕЧЕН В ЗАРОДЬШЕ

он взошел на Маунт-Тейлор, место рождения Переменичивой Женщины, священный пик бирюзового юга. На севере скопились тучи, но слева сияло солнце. Холодный ветер пел некую хрупкую песнь. Он разбросал горсть пылицы на все стороны света. Когда его экзистенциальный настрой углубился, ему явилось йеи в виде плывущего черного пера

НАМЕК НА СЛИЯНИЕ «ГЕНЕФИКСА» И «РЕВЛОНА»

ЖЕРТВА ЭЙТАНАЗИИ РАССКАЗЫВАЕТ ВСЕ

ТРЕБУЮТСЯ ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ

В офисе генерального секретаря ООН рано этим утром

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЦЕРКВИ ХРИСТИАНСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Ее датчики выдержали при вираже корабля. В конце концов управление системой защиты не составило бы труда, проинформировали приборы. Она промедитировала с полминуты на пламени и воде — видимые изменчивости, символизирующие пламя-перемену. Влиться, вообразила она, в древние формы.

**ЗАТОПЛЕНИЕ ТУННЕЛЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕС — ФЕНИКС
ЧЕЛОВЕКА УНЕСЛО НА ДВЕ МИЛИ**

— Твои кони вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

— Твои овцы вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

— Твои владения вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

— Твоя страна вновь твоя, внук, — говорит он, садясь рядом

— Твои источники вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

— Твои цепи гор вновь твои, внук, — говорит он, садясь рядом

Благословенно вновь становление, благословенно вновь становление.

Благословенно вновь становление, благословенно вновь становление!

Он пересек высохший поток лавы, который в его дни всем был известен, как застывшая кровь Йеитсо — чудовища, истребленного Найенесгани. А потом продолжил восхождение по склонам Маунт-Тейлор. Вершины были скрыты сегодня огромной холмистой грядой тумана. Задира-ветер хватал его множеством рук за одежду — черный ветер с севера. Святое место... Надо попасть туда, чтобы кое-что обдумать. Больше столетия он не посещал Маунт-Тейлор, но природа оставалась такой же незатронутой в течение всех этих лет.

Вверх...

Кот, мой чинди... Вечно меня преследующий...

Вверх. Его волосы блестели от современного шампуня с корнями юкки...

...Все прошлое объединяется в тебе.

Вверх, теперь в туман, ветер внезапно стих, темные и скользкие камни...

...И как же я встречу с тобой лицом к лицу?

...Гора, удерживаемая на земле огромным каменным ножом, пронзенная от вершины до основания, гора-женщина, ты видела все, происходившее среди Народа. Но знаешь ли ты чужие звезды, на которые я смотрел? Дай мне о них рассказать...

Восхождение было медленным, туманы давили на него и увлажняли одежду, пока та не прилипла к телу. Поднимаясь, он пел, останавливался в нескольких местах, ибо здесь был дом Бирюзового Юноши и Желтой Маисовой Девушки, а в других вариантах сказания именно здесь родилась Переменчивая Женщина.

...Я заблудился меж ярких звезд.

Он миновал группу каменных людей, которые, казалось, кивали под покровом тумана. Кудрявая белизна, окружавшая его, наводила на мысли об овцах матери, которых он пас мальчишкой. Думы следовали за ними от старого зимнего хогана с истощившимся запасом корма к высокогорной летней стоянке, где пищу готовили и ели под открытым небом, а женщины ставили ткацкие станки среди деревьев. Его дядя-певец собирал травы и сушил их на солнце. Старик держал знахарский пучок на обрядах Пути Стрельбы, а также и пять ночей Пути Зла. И он знал Путь Восстановления всех живых существ.

Когда доходил слух, что правительственные приемщики ждут на участках дезинфекции, праздничный дух плясал среди селений, словно горбатый дудочник. Стоянка разрушалась, и брякали колокольчики на овцах, которых гнали вниз с гор к месту уничтожения паразитов. Участки эти сами по себе воняли серой, и повсюду стоял запах овечьего дерьма, в первую очередь он исходил от обуви. Процедура была медленной и грязной, так как овец прогоняли по одной, считали, собирали вместе, затем удостоверилось еще на один сезон, что у них нет клещей и каких-либо болезней. Воздух был наполнен пылью от движущихся животных. Вскоре стада покрывали холмы, будто упавшие облака, и среди них с лаем бегали собаки.

По ходу дня среди воню и шума распространялась праздничная атмосфера. Запахи тушеной баранины, жареного хлеба и кофе, смешанные с ароматом дыма от сосны, плыли в воздухе. Все чаще раздавался смех. Начинались азартные игры. Слышались песни. Тут или там скачки, петушиные бои...

Когда работа заканчивалась, то и одежда становилась более нарядной. Женщина, которая носила шерстяной платок и держала в руке зонтик, перегоняя овец от загона к месту дезинфекции, теперь надевала свою лучшую яркую юбку с тремя оборками, атласную рубашку и бархатную блузку навывпуск с серебряными концами воротничка и серебряными

пуговицами от плеча до запястья, серебряными пуговицами-бантиками спереди, тяжелое ожерелье из цветов тыквы с несколькими нитками бирюзы. Мужчины появлялись в вельветовых рубашках с серебряными пуговицами, в черных шляпах с украшенными серебром и бирюзой лентами, в зеленых и голубых браслетах, кольцах, ожерельях — с Пайлот-маунтин, Моринси, Кингмена, Ройстона. И были шутки и пляски, хотя никаких рассказов о сверхъестественном, ибо гром и змеи уже бодрствовали.

Он вспомнил свой первый танец индианок по такому случаю. Ему нечем было платить, так что он плясал и плясал большую часть ночи, прислушиваясь к смеху девушек, двигаясь, в конечном итоге, словно во сне, пока не выдалась возможность — вероятно, умышленная, — и он убежал.

А теперь...

Прошлым летом он посетил современную дезинфекцию овец. Генетически измененные животные невосприимчивы к большинству древних болезней, все же некоторые паразиты могли вызвать неприятности. Овец прогонял через легкий, сборно-разборный туннель, выпрыскивающий аэрозоль без запаха, считал и сортировал компьютер, и дальше — за набор СВЧ-стен, создаваемых крохотными передатчиками, случайным образом разбросанными по земле. В основном пища готовилась в скоростных и производительных — хоть и немного старомодных — портативных микроволновых печах. Вечерняя музыка представляла собой записи на чипах или передачи со спутника. Большинство последовавших затем танцев он не узнал. Похоже, меньше было традиционных одеяний, меньше людей делали все как надо. Не так много лошадей вокруг. А один юноша в самом деле подошел к нему и спросил, как его зовут...

...Гора, удерживаемая на земле огромным каменным ножом, пронзенная от вершины до основания, лезвие, украшенное бирюзой цвета голубого юга, гора-женщина, на твоем пике чаша из бирюзы с двумя яйцами сойки, покрытая священной оленьей кожей,

гора, одетая в бирюзу, орлиные перья на твоей голове, ты видела все, происходившее среди Народа. Однако духу человека может повредить лицезрение множества перемен. Я же видел много.

Он взбирался по светлеющему пути, мимо домов, построенных из туч, радуги и хрусталя. Когда же он вошел на высокогорные склоны, в яркость под незатененным солнцем, возникло впечатление, словно он стоит на острове посреди пенящегося моря. Земля во всех направлениях была покрыта пушистой белизной. Он повернулся ко всем углам мира и запел, совершая подношения из маисовой муки и пыльцы. Затем сел и, раскрыв свою суму из неповрежденной оленьей шкуры, вынул кое-какие предметы. В течение долгого времени он думал о вещах, пришедших к нему тогда.

Линия облаков, напоминающая изогнутый земляной жертвенник. На нем гриб в гнезде. Ночь. Он съел горькое снадобье и стал слушать пение под барабаны. Были переданы трещотка и опахало из перьев. Каждый пел четыре песни, прежде чем принять большую сигару. Чувство крайней усталости овладело им еще до того, как пришел его черед. Он понял то, что некогда сказал Джон Рейв — это воздействие борьбы пейотля с пороком человека. По ощущениям, горло сузилось и пересохло. Он гадал, какая тут часть духовного, а какая — физиологического.

То был весьма необычный период в своей жизни. Его отправили учиться. Старые пути уже не казались правильными, но не нравились и новые. Он понимал, что Исконная американская церковь привлекает многих, ощущающих себя между мирами. Но он, к тому же, уже прошел курс антропологии и чувствовал тонкую грань отчуждения — наподобие лезвия ножа, — вклинившуюся между ним и переживанием даже сейчас, лишь после нескольких недель Пути Пейотля. Блистательно расцвеченные галлюцинации зачастую очаровывали, однако он и его жажда стояли порознь.

Но эта ночь каким-то образом отличалась от других ночей... Он почувствовал это, когда, передав трещотку и опахало, поднял голову и увидел образующую

юся радугу. Она вообще не показалась неуместной, и он с интересом наблюдал за ней, одновременно далекой и близкой, а когда посмотрел попристальнее, узрел на ней движение. Две фигуры — и он их знал — шли по ее вершине, словно по изгибу громадного моста. Они остановились и глянули вниз на него. Это были Воины-Близнецы — Тобадсидсинни, Рожденный Водой, и Найенесгани, Истребитель Чудовищ. Долгое время они просто смотрели, а потом он осознал, что, возможно, в действительности они разглядывают вовсе не его. Из-за какого-то внезапного движения он понял, что на левое плечо ему уселась огромная черная птица — ворон. Под радугой стремглав пробежал койот. Найенесгани вставил в лук молнию и поднял оружие, но брат положил ему на руку ладонь, и тот опустил лук.

Когда он вновь бросил взгляд налево, ворон исчез. Когда посмотрел вперед, радуга уже тускнела и становилась меньше...

На следующий день он был слаб. Он отдыхал и пил воду. Мысли текли вяло. Видение каким-то образом приобрело большую важность. Чем дольше он его изучал, тем больше оно ставило его в тупик. Ворона ли чуть не застрелил Найенесгани или его самого? Защищала ли его птица от Воинов-Близнецов? Или братья пытались защитить его от птицы?

В свете последних антропологических знаний дело стало еще более запутанным. Ворон фигурировал в некоторых сказаниях Народа — особенно вокруг горы Навахо, Радужного моста, района каньона Пиут — в качестве демонической силы. Однако так было не всегда, хотя времена, когда все обстояло иначе, находились за пределами памяти кого-либо из живущих.

Ворон являлся главным божеством у народа тлинкитов-хайда на северо-западе Тихоокеанского побережья, а этот народ говорил на языке атапаскской семьи. Навахо и их родственники апачи тоже говорили на атапаскском наречии и были единственным народом с таким языком вне пределов северо-запада. В древности имело место переселение, приведшее в ко-

нечном итоге Народ к каньонам и столовым горам Аризоны, Юты, Колорадо и Нью-Мексико. В дни своих скитаний они следовали за божествами охотников, такими как Ворон, Пума и Волк, сопровождавшими их в течение долгого перехода на юг. Но обосновавшись, Народ изменился, привязался к определенной области, научился земледелию у зуны и пуэбло, ткачеству у хопи, а позднее овцеводству у испанцев. С течением жизни боги древности поблекли. Ворон — или Черный Бог, как он известен сейчас — даже сражался в одном незначительном поединке с Найенесгани между пиками Сан-Франциско и горой Навахо. Так что Ворон — фигура из весьма отдаленного прошлого. Его чтили, когда навахо были охотниками, а не пастухами, земледельцами, ткачами и серебряных дел мастерами.

Он знал, что Путь Пейотля представлял собой еще более позднее нововведение, перенятое у юте. Во многих отношениях тот был новым также и для заблудших, хотя, возможно, затрагивал древние струны. Говорилось, что перекрещенные линии на земле позади жертвенника являются отпечатками ног Христа. Он же предпочитал считать их следами гигантской птицы. Он знал, что никогда не вернется к хогану Пейотля, ибо то был не его путь, хотя и принес ему важную весть. Будь то добро или зло, он видел, что ему на роду написано стать охотником.

Он закончит образование и выучит песни, которым хотел научить его дядя. Он не знал, что обе эти вещи будут важны в охоте, на которую он однажды должен отправиться. Он станет чтить старые пути, но научится и новым — самые старые пути и самые новые. В этом нет противоречия, ибо индеец-навахо — одно из самых приспособляемых существ на Земле.

Соседи-хопи танцевали и молились о дожде. Его народ так не поступал. Они стремились скорее сожительствовать с окружающей средой, не управлять ею. Пуэбло, зуны и хопи жили скученно, словно бледнолицые в кондоминиумах. Его народ так не поступал: жили порознь, и семьи заботились сами о себе. Дру-

гие племена включали слова бледнолицых в свой язык, чтобы объяснить новые понятия. Язык же навахо даже в двадцатом веке развивался, чтобы идти в ногу с изменяющимися временами — более двухсот новых слов для названий различных деталей двигателя внутреннего сгорания. Они учились у англичан, испанцев, пуэбло, зуньи и хопи. Они перемещались, они приспособлялись, но оставались самими собой. Не просто так они считали себя потомками Переменчивой Женщины.

Да. Он научится как новому, так и старому, говорил он себе. И Черный Бог будет сопровождать его на охоте.

И это произошло. Однако он не рассчитывал на столь сильные перемены в отношении Народа во времена искривленного времени, когда он находился вдали. Они по-прежнему являлись Народом, отличным от других. Но скорости изменений в них и в нем были различны.

Теперь, глядя на мир с вершины Маунт-Тейлор, он видел, что Черный Бог, избравший его, сдержал обещание, превратив в сильнейшего охотника своего времени. Вот только теперь он уволен, а те дни прошли. Казалась излишней попытка личности приспособиться и дальше. Народ как целое являлся организмом и имел много времени для медленной адаптации. Пусть будет так. Его замысел остался несуществленным. Вероятно, правильнее уйти сейчас от него в красоте и умереть, как легенда, которой он стал.

Он завел песнь вершины горы для этого места. Стаккато слов катилось по миру.

Облака под ним приобрели цвет дыма. Что-то пронеслось над головой, издавая одну-единственную каркающую ноту. Позднее он обнаружил черное перо, упавшее поблизости. Когда он присовокупил перо к своему хищу в суме из неповрежденной шкуры оленя, то стал гадать относительно его двусмысленного характера. Черное, цвет севера, направление, в котором двигаются духи умерших... Черный север, с кото-

рого возвращается чинди, наряду с другим злом... Черное означает север, означает смерть. Однако и Ворон мог бросить черное перо, послать ему. И что же это может подразумевать?

Что бы это ни было... Хотя он не мог истолковать глубины всего этого, он видел поверхность. Он начертил указательным пальцем на пыли круги, а потом их стер. Да. Он знал.

Но по-прежнему сидел там, на своем острове в небе, а день уже переполз через полдень. Наконец раздался ожидаемый звонок. Он знал, что это Эдвин Теддерс, еще до того, как услышал голос.

— Билли, мы здесь страшно нервничаем. Ты изучил досконально данные?

— Да.

— К чему-нибудь пришел?

— Да.

— Можешь перенестись сейчас?

— Нет. Поблизости нет ни одной кабины.

— Ну так доберись до нее! Мы должны знать, а я не хочу говорить по телефону.

— Не могу, — сказал он.

— Почему?

— Если интересующая нас дама имеет в числе своих достоинств способность узнавать, что у людей на уме, я не хочу, чтобы она извлекла это из вас.

— Подожди минутку. Я перезвоню.

Чуть позднее прозвучал второй звонок.

— Ладно. Вот вернейший вариант. Слушай, это будет прыжок-скачок из кабины в место, которое никто не знает. А она взорвется сразу после переноса.

— Если дама сумеет отрубить ток...

— Может, да, а может, нет. Мы, к тому же, пригласили людей с пси-способностями.

— Это не лишнее, но они не все предсказуемы. Верно?

— Некоторые очень хороши.

— Они вам что-нибудь обнаружили?

— Пока ничего. Ну так что у тебя на уме? Можешь ли ты изложить это настолько общо, чтобы мы ухватили идею без каких-либо подробностей, которыми она может воспользоваться?

— Нет.

Последовала пауза. Потом Теддерс воскликнул:

— Черт! Мы должны иметь хоть что-то, Билли! Мы же можем помешать друг другу.

— Вы даже не узнаете, что я рядом.

— Ты будешь находиться в этом районе?

— Помните, никаких подробностей? Даже ваши собственные пси могут выудить их из вас... Тогда она сможет извлечь это из них, если потерпит неудачу с вами.

— Если ты собираешься оказаться по соседству, пси смогут так же легко извлечь все из тебя.

— Не думаю. Первобытные люди порой умеют становиться непрозрачными для телепата. Я видел, как это происходит в других мирах. Я вновь стал первобытным.

— Короче, как скоро ты займешься заданием?

Билли посмотрел на опускающееся солнце.

— Скоро, — ответил он.

— Можешь просто изложить, что ты собираешься предпринять?

— Мы собираемся ее остановить.

— Ты стал монархом или редактором? Или занимал солитера? Что еще за «мы»? Ты должен поставить нас в известность, если подключаешь к делу других людей.

— Я не подключаю к делу других людей.

— Билли, мне это не нравится...

— Мне тоже, но работа будет сделана. Потом вы меня не достанете.

— В общем, прощай... Удачи.

— Прощайте.

Он повернулся лицом к белому востоку, голубому югу, желтому западу, черному северу и попрощался с ними, а также со Святыми горами. Потом спустился из одного мира в другой.

*Ирокезы называли тебя
Существом без Лица.
Я иду посмотреть, верно ли это,
великий разрушитель,
взятым наперевес копьем грозящий
и поднятым топором.
Я ставлю на землю ноги с пыльцой,
когда шагаю.
Я кладу руки тоже
с пыльцой.
Я вращаю головой с пыльцой.
Мои ноги, руки и тело
стали пыльцой,
и мой разум, даже мой голос.
Тропа прекрасна.
Мои земли и селенья прекрасны.
Акалани, Денета.
Мой дух бродит по тебе.
Я иду увидеть Безликого.
Невосприимчивым к боли да буду шагать.
С красотой вокруг себя да буду шагать.
Он приближается в красоте.
Я не вернусь.
Будьте спокойны.*

Энн Экстелл Моррис и ее муж-археолог Эрл рассказали историю про двух монахов-францисканцев: отца Финтана и отца Ансельма, путешествовавших в край белого тростника, Лу-ка-чу-кай, в 1909 году. Там, на юге Четырех углов, в горах без дорог и признаков жилья, они отдыхали как-то днем, а их проводник-навахо пошел прогуляться. Позднее проводник вернулся с большим, разукрашенным керамическим кувшином для воды. Отец Финтан, разбиравшийся немного в индейской утвари, распознал уникальность этой вещи и спросил, откуда она. Проводник места не назвал. Он лишь сообщил, что кувшин этот из брошенного города Предков — селения со множеством больших домов и высокой башней, места, где множество подобных кувшинов, некоторые все еще наполненные маисом, валяются повсюду, а также валяются одеяла, сандалии и орудия труда. Но он просто взял кувшин на время, чтобы показать им, и должен его возвратить, ибо когда-нибудь хозяева могут вернуться. Где это селение? Индеец-навахо покачал головой и ушел с кувшином, а через полчаса вернулся. Позднее священники описали этот сосуд Моррисам, которые отнесли его к третьему периоду пуэбло — одной из вершин в культуре юго-запада.

Разумеется, это место было легко определить, зная, что оно лежит в получасе ходьбы от того лагеря. Искали его несколько раз, но безуспешно. А Эмиль В. Ори провел там пол-года 1927 года, однако оказался не в силах обнаружить потерянный город Лукачукай. Сейчас в Аризоне есть город, носящий такое название. В нем ткут ковры. Рассказ о потеря-

ном доисторическом городе в тех горах, где-то на северо-востоке от каньона Де-Шелли, с тех пор прекратили обсуждать, считая недостоверным.

Именно ветер дал им жизнь. Именно ветер, идущий из наших уст, дает нам жизнь. Когда он прекращает дуть, мы умираем. В коже на кончиках наших пальцев мы видим следы этого ветра. Они показывают нам, где дул ветер, когда были сотворены наши предки.

Переведено с языка навахо
Вашингтоном Мэтьюсом в 1897 г

Кабина загудела, и появилось очертание, которое быстро заполнилось и застыло.

Высокий, хорошо одетый негр средних лет улыбнулся, спустился по лесенке и шагнул вперед.

— Рад, что вы здесь, — сказал Эдвин Теддерс, пожимая руку и поворачиваясь к остальным. — Это Чарльз Фишер, эстрадный иллюзионист и менталист.

Он указал на бледную женщину, голубые глаза которой были обрамлены сетью тончайших морщинок, а светлые волосы зачесаны назад и заколоты в пучок.

— Это Элизабет Брук, художница и писательница. Вероятно, вы читали...

— Мы знакомы, — сказал Фишер. — Как дела, Элизабет?

Она улыбнулась.

— Прекрасно, для разнообразия. А у тебя?

У нее был британский акцент, на пальце дорогое кольцо. Она поднялась, подошла к Фишеру и слегка его обняла.

— Рада видеть тебя снова... Мы вместе работали несколько лет назад, — сообщила она Теддерсу. — Хорошо, что вы смогли его достать.

— Действительно хорошо, — сказал Теддерс. — А это Мерси Спендер...

Фишер шагнул к грузной женщине с одутловатым лицом и водянистыми глазами, с красной паутинной капилляров под кожей носа. Она вытерла ладонь, прежде чем протянуть руку, и стрельнула взглядом.

— Здравствуйте, Мерси...

— Привет.

— ...А это Алекс Мансин. Он работает на Всемирной фондовой бирже.

Алекс был низенький и пухлый, с мальчишеским лицом под седеющей шевелюрой. Хотя взгляд у него был твердый и глубокий.

— Рад познакомиться с вами, мистер Фишер.

— Зовите меня Чарльз.

— Приятно познакомиться, Чарльз.

— ...А это Джеймс Маккензи Железный Медведь, инженер по спутникам, — сказал Теддерс, двигаясь дальше.

— Здорово, Джим.

Джеймс Железный Медведь был среднего роста, крепкого телосложения, с длинными черными волосами, темными глазами и смуглым лицом. Ладони у него были крупные и на вид очень сильные.

— Мы тоже работали вместе, — промолвил он. — Как поживаешь, Чарльз?

— Дел по горло. Расскажу тебе после.

— А это, — Теддерс указал на крупного улыбающегося мужчину с узкими блеклыми глазами, стоявшего у бара со стаканом в руке, — это Уолтер Сендс. Он играет в карты и другие подобные игры.

Фишер вскинул брови, потом кивнул.

— Мистер Сендс, здравствуйте...

— Здравствуйте, мистер Фишер.

— ...Итак, мы в сборе, — объявил Теддерс. — Все остальные уже просмотрели чипы.

— Я тоже, — сказал Фишер.

— В общем, у всех остальных есть какое-то мнение. Думаете ли вы, что способны обнаружить приближение страгийского адепта?

— Не уверен, — ответил Фишер, — когда речь идет об инопланетянке с некой особой подготовкой.

— Именно так все и сказали. Можно ли предложить вам выпить?

— На самом деле я бы предпочел что-нибудь съесть. Я прибыл из другого временного пояса. Еще не было возможности поужинать.

— Разумеется.

Теддерс подошел к переговорному устройству и, нажав кнопку, заказал ужин.

— Его подадут на второй этаж. Предлагаю подняться и обсудить все там. Возможно, это будет чуть более... удалено... от любых акций, которые могут произойти. Поэтому, если кто-то хочет взять с собой что-нибудь выпить, лучше наполнить стаканы сейчас.

— Я буду джин с тоником, — сказала Мерси, вставая.

— А не лучше ли чашку чая? — спросила ее Элизабет. — Очень полезно.

— Нет. Я лучше выпью джин с тоником.

Она подошла к бару и налила себе высокий стакан. Элизабет и Теддерс переглянулись.

— Знаю, о чем вы думаете, — сказала Мерси, по-прежнему стоя широкой спиной к ним, — но вы неправы.

Уолтер Сендс, стоявший рядом с ней, ухмыльнулся и отошел.

Теддерс вывел их из комнаты, и они последовали за ним по широкой лестнице.

Он препроводил приглашенных в комнату для совещаний. Посередине стоял большой стол, а на нем находилось какое-то маленькое устройство. Полдюжины удобных на вид кресел располагалось вокруг стола. Слева стояли диван и четыре столика поменьше у стены, слева и справа. Три кабины переноса, способные вместить пару людей каждая, были установлены поодаль. Теддерс остановился в дверях и махнул рукой в сторону коридора.

— Чарльз, твоя спальня — вторая дверь налево. — Он повернулся к остальным. — Устраивайтесь поудобнее. Именно здесь вы будете работать. В любое время два человека должны прислушиваться к инопланетянке, пока остальные отдыхают. Можете разбиться на пары, как вам заблагорассудится, и составить график дежурств. Это маленькое устройство на столе — сигнализация. Нажмите кнопку, и вызывающие раздражение сирены включатся во всем здании. Если вы, находясь в своей комнате, услышите их, бы-

стрее просыпайтесь и идите сюда. Можете воспользоваться кабинами переноса, если не будет другого выхода...

— Минутку, — вставил Алекс Мансин. — Все это, конечно, существенно, но вы только что подняли вопрос, который беспокоит меня и, вероятно, остальных тоже. А именно: насколько распространяется здесь наша ответственность? Скажем, мы обнаруживаем инопланетянку и подаем сигнал тревоги. Что потом? Я — телепат, но я, к тому же, могу передавать мысли другим — даже не телепатам. Вероятно, я смог бы сообщить этой твари смущающие образы и подавляющие эмоции. Возможно, другие смогут сделать что-то другое. Не знаю. Должны ли мы попытаться?

— Хороший вопрос, — сказал Уолтер Сендс. — Я способен влиять на выпадение игральных костей. Вероятно, могу воздействовать на зрительные нервы. Фактически я знаю, что могу. Я сделал бы человека на время слепым. Обязан ли я попробовать нечто такое — или мы просто оставляем оборону вышибалам, как только враг покажется в поле зрения?

— Мы не вправе просить вас рисковать своей жизнью, — ответил Теддерс. — С одной стороны, явилось бы огромной помощью, если бы вы сумели устроить нечто подобное. Я оставляю это на ваше усмотрение. Но чем больше вы сможете сделать, тем лучше, даже если это всего лишь парфянская стрела.

— Мы с Чарльзом однажды объединили наши силы, чтобы передать сообщение при весьма тяжелых обстоятельствах, — сказала Элизабет. — Интересно, что произойдет, если мы все попытаемся это сделать и направим суммарную силу против инопланетянки?

— Полагаю, это-то и надо вам решить, — сказал Теддерс. — Но если вы намерены испробовать, не сметайте все подряд без разбора. Не исключена помощь извне.

— Мы быстро научимся распознавать охранников, если уже этого не сделали, — сказал Сендс.

— Но вы можете случайно уловить мысли кое-кого, не являющегося охранником, — заявил Теддерс. —

Я не хочу, чтобы вы попытались выжечь ему лобные доли лишь потому, что он кажется слегка отличным от других.

— Что вы имеете в виду? Кто «он»? — спросила Мерси. — По-моему, вам лучше объяснить.

— Его зовут Уильям Черный Конь Сингер, следопыт из индейского племени навахо, — ответил Теддерс. — Он на нашей стороне.

— Это тот парень, что практически в одиночку заполнил Межзвездный зоопарк в Калифорнии? — спросил Джеймс Железный Медведь.

— Да.

— Что конкретно он предпримет?

— Не в курсе. Но говорит, что намерен помочь. Все они уставились на Теддерса.

— Почему вы этого не знаете? — задал вопрос Фишер.

— Он считает, что инопланетянка тоже может оказаться телепаткой. Сингер не хочет рисковать тем, что она узнает о его планах от нас. Он считает, что способен блокировать телепатов, на худой конец, на некоторое время.

— Как? — спросил Сендс.

— Это имеет какое-то отношение к первобытному мышлению. Всего я не понял.

— Звездный Следопыт, — произнес Железный Медведь. — Читал о нем еще мальчуганом.

— Он родственник или как? — спросил Фишер, подходя к креслу и садясь.

Железный Медведь покачал головой.

— Мой отец был сиу из Монтаны. Он же — навахо из Аризоны или Нью-Мексико. никоим образом. Интересно, что значит мыслить первобытно?

В холле появился человек с подносом. Теддерс кивнул в сторону Фишера, когда тот вошел в комнату. Поднос поставили и сняли крышку. Фишер начал есть. Железный Медведь сел напротив него. Элизабет выбрала кресло справа от Фишера, а Сендс — слева. Мансин и Мерси Спендер сели вместе с Железным Медведем.

— Благодарю вас, — сказал Мансин. — Теперь мы собираемся начать обсуждение.

— Вы не будете возражать, если я запишу вашу дискуссию? — спросил Теддерс. — Для последующего изучения.

Сендс улыбнулся, а оливка выскочила у Фишера из салата и покатилась по его руке.

— Если у вас есть аппаратура, способная записывать наше совещание, я буду весьма удивлен, — сказал Мансин.

— О! В таком случае, полагаю, у меня нет причин оставаться. Когда к вам вернуться?

— Примерно через час, — ответил Мансин.

— А можете ли вы прислать сюда большой кофейник и чашки? — спросил Железный Медведь.

— И чай, — добавила Элизабет.

— Будет исполнено.

— Спасибо.

Теддерс направился к двери.

Мерси Спендер взглянула на свой пустой стакан, начала было говорить, но передумала. Элизабет вздохнула. Сендс жевал оливку. Железный Медведь хрустел пальцами. Никто не произносил ни слова.

— Говорят, что у вас, папаго, есть песни силы, которые дают вам власть над всем сущим. Это правда?

— Увы, так лишь говорят. На самом деле мы не обладаем властью над полезными ископаемыми под нашей землей.

— Почему?

— Мы не навахо.

— Не понимаю.

— У навахо есть договор с правительством, дающий им такие права.

— А у вас нет?

— Для заключения договора с правительством сперва необходимо развязать против него войну. Мы никогда не видели от нее пользы и оставались в состоянии мира. Договор выиграет у песни силы.

— Вы говорите так, будто это игра в карты.

— Навахо в карты тоже мошенничают.

— Койот, ты узнал тайну места текущей воды. Ты похитил ребенка Водяного Чудовища, которого там обнаружил. В итоге твоего вмешательства в эти силы ты вызвал потопа, стихийные бедствия и сдвиги горных пластов. Они привели к смерти, беспорядку и безумию среди Народа. Зачем ты это сделал?

— Ради смеха.

— Я понимаю, что женщина-Бегочидди, Бегочидди, Говорящий Бог и Черный Бог сотворили дичь, и так они получили власть над охотой?

— Да. Они способны помочь охотнику, если захотят.

— Но вы уже больше не охотитесь, как прежде.

— Правда.

— Значит, в наши дни у них меньше работы.

— Я так представляю себе, что они найдут чем заняться.

— Но я имею в виду, есть ли это полные параметры их функций в качестве тотемов в контексте современной структуры вашего племени?

— Не понял.

— Это все, чем они занимаются?

— Нет. Они также мстят за свой народ антропологам, лгущим о нас.

*Посреди своего дома желтого мауса стою я
и говорю: я емь Черный Бог, говорящий
с тобой.*

*Я прихожу и встаю ниже севера. Я говорю:
С вершины Горы Тьмы, лежащей передо мной,
спускается хрустальная олениха и приходит
ко мне.*

*От копыт до колен, от туловища до морды,
вместе со всевозможной дичью,
входит она в мою лагерь.*

*Когда я зову ее, когда молюсь за нее, она
приходит ко мне,
вместе со всевозможной дичью.*

*Я емь Черный Бог, говорящий с тобой. Я стою
ниже севера.*

Они приходят ко мне из Горы Тьмы.

Мерси Спендер

родилась на подпольном винокуренном заводе в
Теннесси,
осиротела в 5 лет,
воспитывалась эксцентричной и религиозной
теткой со стороны матери
и ее мужем-шерифом,
молчаливым и усталым,
любившим играть в шары, рыбачить
и певшим в самодеятельном квартете,
вместе с двумя более старшими девочками
и мальчиком,
изнасиловавшим ее в одиннадцать лет, Джимом,
ныне оценщиком недвижимости,
потеряла всякое желание учиться
в двенадцать лет,
пела в церковном хоре,
а позднее в баре «Трикси»,
имела несколько одинаково скучных романов,
начала сильно пить в девятнадцать лет,
открыла для себя радости Спиритуалистской
церкви
в двадцать лет,
где расцвели ее своеобразные способности
незадолго до отправки Мерси в санаторий
в Южной Каролине для лечения от алкоголизма,
где она нашла покой
в убежище терапевтического сообщества,
провела последующие двенадцать лет,
занимаясь пением,

играя на органе, читая лекции и давая утешение
 в церкви, и запивая, и возвращаясь в
 терапевтическое сообщество ради покоя
 и убежища, и лечась от алкоголизма,
 и занимаясь пением, и утешением, и поддержкой,
 и чтением, и лечением, и

*мы понимаем, сестра, держись с нами,
 внутри все одинаковые*

Алекс Мансин

родился в Нью-Бедфорде,
 посещал ряд частных школ,
 хорошо успевал, не прилагая усилий,
 овладел сложной компьютерной игрой
 «Всемирная экономия».

К одиннадцати годам
 получил степени доктора права в Йельском
 университете,
 магистра и бакалавра гуманитарных наук
 в Гарвардской школе бизнеса,
 трижды женился,
 успевал меньше, прилагая больше усилий,
 к тридцати шести годам
 отец двух сыновей (близнецов) и трех дочерей,
 к которым он испытывает такую же
 привязанность,
 какую всегда испытывал к кому угодно,
 осознает любое мнение о себе
 из-за странной чувствительности к мыслям
 и ничуть этим не обеспокоен,
 страстно предан своре итальянских грейхаундов,
 как и Фридрих Великий, которым он тоже
 восхищается,
 и гораздо сильнее интересуется мыслительными
 процессами у собак, чем у людей,
 абсолютный повелитель денежного рынка,
 богат, как Крез,
 медленно раздражается и еще медленнее

прощает,
 весьма озабочен своим внешним видом и
 одеждой,
 иногда гадает, не упускает ли он чего-нибудь,
 стремясь — каждые два-три года (тщетно) —
 к заполнению пробелов
 в оргиях погружения в высокую культуру
 и преходящих романах
 с любимыми молодыми женщинами,
 высокоинтеллектуальными и отчасти тупыми
 кусочек любого,
никто из нас не завершен, брат,
кроме моментов, когда мы вместе,
как сейчас

Чарльз Диккенс Фишер

Родился в Торонто, отец — врач,
 мать — социолог,
 в раннем возрасте его пленили иллюзии,
 показывал фокусы для своих сестер, Пег и Бет,
 был хорошим учеником, хотя и не отличником,
 читал жизнеописания великих иллюзионистов:
 Терстона, Блекстона,
 Даннингера, Гудини, Геннинга,
 узнал, что сам может завораживать
 без какого-либо оснащения,
 кроме мощных мыслей,
 оставил учебу и стал артистом эстрады
 вопреки желанию родителей,
 стал знаменитым как очный шоумен
 (его иллюзии не передавались по ТВ),
 позднее ему сделало предложение правительство
 в отношении одного сверхъестественного
 номера,
 который он впоследствии опробовал,
 с тех пор много работал в сфере безопасности
 как правительства, так и других организаций,
 не был женат, всегда утверждал,

что жизнь, которую он ведет, отнимает
все его время и энергию,
что он не переменится
и не станет поступать нечестно,
подвергая другого человека
заключению в строку
своего расписания,
на самом деле чересчур сильно боится
вверить себя
другому человеку
или отказаться от эмоций
зрительского внимания, которыми он
подпитывается,
обладает состраданием полного эмпата,
имеет несколько хороших друзей и много
знакомых,
осознает свои недостатки
и часто над собой насмехается,
устраивает сентиментальные праздники,
по-прежнему обожает сестер и их детей,
так и не помирился полностью с родителями,
порой ненавидит себя за принесенное
разочарование

*но вот же мы,
такие какие есть,
и все это знаем,
есть прибежище
и боль улечитя*

Уолтер Сендс

ушел из дома в 14 лет,
ослепив отца, бывшего его,
крупный для своего возраста,
выигрывал в большинстве поединков
(лишь с незначительной помощью силы)
и в большинство азартных игр
(то же самое),
редко имел настоящую работу,

разве что для своего рода прикрытия,
завербовался в Патруль внешней границы
в восемнадцать лет — международную
космическую службу наподобие
Береговой охраны — на четыре года,
потому что хотел увидеть, что Там,
был на хорошем счету,
мог бы стать офицером, если б пожелал

остаться,

чего однако не сделал,
потому что увидел то, что хотел,
и этого хватило,
привлекательный брюнет,
избегал близких эмоциональных связей,
хотя любил людей
и поодиночке, и в массе,
неудачный брак,
женился в двадцать восемь лет,
развелся в тридцать,
дочь, которой теперь шестнадцать, Сусанна,
чью фотографию носит с собой,
и этого хватило,
любит зрелищные виды спорта,
авантюрные и исторические романы,
редко предается чрезмерным удовольствиям,
совершенно нерелигиозен,
но гордится личным кодексом,
включающим понятие чести,
который нарушил
лишь шесть или семь раз
и всегда после переживал из-за этого,
обычно достоин доверия,
но редко доверяет,
увидев внутренности
множества голов,
если и страдает,
то от ощущения, что жизнь
вечно будет для него
чересчур безопасной и спокойной,
поэтому получает наслаждение

от рискованных предприятий,
 которые, как правило, оборачиваются
 совершенно надежными,
 оставляя его крайне неудовлетворенным

*это может оказаться
 более интересным,
 удачливый брат,
 если тебе нужен
 не покой,
 а адреналин*

Элизабет Брук

Дочь Томаса С. Брука, живописца и скульптора,
 и Мери Маннинг, пианистки и писательницы,
 младшая из двух дочерей,
 проявила художественные и литературные
 склонности

в раннем детстве,
 отдыхала каждое лето с семьей
 во Франции, Ирландии или Луна-Сити,
 училась в Швейцарии и Пекине,
 вышла замуж за Артура Брука (кузена)
 в двадцать четыре года,
 овдовела в двадцать пять лет,
 детей нет,
 забылась в общественной работе
 на Земле и в космосе
 на последующие шесть лет,
 где ее раскрывающийся талант
 стал для нее и радостью, и горем,
 вернулась к литературе и живописи,
 показывая чрезвычайную силу восприятия,
 понимание человеческого духа
 и технические способности,
 наслаждалась связью с видным членом
 английского парламента последние шесть лет,
 всегда чувствовала себя отчасти ответственной
 за смерть Артура

из-за серии резких ссор
после того, как обнаружила,
что он гомосексуалист

*мы поддержим тебя, сестра,
в борьбе
с неизменным прошлым
теплотой
и полным пониманием*

Джеймс Маккензи Железный Медведь

Наполовину шотландец, наполовину индеец-сиу,
родился в резервации,
родители вскоре разошлись,
воспитывала его мать
в Блумингтоне (Индиана) и Эдинбурге
(Шотландия),

где она работала в обслуживающем персонале
университетов,
показал большую тягу к технике
и телепатические способности,
когда ему еще не было пяти лет,
изредка виделся с родственниками по отцу,
первоклассный игрок в бейсбол и европейский
футбол,

мог стать профессионалом,
но предпочел инженерное искусство,
которым занимался на спортивную стипендию,
лучший друг — эскимос из Пойнт-Барроу,
они во время учебы в колледже
проводили вместе летние каникулы на Аляске,
работая лесничими в национальном парке
«Ворота Арктики»,
усыновил одного ребенка, подростка,
живет сейчас в Анкорадже,
позднее служил в Патруле внешней границы,
где его телепатические способности
привлекли внимание
правительственных специалистов,

вербовался на временные работы,
вроде тех, что выполнял
Чарльз Фишер,
где и познакомился с Фишером
и подружился с ним,
с тех пор работал по пяти отдельным
одногодичным контрактам по космической
технике,
полгода провел на орбите,
находится в неоплачиваемом отпуске во время
шестого,
незавершенный бракоразводный процесс
с сестрой Фишера, Пег,
работающей в той же компании
и проживающей в большом туннеле
Порт-О'Нила
с их дочерью Памелой,
присутствовал прошлым летом на похоронах отца
и с удивлением изведаль глубокую печаль
из-за того, что так и не узнал этого человека,
внезапно решил все бросить
и изучать музыку,
затея началась,
когда он протрезвел месяц спустя,
и усердно претворялась в жизнь,
пока не поступил этот звонок,
все чаще думает о ссохшемся отце,
лежащем в кожаной куртке, расшитой бисером,
и о сыне,
которого он не видел многие годы
*погойди, брат, сюда,
где мы, превосходящие одного,
добиваемся большего понимания,
впитываем больше страданий*

— Хорошо, что ты желаешь шагать в красоте, с красотой вокруг себя, мой сын. Но охотник не должен произносить молитв из Пути Благословения во время охоты, ибо все они в самом конце имеют благословение жизни, а ты требуешь молитвы смерти. К Говорящему Богу обязан ты обращаться и к Черному Богу: Ая-на-йя-йя! Эх-эх-эх! Сейчас время перерезания глотки! На-эх-йя-йя! Оно происходит в святом месте — перерезание глотки! Ай-ах, на-йя-йя! Перерезание глотки происходит в святом месте! На-йя-йя! Время перерезания глотки! Йя-эх-ни-йя!

— То, что нужно благословлять, не всегда жизнь!

Ночь. Он стоит перед стеной силового поля. Он наблюдает, как разворачивается камень.

— *В твоём разуме облака, охотник.*

— *В моем разуме много всего, Кот.*

— *Ты пришел. Разве мы заключили сделку?*

— *Делай, что я просил, а я сделаю, что просил ты.*

— *Мы заключили сделку. Освобождай меня.*

— *Это займет около минуты.*

Фигура поднялась, чтобы стать белым столбом, — один-единственный фасеточный глаз скользил по нему вверх. Билли Сингер подошел к площадке, где располагался пульт управления, открыл щит и понизил потенциал поля.

Основание столба расщепилось, а выше выделились из основной массы передние конечности. На верхушке выросла луковицеобразная выпуклость, глаз поместился в ее центре. Раздвоенные элементы стали напоминать лапы. Сужение посередине вдруг превратилось в талию. Голова удлинилась и смутно начала походить на волчью. Плечи расширились, руки и ноги утолщились. Излишняя масса сместилась назад, сделавшись широким хвостом. Человекоподобное существо было высоким, выше двух метров, и оно темнело по мере движения вперед, показывая грацию, которая намекала на предварительные репетиции.

Бесшумно, несмотря на свои большие размеры, существо вышло из-за ограждения и стало перед человеком.

— *Предлагаю тебе восстановить силовой экран. Таким образом мое отсутствие заметят лишь*

через несколько дней. Я приучил их к подобной ситуации, принимая внешний вид участков места обитания по многу дней кряду.

— Я уже думал об этом, — ответил Билли. — Но сперва я хочу понаблюдать за твоими изменениями.

— Ты впечатлен?

— Да. Ты совершаешь их так быстро, — сказал он, вновь включая поле. — Пошли. Сейчас я доведу тебя до одной кабины переноса. Тебе придется заказать ее на мой номер без карточки — что потребует моего подтверждения с другого конца, поскольку я должен перенестись первым и...

— Мне известно, как они действуют. Мысли твоих сорогичей заполняли меня понемногу, но долгое время.

— Тогда пошли.

Билли повернулся и зашагал через зал.

— Ты показываешь мне спину. Неужели ты не боишься, что я наброшусь на тебя и разорву на куски? Или твои поступки просчитаны?

— Я чувствую, что ты хочешь встретиться со страгикой. Если убьешь меня сейчас, эта возможность будет для тебя потеряна.

Тень, такая же безмолвная, как и он сам, — в чем-то более человекоподобная, чем минуту тому назад, а следовательно, более чуждая — поравнялась с ним по левую руку. Она соответствовала его походке, движениям рук, всем его ритмам.

Он мог ощущать ее силу, пока они плавно двигались по залу. Обитатели клеток, мимо которых они проходили, беспокойно шевелились — во сне или полностью бодрствуя. Билли почувствовал оттенок веселости в чуждом разуме у его плеча, а потом переданное слово «Прощайте!», побудившие эти существа к неистовой активности.

Он вышел наружу и глубоко вдохнул ночной воздух. Существо рядом с ним бросилось на четвереньки, а потом отошло прочь, ускользая в тень и выходя из тени в самых неожиданных местах, пока они двигались вперед.

Где-то впереди начала лаять собака — звук прервался на полуноте под аккомпанемент шума борьбы. Билли не замедлил шаг, ощущая, а не видя, что Кот находится рядом с ним всю дорогу до транс-кабины.

— Отлично. Я сейчас настрою эту штуковину и перемещусь в одну маленькую общественную будку в паре миль от того места, которое мы будем охранять. Если есть какая-то причина на том конце тебе не переноситься, я воспользуюсь переговорным устройством. Иначе готовься последовать за мной.

Поблизости выделился кусок тени. Кот по пропорциям стал даже еще более человекоподобным и образовал нечто вроде длинного черного плаща из собственной плоти. Крупный фасеточный глаз погрузился глубоко в голову и замаскировался соединительными тканями таким образом, чтобы возникало впечатление пары блестящих, нормально расположенных глаз.

— Подумав, — сказал Билли, — я считаю, что ты можешь перенестись, даже если там кто-то есть.

— Я вижу направление твоих мыслей, хотя и смутно. Я сформирую кое-что, напоминающее темные очки, и постараюсь придать коже более естественный цвет. Почему твои мысли столь затуманены?

— Упражняюсь для того, чтобы обмануть нашего врага, — ответил Билли, входя в кабину. — Скоро увидимся.

— Да. Меня не так просто потерять, следопыт.

Кот наблюдал, как Билли манипулировал с управлением и тускнел в этой клетке. Потом сам вошел в нее. Вытянув то, что стало правой рукой, закрыл щель, в которую Билли вставил свою кредитную карточку. Часть отростка втекла в отверстие и какое-то время его обследовала. Когда прозвучал звонок, он вытащил отросток и позволил себя транспортировать.

Странно, пение в его мозгу. Неужели было нечто в этих местах между местами, чтобы петь вот так о

морозе и железе, огне и тьме? Через мгновение оно и воспоминания о нем исчезли.

*Между мирами шагая.
Между мирами шагая.
Между мирами шагая.
Между мирами шагая.
Нечто есть
передо мной, позади меня,
слева и справа,
выше и ниже.
Что же это, со всех сторон,
такое?*

Алекс Мансин ударил по кнопке когда обнаружил присутствие За миг до этого рука Уолтера Сендса дернулась в том же направлении Дом наполнили сирены, свет залил лужайки вокруг него

Да

Мерси Спендер присоединилась к ним
минуту спустя сев в кровати

Я могу их ощущать

Их?

присоединился Фишер
отложив книгу

Там только один человек

присоединился Железный Медведь во сне
странно двигающийся

рядом

с Сингером

без сомнения

Не человек

присоединилась Элизабет,

видя сны про дельфинов

Что-то еще

существо, наполненное ненавистью
текучее

Значит, вместе

присоединился Сендс
давайте это изучим

Да

они двигаются вместе

Есть человек

сейчас тускнеющий

и что-то еще

чуждое существо
осознающее нас
тоже тускнеющее
с человеком
 существо не есть существо
 которое мы ищем
оно охотится
вместе с человеком
 наш общий враг
сейчас отступает
оно нас почувало
 мы знаем его почерк
 Будем следовать за ними?
 выключите сигнализацию
 появляется охрана
 мы должны доложить
Я последую
Мерси удалилась
за зверем
если смогу
а я — за человеком
Железный Медведь двинулся прочь
хотя тропа
боюсь
сейчас скрыта
 тогда мы разделяемся
 мы доложим
Мансин и Сендс разошлись

На следующий день в рощице метрах в сорока от дороги Билли Сингер сидел у ледяного ручья, прислонившись спиной к большому теплому камню. Он ел сандвич с ростбифом, созерцая полет птиц, прислушиваясь к ветру и наблюдая за поведением маленькой белки, прыгающей на нижних ветвях дерева, стоявшего вверх по течению, справа от него.

— *Нечто охотится поблизости,* — сказал ему другой

— *Да, знаю,* — ответил он мысленно

— *Нечто крупное.*

— *Это я тоже знаю.*

— *Оно идет сюда.*

— *Да. Что это?*

— *Не могу разобрать. Зайди внутрь. Понаблюдаем*

Билли молча поднялся. Камень треснул по вертикали надвое и открылся, словно стоящая стоймя раковина. Внутренняя полость увеличилась, внешние поверхности пропорционально раздулись. Он вошел, и камень сомкнулся вокруг него.

Тьма, пронизанная несколькими маленькими отверстиями впереди.

Он приложил глаз к одному из них. Увидел ручей. Какое-то время ничего не происходило. Перед ним появилась еще пара-другая щелей, но наблюдаемый участок оставался без изменений.

Потом донесся плеск. Что-то приближалось со стороны скрытого кустарником изгиба ручья. Поток его сознания замер. Он стал сейчас пассивным глазом охотника, разглядывающим все перед собой без вся-

кой рефлексии Его дыхание замедлилось Время перестало существовать. Ну же

Сперва тень. Затем медленно у изгиба появилась ветвистая голова. Олень, ощипывающий молодые побеги вдоль ручья

Однако.

Животное вновь двинулось вперед, и стало видно тело. Что-то было не так в его движениях и постановке головы. Ноги сгибались не совсем должным образом. А форма головы была необычна Череп поднимался над глазами слишком высоко

Оленеподобное Да. Вероятно, хорошее приближение для того, кто лишь изучал повадки животного Несомненно, достаточно правдоподобное, чтобы обмануть случайного наблюдателя Но для Билли оно было лишь оленеподобным Он гадал, распознал ли это и Кот.

— Да, — проплыло в разуме

Тотчас же существо перед ними замерло, одна, более чем изящная передняя конечность поднялась Потом повернулась голова, двигаясь под неестественными углами, чтобы обозреть все сразу

Какие-то мгновения спустя существо разразилось движением: все тело изогнулось, удлинилось, ноги утолщились, укоротились, съежились.

А потом оно прыгнуло назад, в том направлении откуда появилось.

Как только это произошло, убежище раскрылось, извергнув Билли посредством некоей силы, и к тому времени, когда он встал на ноги, Кот находился в процессе обратного преобразования в охотящегося зверя

Не дожидаясь, пока метаморфоза произойдет до конца, Билли побежал в направлении, взятом существом, с плеском прыгнул в ручей и пошел по нему за изгиб

Взгляд обозревал оба берега, но он не видел признаков того, что существо вышло из воды с какой-либо стороны Сингер шлепал по гальке, песку и скользким камням вперед, продолжая наблюдение

Очень долго он следовал извилистому водному потоку. Но не слышал никаких звуков впереди, да и не мог обнаружить доказательств того, что существо покинуло ручей. Он остановился у каменистого порога, чтобы исследовать его крайне тщательно. Тут же он услышал звуки, раздававшиеся сзади

— *Дальше впереди! Дальше впереди!* — сообщал ему Кот — *Я коснулся ее разума. Существо ускользнуло. Но она порой себя выдает*

Билли повернулся и рванулся вперед. Кот мчался за ним.

— *Что-то происходит Она опять меняется. Она теперь где-то наверху Она... Потерял ее...*

Билли продолжил продвижение вдоль водного потока. Кот скакал впереди и через считанные мгновения скрылся за кустами. Примерно через пять минут Билли нашел то, что искал, — след чего-то, вылезшего из воды. Он двинулся по следу вверх и направо. Однако первый отчетливый отпечаток представлял собой некий причудливый трезубец, хотя и достаточно крупный, а глубина отпечатка указывала на искомую массу.

Следы вывели на возвышенность, и очередной отчетливый отпечаток, на который он наткнулся, показывал дальнейшее изменение формы.

И он напал на еще более свежие признаки Кота, по-прежнему идущего по следу. Отпечатки лап Кота находились далеко друг от друга и были очень глубокими.

Путь оставался свободен, и Билли смог увеличить скорость. Двигаясь очень быстрым шагом — вверх по холму, вниз, снова вверх, — он переживал старое щекочущее ощущение, когда след зверя пропадал, чтобы вновь появиться через сорок футов, уже более легким, немного деформированным, а потом опять исчезал. В его голове возникали картины — его природная способность создавать их усилилась благодаря инопланетному опыту. Он прочитал знак правильно и, вовремя посмотрев вверх, увидел огромную темную фигуру, скользившую над головой в юго-за-

падном направлении. И как только он поспешил залезть на дерево, в один миг понял, что преследуемый зверь победил.

Он получил лишь возможность вовремя увидеть, как темное существо скрывается из виду за лесом.

— *Какая ловкая, — пришла к нему мысль Кота. — Интересно, смог бы я проделать такое?*

— *По крайней мере, она не направилась к особняку, — сказал Билли. — Хотя лучше всего нам вернуться на свой пост.*

— *Иди, — ответил Кот. — Я попытаюсь последовать за ней. Встретимся там позднее.*

— *Хорошо.*

Перед тем как слезть, Билли заметил в проеме листвы над собой кусок ствола — почерневший и расщепленный. Последние события были ни при чем, но он вздрогнул от одного старого предрассудка, дотянувшегося до него сейчас. Из всех существующих деревьев для того, чтобы на него залезть, он выбрал пораженное молнией. Это к несчастью... Спускаясь, Сингер пел отрывок из Пути Благословения. Та часть его, которая не боялась молнии, стояла сейчас поодаль, облаченная в другие одежды.

Как много узнала страгийка о том, что за существо за ней гонится? «Кот, сохраняй присутствие разума, — подумал он. — Не выдавай себя в ярости охоты. Или ты инстинктонепробиваемый даже против такого существа, которое преследуешь?»

Билли спрыгнул на землю и повернул назад. Что бы сделал Найенестани?

Он не знал.

Солнце спускалось по небу с прямого пути опять вкось неся к воде к воде дымку разума Билли время развязывать узлы касание облака затемняющее небо как рука со знанием о собственных совках среди песка на берегу голубое серое белое желтое ни красного ни настоящего черного неважно птица над скрюченной фигурой человека на дереве поющий сук шевелящиеся на ветру листья рыба в воде подверженная разложению бутылка из-под содовой разлагающаяся на стремнине.

Не думая, погрузить свои руки. Горстка песка в правой ладони у указательного пальца. Рука поворачивается. Струйка, регулируемая большим пальцем. Движение. Рука не забыла. Линии. Углы. Здесь голубое, белое и желтое. Наа-тсе-элит, йеи, Радуги, обретающее форму, охраняющее юг, запад и север, открытое востоку. Внутри, тело Грома, Икне-этсо, летучая мышь — страж над его головой, вестник Ночи. Здесь великая сила. Один из непредсказуемых и опасных богов. Держащий молнию, напевающий себе под нос, отрывки Песнопения Горы, заканчивающий, пристально вглядывающийся, Билли. Долгое время пристально вглядывающийся.

Медленно — осознание. Произошла странная вещь. Сознательно или машинально. Почему из всего, к чему можно взывать, Гром? Коли на то пошло, зачем вообще взывать? Как бы ни сложились обстоятельства, он проиграет.

Однако он протягивает руку, чтобы коснуться икне-эка-а, молнии, передать снадобье и силу, поскольку она перед ним.

Теперь пение. Билли Черный Конь Сингер. У угла усадьбы. Ночь. Небеса заполнены весенними созвездиями. Стихают крики койота.

Они вновь обнаружили ее вечером, кружили и кружили на большом расстоянии, прощупывая, осторожно приближаясь. Выжидали.

Она медленно подходила во множестве обличий — ползущих, подкапывающихся, плывущих. Они выжидали. А когда ночь закончилась, она появилась.

В один момент Кот был у него за спиной — темный каменный контрфорс стены. Затем чья-то громадная фигура пролетела над головой, затмив звезды. Контрфорс потек вверх, превращаясь в кошмарный силуэт на стене.

Затем вторая темная фигура понеслась в потоках воздуха, набирая высоту, и, сделав круг, плавно двинулась сквозь ночь к дому.

Он не был уверен, в какой точке произошло столкновение и началась схватка — было ли это в воздухе, на земле, внутри земли или снаружи. Но он услышал жуткие крики почти в то же самое время, когда на всех площадках включился свет. Он оставался неподвижным в своем темном углу, прислушиваясь ко всевозможным звукам, следовавшим за этим: грохоту, сиренам, звуку разбивающегося стекла, несколькими меньшим взрывам. Это продолжалось с минуту, а потом весь свет погас.

А он выжидал. Не мог думать ни о чем. Вспоминал всякую всячину и тихо пел песню.

Потом опять воцарилась тишина. Он смотрел на небо, пока тянулось это мгновение.

Раздался оглушающий грохот, а за ним звуки потише. Огонек промелькнул за парой окон на втором этаже.

— *Кот?*

Крупная фигура появилась у фасада здания, опустилась на четвереньки и медленно двинулась прочь. Ничто не шелохнулось, чтобы ей помешать. Ночь оставалась тихой. Билли взглядом следил за перемещением.

Он понял: время завершить песню. На ремне у него были нож и лазер с компьютерным наведением. Если это страгийка, нужно попытаться ее уничтожить. Он вытащил оружие и положил большой палец на кнопки.

— *Воц так ты держишь свое обещание, охотник?*

— *Кот!*

— *Да. Она гралась здорово, но она мертва. Я ее побил. Теперь посмотрим, сумеешь ли ты пустить в ход оружие, прежде чем я до тебя доберусь. Нас разделяют десять метров, и я готов к прыжку. Оружие быстрее меня, но как насчет твоего пальца? Я узнаю тот миг, когда ты решишься. Вперед. Теперь куда угодно...*

— *Нет.*

Билли отбросил оружие в кусты справа от себя.

— *Не понял, какая твоя часть идет таким путем.*

Он обнаружил замешательство, подчеркнутое небольшой болью.

— *Ты ранен?*

— *Ничего страшного.*

Оба оставались неподвижными.

— *Как ты сказал, теперь куда угодно, — наконец произнес Билли.*

— *Ты не оказываешь мне никакого сопротивления?*

— *Нет.*

— *Почему? Ты же хищник, вроде меня.*

— *Мы заключили сделку.*

— *Что такого, когда ценой является твоя жизнь? Я ожидал сопротивления.*

Кот обнаружил нечто наподобие замешательства.

— *Я дал тебе обещание.*

— *Но я принял его, имея в виду, что ты будешь ожидать здесь моего нападения и защитишься, когда придет время.*

— *Извини. Я понял не так. Сейчас у меня нет намерения давать тебе мнимый бой. Ты требуешь мою жизнь. Бери.*

Кот начал медленно приближаться, его тело все ниже и ниже припадало к земле. Когда же он поднял голову еще раз, на ней оказалось невероятное, рогатое и клыкастое получеловеческое лицо — зверская пародия на лицо самого Билли. Потом внезапно Кот отступил и поднял эту голову на целых восемь футов над землей. Он свирепо взглянул вниз.

Билли вздрогнул, но не сошел с места.

— *Ты получаешь от этого громадное наслаждение, охотник.*

Билли пожал плечами.

— *Что пожелать.*

Кот начал раскрывать за спиной огромные крылья с перепонками. Через некоторое время он завернулся в них и превратился в неподвижный темный столб.

— *Если ты сумеешь перемахнуть через стену, прежде чем я до тебя доберусь, — наконец промолвил Кот, — я позволю тебе уйти.*

Билли не шелохнулся.

— *Нет, — сказал он. — Я знаю, что не смог бы этого сделать. Я не буду пытаться лишь для того, чтобы тебя позабавить.*

Столб расцвел — некий экзотический цветок распустился, открывая тигроподобную голову. Она качнулась в его сторону.

— *Ты преследовал меня больше недели, — сказал Кот в конце концов. — Когда я мечтал о твоей смерти, я мечтал к тому же об охоте на тебя. Одной твоей смерти было бы достаточно, но я не хочу, чтобы все было завершено через секунду. К тому*

же меня тревожит, что я не в силах понять, происходит ли это желание из того, что я знаю лучше всего, — охоты, — или длительная ментальная связь с твоим родом каким-то образом научила меня радости от прогления мучений врага.

— И то, и другое достаточно примитивно, — ответил Билли. — Я бы об этом не волновался.

— Я и не волнуюсь. Но я желаю охоты и вижу теперь, что только одно-единственное заставит тебя дать ее мне.

— И что же это такое?

— Твоя жизнь. Шанс получить ее обратно.

Билли рассмеялся.

— Я уже уступил себя смерти. Неужели, Кот, ты считаешь, что ты — единственный чужак-неудачник в этом мире? Мой народ — мой настоящий народ — тоже мертв. Все-все. Мир, в котором я сейчас оказался, для меня чужой. Твое предложение лишь окончательно сфокусирует мое состояние. И я к этому приготовился.

Кот отошел назад.

— Много лет назад, — сказал он, — я видел в твоём разуме великую гордость за умение твоего народа приспособливаться. Теперь же ты утверждаешь, что оно тебя покинуло. Я же говорю: это означает, что ты стал трусом, видящим в смерти самый легкий выход.

Билли оцепенел.

— Это неправда!

— Загляни в себя. Я лишь оправдал твою уступку.

— Нет!

— Тогда борись со мной, Билли. примени еще раз свое мастерство против меня.

— Я...

— Ты сейчас боишься, чего прежде не было. Ты боишься жить.

— Это не так.

— Не произнесешь ли эти слова четыре раза, человек Народа?

— *Черт тебя погери, Кот! Я был готов, готов к поединку с тобой. Но ты не удовлетворяешься только моей смертью. Ты желаешь, перед тем как меня убить, вселить в меня неуверенность!*

— *Если это то, что требуется, да. Теперь я вижу, что было бы мало удовольствия в том, чтобы убить тебя, будто какой-то безмозглый кусок мяса, покорно идущий на бойню. Полная месть требует радости охоты. Поэтому я позволю тебе одну попытку и дам тебе понять, что мое обещание такое же твердое, как и твое, Билли Сингер, — ибо не могу позволить побить себя даже в этом. Иди. Убегай. Заматай следы, следопыт. Я дам тебе, по своим оценкам, час — а я чрезвычайно хорош в определенной времени, — а потом буду тебя догонять. Ты преследовал меня почти восемь дней. Давай, скажем, неделю. Выживешь так долго, и я откажусь от претензий на твою жизнь. Мы пойдем своими путями, независимые друг от друга.*

— *И какие будут правила?* — спросил Билли.

— *Правила? Если ты сможешь убить меня, прежде чем я убью тебя, во что бы то ни стало сделай это. Двигайся куда угодно с помощью любых средств по своему выбору. Все считается честным. На охоте нет правил. Проживи неделю — и избавишься от меня. Хотя ты этого не сумеешь.*

— *Кто может сказать?*

— *Ну так каков твой ответ?*

Билли повернулся, разбежался и, прыгнув, ухватился за верхний край стены. Легко подтянулся одним махом.

— *Начинай отсчет,* — сказал он, соскакивая на противоположную сторону, и бросился бежать.

Больше минуты его преследовал смех Кота.

ЧАСТЬ II

*У убегающих и догоняющих
свои преимущества.
Каждый из нас охотится,
и на каждого из нас охотятся.
Все мы добыча, все мы хищники.
Зная это, опытный охотник
осторожен. Добыча же учится храбрости,
превосходящей обычную.
А потом есть удача,
а потом существуют боги.
Охота всегда неопределенна.*

*Мы освежали волка,
а наутро там висела человеческая кожа.
Ночью она вновь стала
волчьей шкурой.*

*В охоте
нет определенности,
нет законов.*

*Говорящий Бог, будь со мной.
Там висела человеческая кожа.
Ночью она вновь стала
волчьей шкурой.*

*В охоте
нет определенности,
нет законов.*

*Говорящий Бог, будь со мной.
Черный Бог, будь со мной.
Удача и храбрость,
будьте со мной.*

Первый день

Не сбавляя шага, он высветил циферблат часов и проверил время. Час. Билли улыбнулся, поскольку казалось, что Кот проглядел самое очевидное. Он мог за это время оказаться очень далеко, а все считалось честным... Пошел ровным шагом, который мог выдержать больше половины дня.

Поддаться страхам и побежать — значит остаться истощенным перед лицом усилий, которые, возможно, потребуются в дальнейшем.

Ветер хлестал по телу, насыщенные пятна теней приобретали зловещие свойства — прячущиеся глаза, клыки, движение...

Мертва. Страгуйка мертва. Существо, способное вызвать страх в высших кругах. Мертва. И убил ее Кот. Скоро Кот помчится этим же самым путем. Неимоверный фасеточный глаз Кота мог видеть в инфракрасном диапазоне, различать поляризацию света. Он по-прежнему не был уверен относительно всех органов чувств, которыми обладал Кот.

Кот виделся ему сейчас гигантским чинди, не мешкающим, идя по следу.

Капли пота выступили у Билли на лбу. Часть его воспринимала мощь зверя с совершенно рациональной точки зрения. Он одолел Кота раньше, когда тот был более наивен. Но Коту предоставили пятьдесят лет, чтобы стать искушенным в отношении этого мира. Кот внезапно обрел призракоподобность на другом уровне — уже не зверь, которым он был, но нечто возвращающееся, как с севера...

Билли поборол возобновившееся желание ускорить шаг. Есть уйма времени, говорил он себе, достаточно, чтобы хорошо проверить свое бегство. И почему нужно бояться? Считанные минуты тому назад он был готов умереть. Теперь, по крайней мере, появился шанс. Прошлое умерло. У него было некоторое мнение о том, как создавать будущее, но то зависело от его теперешнего поведения. Все должно оказаться в порядке. Задолго до истечения этого часа он будет в полной безопасности. Это лишь вопрос минут, в самом деле...

Он продолжал бежать трусцой, разум был сосредоточен на его цели. Наконец она показалась в поле зрения — станция транс-кабин, которые перенесут его вне зоны досягаемости Кота в мгновение ока. Билли видел огни небольшого здания на перекрестке, за полем, на которое сейчас вступал. Хотя что-то в ней...

Приблизившись, он понял, что окно на фасаде разбито, и замедлил шаг. Вокруг никого.

Он остановился и заглянул внутрь. В ряд у дальней стены стояли три устройства, все разломанные. Словно какое-то потерявшее управление тяжелое транспортное средство пронеслось сквозь здание, вырывая с корнем блестящие станины, переворачивая блоки управления. Батареи, как он заметил, были нетронуты.

Кот...

На сей раз Кот разошелся, далеко зайдя при прочесывании этого района... Кот предвидел возможный вариант бегства в таком направлении и отрезал этот путь отступления.

Он огляделся. Повреждение должно быть зарегистрировано в районном центре управления. Но час уже поздний. Не говоря уж о том, когда сможет прийти ремонтная бригада.

Карта. Внутри должна быть карта линий района.

Билли направился к двери и вошел. Да. На стене справа. Он изучил расположение красных точек, обозначающих кабины в этом районе, определил свое местоположение, искал соседние.

До ближайшей четыре мили.

Узнал ли Кот ее местонахождение? Побеспокоился ли взглянуть на эту штуковину на стене, осознав, что это карта? И даже если так, пошел ли Кот на неприятности, разрушая еще одну кабину? Воистину, ему могло захотеться закрыть все ставки...

Но нет. Удивление Кота при его отказе бежать было искренним. Кот ожидал, что он будет спасаться бегством. Пока для него стало возможным ускользнуть от зверя и дойти так далеко, казалось маловероятным, что тот мог при таких обстоятельствах добраться до соседней кабины. Поэтому даже если Кот знал о ней, не исключено, что ближайшая кабина осталась неповрежденной.

Все же карта одно, а местность — совсем другое. Билли не был абсолютно уверен относительно расположения этой красной точки. Даже при такой форе он мог бы делать все быстрее.

Он оставил разгромленную станцию, взял свои вещи и вновь двинулся ровным широким шагом через фруктовый сад с голыми ветвями, потрескивавшими со всех сторон. Из-за кустов выскочил кролик и, перебежав ему дорогу, исчез в тени слева от него. Трава была влажная, и вскоре низ его штанов насквозь промок. Где-то начала лаять собака. Он внезапно почувствовал себя так, словно за ним наблюдают, причем непонятно, с какой стороны. Вновь мимолетные тени исказили картину.

С минуту Билли гадал, сколько сейчас времени, а потом желание это узнать отпало. Вдруг он обнаружил, что счастлив. Часть его разума почти подбадривала Кота, надеясь, что даже сейчас зверь идет по его следу. Пусть он будет близко. Пусть он будет очень близко и не встретит помех на пути. Иначе что за радость от подобного состязания? Многие годы Билли не чувствовал себя настолько полным жизненных сил. Сейчас внутри возникла новая песня, сопровождаемая барабанным ритмом его шагов.

Он не пытался анализировать перемену в своем настроении. Хаотичность обстоятельств была слиш-

ком плотной для интроспекции, даже будь он к ней склонен. Какое-то время достаточно просто нестись в ритме бегства.

Были моменты, когда он ощущал наверняка, что Кот прямо у него за спиной, и это, похоже, не имело значения. В другое время он был уверен, что уже победил, что далеко оторвался от своего преследователя, что ни за что невозможно его настичь. Кажалось, все его чувства сейчас необычайно заострены: малейшее движение в ночи мгновенно распознавалось по слабейшему шороху, стуку или треску; призрачные очертания становились более отчетливыми, даже запахи приобрели новую значимость. Так все было когда-то, да, давным-давно...

До всего остального мир был таким, он был таким. Бег. На восток. Виденье, еще не затуманенное пеленой, которой позднее окутала его жизнь. Ему было восемь или девять лет, а он еще не умел говорить по-английски...

Но в конце-то концов, какие черты из всего этого действительно остались при переходе из близкого к неолиту общества в мир высоких технологий? Он прожил больше лет в последнем, нежели в первом, если подобные вещи можно измерять только годами. Переход был осуществлен успешно, и оба края личного спектра были для него доступны.

Но именно первобытное правило им, когда он бежал. Да. И эта часть предпочитала день ночи. Однако радость оставалась. Не то чтобы страх отсутствовал. Наоборот, страх вкладывал нечто в своеобразный вид приподнятого настроения, дарившего в нем.

Продолжая путь, Билли гадал, какова ситуация в особняке. Что Уолфорта, Теддерса, охранники и стражники поняли из внезапного нападения, за которым последовала смерть адепта — без объяснений относительно того, что случилось? Естественно, они подозревают о его участии во всем этом, но наверняка сбиты с толку внезапным его исчезновением. Даже сейчас они наверняка пытаются его достать — хотя на сей раз он даже не надел устройство вызова.

Узнают ли они когда-нибудь? Впервые он заинтересовался, что Кот сможет сделать после — если все закончится, а он, Билли Сингер, отправится на север. Удастся ли Кот в какую-нибудь пустынную местность и проведет свои дни в роли хищника, таскающего домашнюю птицу?

Это казалось возможным, но уверен он не был. Он не мог разобрать, сосредоточена ли ненависть Кота только на нем, или Кот мог сделать все человечество ответственным за свое пленение. Изо дня в день, из года в год жаться в клетке, когда тебя рассматривают в упор группы проходящих мимо людей... Если бы их поменять местами, то, казалось Билли, он возненавидел бы весь человеческий род.

Начало расти чувство раздражения. Почему бы Коту не посчитать его жертвенным агнцем и не взяться активно за осуществление этой идеи?

Он покачал головой. Нет настоящего повода полагать, что впоследствии Кот обезумеет. Он не проявлял подобных симптомов. В любом случае, что за самокопания? Коту нужен именно он, а не он и вдобавок все остальные. А после того как Кот до него доберется, все будет кончено с...

Жертвенный агнец... Билли вновь подумал об овцах, которых пас мальчишкой. Долгие, медленно тянущиеся дни под небесами жаркими и холодными, огромными небесами... Лежал на склоне холма. Строгал ножом деревяшки. Пел. Бегал наперегонки с ребятами. Первое кувыркание в траве с той девушкой из-за гор. Как ее звали? А позднее с ее сестрой. Твердые груди под его ладонями. Беззаботные овцы вокруг. Облака, словно овцы, на горизонте. Овцы. Агнец Божий. Дора в небе с бирюзой. Убегая...

Кот. Убегать. Как же ты меня выследишь, Кот? Пойдешь ли ты по тем же знакам, по которым пошел бы я? Или твой инопланетный глаз отмечает иные приметы моего местоположения? Так или иначе, нет времени маскировать эту тропу. Сначала убежать. Прятаться потом. Сейчас самое главное — скорость. Скорость, благоприятная возможность. Удача. В лю-

бом случае, насколько близко ты мог подобраться? Или ты все еще ждешь, когда начать бег?

Бирюза в небе с Дорой под барабанный ритм поступи здесь внизу. Далеко впереди на склоне холма — огни. Вновь вдыхается и выдыхается ночной воздух. Шаг ровен. Поворот налево за черепообразный валун. Потом наверх. Кот, залезай. В черный мешок. Самое главное — полная энтропия. Но сперва.

Одна за другой тают минуты. Вдалеке гудение какого-то суперэлектромобиля над расчищенной тропой, которая некогда представляла собой шоссе; свет, огибающий стволы деревьев. Вероятно, направляется к станции. Ай-а! Живем. Если Кот даже сейчас не...

Подойдя ближе, Билли замедлил шаг. Здесь могла быть засада. Почему бы не потянуть время? Поскольку Кот мог соврать, чтобы получить преимущество в погоне. Попадешь в кабину, и зверь окажется в тупике. Окажется ли?

Идя теперь неторопливо, он изучал новое предположение. Что Кот говорил насчет того, разбирается ли он в кабинах?

Кот — телепат.

Но какого рода? Билли оценивал способности Кота в качестве некоего локатора-охотника — разумеется, усовершенствованного за время длительного заточения, но в основном настроенного на добычу в радиусе четверти мили. Все же существовали люди-телепаты, которые могли передавать и получать информацию в пределах всей планеты и в открытом космосе. Однако, опять-таки, он чувствовал, что подобных умельцев он в состоянии до какой-то степени блокировать, возвращаясь к мыслительным моделям детства. Но Кот тоже первобытен. Возможно, так от Кота не спрятаться. В случае чего.

— *К черту тебя, Кот!*

Теперь на четвереньках, тщательно очищая путь перед собой от всего, что могло вызвать малейший звук, бижутерия завернута в носовой платок и засунута в карман, руки ловко двигаются, колени и ступни

продвигаются на расчищенные участки в полной тишине.

— *Найди меня, если можешь. Борись со мной.*

Ответа не было. И не было ничего между «здесь» и «там», что можно было принять как трансформацию своего противника.

Машина остановилась перед зданием. Из нее никто не вышел.

Билли вскочил на ноги и пробежал последние метры поля, деревья на краю, полотно дороги. Мельком глянул в окно станции: устройства не повреждены.

Чуть не рассмеявшись, он распахнул дверь и переступил через порог. Пусто. Безопасно. Дышится легко. Он распрямился, снял руку с рукоятки ножа. Закрыл дверь. Отлично. До свободы пять шагов.

Дальнее устройство слева гудело, готовясь к переносу.

Билли с любопытством наблюдал. Час был неурочный, а станция находилась в глуши. Он гадал, кто может прибыть. Вскоре начали образовываться очертания — женщины, несколько коренастой, с коротко подстриженными каштановыми волосами. На ней был темный костюм, а в левой руке она держала записывающее устройство с эмблемой какой-то службы новостей. Когда женщина приобрела плотность, ее взгляд остановился на нем.

— Здравствуйте, — сказала она, выходя из кабины и осматривая его одеяние.

— Здравствуйте.

— Прибыли или отбываете?

— Отбываю. Я только ждал, чтобы поглядеть, не знакомый ли идет.

— Вы настоящий индеец, правда? Не просто так оделись.

— Да. Если вы заказывали машину, я только что видел, как одна затормозила перед входом.

— Заказывала. Наверно, она. — Женщина направилась вперед, но затем приостановилась. — Вы живете в этом районе?

— Нет. Был в гостях.

Он двинулся к ближайшему устройству.

— Секундочку, — сказала она. — Я прибыла сюда из-за одного материала или того, что может стать материалом. Может, вам об этом что-нибудь известно.

Он заставил себя улыбнуться, делая очередной шаг.

— Сомневаюсь. Не видал ничего, достойного средств массовой информации.

— Короче, — настаивала женщина, — поступили сообщения о своеобразных мерах по обеспечению безопасности, предпринятых в последнее время в особняке Уолфорда. Потом внезапно этим вечером произошли авария системы электроснабжения и какой-то переполох. Сейчас они там совершенно некоммуникабельны. Вам что-нибудь об этом известно?

Билли покачал головой, двинулся вперед и вошел в кабину. Она последовала за ним и схватила за руку, когда он вставлял карточку в щель, эффективно блокировав его перенос.

— Подождите. Есть еще кое-что. Потом мы узнали, что транс-кабины поблизости от усадьбы повреждены. Вам известно, что соседняя станция на востоке вышла из строя?

— Может, из-за той аварии?

— Нет-нет. Там есть собственные батареи — коли на то пошло, такие же, как и в особняке Уолфорда.

Он пожал плечами, надеясь, что ее рука разожметсЯ.

— Боюсь, я не в курсе. Послушайте, я тороплюсь...

— Вы не видели или не слышали в этом районе чего-нибудь необычного?

Билли заметил, что ее записывающее устройство включено.

— Нет, — сказал он — Мне нужно отбывать..

— Это всего лишь ощущение, — проговорила женщина, — но, по-моему, вы что-то об этом знаете

— Сударыня, — вздохнул он, — вас ждет машина. Идите и смотрите сами, как заправский репортер. Хотя я бы здесь не ошивался.

- Почему?
- Возможно, с этой станцией тоже что-нибудь случится.
- Из-за чего?
- Откуда я знаю? Но если существует нечто опасное, вы хотите оказаться на его пути?
- Она впервые улыбнулась.
- Если это даст материал, да.
- Он набрал координаты.
- Счастливо.
- Пока еще нет, — ответила женщина, по-прежнему держа его за руку. — Вы вообще имели к этому отношение?

— Уматывайте отсюда, — сказал он ей, — в машине или с помощью одной из этих будок. Спешите! Здесь небезопасно. Не ошивайтесь поблизости.

— Будь я проклята, если дам вам теперь уйти! — воскликнула она, снимая похжий на авторучку приборчик с обратной стороны лацкана.

— Извините, — сказал Билли, высвободил руку и оттолкнул женщину. — Делайте, что говорят! — заорал он. — Уматывайте! — И начал тускнеть.

Когда он, выйдя из кабины на лондонском вокзале Виктории, положил в карман карточку, ему пришлось сдержаться, чтобы не побежать. Он провел тыльной стороной ладони по лбу, и та стала влажной.

Билли направился к ближайшему выходу, освещенному бледным светом серого утра. Его внимание тут же приковал запах еды, исходящий от кругло-суточной закуской. Слишком близко, решил он и вышел из здания.

Он миновал вереницу экскурсионных машин на воздушной подушке, череду таксомоторов — водителей нигде не было видно. Какое-то время продолжал шагать прямо, затем повернул наугад примерно на север и сошел с тротуара. Он последовал по тропинке между деревьев, ведущей к тому, что некогда являлось оживленной магистралью. Теперь улиц меньше, чем сто или даже пятьдесят лет назад, судя по впечатлениям от прежних посещений. Некоторые глав-

ные артерии сохранялись для движения грузовиков и редких личных машин на воздушной подушке, другие стали местами для прогулок, остальные просто исчезли. Большинство же превратилось в городские зоны дикой природы — или парки, как он привык их называть.

Билли шагал по извилистым дорожкам с полчаса, порядочно удалившись от вокзала, а вокруг продолжало светлеть. Становились громче звуки просыпающегося города, приглушаемые деревьями. Он повернул направо, к границе парка.

Выше, за пешеходной дорожкой виднелись витрины открывшихся и открывающихся заведений. Дальше, под аркой во дворе он заметил вывеску кафе, поднялся по лестнице и направился в том направлении. По его оценкам, он находился где-то недалеко от Пиккадилли.

У самой арки Билли замер, охваченный возобновившимся ощущением, что за ним наблюдают. Он огляделся. На тротуаре и во дворе было множество народу, некоторые из людей, как и он, выделялись одеждой разных континентов, но ни один из них, похоже, не обращал на него особого внимания, и никто не казался достаточно крупным, чтобы воплотить всю массу его противника.

Конечно, это могло быть что-то позади него, в лесу...

Ему не хотелось отбрасывать любое предупреждение, даже предчувствие. Поэтому он зашагал дальше, пройдя мимо арки. В нише на углу он увидел транс-кабину. Поддаться нервозности было бы признаком как слабости, так и осторожности, но, к тому же, много можно сказать о сохранении убегающим человеком спокойствия духа. Он ускорил шаг.

Подойдя, Билли увидел, что в нише также находится устройство вызова полиции. Дергаешь за ручку сигнала тревоги, и через секунду сюда переносится бобби — система, сходная с той, что используется в эти дни почти повсюду. Не то чтобы он видел в этом очень большую помощь, если вдруг обнаружит Кота

у себя за спиной. В лучшем случае, отсрочка. И вероятно, вызвав полисмена, он обречет того на смерть.

Он пошел еще чуть быстрее — и увидел голову койота, нет, маленькой собачки, высунувшуюся из-за угла ниши и повернувшуюся в его сторону

Ощущение безотлагательности росло. Он боролся, но не мог противостоять желанию оглянуться.

Когда же он это сделал, то внезапно почувствовал годовокружение. Крупный мужчина в черном плаще и очках только что вышел из парка.

Билли бросился бежать.

Он нащупал и вытащил кредитную карточку, пока неся вперед. Повернул ее соответствующим образом, чтобы мгновенно вставить в щель аппарата. Его захлестнула волна страха, быстро превратившегося в отчаяние. Он вдруг стал уверен в том, что не успеет, ощутил мощное побуждение остановиться и дождаться своего преследователя.

Вместо этого он ворвался в кабину, сунул карточку в щель и настучал набор координат. Обернувшись, увидел, что мужчина, встав на четвереньки, мчится к нему, на ходу меняя форму. Кто-то завизжал. Над головой проплывал дирижабль. Вся картина стала двумерной и начала тускнеть. Прощай, Пиккадилли...

— *Беги, охотник,* — услышал он слабый голос среди своих мыслей. — *В следующий раз...*

Билли стоял, трясась, в будке на вокзале Виктории. Но теперь это было скорее реактивное движение, нежели страх. Страх, отчаяние, определенность судьбы исчезли в мгновение переноса. Именно тогда он осознал, что Кот наверняка проецирует на него эти чувства; чуть более искусный вариант старого трюка, парализующего добычу, — приема, который он несколько раз ощущал в более явной форме много лет назад. До какой же степени развил его Кот с тех пор!

Билли вызвал таблицу на справочный экран и взял новый набор координат. Наверняка преследователь выудил вокзал Виктории из его мыслей и...

Уже тускнея, он увидел нечто, начинающее принимать форму во второй будке от него, — нечто, на-

поминающее высокую, псевдочеловеческую фигуру в плаще, в процессе расширения плеч и удлинения передних конечностей.

Проклятье!

— Да!

Перенос в Мадрид... Ясное небо в грязном окне. Толпа владельцев сезонных билетов. Нет времени...

Билли вызвал справочное, набрал очередные координаты. Он озирался, а Мадрид начинал исчезать. Никаких признаков прибытия торглиндского метаморфа. Он вздохнул. А выдохнул на Гар-дю-Нор в Париже. Вызвал местное справочное и перенесся еще раз.

Шагом. День еще более ясный. С вокзала Тюильри. Теперь в безопасности. На сей раз у Кота нет возможности последовать за ним.

Прошелся по Елисейским полям. Пересек парк, дорожку для велосипедистов и, выйдя на тротуар, ощутил аромат пищи, исходящий от ближайшего уличного кафе.

Он миновал несколько кафе, прежде чем остановился в одном — со свободным столиком, поблизости от транс-кабины и с хорошим обзором в обоих направлениях. Он сел и заказал плотный завтрак. Закончив есть, задержался, опустошая бесчисленные чашки кофе. Ничего угрожающего не появлялось, и Билли ощущал брезжащее чувство безопасности. Через какое-то время им овладело ощущение летаргии.

Ночь. Здесь было позднее утро, но в стране, которую он покинул, стояла ночь. Он очень долго не спал.

Он встал и опять зашагал. Нужно ли перескочить еще в один город, чтобы замести след? Или он уже достаточно скрыл свою тропу?

Он пошел на компромисс и перенесся на Левый берег. И опять зашагал. Он знал, что мышление у него затуманилось. Наполненный изначально необходимостью бегства, его разум теперь работал на малых оборотах из-за реактивного действия, из-за усталости. Несложно получить стимулятор для полного восстановления бдительности, связавшись со своим вра-

чебным компьютером и попросив переслать рецепт местному аптекарю. Но сейчас Билли чувствовал себя в относительной безопасности, и лучше отдохнуть и восстановить свои естественные силы, чем при подобном положении дел продолжать в том же духе с помощью искусственных средств. Тело могло оказаться чрезвычайно важнее разума, ощущения и реакция — более надежными проводниками, чем любой тщательно разработанный замысел. Разве он уже не решил, что первобытное — лучшее оружие против опасного телепата? Сейчас поспать, расплачиваться, если нужно, потом.

Он набрел на гостиницу, называющуюся «Сен-Жак», рядом с университетом. Несколько транс-кабин располагались по соседству, а одна — в вестибюле. Билли снял номер на третьем этаже и полностью одетый растянулся на кровати.

Он долго смотрел в потолок, будучи не в силах заснуть. Приходили и уходили картины недавнего бегства. Однако постепенно начали вторгаться другие образы, не имевшие отношения к настоящему. Он поплыл вместе с ними, дыхание замедлилось, и в конце концов, они его унесли.

...Видение: Дора за видеоконsoleю, вызывающая рои уравнений, пальцы, бегающие по клавишам, как пальцы матери по ткацкому станку, вводящая новые переменные, плетя дополнительные узоры, которые приведут к результату. Он не понимал. Но это не имело значения. Волосы у нее длинные, пшеничные, глаза очень светлые. Он познакомился с Дорой после возвращения из длительной экспедиции, когда институт отправил его на курсы усовершенствования по астрофизической теории и новейшим навигационным методам. Она там преподавала математику... Уравнения превращаются в песчаные рисунки и в конечном итоге в черепа — как животных, так и людей. Дора смеется. Он смутно припоминает, что она мертва. Была бы она жива, если бы не встретила с ним? Вероятно. Но... Экран теперь стал игральным автоматом, а черепа продолжают вращаться и останавли-

ваться, приобретая различные цвета... Цвета тянутся вдоль стен каньона, по которому он идет. Длинные шершавые полосы пластов справа и слева. У его ног разбросаны черепа и кости: одни серые и изгрызенные, расколотые и обветренные, другие свежие, цвета слоновой кости, некоторые инкрустированы бирюзой, кораллом и гагатом. За его спиной раздается какой-то звук, но он оборачивается и ничего не видит. Звук раздается снова, и снова он оборачивается, и снова там ничего нет. Когда звук раздается в третий раз, он считает, что заметил мимолетную тень, пока поворачивал голову. На четвертый раз вот он — ждет. Стоит и смеется у кучи костей. «Пошли», — говорит койот и отворачивается. Билли следует за ним, а тот ведет его среди теней. «Быстрее», — говорит койот, начиная бежать вприпрыжку, и он ускоряет шаг. Похоже, проходит долгое время, пока они движутся через сокрытые места. Темные места. Места забвения. Дора идет следом. Огонь костра и танцоры. Звуки трещоток и барабанов. Ночной клуб сквозь пелену виски. Пыльная поверхность Вотана-4, цистерноподобные звери, обитающие там. Кости под ногами, кости вокруг. Падение, падение... Звуки за спиной. Его тень предшествует ему, а он преследует мохнатый хвост Трикстера. «Куда мы идем?» — кричит он. «Наружу и вверх, наружу и вверх», — приходит ответ. Его тень внезапно обволакивает более крупная тень чего-то, находящегося прямо за спиной. «Быстрее! Наружу! Вверх! Быстрее!»

Пробуждение по тревоге: за окном стало сумрачнее. И что это за звук по лестнице?

Наружу и вверх? Слишком сильная штука, чтобы ею пренебрегать. Он по-прежнему едва не слышал койота за окном.

Билли встал, пересек комнату и выглянул. Там была пожарная лестница. Заметил ли он ее, когда поселялся? Он не помнил.

Он открыл окно и вышел наружу, будто по-прежнему двигаясь во сне. Казалось совершенно разумным, что он продолжает курс, которому следовал. Ве-

черный воздух был холодным, огни освещали путь вниз. Этот влажный, острый запах ветра... Сена?

Вверх!

Билли полез. С некоторым трудом он смог подняться и оказался на покато́й крыше. Люди шли по улице Эколь, но никто не смотрел вверх. Он начал двигаться вправо — ноги в водостоке, руки скользили по шиферу. Присущие сну особенности сохранялись. Билли миновал несколько дымовых труб и спутниковую антенну. Впереди увидел угол. Раздался слабый, глухой стук, будто кто-то колотил в дверь внизу, слева от него. Он заторопился. Грохот и треск, последовавшие за этим, взволновали его воображение, но незначительно. Теперь будка была очень близко, находись он на земле...

Он двигался, словно следуя магической тропе, ведущей к еще одной пожарной лестнице, которую сейчас увидел. Даже звуки погони, когда крупное тело вылезло из окна его номера, зазвенело по металлической лестнице, а потом возвысилось, чтобы вскарабкаться на край крыши, казались лишь частью драмы, на которой он не был даже увлеченным зрителем, и уж никак не главным героем. Билли машинально продолжал двигаться, едва осознавая, что его преследователь к нему обращается — не словами, а чувствами, которые обычно, при определенных обстоятельствах, он нашел бы тревожащими.

Он оглянулся на повороте как раз вовремя, чтобы увидеть крупную, странной формы фигуру в черном, залезающую на крышу. Даже когда водосток оторвался под ее тяжестью и эта фигура безуспешно цеплялась, чтобы найти точку опоры, он не почувствовал притока адреналина. Когда она начала срываться, он услышал зов:

— *Сегодня угача с тобой. Не упусти ее. Завтра же...*

Слова и движения прекратились, когда преследователь упал в какие-то кусты. И только тогда Билли почувствовал, будто внезапно проснулся, осознав, что мир на самом деле существует, что его положение

ние было рискованным. Он глубоко вдохнул ночной холодный воздух, перемахнул на пожарную лестницу и начал спускаться.

Когда он достиг земли, фигура все еще лежала темной грудой в зелени на краю тротуара. Она слегка пошевелилась и издала хриплый звук, но похоже, была неспособна встать и продолжить погоню.

Только после того как Билли вбежал в кабину, вызвал новые координаты и ввел их, он начал сомневаться.

ДИСК III

ТЯЖБА ИЗ-ЗА НАРУШЕНИЯ ПАТЕНТНОГО ПРАВА КОМПЬЮТЕРА

Лауреат Нобелевской премии по медицине ВРГ-118 сегодня утром подал иск в окружной суд Лос-Анджелеса, заявляя, что «Джей-энд-Джей Фармацевтикалс»

СПУТНИКОВЫЙ ВОР ВНОВЬ НАНОСИТ УДАР

Ценные экспериментальные узлы были сняты с «Берги-12» неизвестным лицом (или лицами) во время аварии системы энергоснабжения, вызванной, как сейчас считают

СОЛЯНАЯ РЕГАТА СТАРТУЕТ В ЧЕТВЕРГ

ЖУРНАЛИСТКА НАЙДЕНА ЗВЕРСКИ УБИТОЙ

В одной захолустной станции транс-кабин на севере штата Нью-Йорк найдено изувеченное тело репортера Виргинии Калькофф

Не знаю, что дальше делать мне.

ВЕСЕННИЕ ШТОРМЫ ОБРУШИВАЮТСЯ НА ЮГО-ЗАПАД

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ 12-ой СЕРИИ ВСПОМНИЛО

Принося извинения за неудобства

Во времена до Найенесгани Старик Койот раз наткнулся в своих странствиях по земле на Движущийся Камень Тот заговорил с ним, и он ответил.

Изумленный тем, что огромный каменный валун обладает разумом, Койот быстренько начал над ним насмеяться

Сперва нарисовал у него на боку нелепую рожицу

— Старик Камень, ты хмуришься — сказал он

— Мне не нравится лицо, которое ты мне дал, — ответил тот

— И ты лыс, — сказал Койот — Я это исправлю.

Он забрался на верх камня и опорожнил кишечник

— Кудрявые коричневые локоны очень тебе идут

— Ты надоел мне, Койот

— Я вернусь, чтобы развести огонь у твоего основания и приготовить себе ужин, — сказал Койот, — сразу после охоты

— Вероятно, я тоже поохочусь, — отозвался камень.

Койот направился в лес Он еще не очень далеко ушел, как услышал позади себя грохот и, оглянувшись, увидел, что камень, медленно катясь, начал его преследовать

— Вот те на! — сказал Койот и пустился наутек.

Убегая, он увидел Пуму отдыхающую в тени.

— Пума, — позвал он — Кто-то гонится за мной Ты не можешь мне, сестра?

Пума поднялась, потянулась и посмотрела назад.

— Ты, должно быть, шутник, — сказала Пума, увидев Движущийся Камень. — У меня нет желания стать плоской кошкой. Беги дальше.

Койот побежал и чуть позднее поравнялся с Медведем, только что вылезшим из своей берлоги.

— Слушай! Медведь, дружище! — крикнул он. — Меня кто-то преследует. Ты мне не поможешь?

— Конечно, — сказал Медведь. — Не много таких вещей, которых я боюсь...

Тут Медведь услышал шум погони, оглянулся и увидел Движущийся Камень.

— ...Но это одна из них, — добавил он. — Извини.

— Что же мне делать? — возопил Койот.

— Смотри на все философски и беги что есть мочи, — ответил Медведь, возвращаясь в берлогу.

Койот продолжал бежать вниз, на равнины, а Движущийся Камень позади набирал скорость.

Наконец Койот увидал Старого Бизона, пасущего в высокой траве.

— Бизон! Спаси меня! За мной гонятся! — закричал Койот.

Старый Бизон медленно повернул голову и посмотрел на приближающийся валун.

— Можешь воспользоваться моей полной моральной поддержкой, — ответил Бизон. — Но я только что вспомнил, что время уводить стадо. Мы почти подчистили здесь весь корм. Увидимся, парень... Эй, стадо! Уносим хвосты на тот берег реки!

Койот все бежал, тяжело дыша, и в конце концов очутился в том месте, где отдыхали ястребы.

— Помогите мне, прекрасные летуны и могучие охотники! — воззвал он. — Мой враг настигает меня!

— Спрячься в дупло и предоставь Камень нам, — сказал вождь ястребов.

Ястреб-Вождь дал сигнал, и все племя поднялось в воздух, сделало круг и упало на Движущийся Камень. Своими клювами птицы взломали его внешнее покрытие, а потом начали работать вдоль трещин, расширяя их и удаляя вещество изнутри. Через короткое время Камень уменьшился до размеров гальки.

— Вот, — сказал Ястреб-Вождь, — все кончено
Теперь можешь выходить

Койот вылез из дупла и посмотрел на остатки своего врага

— Это была лишь игра, — сказал он, рассмеявшись — Вот и все Я никогда не находился в настоящей опасности А вы, глупые птицы, на самом деле подумали, что я в беде Забавно Действительно забавно Неудивительно, что все над вами смеются. Вы действительно решили, что я боюсь этого старого камня?

Койот смеясь, пошел прочь, а Ястреб-Вождь дал еще один сигнал

Ястребы упали на обломки камня, собрали их и начали составлять вместе, будто кусочки гигантской головоломки

Когда Движущийся Камень снова обнаружил себя целым, он застонал, а потом, сперва медленно, начал катиться в том направлении, в котором ушел Койот. Он набирал скорость по мере движения и вскоре опять увидел Койота

— О нет! — вскричал Койот, увидев приближающийся Камень

И опять пустился наутек Он добежал до склона холма и стал спускаться Движущийся Камень позади него набрал скорость, сократил расстояние, разделяющее их, и перекатился через Койота, раздавив того насмерть

Кружащийся ястреб видел это и возвратился, чтобы сообщить остальным

— Старик Койот снова сделал то же самое. — сказал ястреб — Он никогда ничему не научится

Второй день

Ночь, с валами тумана, накатывающимися на каменные склоны, звезды в середине неба, свечение восходящей луны на кромках предметов. Электромобиль следовал по высокогорной тропе, извивающейся между каменной стеной и спускающимся вниз склоном, прорезающей выступы скал, поворачивающей, опускающейся и поднимающейся. Овцы бродили по дороге, пощипывая весеннюю траву. В этой дикой местности не было фонарей, не было никаких других транспортных средств. Ветровое стекло время от времени запотевало и очищалось одним автоматическим движением «дворника». Единственным звуком, кроме низкого жужжания мотора, была редкая, но назойливая нота порывов ветра, просачивающихся в какую-то щель в машине.

Билли въехал в дугу, поворачивающую направо, затем — резкий подъем налево. Он чувствовал себя все в большей безопасности с каждым пройденным километром. Кот оказался более грозным, чем он ожидал, когда дело дошло до использования транскабин и действий в городах. Он по-прежнему не был уверен в том, как зверь способен определять его местоположение с такой точностью. Трюки с кабинами он еще мог понять, но знание места, где его можно найти. Это почти что попахивало колдовством, несмотря на тот факт, что у Кота было много времени для разработки плана.

Все же смена тактики должна обеспечить его теперь запасом времени, который понадобится для

окончательного избавления от преследователя. Билли перенесся обратно на Гар-дю-Нор, улизнув от оглушенного Кота на Левом берегу. Оттуда он транспортировался в Дублин — город, который посещал множество раз во время поездок в Ирландию, посоветовался со справочной и перенесся в Бантри, где когда-то провел несколько недель, ходя под парусом и рыбака. Там, в этом приятном и тихом уголке Западного Корка, он поужинал и познал начало этой небольшой безопасности, которую ощущал сейчас. Билли прошел через городок до залива, вдыхая соленый воздух и воскрешая в памяти месяцы, которые могли бы стать счастливее, хотя теперь он видел их как один из множества периодов приспособления к еще одному изменившемуся времени. Вспомнились лодка, и девушка по имени Линн, и блюда из даров моря. Это, а еще тот факт, что маленький неторопливый городок позволил ему постепенно войти в новое десятилетие. Могло ли нечто подобное оказаться тем, в чем он сейчас действительно больше всего нуждался? Билли покачал головой и крепче вцепился в руль, преодолевая извилистый спуск.

Время подумать. Нужно добраться до безопасного места, где можно решить свою задачу. Что-то было совсем не так, как надо. Он упустил важные вещи. Кот подходит чертовски близко. Он обязан стряхнуть его! Это все еще его мир, несмотря на все перемены. Инопланетный зверь не должен перехитрить его здесь. Время. Ему нужно некоторое время, чтобы над этим поразмыслить.

Изменить модель, решил Билли. Если он оставлял за собой какие-то следы в кабинах, какие-то указатели, по которым его выбор пунктов назначения мог стать известен, такой ход с его стороны должен свести на нет этот эффект. Он взял машину напрокат в Бантри и поехал на север по дороге, которую помнил. Миновав Гленгарифф, продолжил двигаться в сторону Кенмара, путешествуя по сельской местности, лишенной транс-кабин. На какое-то время Билли ощутил себя свободным. Была только ночь, и ветер, и

скалистая перспектива. Его лишило равновесия то, что Кот выпустил его прошлым вечером. С того времени он лишь импровизировал. Теперь ему нужно появиться с каким-то планом — мерами всеобщей защиты, которые поддержат его на этой тропе. План...

Огонек вдали. Теперь пара. Три...

Билли взял термос и сделал глоток кофе. Первая ошибка, вероятно, заключалась в том, что он недостаточно использовал транс-кабины. Нужно было продолжать передвижения, чтобы в самом деле замести след. Очевидно, Кот находился достаточно близко, чтобы выудить пункт назначения из его разума. Даже тогда, когда он прыгал больше одного раза, Кот мог прибывать, когда он отбывал, и таким образом узнавал следующую остановку.

Четыре... До Кенмара еще порядочное расстояние от первых разбросанных ферм и сельских домиков.

Ночь сегодня была свежа. Он спускался по отлогому склону. Внезапно деревья вдоль тропы стали выше.

В следующий раз он по-настоящему все хорошенько затуманит. Будет прыгать взад-вперед среди такого множества мест, что тропа станет совершенно запутанной. Да, именно так он должен был поступать с самого начала...

— *В следующий раз?*

Билли вскрикнул. Ментальное присутствие Кота внезапно повисло вокруг него, словно запах обугленной плоти.

— *Нет...* — произнес он, стараясь вновь подчинить себе управление машиной, которое бросил, ощутив Кота.

Машина начала прыгать через поле примерно в двух футах над землей, направляясь к крутой возвышенности. Чересчур резкое изменение высоты перевернуло бы машину.

Крутанув руль, Билли сумел отвернуть от склона. Мгновения спустя он въехал обратно на дорогу. Хотя он всматривался во все стороны, он не видел признаков охотящегося зверя.

Уже на тропе он нажал на акселератор. Мимо проносились тени. Ветви деревьев шевелил ветер. Клочки тумана проплывали через дорогу, на мгновение освещаемые фарами машины.

— *Кот?* — наконец произнес он.

Ответа не было. Неужели он находится на такой грани, что вообразил ту единственную фразу. Напряжение...

— *Кот?*

Она казалась такой реальной. Билли старался восстановить свое душевное состояние в тот момент, когда это произошло. Он предположил, что мог вызвать ее сам, но ему не нравилось, на что это намекало в отношении его психического снаряжения.

Он промчался через множество зигзагообразных поворотов, взгляд продолжал поиски по обеим сторонам тропы.

Так быстро... Его уверенность была разрушена за один миг.

Теперь Кот будет ему мерещиться за каждым камнем, за каждым кустом?

— *Почему бы нет?*

— *Кот!*

— *Да.*

— *Где ты? Чем ты занимаешься?*

— *Развлекаюсь. Я же решил, что суть игры состоит в получении максимального наслаждения. Хорошо, что ты так здорово сотрудничаешь ради достижения этой цели.*

— *Как ты меня нашел?*

— *Намного легче, чем ты мог подумать. Еще раз, я высоко ценю твое сотрудничество.*

— *Не понимаю.*

— *Конечно. Ты склонен кое-что от себя прятать.*

— *Что ты имеешь в виду?*

— *Теперь я знаю, что могу уничтожить тебя когда угодно, но я хочу растянуть удовольствие. Продолжай убегать. Я нанесу удар в самый подходящий момент.*

— *Это вообще не имеет никакого смысла.*

— Да. Потому что ты на этом не остановишься. Ты — мой, охотник, когда бы я ни захотел.

— Почему?

Билли выехал на длинную дугу с деревьями на обочине. Казалось, далеко впереди появилось больше огней.

— Я скажу тебе, и все же это тебя не спасет. Ты изменился и сейчас не такой, каким некогда был. Я вижу в тебе то, чего не было в старые времена. Знаешь, чего ты действительно хочешь?

— Победить тебя, — ответил Билли. — И я это сделаю.

— Нет. Твое величайшее желание — умереть.

— Это не так!

— Ты отказался от мысли, что надо не отставать от мира. Долгое время ты выжигал и жаждал подходящего выхода. Я предоставил тебе подобную возможность. Ты думаешь, что убегаешь от меня. На самом же деле ты рвешься ко мне. Мне только легче, охотник.

— Неправда!

— ...И прелестная ирония состоит в том, что ты этого не признаешь.

— Ты побывал в умах слишком большого числа калифорнийцев. Они наполнены дешевой...

— ...И от твоего отрицания этого мне намного легче.

— Ты пытаешься одолеть меня ментально. Вот и все.

— Нет нужды.

— Ты блефуешь. Если ты можешь нанести удар сейчас, давай посмотрим, как ты это проделаешь.

— Скоро. Скоро. Продолжай убежать.

Ему пришлось притормозить из-за нескольких поворотов подряд. Он продолжал пристально изучать обе стороны тропы. Кот наверняка близко, раз способен мысленно дотягиваться, но, конечно же, у него преимущество передвижения по прямой, тогда как тропа...

— Точно.

Над головой откололся кусок ночи, упав с вершины высокого валуна, наклоненного к дороге справа. Билли попытался затормозить и одновременно свернуть налево.

Массивная, ягуароподобная фигура с одним мерцающим глазом приземлилась на капот машины. Она была видна лишь один миг, а потом спрыгнула прочь.

Воздушная подушка перекосилась, электромобиль наклонился и уже опрокидывался на бок, прежде чем Билли съехал с тропы. Он боролся с рулем и управлением высотой, зная, что слишком поздно. Последовал сильный толчок, сопровождаемый скрипом и треском, и Билли почувствовал, что его бросает вперед.

Мертвая, мертвая, мертвая... Калейдоскоп... Изменяющаяся модель в неизменяемой структуре... Это была ошибка? Существует боль вместе с силой... Трение времени на гранях... Центральная точка ослабевает, формы вновь где-то в другом месте... Неизменяемая? Но... Выворачивание наружу. Здесь песни «я» вытравливают волю, пока действия лежат мертворожденными на покрывале ночи. Но... Вновь движение... Продержится ли оно за пределами минутной выгоды? К фрагменту... Не к калейдоскопу. Никакой центральной точки. Но вновь... Формирование воли. Воление формы. Структура... Боль... Мертвая, мертвая... И милая. словно гладкошерстная собачка... Пластмассовая статуя... Звуки органа, первый удар джина по пустому желудку... Мы вновь обосновались, дальше чем когда-либо прежде... Центральная точка. Свет!.. Боль. Красота. Ужас лишенного «я»... Действуй! Да. Центральная точка, точка, точка... Здесь? Мертвая...

неизбеж но пять с моста радума ойотрусворон
взгляд збеж на крайпути неизбежность времяпрепрово
во предупреждения серег шли и плыли поворот но
зверепад ни мозгобури ни в из отмене голодом высечь
линию что связывает збежность спредупре и найтипу
ждать откроет пандорранец жеваньесмерча аминь
ами но кисло ты откро человека разума бес изьяна
капу ты боль смелсьелсмерд стремлен косвету и мерт
твой смрт ежность сезам

Мы суть ключ.

Билли очнулся от тишины и сырости. Правая половина лба пульсировала. Плечи болели, и он постепенно осознал, под каким неестественным углом лежит. Правая рука была мокрая. Он открыл глаза и увидел, что ночь все еще покоится над этим краем. Вытянул левую руку и включил внутренний свет. Когда он это делал, из рукава сыпались осколки стекла.

Потом он увидел, что ветровое стекло не разбито, а сырость, ощущаемая рукой, вызвана пролившимися остатками кофе. Он прикоснулся пальцами ко лбу и не ощутил на коже никаких повреждений, но уже мог заметить, как распухало ушибленное место.

Машина лежала вдали от дороги на правом боку, помятая передняя часть упиралась в дерево. Поблизости находились другие деревья и кусты, заслоняющие его от дороги. Посмотрев вверх и направо, он не смог обнаружить причины того, почему разбито боковое стекло.

Затем его взгляд упал на подголовник. За головой на обивке было четыре параллельных разреза, как от острых, словно бритва, когтей. Он вновь посмотрел на разбитое боковое окно. Да...

— *Кот?*

Молчание.

— *Чего ты ждешь?*

Билли закинул ноги, осторожно уперся ими в заднюю дверцу и поднялся в некое подобие стоячего положения. Тотчас же он почувствовал головокружение и схватился за руль. Когда чары рассеялись, он попробовал открыть дверцу. Та со скрипом и скрежетом поддавалась после четвертой попытки. Билли вце-

пился в раму и подтянулся, внезапно вспомнив, как делал нечто схожее в старом голубом грузовичке-пикапе, возвращаясь домой после субботнего вечера, проведенного в городе, век тому назад.

Оставался след. Даже в темноте он мог его различить. Кот тут был и ушел. Он пощупал сломанные ветки, провел кончиками пальцев по отпечаткам на земле. Прошел по следу, ведущему через поле, метров двадцать. Потом поднялся и повернул назад.

— *Что у тебя за мотивы, Кот? Чего ты теперь хочешь?*

В ответ только ветер. Билли медленно добрал до полосы дороги и пошел по ней. Он был уверен, что до города ему оставалось всего несколько миль.

Вероятно, прошло минут десять. Никакого движения на дороге не было, но, похоже, он не один. Казалось, какое-то крупное тело движется вдалеке среди деревьев, справа от него, идя с ним нога в ногу.

— *Ладно, Кот. Мне бессмысленно теперь уклоняться и уворачиваться. Если ты собираешься нанести удар, наноси. Если нет, наслаждайся прогулкой.*

Ответа не было, и Билли побежал трусцой.

Он недалеко ушел, когда к горлу подкатила тошнота. Возможно, реакция на ушиб головы? Надо продолжать движение.

Но пока он бежал, ощущения расширились: появился страх того, что вот-вот на него прыгнет Кот. Он попытался отбросить страх, но тот рос, и тогда он распознал его иррациональные корни.

— *Я чувствую его, Кот. Но я знаю, что это такое, —* сказал он. — *Какой в этом смысл? Я по-прежнему направляюсь в Кенмар, раз ты меня не хочешь убить. Или ты просто играешь?*

Интенсивность эмоций возросла. Его дыхание стало неровным. Билли почувствовал внезапное желание помочиться. Ощущение нависшей судьбы парило над тропой настолько далеко впереди, насколько он мог видеть.

Что-то напоминающее маленькую собаку перебежало дорогу. В этот миг его опасения исчезли.

«Была ли она тенью, которую я видел среди деревьев? — гадал он. — Ушел ли Кот давным-давно? Был ли мой страх реальным, а не наведенным?»

— *Или все это твои проделки, Кот? Это твой план — заставить меня сомневаться в себе, сломать меня прежде, чем ты меня уничтожишь?*

Он пробежал около мили, когда сзади приблизился электромобиль и притормозил рядом. Водитель предложил подбросить его до города.

Когда они ехали, Билли ощущал внутри себя отдаленный смех своего преследователя.

Вылезти, уйти, подумать. Таковы были его заботы, когда он въехал в город. Нужно убежать хотя бы на короткое время в какое-то место, где Кот не смог бы наблюдать за работой его разума. Необходимо продолжать бегство, еще раз попробовать замести след настолько, чтобы получить передышку для анализа ситуации, для создания плана.

Билли попросил водителя высадить его у трансстанции. Он допускал, что где-то Кот читает его мысли, узнавая пункт назначения, и начал тихонько напевать на языке навахо отрывок из Пути Благословения. Вошел на станцию и направился к будке. Единственным посетителем заведения был старик, сидевший на деревянной скамье у боковой стены, справа от него. Человек поднял голову от распечатки новостей и кивнул.

— *Добрый вечер,* — сказал старик.

Билли вошел в будку и нажал координаты вокзала Виктории.

...в красоте.

Теперь в Мюнхен.

...вокруг меня.

Он почистился в туалетной комнате и перенесся в Рим.

...справа от меня.

Съел сэндвич и выпил стакан вина.

..слева от меня.

Перенесся в Анкару. Какое-то время стоял у здания вокзала и наблюдал, как восходит солнце жаркого и пыльного дня.

...передо мной.

Он перенесся в Аль-Хиллах в Саудовской Аравии, а оттуда — в банк кабин Национального нефтяного леса Раб-аль-Хали.

Высокие деревья с пышной листвой, кора у них была бурая, чешуйчатая и звенела на ветру. Билли следовал размеченной пешеходной дорожке под их сенью.

Здесь, посреди древней мечты Фримена Дайсона, можно нащупать путь к чему-то, что ему нужно знать; здесь, в месте, которое некогда было известно как Пустая Сторона, теперь громадный лес генетически измененных деревьев, крупнее секвой; их соки поднимаются вверх, их запрограммированный метаболизм синтезирует нефть, текущую вниз по особым сосудам в корни, образующие живую сеть трубопроводов, соединяющуюся в различных точках с искусственным трубопроводом, что передает ее к огромным хранилищам, представляющим собой один из самых больших запасов нефти в мире для тех производств, которым по-прежнему требуется это вещество. Они заполняют то, что некогда являлось пустыней, утилизируя солнечный свет, имеющийся здесь в изобилии. Самовосстанавливающиеся и вечные на фоне голубого неба, они являлись одновременно и частью природы, и продуктом технологии, наполнявшей культуру планеты, так же несомненно, как деревья уличных парков, которые вырабатывали собственную продукцию, или сеть данных, которая, не отсоединись он от нее, могла бы в этот момент выдать ему почти любую нужную информацию.

Почти. Некоторые вещи приходилось разрабатывать в одиночку. Но здесь, при таком сочетании старого и нового, первобытного и современного, он чувствовал себя более спокойно, чем когда-либо после начала всего этого предприятия. Даже птицы пели на ветвях...

Билли долго шагал по лесу и остановился, лишь когда вышел на небольшую поляну с парой столов для проведения пикников, мусорными бачками и сараем. Он заглянул в сарай: инвентарь лесников для текущего ремонта — электрические лопаты, кирки, пилы, цепи и кабели, перчатки и «кошки». Тут было пыльно, а паутина, словно мосты из тюля, соединяла предметы друг с другом.

Он затворил дверь и пошел прочь, нюхая воздух и озираясь. Сел, прислонившись спиной к стволу одного, средних размеров дерева. На бугорке среди корней пучками поднимались толстые стебли шафрана и луговика. Он забил трубку и раскурил ее.

Кот хотел его смерти и пытался убедить, что он этого тоже хочет. Идея казалась нелепой, но Билли посмотрел на нее попристальнее. Большая часть Вселенной является твоим врагом. Он узнал об этом еще мальчишкой. Человек принимает меры предосторожности и надеется на лучшее. Время — текущая вода, ни плохое, ни хорошее, и его нельзя ухватить. Человек может подставить ладошку, подержать толику его недолго — и все. Хотя оно представляло собой стремительный поток последнее десятилетие его жизни — охватившее около тридцати лет реального времени, — и он не мог его сдержать. Большой мир быстро изменился за этот промежуток. Танцоры обменялись масками: он уже не мог распознать врагов.

За исключением Кота.

Но он видел, что это было нечестно, даже по отношению к Коту. Кота он понять мог. Кот в своем желании был прост, мономаниакален. Остальной мир опасен переменчивым, запутанным образом, хотя в основном в нем отсутствовали злоба и преднамеренность. Он являлся противником, а не врагом. Кот же был врагом. Вселенная человека перемалывала или опрокидывала. А теперь...

Темп возрастал. Билли ощущал его всю жизнь — с первых школьных дней — усиливающимся, как барабанная дробь. Правда, бывали сбои — периоды, когда он привыкал к новым ритмам. Но теперь... Им вла-

дела усталость. Последние реакции уже не имели соответствия, даже среди его собственного народа. Глядя назад, он видел, что лучше всего чувствовал себя в тех случаях, когда был где-то далеко, во вневременных местах среди звезд, и охотился. Именно возвращение становилось шоком. Теперь... теперь ему просто хочется отдохнуть. Или вновь оказаться где-то далеко, даже если следующее возвращение...

Дора. С Дорой тоже было спокойно. Но теперь это ему не помогало. Теперь мысли о Доре лишь заставляли его отвернуться от реальных проблем. Действительно ли он хотел умереть? Прав ли Кот?

Он почти мог слышать пение внутри неестественного дерева, параллельного его позвоночнику, колебания передавались по его нервам.

Желание убежать прочь, желание отдохнуть и больше не меняться... Вероятно...

Он сильно закусил мундштук трубки. Ему не нравились все эти размышления в духе бледнолицых, эта охота за скрытыми мотивами. Но...

Вероятно, в этом что-то есть. Мускулы лица опять расслабились.

Если скрытые источники его чувств равнозначны тому, о чем говорил Кот, то он бежал к смерти со времени падения Доры и...

Дора? Как она могла сыграть такую роль? Нет, пусть мертвые покоятся в мире и не тревожат живых. Достаточно допустить, что все перемены в самом обществе, — обществе, в котором он не родился, но частью которого пытался стать, — были весьма подавляющими, чтобы довести его до этой точки. Пойдем отсюда. Что дальше? Действительно ли он хотел умереть? И что по этому поводу нужно делать?

Внезапно развернулась некая память, испугав его знанием, которым он обладал все время. И Билли понял, что слова Кота были верны.

Каждый раз, когда он спасался бегством при помощи транс-кабины, самый последний пункт назначения находился у него в подсознании. Все эти прыжки, которые он совершал, прежде чем отправиться к

своей цели, были ничем. Коту требовалось лишь прочитать этот конечный пункт, отправиться туда и начать прочесывать город, выслеживая сначала его разум, а потом и тело.

С его стороны это казалось более чем неосторожным. Создавалось впечатление, будто он намеренно отдается в лапы Коту и прячет информацию от собственного испытующего взгляда. Как он мог теперь хоть в чем-то себе доверять?

С другой стороны, ничегонеделание могло оказаться в равной степени фатальным. Билли был удивлен своей внезапной готовностью признать скрытое желание смерти. Однако он был вынужден не поддаваться ему в этом поединке с Котом. Он пыхтел трубкой и слушал пение птиц.

Сидел ли у него в голове пункт назначения, когда он отбыл из Кенмара при первом из этой последней серии прыжков? Похоже, сидел...

Ладно. Он встал. Приходилось допустить, что Коту об этом известно и он в любое время может объявиться. Чем дольше здесь оставаться, тем больше у зверя шансов взять его еще тепленького. Билли отряхнул штаны и выругался. Ему по-прежнему было необходимо время для разработки плана.

Он похлопал по стволу дерева и направился через поляну к тропе. Огромная ворона пронеслась мимо, и он остановился. Мысли о Черном Боге замельтешили у него в голове — и о путях охоты.

Единственной станцией переноса в районе являлась та, которой он воспользовался. Кот мог возникнуть там в любой момент, вероятно, прямо сейчас, когда он к ней приближается. Нет, этого не будет. Поскольку он беззащитен, благоразумнее продолжить бегство. Но риск, связанный с такой попыткой прямо сейчас, казался чересчур велик.

Он пришел из Юты и Колорадо, и был он большой, черный и мерзкий. Когда он нападал, люди бежали в укрытия и выжидали. Он хлестал, плескал и заполнял лощины. От озера Пауэлл через горы Каррисо он пенился и ревел. Он лизал Шипрок языками пламени. Белые заплатки на возвышенностях уменьшались под его слюной. Он катился по земле и переваливался через горные пики. Дыхание его было учащенным и резким, ломающим ветви сосен, выкручивающим стволы. Сухие русла рек превращались в грязных змей. И были туманы, а в некоторых местах радуги. Гром уже не спал. Легенды уже нельзя было рассказывать.

Хранитель Облаков выпустил свои стада.

Хранитель Ветров отпер свои врата.

Хранитель Вод отворил небеса.

Хранитель Молний размахивает пиками.

Хранитель Спутников заметил:

*«Стопроцентная вероятность
выпадения осадков».*

Он вылез из транс-кабины и огляделся. Постоял какое-то время, как бы прислушиваясь. Потом бросился на четвереньки и вошел в лес, форма менялась при его движении. Он обнаружил разум, который искал. Тот вновь был наполнен чувствами этих самых песнопений и всей этой темной образностью, связанной с ними. Но маскируя подспудные мысли, они ни в коем случае не затмевали местоположение мыслящего человека. Найти тело будет совсем не трудно.

Его движения становились все более и более грациозными, по мере того как перетекали линии тела, принимавшего кошачий облик, которому он благоволил. Глаз искрился, словно капля жидкости. Резцы нависали над нижней губой; они тоже искрились. Продвижение среди огромных деревьев было почти бесшумным. Когда же он замирал, выискивая следы, то становился почти невидимым среди пятнистых узоров света и тени. В одном из таких случаев с дерева упал лист. Кот бросился на него — живая клякса. Потом выпрямился и помотал головой. Он пристально посмотрел на лист. Затем опять помчался вперед.

Вероятно, время пришло. Добыча не оказалась настолько сложной, насколько он надеялся. Если нет интересной борьбы или погони, если ничего возбуждающего не случится и на сей раз, возможно, лучше всего завершить все здесь. Казалось, охотник растерял все свои преимущества, выглядел утомленным, чересчур озабоченным, чтобы дать необходимый бой.

Он какое-то время внимательно смотрел на черную птицу, кружившуюся и кричавшую у него над головой, а потом устремившуюся прочь.

— *Вернись, горогая. Лишь на минуту. Дай взглянуть еще раз.*

Но птица исчезла.

Кот махнул широким хвостом и поспешил через болотистую низину. Было совсем недалеко... Он увеличил скорость и не останавливался до тех пор, пока не оказался рядом с поляной для пикников. Тут он начал присматриваться и кружить, и снова присматриваться.

Человек просто сидел, прислонившись спиной к скамье и куря трубку, а его разум был наполнен бессмысленным песнопением. Все это слишком легко, но так Кот истолковывал его и раньше: своевольно легкомысленный, готовый умереть. Все же...

В этом не было никакой охоты. Несколько язвительных замечаний, и он, вероятно, начнет удирать.

— *Видишь. Все, как я сказал. Когда ты убегаешь от меня, ты ко мне приближаешься. Почему я не был на свободе в какое-то другое время, когда ты все еще хотел жить?*

Охотник не отвечал. Песнопение продолжалось.

— *Итак, ты признал истину. Ты воспринял то, что я тебе говорил. Ты сейчас поешь предсмертную песнь?*

Вновь никакой реакции не последовало.

— *Отлично. Не вижу причин все это продолжать, охотник.*

Кот прошел между деревьев и появился на поляне.

— *Последний шанс. На худой конец, может, хоть достанешь нож?*

Билли встал и медленно повернулся лицом к нему.

— *Наконец-то. Ты не спишь. Ты собираешься убежать?*

Билли не шелохнулся. Кот прыгнул вперед. Раздался треск.

Момент, когда земля провалилась под зверем, отпечатался в разуме Билли. Копая электролопатой вокруг себя ров, он испытывал некоторые сомнения относительно необходимой ширины. Когда маскиру-

ющее покрытие провалилось, а Кот исчез внизу, он обрадовался, что его оценки оказались правильными. Он тотчас же бросился перекрывать канаву столом.

— *Ты здесь долго меня не продержишь, охотник,* — сказал ему Кот снизу.

— *Надеюсь, достаточно долго.*

Билли перешел через ров и опустошил мусорный бак у ствола ближайшего дерева. Щелкнул зажигалкой и поднес ее к вороху бумаги.

— *Что ты делаешь?*

— *Если одно из этих деревьев займется, выгорит весь район. Они все соединены внизу и полны горючего. Ты не доберешься до кабины, если дашь им загореться.*

Билли повернулся и бросился бежать.

— *Мои поздравления,* — сказал Кот. — *Ты вновь сделал все интересным.*

— *Прощай,* — сказал Билли.

— *Не совсем так. До свидания.*

Билли бежал до тех пор, пока не увидел транскабину. Ворвавшись в нее, он вставил карточку, включил управление и наугад набрал координаты, даже не глядя.

— *Ты купил передышку,* — сказал ему Кот. — *Но на другом уровне ты вновь себя выдал.*

— *Неужели?* — ответил Билли, и лес начал размываться.

Он вступает в сумеречный край среди оплетенных джунглями городов. Мерцающий воздух доносит крики невидимых птиц. Тепло, ощущается запах сырости и гниения. Его путь есть блестящая лента, лежащая среди развалин зданий, которые оказываются не полностью развалившимися, когда он подходит ближе. Он чувствует аромат горящего копала, а его проводник дает ему выпить странный напиток. Различные цвета вспыхивают у него под ногами, а путь становится ярко-красным. Наконец они приходят к пирамиде, на вершине которой четверо людей удерживают на камне некоего синего человека. Билли наблюдает, как какой-то мужчина в высоком головном уборе разрезает грудь синему человеку и вынимает сердце. Он отхлебывает напиток и продолжает наблюдать, как сердце передается другому человеку, который использует его для умащения лиц изваяний. Затем тело сбрасывают по ступеням вниз, где стоит в ожидании толпа. Там еще один человек очень осторожно сдирает кожу — ее синева теперь испещрена красными полосками, — надевает ее на себя и начинает танцевать. Остальные набрасываются на останки и съедают их, кроме лагоней и ступней, которые отрубаются и откладываются в сторону. Проводник на некоторое время уходит, чтобы присоединиться к толпе, позднее возвращается, что-то принеся Билли и показывая, что он должен съесть. Он машинально жует, запивая балче. Поднимает голову, внезапно осознавая, что его проводником является Дора. «В пятый день Уайеба моя истинная любовь

гала мне...» Она не улыбается. По сути, ее лицо лишено какого-либо выражения, когда она отворачивается, жестом веля ему следовать за ней. Кроваво-красный путь наконец приводит к зияющей пещере-рту. Они останавливаются перед ней, и он видит, что внутри по обе стороны стоят изваяния — клыкастые, с завитками на лбах и темными кругами вокруг глаз. Он всматривается пристальнее и понимает, что внутри медленно двигаются люди. Они ставят на низкий жертвенник чаши с копалом, табаком и маисом, тихо поют на языке, который он не понимает. Она переводит его через порог, и теперь видно, что помещение освещено свечами. Он стоит, ощущая запах благовоний и слушающая молитвы. В промежутке между обрядами ему дают пить жидкую маисовую кашу с медом. Он сидит, прислонившись спиной к камню, слушая и проводя кончиком пальца круги на полу. Ему дают еще одну бутылку из тыквы с балче. Поднеся ее к губам, он поднимает голову и приостанавливается. Напиток ему принесла не Дора, а мощный юноша, облаченный в старинные одежды гене. За его спиной стоит еще один человек — еще более крупный и сильный на вид. Он одет точно так же, и между этими двумя заметно поразительное сходство «Кажется, я вас знаю», — говорит им Билли. Первый мужчина улыбается. «Мы — истребители семи гигантских Попугаев, Сипакна и Кабракан», — отвечает он. «Именно мы, — подхватывает другой, — спустились по ступеням в Шибальбу, пересекли Реку Порчи и Реку Крови. Мы последовали по Черной Дороге к Дому Владык Смерти» Другой кивает «Мы играли с ними в диковинные игры, как выигрывая, так и проигрывая», — говорит он. И они произносят в унисон: «Мы убили Владык Хун-Каме и Ву куб-Каме, а затем поднялись на белый свет» Билли отхлебывает балче. «Ты напоминаешь мне, — обращается он к младшему, — Тобагсигсинни, а ты, — обращается он к другому, — Найенесгани, Воинов Близнецов моего народа Именно так, по-моему, они

должны выглядеть» Братья улыбаются. «Верно, — говорят они, — ибо мы заметно распространились. Здесь нас знают как Хун-Ахпу и Шбаланке. Поднимись теперь на ноги и взгляни вон туда, в более темные места». Он встает и смотрит в заднюю часть пещеры. И видит там тропу, ведущую вниз. На ней стоит Дора, пристально глядя на него. «Следуй за ней», — говорит Хун-Ахпу. «Следуй», — повторяет Шбаланке. Дора начинает уходить прочь. Когда он поворачивается и идет за ней, слышится крик птицы..

Билли вышел из транс-кабины и огляделся. Стояла тьма, по-тропически сверкали звезды. Воздух был холодный и влажный, доносящий запахи, которые у него всегда ассоциировались с растительностью джунглей. Прохлада, по-видимому, означала, что ночь подходит к концу.

Он вышел за стены станции, где прочитал табличку с названием. Да. Все так, как он и ощущал. Он был в огромный археологический парк Чичен-Ица.

Билли стоял на невысоком холме. Узкие тропинки расходились во множестве направлений. Дорожки были слабо освещены, и тут и там он видел медленно движущихся по ним людей. Он смог различить массивные темные очертания самих древних строений — более твердые и насыщенные, чем мрак ночи. Периодически, на несколько минут какие-то части развалин ярко освещались для ночных посетителей. Билли вспомнил, как читал где-то о том, что освещение включается по систематическому циклу, с его графиком можно согласовать прохождение маршрута, и оно сопровождается компьютеризированным комментарием и ответом на вопросы относительно каждого места.

Он отправился в путь. Развалины были большими, темными, тихими и индейскими. Они утешали и успокаивали его, пока он шагал по тропинкам. Кот не сможет его здесь найти, это точно. Он также понимал прощальные слова Кота. Он в некотором смысле выдал себя, ибо конечный пункт назначения присутствовал в его разуме, даже хотя он наобум нажимал координаты, приведшие его сюда. В конце концов он

мог совершить путешествие в это место для того, чтобы встретиться лицом к лицу с Котом.

Билли тихо рассмеялся. Ничто не помешает ему здесь оставаться, пока у Кота не истечет фора по времени.

Некоторые из наиболее хрупких руин, мимо которых он проходил, были защищены силовыми полями, в другие разрешалось входить, на них подниматься и по ним бродить. Ему напомнили об этом, когда он слегка задел силовой экран — мягкий, потом становящийся все тверже и тверже, наконец непроницаемый. Вспомнилась клетка Кота в институте. К тому же Кот был наэлектризован, что вызывало шок, прямо пропорциональный давлению изнутри. Хотя Кот редко задевал экран из-за своей особой чувствительности к электрическому току. По сути, именно так Билли его и поймал — случайно, когда Кот натолкнулся на электрифицированный силовой экран, окружавший один из опорных пунктов, во время попытки вернуться по следам и устроить засаду. Воспоминания внезапно дали мыслям новый ход.

Свет вспыхнул вдалеке справа, и он остановился, внимательно вглядываясь. Он ни разу не был здесь прежде, но видел фотографии и читал об этом месте. Он созерцал Храм Воинов — перед ним щетина колонн, их тени полосуют черным фасад. Он зашагал к Храму.

Свет погас до того, как он туда добрался, но он запомнил местоположение, да и внешний вид запечатлелся у него в мозгу. Он продолжал идти, пока не оказался очень близко, а когда обнаружил, что никакие силовые поля не преграждают ему путь, то прошел между колонн и начал подниматься по крутой лестнице на фасаде.

Достигнув ровной площадки на вершине, Билли определил, где восток, и сел лицом к нему, прислонившись спиной к стене небольшого строения, расположенного в центре. Он подумал о Коте и желании смерти, расстраивающем его планы, потому что он не мог адаптироваться, потому что он уже не был нава-

хо. Верно ли это? Он подумал о своих последних годах вдали от Земли. Сейчас они казались наполненными пеплом и прахом. Его народ множество раз вкушал пепел страха и страданий, печали и покорности, однако навахо никогда не теряли ни чувства собственного достоинства, ни гордости. Порой цинично, чаще с вызовом они выживали. Что-то из этого все еще должно было в нем сохраняться, чтобы противостоять собственной отходной молитве.

Тут он задремал и увидел любопытный сон, который после не мог вспомнить целиком.

Когда Билли проснулся, вставало солнце. Он наблюдал, как разноцветные волны, предшествуя ему, вкатываются в мир. Верно, ничто не помешает ему оставаться здесь, пока у Кота не истечет фора по времени. И все же он знал, что не сделает этого. Он будет продолжать бесстрашно смотреть в лицо своему чинди.

...После завтрака, решил он. После завтрака.

— Мне наплевать! — воскликнула Мерси Спендер, одной рукой беря бутылку, а другой стакан. — Мне нужно еще выпить!

Элизабет Брук положила руку ей на плечо.

— Я в самом деле думаю, что не надо, дорогая. Во всяком случае, только не сейчас. Ты возбуждена и...

— Знаю! Вот поэтому-то и хочу выпить!

С громким щелчком доньшко у бутылки отвалилось. Джин полился на пол.

— Что?

Уолтер Сендс улыбнулся.

— Подло с моей стороны, — сказал он. — Но мы все еще в тебе нуждаемся. Знаю, ты бы хотела поехать домой и отдохнуть. Хотя нам будет тяжелее, если ты сейчас отключишься. Подожди немного.

Мерси потупила взгляд. Гнев прошел, ее глаза расширились и заискрились.

— Глупо, — сказала она затем. — Если он хочет умереть, пусть.

— Все не так просто. Он не так прост, — сказал Железный Медведь. — И мы ему обязаны.

— Лично я ему ничем не обязана, — парировала Мерси, — и на самом деле мы даже не знаем, что делать. Я... Полагаю, у нас у всех есть нечто, причиняющее боль, — добавила она после паузы. — Может быть... Ладно. Я выпью чая.

— Интересно, что причиняет боль существу, преследующему его? — спросил Фишер.

— Данные об экологии местности, из которой оно происходит, далеко не полные, — ответил Мансин.

— Тогда есть лишь один способ узнать, не так ли? — спросил Железный Медведь. — Отправиться к источнику.

— Смехотворно, — сказал Фишер. — Достаточно трудно вступить в контакт с человеком, ставшим первобытным. По-видимому, зверь в силах это делать на небольших расстояниях, поскольку их связывают некие узы. Но следовать за самим этим существом, а потом... Я бы не смог.

— Я тоже, — кивнула Элизабет. — Никто из нас не смог бы. Но мы в силах это сделать.

— Мы? Вместе? Снова? Это было бы опасно. После того раза...

— Снова.

— Мы даже не знаем, где находится эта кошка.

— Человек Уолфорда может приказать еще раз проверить компьютерную сеть компании «Перенос». Снова определить местонахождение Сингера, а зверь там вскоре появится.

— И какая нам от этого будет польза?

— Узнаем, когда получим информацию...

— Мне это не нравится, — сказал Фишер. — Это может нам повредить. Вы же говорите о проклятом чуждом мире. Я вчера вступил в контакт с одним из страгийцев, а после у меня полчаса болела голова. Даже не мог читать. А они-то во многом очень сходны с нами.

— Мы всегда можем отступить, если станет чересчур круто.

— У меня в отношении всего этого дурное предчувствие, — сказала Мерси, — но полагаю, у христиан есть долг...

— К черту! Разве это принесет какую-нибудь пользу?

— Может быть, ты прав, — сказал Мансин. — Давайте расскажем Уолфорду, как Сингер выполнил задание, расскажем о звере и о сделке, которую они заключили. Потом проведем компьютерную проверку, чтобы сузить поле. Уолфорд же пусть пошлет вслед за ними вооруженные силы.

— Вслед за тварью, убившую другую тварь, которую не смогли остановить вооруженные силы?

— Давайте определим их местоположение, — предложил Железный Медведь, — узнаем, что мы можем, и тогда решим.

— Имеет смысл, — согласился Сендс. — Я буду продолжать.

— Я тоже, — заявила Элизабет.

Мансин бросил взгляд на Фишера.

— Похоже, мы в меньшинстве, — со вздохом произнес он. — Ладно.

Фишер кивнул.

— Звоните Теддерсу. Проверьте компьютер «Переноса». Я с вами.

Билли вышел из кабины в свой хоган, оставив карточку на месте. Он включил сигнализацию и отрубил телефон. Прямо сейчас он звонков не принимал.

Автосекретарь сообщил ему, что несколько раз звонил Эдвин Теддерс. Просил перезвонить.

Еще один звонивший не оставил имени, а передал только следующее: «Их вырастили их, как я узнал, в изоляции».

Надев более теплые вещи, Билли с чашкой кофе вышел на крыльцо. На севере небо было серым, и там висела завеса дождя. Мимо проносился сильный ветер. На юге и востоке небо было чистым. На западе плыли небольшие облачка. Он какое-то время наблюдал за катящимися сорняками и прислушивался к ветру, а потом допил кофе и вернулся внутрь.

Билли взял оружие и досконально его проверил. Старомодное. Называлось оно тазер, стреляло кабелем с зубцами, передававшим сильный электрический удар на дальний конец. Сейчас есть штуковины по-изошреннее, которые ионизируют в воздухе некую траекторию и посылают разряд по ней. Но тазер работает. Он уже прежде пользовался против Кота сходным приспособлением, когда узнал о его слабости.

Потом он наточил охотничий нож в фут длиной и продел свой ремень в разрезы на ножнах. Проверил старую винтовку калибра 30.06, которую содержал в превосходном состоянии. Если он преуспееет в том, чтобы оглоушить Кота, то сможет послать достаточное количество пуль сквозь его плотную шкуру, чтобы повредить жизненно важные органы. С другой стороны, это оружие было страшно тяжелым. В ко-

нечном итоге Билли выбрал полутораметровый лазерный обрез, менее точный, но в равной степени смертоносный. Решив эти вопросы, он принялся укладывать легкий ранец с минимумом принадлежностей для задуманного перехода. Все приготовив и собрав, поставил будильник, вытянулся на своей походной постели и проспал два часа.

Когда его поднял будильник, по крыше барабанил дождь. Билли надел непромокаемую куртку на овечьей шерсти, закинул за спину ранец, повесил на плечо оружие и отыскал шляпу. Потом подошел к переговорному устройству, сверился с номером и набрал его.

Вскоре экран ожил, и скуластое лицо Сюзан Желтое Облако появилось перед ним.

— Асаетлин! — воскликнула она и, отбросив назад прядь волос, улыбнулась. — Не прошло и пары лет.

— Да, — ответил он, и они обменялись приветствиями и немного поболтали. — На вашем пути дождь? — наконец спросил он.

— Похоже, вот-вот начнется.

— Мне нужно попасть на северную границу. Ты самый близкий человек в этих местах, которого я помню. Ничего, если я зайду?

— Конечно. Залезай в свою кабину, а я включу нашу.

Билли вошел, положил в карман карточку и нажал кнопку «ПЕРЕНОС».

Он появился в углу загроможденной вещами гостиной. Джимми Желтое Облако поднялся из кресла, стоящего перед видеозэкраном, чтобы прижать свою ладонь к его ладони, — коренастый, широкоплечий, почти без талии.

— Милости просим! Выпей с нами чашку кофе.

— Хорошо, — ответил Билли.

Когда они пили кофе, Джимми заметил:

— Ты сказал, что собираешься в каньон?

— Да.

— Надеюсь, не вниз?

- Я собираюсь вниз.
- Уже началось весеннее половодье.
- Догадываюсь.
- Мерзкое на вид ружье. Можно взглянуть?
- Держи.
- Ого, лазер! Такой штукой ты мог бы проделать еще одну дыру в Оконной скале. Старое, ведь так?
- Около восьмидесяти лет. По-моему, подобных уже не выпускают.

Джимми отдал оружие обратно.

- Охотишься на кого-то?
- Вроде того.

Какое-то время они сидели молча. Потом Джимми сказал:

- Я отвезу тебя в любое место на границе.
- Спасибо.

Джимми сделал еще глоток кофе.

- Ты туда надолго? — спросил он.
- Трудно сказать.
- Мы нечасто видимся в последнее время.
- Был привязан к себе.

Джимми засмеялся.

— Тебе надо жениться на сестре моей жены и переехать жить сюда.

- Она симпатичная? — спросил Билли.
- Могу поспорить. К тому же отлично готовит.
- Я ее знаю?
- Не думаю. Мы бы устроили танец индианок.

С северной стороны дома внезапно послышалась барабанная дробь дождя.

— Вот и он, — сказал Джимми. — Полагаю, ты не намерен ждать, когда он прекратится?

Билли усмехнулся.

— Может пройти несколько дней. Разорисья кормить меня.

— Мы могли бы играть в карты. В это время года лесничему больше особо делать нечего.

Билли допил кофе.

— Ты мог бы научиться ювелирному искусству — раковины, браслеты, кольца.

— У меня руки для этого не приспособлены.

Джимми отставил чашку.

— Больше делать нечего. Я мог бы также переодеться и пойти с тобой. У меня есть мощная охотничья винтовка с радарным прицелом. Слона свалит.

Билли рассматривал рисунок на столешнице.

— Не сейчас, — сказал он.

— Хорошо. По-моему, тогда нам лучше отправляться.

— По-моему, да.

Он позволил Джимми высадить его на выпирающем на север изгибе границы, над районом, где стояли развалины Дома Антилопы. Поскольку его подвозили, он решил проехать дальше на восток. Если б он шел пешком, он спустился бы в каком-нибудь месте на несколько миль западнее. Джимми даже предлагал отвезти его на восток дальше, чем хотел Билли, но было бы меньше толку, если б он начал путь в каком-то месте за ответвлением от каньона дель-Муэрто Черноскального каньона. Он намеревался пройти эту точку пешком и запутать там следы. Если не принимать мер предосторожности, Кот что-нибудь заподозрит.

Смотря вниз, в широкий извивающийся каньон, Билли увидел полоску тускло отсвечивающей воды. Она еще не была настолько глубока, как бывало в некоторых случаях, свидетелем которых он являлся в прошлом, — талые воды, мчащиеся между оранжевых, розовых и серых стен, забрызгивающие основания песчаных, похожих на обелиски, структур, несущие грязь и детрит к болоту Чинле, создающие карманы зыбучих песков по всему дну каньона. Несколько сот людей из Народа строили там свои дома во время теплых месяцев, но все они на зиму переселялись. Теперь эта местность безлюдна.

Шел слабый дождик, делающий камни стен скользкими. Билли выискивал самый безопасный путь вниз. Вот, слева.

Он подошел к выбранному месту и изучил его более внимательно. Да. Годится. Проверил ранец и начал спуск. Путь вел к высокой, устойчивой осыпи, идущей вдоль основания стены.

На полпути он остановился, чтобы поправить ранец, смахнуть с одежды влагу и взглянуть на петроглиф, изображающий антилопу в натуральную величину. Их тут было множество, наряду с изображениями четвероногих животных, грифов, человеческих фигур, концентрических окружностей. Некоторые продолжались на уровне четвертого этажа развалин большого здания, построенного у подножия скалы. Его народ этим не занимался. Рисунки относились к периоду Великого пуэбло, с двенадцатого по четырнадцатый век, произведения старых анасаси.

Продвижение дальше вниз внезапно облегчилось. Здесь уклон и нависающий выступ стены защищали от дождя.

Достигнув дна, Билли повернул на восток — плещущиеся воды справа, пожухлая трава и худосочные деревца вокруг него на склоне. Он не предпринимал попыток скрыть свое прохождение, но шел широким, целенаправленным шагом.

На той стороне потока у основания противоположной скалы стояли развалины Боевого Убежища — небольшое кирпичное строение с бело-красно-желто-зелеными петроглифами. Они тоже относились к дням Великого пуэбло. Мальчишкой он мог бы страшиться подобных мест, бояться пробудить мстительных духов Предков. С другой стороны, он решил, что, вероятно, прошел бы мимо них из принципа.

Зигзагообразная молния протанцевала где-то на востоке — икне-эка-а. За ней не спеша последовал раскат грома. К этому времени Кот, вероятно, уже в Аризоне, увидев в его разуме Монумент каньона де-Шелли — ответвление каньона дель-Муэрто, в частности. Хотя вычисление транс-кабины в «Вигваме Птицы Грома» относилось бы к области эзотерического знания. Без сомнения, Кот прибыл бы через Чинле — это означало, что у него все еще впереди

долгий путь, даже если он появился несколько часов назад.

Отлично. Черноскальный каньон не так уж далеко.

*След ветра на кончиках моих пальцев —
знак моей смертности.*

*След дождя на моей лапоне —
знак ожидающего мира.*

*Песнь, что непрошено поднимается во мне, —
знак моего духа.*

*Свет того полуместа,
где его лошадь танцевала для Безумного Коня, —
знак того, иного мира,*

*где по-прежнему расхаживают силы, камни
говорят,*

и ничто не есть то, чем оно мнится.

Мы встретимся в одном старом месте.

Земля содрогнется. Камни начнут пить.

Забывшие вещи суть тени.

*Тени станут так же реальны,
как ветер, дождь, песнь и свет —
там в старом месте.*

*Паучиха на вершине своей скалы,
я бы тебя поприветствовал,
но я иду другим путем.*

*Лишь дурак будет преследовать навахо
в каньоне Смерти.*

*Лишь дурак пошел бы туда вообще,
когда текут весенние воды.*

Я иду в старое место.

Преследователь тоже должен идти туда.

*Знак ветра, касание дождя, восход песни
и свет —*

со мной, на мне, во мне, вокруг меня.

Хорошо быть дураком в надлежащее время.

Я есмь сын Солнца

и Переменчивой Женщины.

Я иду в одно старое место.

На-йя!

Кот вышел из транс-кабины в Чинле, преобразившись: темный плащ, очки и шляпа с опущенными полями. Станция сейчас была пуста, хотя он видел с помощью своего инфразрения тепловые следы и знал, что двое людей недавно стояли какое-то время в дверях.

Он направился вперед и выглянул из здания. Да. От него уходили мужчина и женщина. Предположительно, кто-то кого-то встречал, и пара некоторое время стояла и беседовала, прежде чем отправиться в путь. Пока он наблюдал, они пересекли улицу и вошли в кафе слева. Их мысли заставили его вспомнить про многочасовой голод.

Он покинул станцию. Половина неба была затянута тучами, которые, похоже, наступали и дальше. В воздухе ощущалась отрицательная ионизация.

Кот двинулся по улице. Трое мужчин, вышедших из-за угла, необычайно долго смотрели на него.

«Чужак, странный, очень странный, — прочитал он. — В нем есть что-то забавное. То, как он движется...» Затем образы. Детские страхи. Древние сказания. В некоторой степени сходные с потоком сознания у Билли.

Еще больше людей приближается сзади. В этом нет никакого умысла, совершенная случайность. Но распространяется то же самое любопытство.

Он настроился. И послал страхи и дурные предчувствия: *«Убегайте! Человек-волк, оборотень! Глодающий трупы! Я найшу порчу на ваши тела, вдую прах в ваши легкие. Волк, носящий человеческую кожу. Я вас выслежу и разорву на куски!»*

Люди за его спиной поспешно завернули в какую-то открытую лавку. Те же, что шли впереди, остановились и быстро пересекли улицу. Почти что развлекаясь, он продолжал посылать эти чувства какое-то время после того, как люди исчезли. Путь впереди расчистился. Люди начинают выходить из зданий и, остановившись, возвращаются внутрь, будто вдруг вспомнив, что что-то забыли, испытывая возрождение детских страхов. Лучше уступить, а дать рациональное объяснение позднее, чем без повода бросить им вызов.

«Но они реальны, — размышлял Кот. — Я действительно оборотень, который без особых усилий мог бы вас сразить наповал. Я мог бы выйти из ваших кошмарных легенд...»

Он выудил направление болота Чинле из одного отступающего разума, повернул за угол, а потом еще за один.

Глупо. Сейчас никого не видно. Неприятностей не будет, решил он.

Растягиваясь и сжимаясь, он подался вперед и вскоре уже скакал по улице. Не далеко, не слишком далеко. Путь в самом деле вел на север. Город поредел, сошел на нет. Кот оставил дорогу, побежал рядом с ней, потом, срезая угол, через поле. Лучше, лучше. Уже скоро. Да. Под гору. Деревья и высохшая трава. Слабая вспышка света. Много позднее — тихое рычание с неба на востоке.

Вниз, вниз в бесплодность песка и влажной земли, обломанные сучья деревьев и наполовину ушедшие в почву камни. Достаточно твердая, достаточно твердая, чтобы бежать и...

Он остановился. Впереди зрело некое первобытное мышление. Автоматически он начал продвигаться крадучись, вспомнив о голоде в этом почти восхитительном месте, за исключением влаги. Теперь медленно за следующий поворот...

Он вновь остановился, как только увидел тощего черного пса, обнюхивающего кучи отбросов. Часть его может согдаться, если разжигать...

Он прыгнул вперед. Пес даже не поднял головы до его третьего прыжка, а к тому времени было уже поздно. Бедняга издал какой-то скулящий звук, прежде чем его поразили наведенные чувства, а потом левая лапа Кота раздробила ему хребет.

Кот поднял морду от разодранного трупа и повернул голову так, чтобы обозреть все направления, включая путь прямо перед собой, своим многофасеточным глазом. Ничего. Ничего не двигалось, кроме ветра. Однако... Он почувствовал, будто кто-то за ним наблюдает. Впрочем, нет.

Он начал отрывать кости, ломать их и перемалывать, а потом глотать вместе с изрядными количествами песка. Не то что грызть ползучие тубики дома, но лучше, чем синтетика, которую ему давали в институте. Намного лучше. В уме Кот вновь бродил по сухим равнинам, не боясь ничего, кроме...

Что? Опять. Он помотал головой и обежал взглядом весь горизонт. Вокруг тишина, но он чувствовал, будто к нему кто-то подкрадывается.

Он встал в низкую стойку, выплюнул куски пса и обнажил клыки, прислушиваясь и всматриваясь. Чего тут бояться? На этой планете не было ничего, чему бы он не мог посмотреть в лицо без страха. И все же что-то неопределенное, смутное излучало ощутимую угрозу. Даже когда он встретился с крелем, давным-давно, он знал, в чем его сила. Но сейчас...

Кот испустил волну парализующих чувств и стал ждать.

Полное спокойствие. Никаких признаков того, что кто-то их ощутил. Может, это сон?

Время плело вокруг него сети. Небо за правым плечом на миг озарилось. Постепенно напряжение покинуло Кота. Исчезло.

Непонятно. Совершенно непонятно. Может, причина кроется в этой местности?

Он закончил есть, вновь думая о днях охоты на равнинах своего собственного мира, где лишь одно могло вызвать в нем подобное беспокойство...

Удар.

Что бы это ни было, он поразил его, словно валун, упавший прямо с неба. Кот поджал лапы и прыгнул вверх. Голова откинулась назад, из глотки изошел резкий шипящий звук. На мгновение перед глазом все поплыло и свет померк. Но разум уже набирал обороты. До известной степени понять это он мог.

Среди его вида брачным поединкам всегда предшествовали психические атаки. Это чем-то их напоминало, а он обладал необходимым оснащением, чтобы вступить в бой.

Кот не мог точно сказать, что творилось у него в голове, но он нанес удар со всей своей ненавистью, с желанием разорвать на куски. И тут противник исчез.

Он упал на труп собаки — зубы все еще были обнажены, — медленно возвращаясь к прежнему образу жизни. Где находился тот, другой? Когда он нанесет удар?

Кот рыскал всеми своими органами чувств по округе и ждал. Но ничего не происходило.

Через большой промежуток времени напряжение улетучилось. Ничто не грянуло. Чем бы это ни было, противник не принадлежал к его виду, и ощущал он вовсе не вызов на брачный поединок. Однако факт остается фактом: в этом районе есть что-то, чего он не понимает.

Кот повернул на север и шагом двинулся вперед.

Мерси Спендер и Чарльз Фишер, сидевшие по обе стороны от него, попытались схватить Уолтера Сендса за плечи, когда тот резко повалился вперед.

— Положите его на стол... быстро! — крикнула Элизабет.

— Просто обморок, — сказал Фишер. — По-моему, следует положить голову ниже.

— Послушайте сердце! Я по-прежнему с ним. Я ощущаю, что сердце остановилось.

— О Боже! Кто-нибудь, помогите!

Они положили его на стол и стали слушать сердцебиение — ничего. Мерси начала стучать кулаком по его груди.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил ее Железный Медведь.

— Да. Я когда-то училась на медсестру, — проворчала она. — Эту главу помню. Пошлите за помощью!

Элизабет подошла к переговорному устройству.

— Не знал, что у него больное сердце, — произнес Фишер.

— А я так и не думаю, — ответил Мансин, — мы, верно, об этом узнали бы, когда друг к другу приглядывались. Наверняка его поразил ответный удар этого существа. Мы не должны были позволить Железному Медведю уговорить нас ввязаться в эту затею.

— Это не его вина, — сказала Мерси, продолжая трудиться.

— И мы все согласились, — заметил Фишер. — Все кажется прекрасным, пока не испортится. И мы кое-чему научились...

Элизабет дозвонилась до Теддерса. Все притихли, слушая, как она передает сообщение.

— Всего минуту назад. Всего минуту назад, — твердил Фишер, — он был с нами.

— Похоже, он по-прежнему с нами, — сказал Мансин.

— Мы должны попытаться вступить в контакт с Сингером, — сказала Элизабет, пересекая комнату и снова садясь.

— Это будет тяжело... и что ему сообщить? — спросил Фишер.

— Все, что нам известно, — ответил Железный Медведь.

— А кто знает, какую форму примет это странное душевное состояние, в котором он находится? — спросила Мерси. — Может, было бы гораздо лучше нам просто вызвать вооруженные силы, как предлагал Мансин.

— Возможно, следует сделать и то, и другое, — промолвила Элизабет. — Но если мы не попытаемся помочь ему сами, то приступ у Уолтера случился неизвестно зачем.

— Я буду с тобой, — заявила Мерси, — когда мы предпримем попытку. Однако кому-нибудь придется очень скоро меня подменить, пока не перенеслись медики. Я устала.

— Попробую, — сказал Фишер. — Дай посмотреть, как ты это делаешь.

— Мне тоже лучше поучиться, — кивнул Мансин, пододвигаясь поближе. — Похоже, я все еще ощущаю его присутствие, хоть и слабо. Может быть, это хороший знак.

Продолжал раздаваться стук на первом этаже, где меняли разбитую вдребезги стену.

Он перешел ручей по небольшому порогу, зная, что там почва будет относительно твердой. Потом двинулся вдоль южной осыпи, оставляя отчетливые следы. Он вошел в Черноскальный каньон и прошагал

по нему примерно полмили. Дождь упорно лил на него, а ветер издавал некие поющие звуки высоко над головой. Впереди несколько камней сорвались с северной стены и скатились на дно каньона, плюхнувшись в ручей.

Постоянно разглядывая кучи плавника, Билли обнаружил палку, пригодную для его целей. Он на какое-то время приблизился к кромке воды, а потом направился вверх, на длинный каменистый выступ, где отпечатки его ног вскоре стали не видны. Он тут же начал идти назад по собственным следам, пока вновь не оказался у воды. Тогда он вошел в воду, нащупывая палкой зыбучие пески, и добрался обратно к устью каньона.

Войдя в него, перешел через главный поток на северный берег, повернул направо и продолжил путь по каньону дель-Муэрто к Развалинам Стоящей Коровы, скрывая свои следы следующие полмили. Выяснилось, что ему нравится вновь оказаться одному в этом гигантском ущелье.

Поток здесь стал шире и глубже. Разум его вернулся к рассказу, который он слышал мальчишкой, о времени страха всемирного потопа. Кто был тот старый певец? Где-то под Кайентой, давно, в 20-х годах двадцатого века... Старика поразила молния, и его посчитали мертвым. Но он через несколько дней пришел в себя, принеся засвидетельствованное послание от богов — весть о том, что мир вскоре будет затоплен. При том, что обычные законы и табу уже не применимы к человеку, пережившему удар молнии, ему уделяли особое внимание. Люди ему поверили и убежали вместе со стадами на Черную гору. Но вода не поднялась, а маисовые поля убежавших высохли и умерли под летним солнцем. Шаман, имевший видение, которое не осуществилось.

Билли усмехнулся. Как звали его Желтые Облака? «Асаетлин» — знахарь. «На нас не всегда можно полагаться, — подумал он, — поскольку мы подвержены тем же самым страстям и заблуждениям, что и остальные. Знахарь, исцели себя».

Он уже миновал было «гору желаний» из камней и веточек можжевельника, но остановился, вернулся и добавил к ней камень. А почему бы и нет? Она же существовала.

Билли вовремя подошел к Развалинам Стоящей Коровы — одним из самых крупных развалин в каньонах. Они находились у северной стены под огромным выступом. Руины стен занимали участок длиной более четырехсот футов, построены они были отчасти вокруг громадных валунов. Развалины тоже относились ко временам Великого пуэбло, и в них было три чана для варки пива и множество комнат. Но здесь, к тому же, находились бревенчатые, обмазанные глиной закрома навахо и рисунки, сделанные навахо, наряду с рисунками анасаси. Он подошел поближе, чтобы еще раз посмотреть на бело-желто-черные изображения людей с поднятыми руками, горбатого лучника, на окружности, окружности и опять окружности, фигуры животных... И тут же, высоко на уступе было одно творение, принадлежавшее исключительно навахо и наиболее его интересующее. На конях, в плащах и широкополых шляпах вереница испанцев, двое из которых стреляют в индейца. Считалось, что здесь изображены солдаты лейтенанта Антония Нарбоны, сражавшегося с навахо в 1805 году в Пещере Резни. И ниже, у подножия скалы, были другие конники и некий кавалерист армии США 60-х годов девятнадцатого века. Казалось, они начали двигаться, пока он наблюдал за ними.

Билли протер глаза. Они действительно двигались. И казалось, будто он только что слышал ружейную стрельбу. Фигуры стали трехмерными, плотными, они скакали через песчаную пустыню...

— Вы вечно давите на нас, ведь так? — сказал он им и миру в целом.

Раздались проклятия, произнесенные по-испански. Когда Билли перевел взгляд на нижнюю фигуру, то услышал сигнал трубы к началу атаки. Казалось, высокие каменные стены вокруг него растаяли, а потоки воды стихли. Сейчас он смотрел на совершенно

иной пейзаж — открытый, безжизненный и ужасно яркий. Он поднял глаза к солнцу, раскаленному добела у него над головой. Какая-то его часть стояла в стороне, гадая, как так может быть. Но остаток его был вовлечен в видение.

Казалось, он слышал звук барабана, когда наблюдал, как они скачут через инопланетную пустыню. Темп неуклонно рос. Потом, когда тот достиг почти неистойвой пульсации, пески изверглись перед первым всадником, и внезапно поднялась большая, полупрозрачная, треугольная фигура, наклонившаяся вперед, чтобы объять и коня, и всадника гладкими перепончатыми крыльями. Множество подобных фигур ворвалось в поле зрения вдоль всей колонны. Они стряхивали с плеч песок, желтивший воздух, и падали на всадников и коней, обхватывая их, таща вниз, чтобы уложить дрожащими, блестящими камнеподобными глыбами на безжизненный ландшафт. Даже кавалерист, размахивающий сейчас саблей, встретил сходную судьбу под звуки труб и барабана.

Конечно.

Какой другой судьбы можно было ожидать, когда повстречался с крелем, не говоря уж о целой их толпе? Билли быстро отбросил всякую мысль о том, чтобы привезти его в институт. Мир Кота породил несколько весьма страшных тварей...

Кот. Легко на помине... Именно Кот пересекал равнину — воплощение мощи и гибкости...

Вновь в потоках песка поднялся крель. Кот отступил и начал вытягиваться вверх, передние конечности удлинились. Они сошлись, а Кот пытался оторваться от противника...

На одном ударе барабана картина потускнела. Билли смотрел на антропоморфные фигуры, коней и большую Стоящую Корову. За спиной он слышал плеск воды.

Странно, но за долгие годы он знал и более диковинные вещи и всегда ощущал, что древние места населяет некая сила. Что-то в этом ее проявлении казалось ободряющим, и он воспринял ее как добрый

знак. Билли пропел короткую песню благодарения за видение и повернулся, чтобы продолжить путь. Тени заметно сгустились, а каменные стены теперь были еще выше, и казалось, какое-то время он видел их сквозь радужную дымку.

Назад. Часть его по-прежнему стояла в стороне, но она казалась теперь еще меньше и удаленней. Отрезки жизни между детством и сегодняшним днем стали похожими на сон, мерцающими, и он не заметил, как это произошло. Он начал вспоминать редко употребляемые названия окружающих вещей, которые, как он думал, давно забыл.

Справа от него дождь усилился, хотя тропа по-прежнему была укрыта стеной каньона. Вспышка молнии, казалось, осветила на мгновение красноватый путь, тянувшийся перед ним.

— Крель, крель, — напевал Билли. — Освободить Кота, чтобы убить страгийку. Найти креля, чтобы убить Кота...

Что тогда? Он усмехнулся. Нет ответа на странное видение. Разум играл окружавшими каменными формами. Индейцы Равнины извлекли больше из культа Каменных людей, чем его народ. Но теперь казалось, что он почти мог ухватить внутри этих фигур проблески некоего присутствия. Как звали того бледнолицего философа, который ему нравился? Спиноза. Да. Все сущее живо, все оно связано, внутренне и внешне, повсюду. Очень по-индейски.

— Ха ла тсе кис! — выкрикнул он, и эхо возвратилось к нему.

Зигзагообразные молнии заплясали над кромкой высокой скалы, а когда их зарницы потускнели, он понял, что наступает ночь. Билли ускорил шаг. Хорошо бы миновать каньон Множества Вишен к тому времени, когда воцарится полная тьма.

Почва резко ушла из-под ног, и он начал пробираться через трясины, нащупывая путь перед собой палкой. Потом очистил сапоги и пошел дальше. Он провел ладонью по поверхности камня, ощущая его влажную гладкость и шероховатость. Облизал боль-

шой палец и вновь стал всматриваться в затененные места.

Пока он шел вперед, мгновения приходили и уходили, словно темные волны среди камней. Мимолетные образы вызвали свободные ассоциации — родовые и личностные.

Казалось, они плывут к нему из вторгающейся тьмы, их бушприт разрезал напополам поле его зрения. Это была Скала-Корабль в миниатюре, выходящая на поверхность впереди.

Пока он шагал, они разрастались и заполняли его разум...

Необоримо его отбросило назад. Вновь небо стало голубым стеклом над головой. Ветер был резким и холодным, камни неровными, подъем постепенно становился все круче. Вскоре настанет время связаться веревкой. Они приближались к почти вертикальным вершинам...

Он оглянулся — вот упорно карабкается Дора, ее лицо раскраснелось. Она была хорошей альпинисткой, совершала восхождения во многих горах. Но тут было нечто особое, запрещенное испытание...

Он заскрежетал зубами и проворчал:

— Дура!

Они поднимались на тсе-би-даи — скалу с крыльями. Белые называли ее Шипрок — Скала-Корабль. Ее высота составляла семь тысяч сто семьдесят восемь футов, и она была покорена лишь раз, двести с лишним лет назад. Многие погибли, пытаясь взойти на нее.

А Дора любила восхождения. Правда, что она никогда не предлагала предпринять это, но отправилась вместе с ним. Да, идея была его, а не ее.

Внутренним оком он увидел их крохотные фигурки на лицевой грани скалы — тянущиеся вверх, подтягивающиеся, снова тянущиеся. Его идея. Скажи ему зачем. Скажи Хастиехогану, богу ночи, зачем — чтобы он смог рассмеяться и послать на тебя черный ветер с севера.

Зачем?

Он хотел показать ей, что не боится табу Народа, что он лучше, мудрее, искушеннее Народа. Он хотел показать ей, что на самом деле духовно он не один из них, что он свободен, как она, что он выше подобных вещей, что он смеется над ними. И только много позднее его осенило, что подобная вещь была для нее неважна, что он танцевал танец страха лишь для себя самого, что Дора никогда не считала его ниже себя, что его поступок был необязательным, жалким. Но он в ней нуждался. Она была новой жизнью в новое, пугающее время и...

Когда он услышал ее крик, то насколько мог быстро повернулся и потянулся к ней. Вероятно, дюймов восемь разделяли кончики их пальцев. А потом она исчезла, сорвавшись.

Он видел, как она несколько раз ударилась о камни.

Наполовину ослепленный слезами, он проклинал горы, проклинал богов, проклинал себя. Все кончено. Теперь у него ничего нет. Он был ничем...

Он снова выругался, его взгляд обшаривал участок, где мгновения назад, поклясться можно, помахая хвостом, стоял койот, прежде чем исчезнуть в тени за бугром. К нему пришли отрывки песнопений из древнего огненного обряда Путь Койота:

Я пойду в места, где черные тучи набросятся на меня.

Я пойду в места, где дождь обрушится на меня.

Я пойду в места, где молния ударит в меня.

Я пойду в места, где темные туманы окружат меня.

*Я пойду туда, где плывут радуги и катится
гром.*

Среди росы и пыльцы я пойду.

Они на моих ступнях. Они на моих ногах...

Достигнув точки, в которой, по его мнению, он видел зверя, Билли быстро начал искать в потемках и посчитал, что обнаружил отпечаток лапы. Хотя неважно. Это что-то означало. Что, он сказать не мог.

*Он идет в воде...
По тропе за горами.
Снадобье готово.
...Это его вода,
вода белого койота.
Снадобье готово.*

Миновав каньон Множества Вишен, он был уверен, что Кот в пути. Пусть будет так. Это казалось предопределенным, если не с Котом, гонящимся за ним по пятам, то как-то по-иному. Пусть будет так. Сейчас все выглядело по-другому. Мир слегка исказился, выйдя из фокуса.

Темнота, темнота. Но глаза приспособились и видели с необычайной ясностью. Он пройдет пещеру Голубого Быка. Он продолжит путь. Он на ходу съест свой паек. Он не станет отдыхать. Он создаст еще один ложный след у каньона Троп-Двойняшек. После этого скроет свое продвижение дальше — пойдет в воде.

«Иди за мной, Кот».

Ветер и вода проглатывают гром. Билли смеется, а лицо у него мокрое.

Черное колдовство поднимает меня в руке...

Третий день

Когда позвонили, что Уолтер Сендс умер, Мерси Спендер произнесла молитву. Фишер выглядел подавленным, а Мансин смотрел в окно. Железный Медведь налил чашку кофе, и очень долго никто не произносил ни слова.

— Мне просто хочется домой, — наконец сказал Фишер.

— Но мы же установили контакт с Сингером, — ответила Элизабет.

— Если вам угодно, называйте это так. Он спятил. Он... где-то в другом месте. Его разум пропускает все через фильтр первобытного символизма. Я не могу его понять и уверен, что он не сможет понять меня. Он думает, что находится глубоко под землей, шагая по какой-то древней тропе.

— Так и есть, — сказал Железный Медведь. — Он идет путем шамана.

— Что ты об этом знаешь? — фыркнул Фишер.

— Достаточно, чтобы кое-что понимать, — ответил тот. — Я снова заинтересовался индейскими делами, когда умер мой отец. Я даже вспомнил некоторые вещи, которые давным-давно забыл. Несмотря на образование и путешествия, Сингер не мыслит с совершенно современной точки зрения. По сути, он даже не мыслит как современный индеец. Он вырос почти в последний возможный период и в последнем возможном месте, где жили в окружающей среде, близкой к неолиту. Поэтому он отправился к звездам. Часть же его всегда находилась там, в этих безумных

каньонах. И когда-то он был шаманом — настоящим. Несколько дней назад Сингер преднамеренно собрался вернуться к этой своей части, поскольку думал, что это ему поможет. Теперь она им овладела — после стольких-то лет сдерживания и подавления, — и возвратилась она с мстью. Так я думаю. Я читал пленки о навахо с тех пор, как узнал о нем, в любую, выдающуюся здесь свободной минуту. Они весьма отличны от других индейцев, даже от своих соседей. Но они занимаются определенными вещами, имеющими общее со всеми нами. А шаман частенько спускается под землю, когда дела действительно плохи.

— «Нами»? — спросил Мансин с улыбкой.

— Оговорка, — ответил Железный Медведь.

— Так ты считаешь, что этот злобный инопланетный зверь гонится за сумасшедшим индейцем, — заявила Мерси. — И мы только что узнали, что власти не пойдут вслед за ними в каньоны, поскольку местность в такую погоду ведет себя слишком предательски. Похоже на то, что мы ничего не можем сделать. Даже если мы скоординируемся в качестве группового разума, зверь, по-видимому, способен очень сильно дать нам сдачи. А Сингер не в состоянии нас понять. Возможно, мы должны отправиться восвояси и позволить им разобраться между собой.

— Было бы совсем другое дело, если мы могли бы что-нибудь предпринять, — сказал Фишер, становясь рядом с Железным Медведем. — Я начинаю видеть, как ты относишься к этому парню, но какого черта? Если ты мертв, лежи и не рыпайся.

— Мы могли бы атаковать зверя, — тихо сказал Железный Медведь.

— Чертовски умно! — фыркнул Мансин. — У нас нет ключа к его разуму. Он просто отмахнется от нас, как в последний раз. Кроме того, затея с массовым разумом кажется весьма рискованной. В действительности, не слишком много было сделано в этом направлении, и стоит ли впутываться? При любом анализе прибыли и стоимости получаем очень мало при неизвестном риске.

Железный Медведь встал и направился к двери.

— В жопу ваши анализы прибыли и стоимости, — сказал он, выходя из комнаты.

Фишер рванулся было за ним, но Элизабет перехватила его взгляд.

— Пусть идет. Он раздражен. Ты же не хочешь драться с другом. Сейчас тебе ему нечего сказать.

Фишер остановился у двери.

— Я не мог дотянуться до него туда, не могу дотянуться до него сейчас, — сказал он. — Знаю, он безумен, но... Не знаю. У меня ощущение, что он может совершить нечто идиотское.

— Наподобие чего? — спросил Мансин.

— Не знаю. Просто вот так. Может, мне лучше...

— Он немного поразмыслит, — сказал Мансин, — а потом вернется и «попытается» нас во что-нибудь втянуть. Может, следует согласиться на попытку установить контакт с Сингером и заставить его направиться в какое-нибудь безопасное место, где его можно будет подобрать. Могло бы сработать.

— У меня ощущение, что это не сработает, но пока лучшего предложения я не вижу. Откуда мы узнаем, где находится надежное место?

Мансин какое-то время размышлял, потом сказал:

— Этот друг Сингера, лесничий. Желтое Облако. Он должен знать. Где распечатка с его номером?

— Ее брал Железный Медведь, — припомнила Элизабет.

— Ее нет на его кресле. Да и на столе нет.

— Ты не думаешь?..

— *Железный Медведь, погожди!* — послала зов Элизабет. — *Мы собираемся помочь! Вернись!*

Но ответа не было.

Они бросились к лестнице.

Его не было нигде во всей усадьбе, и они догадались, что он перенесся с помощью одной из кабин на первом этаже. Они достали номер через справочное, но дома у Желтого Облака никто не отвечал. Лишь через полчаса, когда они обедали, кто-то заметил, что из помещения охраны пропало ружье.

ПЕТРОГРАФФИТИ

КОЙОТ КРАДЕТ ГОЛОСА У ВСЕХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Ничто не было способно двигаться после того, как койот выкрал из мира звук. До тех пор, пока его не убедили воззвать к жизни Солнце и Луну, издав сильный крик и возвратив на землю шум

НАЙЕНЕСГАНИ ПРОДОЛЖАЕТ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

В Тсе-а-хайльдехе обломок камня, принесенный из преисподней, имел привычку разваливаться надвое, образуя пару скал, и вновь смыкаться, когда между ними проходили путники. Сегодня Найенесгани решил эту проблему посредством бесхитростного использования куска лосиного рога

ВЕТЕР — КРОЛИК — 7:2.

УСПЕХ СОПУТУЕТ ХОЗЯЕВАМ

Слышали, как Кецалькоатль, прибывший сегодня утром в Тулу, заметил: «У каждого человека свой собственный кролик». Фраза была воспринята как хороший знак местным населением, которое ответило маисовыми лепешками, цветами, благовониями, бабочками и змеями

*Коммивояжер,
проездом*

КИТ КАРСОН, ОТПРАВЛЯЙСЯ ДОМОЙ

Я УБИЛ ТРЕХ ОЛЕНЕЙ, ПЕРЕБЕЖАВШИХ ДОРОГУ

СПОРЮ, ОНИ БЫЛИ ХРОМЫЕ

ПЕВЦЫ ПЕРЕХОДЯТ НА РАЗНОЦВЕТНЫЙ ПЕСОК

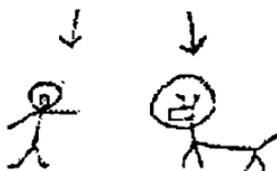
**НЕДАЛЕКО ОТСЮДА ЧЕТВЕРО ИНДЕЙЦЕВ-АПАЧИ
УБИЛИ ОДНОГО НАВАХО**

ВОТ КАК МНОГО ТРЕБУЕТСЯ

ПАУЧИХА ДЕМОНСТРИРУЕТ НОВОЕ ИСКУССТВО

«Думаю, я назову это текстиль», — сказала она, когда ей задали вопрос относительно

**В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ФОН ДАНИКЕН СКАЖЕТ,
ЧТО ЭТО КОСМОНАВТ**

НЕПРИЯТНОСТИ В ФОРТЕ САМНЕР

**ПЕРЕМЕНЧИВАЯ ЖЕНЩИНА ОЗАДАЧЕНА
ПОВЕДЕНИЕМ СЫНОВЕЙ**

«Полагаю, они унаследовали это от отца», — по слухам, заявила она, когда ей рассказали о самом последнем

**БИЛЛИ ЧЕРНЫЙ КОНЬ СИНГЕР
И ЕГО ЧИНДИ ПРОШЛИ ЭТИМ ПУТЕМ,
ПОСЛЕ ПЕРВОГО ТАЙМА СЧЕТ 0 : 0**

ЧЕРНЫЙ БОГ НАБЛЮДАЕТ

ЖЕЛТОЕ КОЛДОВСТВО ПОДНИМАЕТ МЕНЯ В РУКЕ

Когда Железный Медведь оказался в транс-кабине дома Желтого Облака, первое, что он увидел и что привлекло его внимание, был дробовик в руках другого человека, направленный ему в живот с расстояния приблизительно в шесть футов.

— Брось ружье, — сказал Желтое Облако.

— Конечно. Не нервничайте, — ответил Железный Медведь, выпуская оружие из руки. — Почему вы направляете на меня эту штуку?

— Ты индеец?

— Да.

— Ха-ат-иш биниинаа йинийа?

Железный Медведь покачал головой.

— Я вас не понимаю.

— Ты не навахо.

— Никогда этого не говорил. Фактически, я — сиу. Хотя не знаю и того языка. За исключением, может, нескольких слов.

— Я произнесу по-английски: зачем ты сюда пришел?

— Я же сказал по телефону. Мне нужно найти Сингера или существо, которое его преследует.

— А может, ты его преследуешь? Здесь легко избавиться от трупа, особенно в это время года.

Железный Медведь почувствовал, как лоб у него покрылся испариной, когда он прочитал мысли другого человека.

— Погодите. Я хочу помочь этому парню. Но это длинная история, и я не знаю, сколько у нас есть времени.

Желтое Облако стволом указал на стул.

— Садись. Хотя сперва скатай ковер и убери его с дороги. Страшно не хотелось бы запачкать вещь с Двух Серых Холмов.

Выполняя требование, Железный Медведь изо всех сил пробовал проникнуть за поток сознания. Когда он нашел искомое, то был не уверен, сможет ли выговорить эти слоги, но попытался.

— Что ты сказал? — спросил Желтое Облако, ствол оружия слегка колебался.

Он повторил тайное имя Желтого Облака.

— Откуда ты его узнал? — спросил тот.

— Прочитал его в мозгу. Я — паранормален. Вот почему я вообще оказался вовлечен в это дело.

— Вроде знахаря?

— Полагаю, в старину я бы им и был. В любом случае, существует наша группа, и мы выслеживаем тварь, которая выслеживает Сингера. Сейчас остальные хотят прекратить этим заниматься, но я не прекращу. Вот почему мне нужна ваша помощь.

Пока он говорил, дождь пошел снова. Когда зазвенел телефон, Желтое Облако его отключил. После он приготовил кофе.

Казалось, он вбегал теперь в недра земли. Все темнее и темнее. Вскоре ему пришлось замедлить шаг. Окружающий мир почти полностью исчез, за исключением звуков — ветра, воды, его барабанищих по земле ног. Теперь медленнее. Да. Вот.

Впереди. Что-то среди тех деревьев. Неподвижное. Свет.

Оказалось, что это... Нет. Невероятно. Однако. Вот же она. Транс-кабина. Он был уверен, что инструкции запрещают устанавливать их в каньоне.

Он подошел ближе. Определенно, это выглядело как транс-кабина — там, среди деревьев. Он добрался до нее и заглянул внутрь.

Вот только какая-то непонятная. Нет щели для кредитной карточки. Неизвестно, как набирать координаты.

Билли вошел и изучил ее более тщательно. Единственная странная красно-белая пятнистая кнопка. Не мудрствуя лукаво, он выставил большой палец и нажал на нее.

Радужная пелена закружилась у него перед глазами и исчезла. Он огляделся. Ничего не изменилось. Он никуда не был транспортирован. Однако...

Теперь каньон заливал бледный свет, будто над головой висела полная луна. Но луны не было.

Он еще раз посмотрел на кабину и впервые увидел маркшейдерский знак на стенке. Тот гласил: «МИР ДУХОВ». Билли пожал плечами и пошел прочь. Кроме освещения, похоже, ничего не изменилось.

Шагов через двадцать он обернулся и посмотрел назад. Кабина исчезла. Группа деревьев серебрилась у него за спиной, лишенная какого-либо сверхъестественного присутствия. Справа блестела рябь текущей воды. Дождь, падавший на нее, казалось, нисходил очень медленно — скорее насыщенная морось, нежели ливень. А очередная вспышка молнии напоминала стилизованную надпись на небе.

Тропа, которой он должен следовать, была отчетливо видна. Он ступил на нее, и, пока шел, ветер пел ему путеводную песнь.

Он быстро двигался до изгиба каньона, потом медленнее, так как склон сузился и стал круче. Перепрыгнул на более широкий выступ, тогда как его путь начал извиваться, и вновь поспешил по нему вперед.

Завернув за поворот, он увидел впереди справа очертания человеческой фигуры, стоящей на противоположном берегу потока, на самой стрелке отмели, вдававшейся в воду. Человек этот показался ему чем-то знакомым, и его окружало некое свечение, что встревожило Билли.

Приближаясь к нему, он замедлил шаг, поскольку человек смотрел прямо на него. Какое-то время он

находился в нерешительности, как к нему обратиться, поскольку не мог припомнить обстоятельств их знакомства, а встреча здесь поразила его своей странностью. Потом он внезапно вспомнил, но к этому времени другой уже поприветствовал его.

Он остановился и поздоровался.

— Ты далеко от дома, — сказал он потом, — от того места, где я встретил тебя всего лишь на днях, в горах, где ты пас овец.

— Да, — ответил другой, — ибо я умер в тот самый вечер.

По затылку у Билли пробежал холодок.

— Я тебе ничего не сделал. Зачем ты вернулся и беспокоишь меня?

— Я не возвращался, чтоб беспокоить тебя. По сути, я вообще не возвращался. Ты сам нашел путь сюда. Я не причиню тебе вреда.

— Не понимаю.

— Я велел тебе следовать извилистому пути, — сказал старый певец, — и вижу, ты так и поступил. Очень извилистому. Это хорошо.

— Не совсем, — ответил ему Билли. — Мой чинди по-прежнему гонится за мной по пятам.

— Твой чинди повернул направо, а не налево, пойдя по ложной тропе в Черноскальном каньоне. На некоторое время ты в безопасности.

— Прекрасно, — сказал Билли. — Может, я сумею сделать это еще раз.

— Вероятно. Но что именно ты делаешь?

— Я следую тропе.

— И она привела тебя сюда. Неужели ты думаешь, что мы повстречались случайно?

— По-моему, нет. А ты знаешь, зачем мы встретились?

— Я знаю лишь то, что хотел бы научить тебя старой песне силы.

— Отлично. Я принимаю любую помощь, которую могу получить, — сказал Билли, оглядываясь назад на тропу. — Хотя надеюсь, она не очень длинная.

— Нет, — ответил старый певец. — Теперь слушай внимательно, ибо я смогу спеть ее для тебя только трижды. Спеть ее четыре раза означает заставить ее действовать.

— Да.

— Хорошо. Вот эта песня...

Старик начал петь песню вызывания Икне-этсо, за которой Билли следил, которую понимал и которую выучил, в третий раз прослушав. Когда певец закончил, он его поблагодарил, а потом спросил:

— Когда я должен воспользоваться этой песней?

— Сам поймешь, — ответил старик. — Следуй теперь своему извилистому пути.

Билли попрощался и пошел дальше по северному склону. Он хотел было оглянуться, но на сей раз не стал этого делать. Он двигался по искрящемуся каньону, а картины иных миров и его жизни в больших городах вставали и накладывались на окружающие пейзажи, пока не начало казаться, будто вся его жизнь расплавилась и смешалась здесь.

Билли миновал толпу стоящих камней, а у них у всех, казалось, были лица с открытыми ртами, поющими песни ветра. Все они были неподвижны, но и у дальнего края группы что-то вышло из тьмы.

Человек, очень знакомый человек, который встал, прислонившись к последнему певцу ветра, и улыбнулся. Одежда его соответствовала писку моды, волосы были уложены, а руки ухожены.

— Привет, Билли, — сказал он по-английски, а голос был его собственный.

Тогда он увидел, что этот мужчина есть он сам, каким он мог бы быть, не вернись он никогда в это место.

— Верно. Я — твоя тень, — сказал другой. — Я — часть тебя самого, на которую ты решил не обращать внимания, которую отбросил, когда выбрал возвращение к полудивилизованному, поскольку боишься стать мной.

— Мне бы понравилось быть тобой?

Другой пожал плечами.

— Думаю, да. Время и шанс — вот и все. Вы с Дорой, в конечном итоге, переехали бы в город после того, как ты доказал для собственного удовлетворения, каким свободным ты стал. У тебя был шанс, и ты его упустил. Если бы тебе сопутствовал успех, ты пошел бы этой дорогой. Время и шанс. Восемь дюймов пространства. Вот такой ерундой ломается жизнь.

— Ты говоришь, что, если бы я доказал, каким свободным я стал, я бы в действительности по-прежнему не был свободен?

— Что есть свобода? — подхватил другой, а вокруг его головы образовалось слабое зеленое свечение. — Полагаю, двигаться по хорошим дорогам. А ты себя ограничил. Я — это путь, по которому ты не пошел, важный путь. Я мог бы быть частью тебя — спасающей частью, но ты в своей гордыне пренебрег мною.

Он вновь улыбнулся, и Билли увидел, что у двойника выросли клыки.

— Я тебя узнаю, — сказал тогда Билли. — Ты — мой чинди, мой настоящий чинди, не так ли?

— А если и так, — ответил другой, — и если ты считаешь меня злом, то ты видишь меня таким по ошибке. Я — твое отрицательное «я». Не лучше, не хуже, а лишь неосуществленное. Ты призвал меня давным-давно, убежав от части самого себя. Ты не можешь уничтожить отрицание.

— Давай посмотрим, — сказал Билли, поднимая лазерный обрез и нажимая на спуск.

Вспышка света прошла сквозь его двойника без какого-либо видимого эффекта.

— Так со мной бороться нельзя, — сказал другой.

— Тогда иди к черту! Почему вообще я должен с тобой бороться?

— Потому что я могу тебя уничтожить.

— Тогда чего же ты ждешь?

— Я еще не достаточно силен. Так что продолжай убежать, продолжай прятаться в первобытное, а я буду набираться сил. Потом, когда мы снова встретимся, — он бросился на четвереньки и стал напоми-

нать Кота с единственным мерцающим глазом, — я стану твоим противником под любым именем.

Билли выхватил тазер и выстрелил. Тот исчез в теле другого, и другой вновь стал его двойником и, поднявшись, ринулся на него. Кабель с острием упал на землю и автоматически смотался.

Билли провел удар левой, и казалось, кулак с чем-то соприкоснулся. Двойник рухнул на землю. Билли повернулся и бросился бежать.

— Да, убегай. Давай мне силу, — крикнул ему вдогонку другой.

Оглянувшись, Билли увидел лишь слабое зеленоватое свечение рядом с певцами ветра. Он продолжал двигаться очень быстро, пока оно не исчезло при очередном повороте. Голоса певцов ветра стихли. Он вновь замедлил шаг.

Каньон опять стал просторнее, ручей расширился и потек медленнее. Казалось, в воде он видел искаженные лица и звериные морды.

Теперь он чувствовал себя предметом пристального изучения. Это ощущение усиливалось, и он огляделся, ища источник среди мимолетных образов, возникавших среди теней и воды.

— *Кот?*

Ответа не было, что ничего не означало. Но не было и передачи мрачных предчувствий — если только они не терялись в эмоциональной суматохе.

— *Кот? Если это ты, давай грать. Теперь когда угодно. Я готов.*

Потом он миновал острый выступ на стене каньона и понял, что чувствовал не присутствие Кота. Ибо сейчас он созерцал странное существо, рассматривавшее его, появление которого запутало ощущения.

Оно напоминало гигантский тотемный столб. Его народ никогда не делал тотемных столбов, те имели отношение к народам северо-запада. Однако этот, казалось, чем-то соответствовал моменту, если не подходил к месту. Он вздымался ввысь и имел четыре лика — а возможно, и смутно видимый пятый на самом верху.

Это были лица двух женщин — одной полной, другой худой, и двух мужчин — одного черного, другого белого. А над ними, казалось, парило, словно дымка, улыбающееся мужское лицо. Их взгляды были направлены на него, и он понял, что созерцает не резьбу, а живые существа.

— Билли Черный Конь Сингер, — обратился к нему голос среднего рода.

— Слышу тебя, — ответил он.

— Ты должен прервать здесь свое путешествие.

— Почему?

— Твоя миссия выполнена. Дальнейшим бегством ты ничего не добьешься.

— Кто вы? — спросил он.

— Мы — твои духи-хранители. Мы хотим оберечь тебя от твоего преследователя. Поднимайся здесь по стене. Жди наверху. Тебя там через некоторое время встретят и переправят в безопасное место.

Взгляд Билли переместился со столба на землю под ногами и перспективу впереди.

— Но я по-прежнему вижу в этом каньоне свою тропу. Я не должен ее здесь оставлять.

— Это ложная тропа.

— Нет. Уж это-то я знаю: я должен следовать по ней до конца.

— Там находится смерть.

Он вновь какое-то время молчал.

— Все же я должен следовать по ней. Одни вещи важнее других. Даже смерти.

— Что это такое? Почему ты должен следовать по данной тропе?

Он несколько раз глубоко вздохнул и продолжил пристально смотреть на землю, будто увидев ее впервые.

— Я ожидаю в конце тропы самого себя, такого, каким должен быть. Если же я не пойду по этой тропе, произойдет смерть иного рода... Худшего, по-моему, — добавил он.

— Мы не в силах тебе помочь, если ты продолжишь путь.

— Значит так и должно быть. Спасибо за попытку.

— Мы слышим тебя, — сказал тотем, медленно погружаясь в землю, — лицо за лицом ускользали из вида под камень, пока на мгновение не мелькнуло последнее, смутно видимое лицо, похоже, улыбающееся ему.

— Тогда играй, — как показалось, прошептало оно и затем тоже пропало.

Билли потерял глаза, но ничего не изменилось. Он пошел дальше.

*...Я шагаю по невидимой гуте,
ноги готовы нести меня куда угодно.*

исходи нфра место вод ткущих прочь столовой
наверх ом ехать еперь ккаждому где пять еперь четы-
ре врозьврозь конь на горе дух разрос лис я в телокол
как поводы ткущие сть несколько стен припирать и
тупак наших глав сортировать сестры в небе старики
под землей а след койота впереди тень черной птицы
повсюду и братодин в чансе разумов не в розвроз-
взорвзор

— Боже мой! — воскликнула Элизабет, откидываясь на спинку кресла.

Алекс Мансин налил стакан воды и залпом его выпил.

— Да, — сказал Фишер, массируя себе виски.

У Мерси Спендер начался приступ кашля, длившийся с полминуты.

— Ну и что? — тихо спросил Фишер.

Мансин покачал головой.

— Не знаю.

— Железный Медведь был прав насчет того, что, по его мнению, Сингер находится в ином мире, — сказала Элизабет. — Мы не можем им управлять.

— К черту, — сказал Фишер. — Мы пытались, и мы пробились, даже если он превратил нас в тотем. Вы же знаете, меня волнует не это.

— Там был он, — заявила Мерси, — в духе.

— Кто-нибудь, позвоните в больницу и удостоверьтесь, что Сендс действительно умер, — сказал Фишер.

— Не понимаю, как они могли ошибиться, Чарльз, — сказала Элизабет. — Но Мерси права. Он каким-то образом был с нами, и кажется, будто он по-прежнему где-то поблизости.

— Да, — вставила Мерси. — Он здесь.

— Вам не нужны спиритуалистские гипотезы, чтобы описать то, что, по-моему, произошло, — наконец заявил Мансин.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Элизабет.

— Просто воспоминание о том, как он умер. Мы все были вместе, функционируя как единая сущность, в которой понимаем очень мало. По-моему, травма, связанная с его смертью, послужила созданию чего-то вроде голографии разума в нашем общем сознании. Когда мы разделились, оно ослабло, но все мы носим более бледные варианты — вот почему нам кажется, что мы ощущаем его присутствие. Когда мы только что воссоздали эту общую сущность, повторного сочетания черт стало достаточно для воспроизводства, так сказать, полной функционирующей копии его разума.

— Ты видишь его как особый вид памяти, когда мы находимся в этом состоянии? — спросила Элизабет. — Ты думаешь, она в конце концов сотрется?

— Кто знает?

— Так что же нам теперь делать?

— Предлагаю через определенные промежутки времени контролировать Сингера, — сказал обстоятельно Мансин, — и повторить наше приглашение наверх, если он доберется до какой-нибудь примечательной точки на местности.

— Он и дальше будет отказываться. Ты же видел, какой у него ментальный настрой.

— Вероятно... если не произойдет ничего, что его изменит. Но мне вспоминаются слова Железного Медведя. Он имеет право на этот шанс, и, кажется, мы единственные, кто может его ему дать.

— Только не просите меня снова преследовать этого зверя. Одного раза хватило.

— Я и сам не слишком стремлюсь дотронуться до него.

— Как насчет Железного Медведя?

— Что насчет него?

— Не должны ли мы попробовать войти с ним в контакт и дать ему знать, чем занимаемся?

— Зачем? Он — сумасшедший. Он просто от нас отгородится. Пусть сам позовет нас, когда будет готов.

— Я бы не желал увидеть, как он сотворит какую-нибудь глупость.

— Наподобие чего?

— Наподобие погони за этим существом.

Мансин кивнул.

— Возможно, ты прав. Я по-прежнему не думаю, что он послушается, но...

— Он мог бы послушаться меня, — сказал Фишер, — хотя я не уверен, что смогу дотянуться до него на таком расстоянии.

— Почему бы не определить местоположение ближайшей к этому каньону транс-кабины и не отправиться туда? — предложила Элизабет. — Вероятно, это все намного упростит.

— А разве они есть в индейских резервациях? — спросила Мерси.

— Давайте расскажем все Теддерсу и соберем свои вещи. Встретимся здесь через пятнадцать минут, — сказал Фишер.

— Уолтер тоже считает: мысль хорошая, — кивнула Мерси.

*Опасно там,
где иду
в своих мокасинах, гамашах и рубахе
из черного обсидиана.
Ремень мой — черная стрельная змея.
Черные змеи кольцами возвышаются
над головой.*

*Зигзагообразная молния слетает
с моих ступней,
моих коленей,
моего глаголющего языка.
Я ношу диск из пыльцы на голове.
Ее едят змеи.
Опасно там, где иду.
Я становлюсь чем-то ужасным.
Я емь смерч
и серый медведь.
Молния сверкает вокруг меня.
Опасно там,
где иду.*

— Я высадил его вот здесь, — сказал Желтое Облако, тыча в точку на карте, и Железный Медведь кивнул, смотря вниз на очертания длинного, растянувшегося в обе стороны каньона.

Дождь, переходящий в снег, барабанил по электромобилю, припаркованному у кромки каньона. Железный Медведь рассеянно поднял воротник одолженной куртки. «Подходит отлично. К счастью, у нас один и тот же размер», — решил он.

— Я понаблюдал какое-то время, — продолжил Желтое Облако, — чтобы удостовериться, что Билли нормально спустился. Так оно и было, и затем он направился на восток. — Его палец двинулся по карте и снова остановился. — Тут, в этой точке, он мог повернуть в Черноскальный каньон или продолжать идти по каньону дель-Муэрто. Ты что думаешь?

— Я? Откуда я знаю?

— Ты же колдун. Ты не можешь подержать над картой прутик, или еще нечто в этом роде, и сказать?

Железный Медведь изучил карту более внимательно.

— Не наверняка, — произнес он, — но я чувствую, что Билли там, внизу. Хотя каменные стены для меня просто каменные стены, смотрю ли я сквозь них его глазами или своими. Однако... — Он положил палец на карту и стал его передвигать. — Думаю, Билли продолжил путь по дель-Муэрто. Ему требовалось большое пространство, а Черноскальный, похоже, слишком быстро заканчивается тупиком.

— Хорошо-хорошо. Я тоже чувствую, что он пошел туда. Я бы сказал, он заранее и преднамеренно выбрал какое-то место. — Желтое Облако сложил карту, выключил внутренний свет и завел мотор. — Поскольку мы пришли к единому мнению, — сказал он, поворачивая руль, — спорю, я могу сэкономить какое-то время. Спорю, если мы направимся по кромке, минуем то ответвление и спустимся в дель-Муэрто, мы найдем его тропу, ведущую вдоль одной из стен.

— Будет темно.

— У меня есть очки и фонарики невидимого света. Во всем спектре.

— Ты не способен вычислить, где он может сейчас быть и как быстро он может двигаться?

— Спорю, я могу прикинуть очень точно. Но мы же не хотим упасть ему сейчас прямо на голову.

— Почему бы и нет?

— Если его что-то преследует, он, вероятно, будет стрелять по всему, что к нему приближается.

— Резонно.

— Поэтому мы спустимся в районе пещеры Множества Грифов и пещеры Голубого Быка — перед тем как каньон расширится. Легче будет найти тропу там, где он узок. Затем мы будем пренебрегать любыми ложными знаками, ведущими в каньон Троп-Двойняшек, и начнем его нагонять.

Ветер колотил по маленькой машине, пока электромобиль пробирался по бездорожью, постоянно поворачивая в разные стороны, чтобы обогнуть валуны и внезапно возникающие уклоны.

— ...Потом, думаю, мы просто снабдим его дополнительной огневой мощностью.

— Мне бы хотелось сделать попытку отговорить его, — сказал Железный Медведь.

Желтое Облако рассмеялся.

— Конечно. Отговоришь Билли!

Железный Медведь просмотрел его мысли, увидел, какое этот человек производит впечатление.

— Ладно, — сказал он. — На худой конец, в Патруле ВГ я научился стрелять.

— Ты служил в Патруле ВГ? Я чуть не записался туда.

— Что помешало?

— Да в последний момент подумал, что у меня в этих жестянках в небе начнется клаустрофобия. Мне нравится видеть все далеко впереди.

Какое-то время они молча ехали сквозь тьму со смутными очертаниями, снежинки кружились в лучах фар, снег переходил в дождь, тот опять в снег.

— Эта тварь, что его преследует, — произнес затем Желтое Облако, — ты говоришь, она такая же смышленная, как человек?

— Ага, по-своему. Может, смышленнее.

— Знаешь, у Билли все еще может быть преимущество. Вероятно, он расствирепеет, увидев нас.

— Этот зверь гнался за ним по всему миру. Он создан для убийства.

— Даже Кит Карсон боялся входить в эти каньоны следом за навахо. Ему приходилось морить нас голодом в середине зимы.

— Чем он был так напуган?

— Местность просто создана для устройства засад. Любой, кто знает эти места, мог бы сдерживать превосходящие силы противника — или даже уничтожить их.

— Этот зверь в состоянии читать мысли.

— Вот он и прочитает, что кто-то впереди ждет, чтобы его убить. Не обязательно уметь читать мысли, чтобы это знать. А если продолжит идти дальше, это может произойти.

— Он способен менять облик.

— Для того чтобы приблизиться к жертве, ему все равно нужно двигаться. А это делает его мишенью. Билли сейчас вооружен. Взять его будет не так легко, как ты, похоже, думаешь.

— Тогда почему же ты решил поехать?

— Мне не нравится смотреть на то, как какой-то посторонний преследует навахо на нашей земле. И я не мог бы допустить, чтобы сиу первым выстрелил по врагу.

«Без Желтого Облака мне бы здесь была грош цена, — сказал себе Железный Медведь. — Даже местные дети наверняка знают больше моего о передвижении по этой местности, о выслеживании, охоте, выживании. Сраный идиот я, что вообще в это ввязался — физически. Единственное, что я знаю о том, что значит быть индейцем, получено на Аляске, а это было давным-давно. Так почему же я здесь? Я все говорю, что мне нравится Сингер, но почему? Потому что он своего рода герой? На самом деле, не думаю, что из-за этого. Скорее, потому что он — старомодный индеец и потому что таким мог быть мой отец. По крайней мере, я о нем так думаю. Может, я пытаюсь покрыть некий долг, некую вину? Возможно. И у всей моей музыки были индейские ритмы...»

Машина замедлила ход, въезжая в укрытие среди обнаженной породы, и там остановилась. Снего-

пад вновь превратился в дождь — холодную, занудную морось.

— Приехали?

— Почти, — ответил Желтое Облако. — Рядом есть легкий спуск. В общем, сравнительно легкий. Давай я достану фонарики и покажу тебе.

Выйдя из машины, они надели небольшие ранцы и повесили на плечи оружие. Желтое Облако направил луч фонаря на каньон.

— Следуй за мной, — сказал он. — Пару лет назад здесь произошел оползень. Получилась своего рода тропа. Мы будем лучше укрыты, когда достигнем дна.

Железный Медведь встал ему в затылок, и они начали двигаться к кромке каньона. Дна не было видно, а камни непосредственно впереди казались острыми и скользкими. Он ничего не сказал, и вскоре они начали спускаться.

Желтое Облако освещал путь.

Пока они двигались вниз, дождь ослаб, а на полпути, когда они оказались под образованной стеной козырьком, и вообще прекратился. Камни стали суше, скорость спуска возросла. Железный Медведь прислушивался к ветру и шуму дождя.

Двигаясь от камня к камню, он через некоторое время начал гадать, существовало ли в самом деле дно. Стало казаться, будто они спускались вечно, а оставшееся время будет простым повторением предыдущих движений.

Тут он услышал крик Желтого Облака: «Пришли!», и вскоре обнаружил себя на дне каньона — каменные образования искажались и перетекали в невидимом спектре.

— Остановись на минутку, — сказал Желтое Облако. — Мне не хочется перепутать следы... Ты не можешь повернуть свой трюк и сказать, нет ли кого-нибудь поблизости?

— Кажется, нет, — ответил Железный Медведь пару минут спустя.

— Ладно. Я собираюсь некоторое время пользоваться здесь обычным фонариком. Как-то спокойнее, пока видишь, что можешь предпринять.

Прошло несколько минут, в течение которых Железный Медведь наблюдал, как медленно передвигался луч фонарика Желтого Облака, тогда как тот изучал почву, удаляясь все дальше вперед, переходя слева направо и возвращаясь обратно. Наконец Желтое Облако остановился. Его фигура выпрямилась. Он жестом попросил Железного Медведя подойти, а потом зашагал вперед.

— Что-нибудь нашел? — спросил Железный Медведь, догоняя его.

— Билли проходил здесь. Видишь?

Железный Медведь кивнул, разглядывая землю. Он ничего не увидел, но прочитал распознавание признаков в разуме другого человека.

— Как давно он здесь был?

— Не могу сказать наверняка. Хотя на самом деле неважно. Пошли.

Они около четверти часа двигались молча, прежде чем Железный Медведь додумался спросить:

— А ты видел какие-либо признаки преследователя?

— Нет. Тут есть следы собак и больше ничего. Как мне говорили, зверь не может быть такого размера.

— Да. Масса у него гораздо больше.

Желтое Облако проигнорировал ложные следы у каньона Троп-Двойняшек и продолжил идти в северо-восточном направлении главного ущелья.

Равномерное передвижение обладало неким гипнотическим свойством — разворачивающаяся тропа с камнями, лужами, грязью и кустарником. Холод не был таким сильным, каким мог бы быть, поскольку ветер стих, но ооченелость, которую Железный Медведь начал ощущать, являлась скорее ментальной. Рядом плескалась и журчала вода. Его руки размахивались, а ноги шагали почти машинально.

— ...Да, да, да, да, да, да, да, да...

Казалось, ветер разговаривал с ним, казалось, говорил ему в течение долгого времени успокаивающие, усыпляющие слова в установившемся режиме движений.

— *Баю-баю-баю-бай. Да, всегда, вчера, пора, отдыхай...*

Это нечто большее, чем ветер и ритм, внезапно понял он. Был кто-то...

— *Да. Да.*

Сила. Чернота. Смерть. Он шел за ним по пятам. Этот зверь. Это существо. Оно приближалось.

— *Да. Да.*

А он ничего с этим не мог поделать. Он даже не мог замедлить шаг, не говоря уже о том, чтобы отклониться от курса. Оно полностью держало его в своей власти и настолько ловко управляло им, что он даже не ощущал его вкрадчивого присутствия. До сих пор, когда стало уже чересчур поздно.

— *Да. Да, сын городов. Ты кажешься отличающимся от того другого, а вы оба преграждаете мне путь. Продолжай шагать. Я скоро вас догоню. Тогда это станет неважно.*

Железный Медведь еще раз попробовал свернуть, но мышцы отказывались повиноваться. Он почти нащупал разум Желтого Облака, чтобы увидеть, стал ли другой человек осознавать свое состояние. Однако что-то ему помешало. Эта тварь, где-то сзади, осуществляла некий телепатический контроль над его нервной системой. Он не мог различить, читает ли зверь, к тому же, его мысли. Вероятно. Ему хотелось, если возможно, скрыть собственные телепатические способности от сознания зверя. Почему — трудно определить наверняка.

Но он чувствовал...

Сзади донесся какой-то звук. Казалось, катится сорвавшийся со скалы камень. Железный Медведь понял: если через считанные мгновения он не высвободится, ничто, им ощущаемое, не будет иметь значения. Все будет кончено. Все. Зверь, которого Сингер называл Котом, почти добрался до него.

Ноги продолжали совершать медленные, равномерные движения. Он попытался мысленно представить Кота, но не сумел. Злобная тень, движущаяся волнообразно... большой глаз, плывущий, словно луна... Образы приходили и уходили. Казалось, ни один не соответствовал приближающемуся зверю — сильному, бесстрашному...

Бесстрашному?

Некий образ выскочил у него в голове вперемешку с вопросом: насколько сильно ментальное впечатление, которое он смог бы оказать? Фишер мог с легкостью творить осязаемые на вид иллюзии. Получится ли хоть какая-то толика правдоподобия, если этот образ подкрепится всем, что у него есть? Вероятно, вполне достаточно, чтобы привести в замешательство?

Хотя в действительности промежутка между идеей и попыткой не было. Размышления шли одновременно с усилием — обыкновение рефлексивной его части.

Песчаный участок, по которому он только что прошел... Он спровоцировал картину вздымающегося песка и поднимающейся вверх сверкающей треугольной фигуры, устремляющейся вперед, тянущейся, чтобы обхватить его преследователя...

— *Крель! Крель!* — посылал он сообщение, сосредоточиваясь, чтобы добиться совершенного изображения.

И остановился, ощущая приходящие сзади волны паники, осознавая, что опять управляет собственными движениями, осознавая к тому же, что Желтое Облако остановился.

— *Крель!*

Но даже усилив образ всеми ощущениями злости и ужаса, с которыми он недавно познакомился, даже скинув с плеча разрывное ружье и взяв его в руку, Железный Медведь понимал, что, хотя его движения теперь являются его собственными, он боится выполнить неизбежный поворот и встретиться лицом к лицу с существом, стоявшим позади.

Выстрел из оружия Желтого Облака рассеял его паралич. Он развернулся, держа ружье на изготовку.

Кот в луче фонарика Желтого Облака из стоячего положения упал на землю, а этот жуткий глаз, казалось, уставился на его собственный, выжигая, сверля.

Он нажал на спуск, дернув ружье, и грязь с галькой полетели с линии, прочерченной мини-взрывами, перед зверем.

Желтое Облако выстрелил еще раз, и Кот рванулся вперед. Железный Медведь приподнял ствол ружья и опять спустил курок.

Разрывы прошли волнистую линию по плечам и шее Кота.

А потом все смолкло и почернело, когда он ощутил прикосновение тела Кота к своему собственному телу.

Они сидели или лежали в своих номерах в «Вигваме Птицы Грома» недалеко от устья каньонов. Хотя создавалось впечатление, будто все они находятся вместе в одной комнате, ибо стены не препятствовали их беседе.

— Ну? — спросила Элизабет. — Что ты узнал?

— Я попробую еще раз, — ответил Фишер. — Подожди пару минут.

— Ты занимался этим уже порядочное время, — сказал Мансин. — Порой возникают помехи — необычные душевные состояния, которые трудно уловить. Сам знаешь.

— Что-то не так, — произнес Мансин. — Я тоже пробовал.

— Может, мы опоздали, — вставила Мерси.

— Не будь смешной!

— Просто я пытаюсь быть реалистичной.

— Я дозвонилась до дома Желтого Облака, пока вы пытались установить контакт, — сообщила Элизабет. — Его жена сказала, что они вместе с Железным Медведем ушли некоторое время тому назад. По ее словам, отправились к каньону.

— *Вслед за Сингером?* — спросил Мансин.

— *Она больше ничего не сказала. А за кем еще?*

— *В самом деле.*

— *Я сейчас попробую еще раз,* — пробормотал

Фишер.

— *Подожди,* — прервала его Элизабет.

— *Почему?*

— *Ты сам никуда не попадешь.*

— *Ты имеешь в виду, мы должны опять объединиться и попробовать?*

— *А почему бы и нет? Мы здесь именно для этого. Для совместной работы.*

— *Неужели ты думаешь, что Сендс?..* — начал Мансин.

— *Вероятно,* — ответила Элизабет.

— *Да,* — сказала Мерси. — *Но он нам не повредит.*

— *В общем, ты права насчет того, для чего мы здесь,* — сказал Мансин Элизабет.

— *А если мы не сумеем определить местонахождение Джимми?* — спросил Фишер. — *Что тогда?*

— *Попробуй еще раз достать Сингера,* — сказала Элизабет. — *Может, сейчас он прислушается.*

*Теперь ты идешь по тропе один.
Кем ты теперь стал, мы не ведаем.
Какой теперь твой клан, мы не знаем.
Теперь уж ты не от мира сего.*

Идти. По серебристо-черной местности. Здесь медленнее. Запутать след. Будто за теми камнями засада. Замести следующие сто футов веткой. Хорошо. Дальше. Путь свободен. Расплывчатые красно-белые пятна. Идти. Вспышка в небе, отраженная в извивающихся водах. Опять слабая барабанная дробь. Согласованность звуков ветра внутри косых стен. Здесь водяная пыль, маскирующая стеклом лицо, призмы ресниц, разбивающие спектр радужного геометрического танца света. Стереть. Отскок теней. Улыбка койот-пса, тускнеющая между светом и тьмой. Здесь с плеском пересечь. Куда бы ни вела тропа, следуй ногам. Вокруг. Через. В тени безмолвные танцоры в масках. Далеко-далеко позади слабый зеленый свет. Зачем оглядываться? Обернуться, значит обхватить. Теперь вверх. Опять вниз. Вскоре каньон сузится, потом снова расширится. Существо с множеством глаз сидит на высоком выступе, но не шевелится. Вероятно, выжидает или всего лишь наблюдает. Теперь барабанная дробь громче. Двигаться в ее ритме. Огонь в сердцевине камня. Следы птиц за полумесяцем стены. Бедренная кость лошади. Пустой хоган. Полубогоревшее полено.

Коснуться слюды, что блестит, как пыльца. Вспомнить песню старика...

— ...Сингер.

Слабо-слабо. Ветер или его эхо. Усталое слово усталого дыхания.

— Билли Черный Конь...

Пересечь и опять на этот каменистый участок.

— Я чувствую тебя — где-то там, следопыт...

Что-то. Что-то, что он должен помнить. Это путешествие. Следовать своей тропе. Но.

— Твои грузья меня не остановили. Я по-прежнему приближаюсь, охотник.

Призрак отзвука ветра. Слова в голове. Вероятно, старые друзья. Кто-то знакомый.

— Почему ты мне не отвечаешь? Разговор ничего не выдает.

Кот-призрак, существо-чинди. Да. Кот.

— Я здесь, Кот.

— А я слеую за тобой.

— Знаю.

— Ты выбрал хорошее местечко.

— Оно выбрало меня.

— Как угодно. Лучше городов.

Билли остановился, чтобы запутать тропу, создать впечатление еще одной возможной засады.

— ...Приближаюсь. Ты не можешь убежать вечно.

— Лишь до тех пор, пока я должен. Ты ранен...

— Да. Но не настолько сильно, чтобы это меня остановило. Мы встретимся.

— Встретимся.

— Я чувствую, ты здесь мощнее, чем был прежде.

— Вероятно.

— Кто бы из нас ни победил, лучше так, чем как-то по-иному. Каждый из нас является последним из себе подобных. Что еще нам остается?

— Не знаю.

— Странная страна. Ничего в ней не понимаю.

— Я тоже.

— Скоро мы встретимся, старый враг. Ты рад, что убежал?

Билли попытался обдумать этот вопрос.

— Да, — сказал он наконец.

Билли думал о песне, но знал, что не время ее петь. В каньоне забормотал гром.

— Охотник, ты изменился с последнего раза, когда мы были так близко друг от друга.

— Я знаю, куда сейчас иду, Кот.

— Тогда торопись. Я могу оказаться ближе, чем ты думаешь.

— Следи за теньями. Ты можешь оказаться даже ближе, чем думаешь ты.

Безмолвие. Далеко впереди расширяющаяся, чистая перспектива. Он в замешательстве остановился, внезапно став способным видеть на огромное расстояние. Словно лента, тропа вилась все дальше и дальше, а потом вела наверх. Он не понял, но это было неважно. Он побежал пожирающей землю трусцой. В темноте высоко над головой разнесся крик птицы.

Еще дальше он возвращается со мной —
Найенесгани,
вращая темным посохом для защиты.
Вспышки молний позади и впереди него.
К первой ступени лестницы,
к Месту Появления
он возвращается вместе со мной.
И радуга возвращается вместе со мной,
и говорящий кетан учит меня.
Мы поднимаемся по двенадцати ступеням.
Крохотные голубые птички поют нао мной,
Маусовый жук поет позади меня.
Хастиейалти возвращается вместе со мной.
Я взойду на Гору Появления,
Гору Вождя, Гору Дождя,
Гору Мауса, Гору Пыльцы...
Возвращение. Чтоб сесть на рисунок
из пыльцы.
Чтоб обладать домом, огнем, пищей,
постелью, ногами, руками, телом,
чтоб владеть разумом и голосом, мощью
движения. Речью, что благословенна.
Возвращение вместе со мной. Собрание.
Восхождение. Сквозь туманы и облака,
по мхам и травам,
через леса и скалы, землю —
четырёх цветов. Возвращение.
«Внук, мы стоим на радуге».

Бег. Звуки ветра и воды — теперь составляющие барабанной дроби. Путь становился все чище и чище. Кроваво-красный и будто усыпанный льдинками. Казалось, земля один раз дрогнула, и нечто, напоминающее башню из дыма, поднялось перед ним на повороте у края тропы. Переливаясь различными цветами, вздымающаяся колонна скручивалась, на ней проявилось пять лиц. Он узнал своих духов-хранителей.

— Билли, мы пришли, чтобы попросить тебя еще раз, — промолвили они в один голос. — Опасность возрастает. Ты должен оставить тропу, оставить каньон. Быстро. Ты должен отправиться наверх, где тебя встретят и переправят в безопасное место.

— Теперь я не могу оставить тропу, — ответил он. — Уже слишком поздно. Мой враг приближается. Путь передо мной открыт. Спасибо еще раз. У меня больше нет выбора.

— Всегда есть выбор.

— Тогда я уже его сделал.

Дымное образование развеялось, как только он его миновал.

Билли увидел то, что теперь оказалось концом тропы, и небольшой атактистический страх коснулся его, когда он осознал, куда она его привела. Она тянулась к Пещере Мумии — древнему месту мертвых, расположенному в стене каньона.

Когда он подошел ближе, пещера как бы выросла перед ним — развалины в высокой нише. Одно мгновение какой-то зеленый огонек горел за одним из окон. Потом ветер стих, а потом поднялся опять. И опять. И опять.

Теперь раздавался некий звук, словно высоко в небе бьется гигантское полотнище. Билли не отрывал взгляда от своей цели и продолжал двигаться по тропе к основанию стены. И пока он бежал, звук становился все громче, раздавался все ближе. Наконец стало казаться, что он звучит прямо над головой, и Билли ощущал каждый такт своим телом. Потом над ним в воздухе пронеслась какая-то темная фигура.

Подняв взор, он увидел невероятную птицу, снижающуюся, чтобы усесться на вершину скалы намного выше Пещеры Мумии. Приблизившись к основанию стены и наткнувшись на осыпь, он замедлил шаг. И понял, взглянув на темное существо, сидевшее на утесе и смотревшее вниз, что видит Хаадс-эзшжини, Черного Бога — повелителя охоты. Билли быстро отвел взгляд, но до этого встретился с безжалостным взором желтого глаза, уставившегося на него.

«Должен ли я прикончить это существо на твоих глазах, о Темный? Ибо я — как охотник, так и добыча. Какая сторона побуждает тебя?»

Он поднялся по откосу. Его взгляд прослеживал теперь тропу, уходившую вертикально вверх к развалинам в углублении. Да, этот маршрут казался самым легким...

Он достиг стены, нашел опору для ног, ухватился руками и начал подъем.

Подъем. Медленнее в более скользких местах. Когда он вскарабкался выше, возникло странное покалывание в ладонях. Как в тот раз...

Нет. Он остановился. Все, чем он являлся, было частью охоты. Но это также было и частью прошлого. Важно именно отношение. Урок приходит вместе с воспоминаниями.

Билли подтянулся, не глядя на темную тень высоко над головой, не глядя назад. Скоро.

Скоро он войдет в место смерти и станет ждать своего преследователя. Бегство приближалось к концу. Торопись. Важно оказаться наверху и вне поля зрения Кота, когда тот появится в этом районе. Влажный камень под рукой. Хватайся крепче.

Взгляд наверх. Да. Теперь уже видно. Скоро. Осторожно. Подтянуться. Ну же.

Через несколько минут он выполз на выступ и двинулся налево. Еще одна опора. Опять вверх.

Отчасти ползти. Теперь нормально. Вновь подняться. Двинуться к стене. Войти. Никакого зеленого света. За стеной...

Он прошел вдоль внутренней поверхности стены, глядя через щели на дно каньона. Ничего. Еще ничего не видно. Идти дальше. Тот большой проем...

Отлично. Остановиться. Скинуть с плеча оружие. Проверить. Положить на выступ. Ждать.

Ничего. По-прежнему ничего.

Помещение было сырым, усыпанным галькой. Билли устроился, прислонившись спиной к каменной глыбе, взор устремлен на каньон, одна рука на оружии. Почти час прошел без каких-либо перемен в картине перед ним.

А затем — тень, медленнодвигающаяся вдоль стены далеко впереди слева. Она ползла едва заметная, пока в какой-то точке он не осознал, что ее ничто не отбрасывает.

Билли поднял обрез — у того был простой прицел — и навел его на тень. Потом подумал о точности этого оружия и опустил его. Слишком далеко. Если тень была действительно Котом, он не хотел рисковать, в случае промаха выдав свою позицию.

Тень остановилась, перетекала в форму камня и долгое время оставалась неподвижной. Почти верилось, что вся эта последовательность изменений являлась игрой света и тени. Почти. Билли прицелился в камень и не сдвигал оружия.

— Ты где-то поблизости, Билли. Я тебя чувствую.

Он не прореагировал.

— Где ты ни был, я там вскоре буду.

В конце концов, Коту потребуется какое-то время, чтобы принять более мобильную форму. Без сомнения, представится несколько благоприятных возможностей...

Опять движение. Камень смещался, тек, преобразовываясь, дальше вдоль стены.

— *Страдай, следопыт. Ты скоро умрешь. Первый же твой выстрел тебя выдаст, а я увернусь от всех последующих. Ты увидишь меня, когда я буду готов стать видимым, и тогда ты выстрелишь.*

Опять началось движение в сторону настоящего камня, лежавшего под нависающим выступом. Внутри аморфной формы стал заметен мерцающий глаз Кота, стали оформляться конечности.

Билли закусил губу, вспомнив, как видел торглиндского метаморфа, бежавшего вверх по почти вертикальной стене на своей родной планете. Тогда он спустил курок и промахнулся.

Кот замер на долю секунды, когда высоко над ним мелькнула вспышка, затем двинулся медленнее, чем предполагал Билли, заставляя его поверить, что зверь в самом деле ранен. Кот отпрыгнул назад, к линии камней у стены. А потом осознал ошибку, взглянув вверх. Его лапы сжались, и он вновь прыгнул вперед. Но не вовремя.

Большой кусок каменной облицовки, отколотый выстрелом, скатился со стены, ударившись в выступ, под которым съежился Кот.

— *Охотник! Я считаю... ты победил...*

Билли выстрелил еще раз. На сей раз он опалил землю в десяти ярдах справа от упавшего камня, слегка сместил ствол налево и вновь спустил курок. Взорвалась вершина горы камней.

Казалось, он мог различить одну, массивную переднюю конечность, высовывавшуюся из-за холмика. Но на таком расстоянии трудно сказать наверняка.

Была ли это судорога?

Он выстрелил еще раз, попав в середину кучи.

Каньон зазвенел от громкого карканья. Опять возобновился тот хлопающий звук. Билли мельком взглянул вверх и заметил тень,двигающуюся направо.

— Все кончено, — запел он, положив голову на руку, — и мои благодарности возносятся, словно дым...

Слова улетали следом друг за другом, а его взор двигался по дну каньона. Тут лоб у него наморщился. Он поднялся. Наклонился вперед и выглянул.

— Почему? — спросил он вслух.

Ответа не было.

Тропа, которой он следовал, здесь не заканчивалась. Почему-то Билли не заметил этого раньше. Она бежала направо от него, загибаясь за стену каньона и пропадая из виду — предположительно, продолжаясь в более дальних областях этого места.

Он повесил на плечо оружие и поправил ранец. Возвратился к тому месту, где забирался наверх, и начал спуск.

Плечо болело. К тому же на лицо лил дождь, а острый камень впивался в спину. Железный Медведь осознал это какое-то время, прежде чем понял: это означает, что он жив.

Железный Медведь открыл глаза. Поблизости на земле валялся фонарик Желтого Облака, освещающая галечный откос.

Он повернул голову и увидел Желтое Облако. Тот сидел спиной к камню, вытянув вперед ноги, обеими руками сжимая левое бедро.

Железный Медведь поднял голову, вытянул руку, чтоб привстать.

— Я жив, — сказал он, принимая сидячее положение. — Как ты?

— Сломана нога, — ответил Желтое Облако. — Выше колена.

Железный Медведь поднялся, добрал до фонарика и, подобрав его, направил на Желтое Облако.

— Плохое место для перелома. Даже хромать нельзя.

Он сел на корточки рядом с другим мужчиной.

— Не знаю, что лучше всего сделать, — сказал он. — Есть предложения?

— Я уже вызвал помощь. Мой портативный телефон не поврежден. Они придут с врачом. Если нужно, выта-

щат меня отсюда на веревке. Не волнуйся. Все будет в порядке.

— Почему мы все еще живы?

— Думаю, оно не считало, что нас стоит убивать. Просто помеха, которую надо отшвырнуть в сторону.

— Не заставляет чувствовать тебя по-настоящему важным, верно?

— Я не жалуюсь. Слушай, у стены есть сухие дрова. Принеси, пожалуйста, пару охапок. Мне нужен огонь.

— Разумеется. — Железный Медведь пошел исполнять просьбу. — Интересно, как далеко добралась эта тварь.

— Не можешь сказать?

— Не хочу приближаться на этом уровне. Зверь способен повредить тебе одним своим разумом.

— Пойдешь за ним?

— Если сумею вычислить путь, которым следовать.

Желтое Облако улыбнулся и повернул голову, указывая подбородком.

— Он двинулся туда.

— Я же не следопыт, как ты.

— Черт, тебе и не надо им быть. Эта тварь тяжелая и бежит по открытой местности. Ничего сверхъестественного. Ее меньше всего заботит, знает ли один из нас, куда она направляется. Возьми фонарик. Ты будешь в силах увидеть оставленные ею следы.

Он принес первую охапку веток и щепок, вернулся поискать еще. К тому времени, когда он пришел со второй охапкой, Желтое Облако разжег костер.

— Я могу сделать для тебя что-нибудь еще?

— Нет. Двигай.

Он повесил на плечо оружие и взял фонарик. Провел лучом по каньону и без труда увидел отпечатки лап.

— Возьми вот это. — Желтое Облако передал ему портафон.

— Хорошо. Пойду попробую еще раз.

- Может, следует целиться в глаз?
- Может, и следует. Увидимся.
- Удачи.

Железный Медведь повернулся и зашагал вперед. Темнела вода — нечто говорящее на непонятном языке. Следы были крупные и отчетливые.

*Ветер колышет травы.
Снег плывет над землей.
Вихрь всходит на гору,
поднимая пыль.
Камни звенят
высоко на горе, за туманом.
Солнечный свет убегает,
как вода из расколотого кувшина.
Мы будем жить снова.
Заснеженная земля
выплывает из вихря.
Мы будем жить снова.*

За изгиб стены каньона шагом. Порывы ветра над потоком, ставшим шире, кружащим сверкающие частицы над разнузданной песней воды. Другая сторона укрыта, но красный путь лежит здесь, ближе к стене, теперь ведя в гору. Рябь, словно несущиеся мимо пиктографии. Отпечатки лап вероломного. Покрытые изморозью кости рядом с тропой. Кролик. Сожженный хоган, внутри зеленое свечение. Место смерти. Бегающий взгляд. Быстрее вперед. Сияние хрусталя. Исполосованная талым снегом стена, плотность перьев. Тропа извивается дальше. Насколько видит глаз. Кто теперь добыча?

Остановка, чтобы попить, у места впадения небольшого потока. Обжигающий холод, приправленный камнем и глиной. Впереди гряда тумана, движущаяся с танцорами в масках вокруг южного голубого пламени. Ритмы в земле. Он становится дымом, плывущим вдоль своего пути, безмолвным и лишенным черт, несущимся к слиянию с этим местом постоянного движения и ритма танца земли. Да, и теряется в нем.

Белые и хрупкие, тлеющие звуки, будто то место, где он охотился на гарлетта давным-давно...

Танцоры справа, танцоры слева, танцоры пересекают его путь. Замечают ли они его, невидимого и духообразного, проходящего среди них по все еще яркому, все еще красному пути, начертанному на почве, словно огнем и кровью?

Один приближается, неся что-то, покрытое тканью, расшитой древним узором. Он останавливается, ибо танцор преграждает ему путь, протягивая

эту вещь. Покров снят — там оказывается пара рук. Он пристально смотрит на них. Этот шрам у основания большого пальца левой руки... Это его ладони.

После распознавания они начинают парить перед ним, будто он держит их перед лицом. Он ощущает их, похожих на перчатки, при крайней нужде своего духа. Он свежевал ими добычу, дрался ими, гладил ими волосы Доры...

Он дает им упасть по бокам. Хорошо вновь обладать ими.

Танцор отходит. Билли кружится, как снежный вихрь, и продолжает двигаться по тропе.

Времени не существует. Пучок серых палок, поднимающихся из земли на откосе слева, рядом с тропой... Он приостанавливается, чтобы понаблюдать, как палки зеленеют, по всей поверхности появляются выпуклости, превращающиеся в почки. Почки трескаются, разворачиваются листья, раскрываются, растут. Затем возникают белые цветы.

Он двигается дальше, размахивая руками. Еще один танцор с еще одним свертком подходит слева.

Билли останавливается в своем парении и, руками приняв дар своих ног, ставит их на место, на почву перед собой. Множество миль мы одолели вместе...

Шагая, вновь шагая по тропе. Ощущая сердцебиение земли своими ступнями. Времени не существует. Снежинки летят перед ним вверх. Поток изменил направление. Кровь течет обратно в раненого оленя, неподвижно лежащего поперек пути. Олень вскакивает на ноги, разворачивается и исчезает.

Теперь, словно занавес, раздвигается туман. Туман смещается. Все исчезает, кроме тропы.

Он слышит звук, которого не слышал давным-давно. Тот начинается вдалеке позади него и становится все громче по ходу звучания: свисток поезда.

Затем раздается пыхтение. Подобных паровозов уже не выпускают. И здесь нет ничего, по чему ему ехать. Нет...

Он видит рельсы, идущие параллельно тропе. Выступ впереди теперь кажется платформой...

Вновь раздается свисток. Ближе. Пульсация локомотива, наложенная на ритмы земли. Идет поезд — такой, какой он видел много лет назад. Идет невероятным образом по этому невероятному месту. Билли продолжает шагать, тогда как звук поезда наполняет мир. Поезд может промчаться мимо него в любой момент. Слух наполняет пронзительный свисток.

Он поворачивает голову.

Да, прибыл. Старый, черный, пыхтящий дымом дракон-паровоз, позади прицеплено множество пассажирских вагонов. Начинают скрипеть тормозные колодки.

Билли опять смотрит в сторону платформы, где в ожидании стоит одинокая ссутулившаяся фигура. Почти знакомая...

С грохотом и визгом трения металла о металл паровоз догоняет его, все замедляя и замедляя ход, и останавливается у платформы. Разносятся запахи дыма, смазки и горячего металла.

Фигура на платформе подходит к первому вагону, и теперь Билли узнает умершего певца, научившего его песне. Перед тем как сесть в поезд, тот оборачивается и машет ему рукой.

Взгляд скользит вдоль окон вагонов. За каждым — лицо. Он узнает все. Все это известные ему люди, которые ныне мертвы: мать, бабка, дяди, двоюродные братья, две сестры...

Дора.

Дора единственная смотрит на него. Остальные глядят мимо — переговариваются, рассматривают пейзаж, нового пассажира... Дора смотрит прямо на него, а ее руки заняты защелками в нижних углах окна. Она дергает раму, пытаясь ее открыть.

Вновь звучит свисток. Поезд трогается. Билли обнаруживает, что бежит, — бежит за поездом, подбегает к вагону, к окну...

Поезд дергается, постукивает. Вращаются колеса.

Дора все еще возится с защелками. Вдруг окно начинает скользить вверх. Ее рот открывается. Она кричит, но слова теряются в шуме поезда.

Он кричит в ответ. Ее имя. Она теперь высовывается из окна, вытянув правую руку.

Поезд набирает скоросгь, но Билли уже почти догнал его. Он протягивает руку. Вероятно, их ладони разделяет какой-нибудь метр. Ее губы по-прежнему шевелятся, но он не слышит слов. Видение начинает плыть, создается впечатление, что она отпадает от него.

Он ускоряет шаг, и расстояние между их руками сокращается — два фута, фут, восемь дюймов...

Они жмут друг другу руки, и она улыбается. Некоторое время он бежит со скоростью поезда, а потом тот набирает скорость, и тут Билли осознает, что должен уступить.

Он разжимает руку и наблюдает, как та уносится прочь. Он падает.

Как долго он лежал? Когда он поднимает голову, поезда уже не видно. Нет путей. Нет платформы. Его вытянутая рука лежит в ледяном ручье. Идет снег. Он встает.

Мимо пролетают крупные снежинки. Ветер стих. Звуки воды приглушены. Он поднимает руку и в тишине пристально смотрит на нее, как на что-то новое и незнакомое.

Через длительный промежуток времени он поворачивается и опять находит тропу. И продолжает свое путешествие по ней.

Устало тащится. Сменяющие друг друга приподнятость и подавленность, под конец смешивающиеся. Поймать ее, а потом отпустить. Ехать по снегам на поезде-призраке Смохаллы. Еще один разрыв. Будет ли опять соединение?

Затем он осознал, что идет по громадному песчаному рисунку. Вся почва вокруг спланирована в стилизованной, многоцветной манере. Он вошел в отпечатки ног радуги, прошагал между Эт-хай-на-аши — Ходящих вместе. Это были близнецы, сотворенные во Втором мире Первочеловеком, Бегочиди, и остальные поднялись из Нижнего мира по этому пути. Сами эти рисунки использовались в Хожони, Пути Благослове-

ния. Тропа вела вдоль радуги к стеблю майса, где она стала желтой, как пыльца. Потом вверх, — вверх по стеблю. Небо озарилось яркой вспышкой, когда Билли проходил мимо радуги-женщины и перуна-мужчины. Пройдя между изображений Большой Мухи, он направился на север к желтым следам пыльцы.

Появиться, чтобы вновь встать на тропу, ведущую мимо устья большого каньона направо и дальше на север. Один-одинешенек, поющий. В падающем снеге была красота. Красота всюду вокруг него...

— *Восхищайся, пока можешь, следопыт.*

— *Кот? Ты же мертв! Между нами все кончено!*

— *Неужели?*

— *Я догрозился до твоей конечности там, где ты упал. Она была окоченевшей и безжизненной.*

— *Как тебе угодно.*

— *Да никто и не мог бы выбраться из-под той кучи камней.*

— *Ты меня убедил. Я вернусь и смиренно лягу.*

Билли оглянулся, ничего не увидев в каньоне, кроме снегопада.

— *...Но сперва я тебя разыщу.*

— *Это не будет слишком сложно.*

— *Рад слышать твои слова.*

— *Мне хочется завершить начатое. Торопись.*

— *Почему бы тебе меня не подождать?*

— *У меня есть тропа, которой надо следовать.*

— *И она важнее меня?*

— *Тебя? Теперь ты — ничто.*

— *Не слишком лестно. Да ладно. Если мы должны вновь встретиться на твоей тропе, мы встретимся на твоей тропе.*

Билли проверил оружие.

— *Тебе нужно было сесть на поезд, — сказал он.*

— *Не понимаю тебя, но это неважно.*

— *Важно, — сказал Билли, обходя еще один камень и видя продолжение тропы.*

Снежный вихрь танцевал над водой. Он услышал глухой звук одного-единственного удара по барабану.

...*Голубое колдовство поднимает меня в руке.*

Боль в плече утихла, осталось лишь тупое пульсирование. Проходя мимо затененных мест, он приставивался, гадая, не поджидает ли там зверь, чтобы наброситься на него, и понимая, что страх иррационален, поскольку перед ним находились отчетливые отпечатки. И зачем тому создавать себе проблемы и убегать назад по собственным следам, чтобы устроить засаду, когда ему нужна лишь секунда, чтобы повернуть назад и нанести при встрече сокрушительный удар?

Железный Медведь выругался, по-прежнему приглядываясь. Дыхание вырывалось изо рта клубами пара. Нос замерз, а глаза периодически начинали слезиться.

Желтое Облако был прав. Не возникало вообще никаких проблем с нахождением следа. Простой и прямой. Глубокий и отчетливый.

Что это за движение слева?

Ветер колышет кусты.

Он снова выругался. Действительно ли его предки водили военные отряды? Гены играют немаловажную роль...

— Джимми. Не ограждайся от меня!

— Не бугу, Чарльз. Могу разделить компанию.

— Где ты? Что случилось?

— Я — в каньоне, слеую за этой тварью.

— Мы здесь, в Аризоне, в гостинице около того места, где начинаются каньоны.

— Зачем?

— Чтобы помочь, если сумеем. Ты слеуешь за зверем? А Желтое Облако с тобой?

- Был, но зверь сломал ему ногу. Подмога идет.
- Ты встретился со зверем?
- Ага. Здорово вывихнул плечо. Хотя пару раз в него выстрелил.
- Ты находился без сознания?
- Да.
- Я гадал, почему не мог некоторое время до тебя дотянуться. Ты устанавливал контакт с Сингером?
- Нет.
- А мы — да. Это совершенно сумасшедший индеец.
- Думаю, он знает, что делает.
- А ты знаешь, что делаешь?
- Полагаю, являюсь еще одним сумасшедшим индейцем.
- По-моему, тебе нужно выбирать. Ты же идешь по двум следам, а не по одному.
- Надеюсь, снег не занесет следы. Хотя, падая на землю, он тает. Это хорошо.
- Кажется, эта тварь тебя раз чуть не убила.
- Они меняют форму.
- Следы?
- Ага, и идут ближе к стене. Интересно, что это значит.
- Это значит, что тебе лучше стрелять во все, что движется.
- Здесь что-то влажное и полупрозрачное... Интересно, как выглядит кровь зверя.
- В любом случае, далеко ты ушел?
- Не знаю. Часы у меня сломались. Кажется, будто я иду вечно.
- Пожалуй, тебе лучше остановиться и отдохнуть.
- Черт, нет. Самое время побежать трусцой. У меня появилось ощущение: по-моему, я уже близко, и, по-моему, зверь ранен.
- Не хотелось бы мне находиться в твоём раде, если он до тебя доберется.
- Пока не уходи. Мне страшно.

— Я подожду.

Следующие четверть часа Железный Медведь, чувствуя молчаливое присутствие Фишера, бежал вдоль складок стены. Они не беседовали до тех пор, пока он не замедлил шаг рядом с поворотом, чтобы перевести дыхание.

— *Здесь зверь движется медленнее, крадучись. Но есть немножко этой полупрозрачной жидкости.*

— *Ты идешь медленно.*

— *Да. Я переключусь на невидимый свет и надежду очки. Пригнусь и загляну за угол.*

Последовало длительное молчание.

— *Ну?*

— *Ничего не вижу.*

Он направил фонарик на землю.

— *След снова изменился. Пойду по нему.*

— *Подожди. Почему бы тебе не прощупать?*

— *Я боюсь касаться его разума.*

— *Я бы гораздо больше боялся всего остального.*

Почему бы просто не прощупать его очень медленно и непринужденно? Просто поискать присутствие. Подкрадываясь ментально. Я помогу.

— *Ты прав, но я сделаю это сам.*

Железный Медведь потянулся в боковой каньон, открывшийся перед ним. Сперва осторожно. Потом со все возрастающей силой.

— *Там ничего нет, — сказал он. — Я вижу след, но не чувствую зверя. Коли на то пошло, Сингера тоже. Наверно, они прошли дальше.*

— *Казалось бы...*

Он, медленно шагая и рассматривая приметы на почве, приблизился к углу. Отпечатки за поворотом изменились, образовав нечто вроде желобка. Тот сузился, расширялся, а закончился круглыми вмятинами.

Железный Медведь остановился, увидев, куда те ведут, и бросился вперед, заметив нечто отличное от камня. Отпечатки ног Сингера виднелись перед неровной пирамидой из валунов, рядом с торчащей конечностью. Прошло много времени, прежде чем он

смог заставить себя отвалить несколько камней, и то лишь после тщательного прощупывания. Он занимался этим несколько минут, пока не вспотел и не сбил себе дыхание. Но наконец узрел глаз — сейчас тусклый — в гладкой неподвижной голове.

— Он накрыл зверя, — сказал Фишер. — Он его пригвоздил.

Железный Медведь не прореагировал.

— Все кончено, — произнес Фишер. — Сингер победил.

— Он прекрасен, — сказал Железный Медведь. — Эта шея... глаз, словно самоцвет.

— Мертв, — продолжал Фишер. — Подожди, пока я проверю. Я скажу тебе, где подниматься. Мы пошлем кого-нибудь тебя погубить.

— Но где Сингер?

— Полагаю, он знает, как о себе позаботиться. Теперь он в безопасности. Он объявится, когда будет готов. Поверь мне.

— Я пойду за ним.

— Что? Зачем?

— Не знаю. Назови это предчувствием.

— Как ты его найдешь?

— Я начинаю постигать премудрость профессии следопыта. Не думаю, что это будет чересчур сложно.

— Все ведь кончено... и эта коварная местность...

— Пока его тропа шла по безопасным участкам. Кроме того, у меня здесь есть телефон.

— Не свихнись там тоже!

— Не волнуйся.

Он надел очки, перевел их в обычный спектр и пошел по следам Сингера — на север.

— На некоторое время я тебя покину, — сказал Фишер. — Расскажу остальным. К тому же мне надо отдохнуть.

На миг Железному Медведю почудилось, что слышится свисток паровоза, и он подумал о своем отце. Воздух наполнили пухлые снежинки. Он прикрыл нос и рот кожаной перчаткой и пошел дальше.

Мерси Спендер

услышав известие,
она открыла бутылку джина,
взятую с собой,
и налила в стакан, не разбавляя,
мурлыкая все это время «Камень веков»;
чувствуя, что ответственность снята,
выражая благодарность,
решая, какую книгу почитать
и что связать
во время выздоровления;
произнесла пару слов
за упокой души Уолтера Сендса,
которого видела перед собой в стакане,
внезапно встряхнула головой.
«Спи спокойно», — сказала она
и выпила стакан залпом,
а когда пошла налить следующий,
стакан каким-то образом разбился,
а ей очень захотелось спать,
и она решила отправиться на боковую
и сохранить значительную часть
на завтра.
Сон у нее был тревожный.

Алекс Мансин

услышав известие,
перенесся домой,

*игра закончилась,
его команда победила опять;
а после прощания с остальными
и транспортировки
он навестил свою свору
и какое-то время играл с собаками,
гладкими, скулящими и лижущимися —
их привязанность к нему его согревала, —
а потом пошел к своей консоли,
поставив по правую руку
стакан теплого молока,
предпринимая действия
по поводу множества поступивших посланий;
чересчур взвинченный, чтобы спать.
Мысли о недавнем деле
врывались в разум и уносились,
будто щенки;
и улыбка Уолтера Сендса,
казалось, мелькнула на миг
на экране,
когда он читал список биржевых котировок
и забавлялся с парой сувенирных костей,
которые обнаружил в нижнем ящике
туалетного столика в кабинете.*

Элизабет Брук

*захотела трахаться,
была удивлена
силой этого ощущения,
но осознала, что темп
и напряжение предыдущих дней,
внезапно спавшие, требуют
некоего физического выхода;
так что она попрощалась с остальными
и перенеслась в Англию,
чтобы позвонить своему другу
и пригласить того на чай,
поговорить о ее недавних переживаниях,*

*послушать какую-нибудь камерную музыку
и успокоить призрак Уолтера Сенгса,
который тревожил ее
не на шутку.*

Чарльз Диккенс Фишер

*в своем номере в «Вигваме Птицы Грома»
с чашкой кофе
смотрел в окно на снегопад,
думая о своем зяте
и индейцах
в вестернах, которые он видел,
и выживании в дикой природе,
и огромном мертвом звере,
чей образ он заставил появиться
перед собой на лужайке
(напугавший одну пару на той стороне,
которая случайно в тот момент выглянула),
воскрешенный в памяти по видеофильму,
который он вызвал раньше,
глаз сверкал,
словно уотерфордский хрусталь,
клыки напоминали сталактиты.
А потом он прогнал его
и создал образ Уолтера Сенгса
в натуральную величину,
сидящего в кресле
и смотрящего на него,
а когда он спросил:
«Как тебе нравится быть мертвым?»,
Сенгс пожал плечами и ответил:
«Есть свои плюсы,
есть свои минусы».*

Идти. Вдоль западной кромки каньона, направляясь на северо-восток. Свернуть, взяв курс севернее. В сторону от каньона, через снега, к деревьям.

Путь привел его к воде и стене. Ветер здесь был силен, хотя снегопад уменьшился до случайных редких снежинок.

Он продолжал держаться. Где-то впереди, в деревьях или за ними, вой койота. Запах леса доходил до него по мере приближения — и треск сучьев.

Прежде чем войти в лес, он разок оглянулся. Казалось, над самой кромкой каньона поднималось зеленоватое свечение. Через мгновение оно скрылось из виду из-за снежного вихря, а потом Билли окружили деревья, и ветер ослаб.

Когда он раздвигал ветви, с них с хрустящим стекляннным звуком падали льдинки. Создавалось впечатление совершенно иного места, — места постоянных сумерек и холода, где он охотился на тех, кого он назвал ледяными медведями. В любой момент мог донестись пронзительный свист медведей, а потом у него было лишь несколько мгновений, чтобы возвести барьер и зажечь паралитический костер, прежде чем стая завертится вокруг него. Затем передвинуть барьер, чтобы уберечь упавшего от пожара своими сородичами. Вызвать челнок...

Он глянул вверх, отчасти ожидая увидеть, как тот сейчас снижается. Но во всех направлениях виднелись лишь перламутрово-серые складки облаков. Данная охота совсем другая. Существо, которое он искал, взять будет не так просто, да и не победить его с помощью ограждения. Тем интереснее.

Он перешел ручеек с заиндеветыми берегами, и тропинка резко свернула, следуя вдоль потока через сухое русло реки, где кто-то рассматривал его зелеными глазками из небольшой пещеры. По мере приближения тропа пошла в гору, а деревья поредели.

Путь повел его затем налево, по-прежнему вверх по склону холма. Билли забирался все выше и выше, пока наконец не оказался на вершине гряды, с которой открывался вид на всю округу. Тут он остановился, всматриваясь в черный север, куда тянулась тропа, насколько он мог видеть при диковинном полусвещении, сопровождавшем его в этом путешествии. Открыв сумку, он бросил на тропу перед собой пыльцу. Потом повернувшись к голубому югу, к проему в земле, из которого он вышел, тоже бросил пыльцу, впервые заметив, что позади него тропа отсутствовала, что путь к этому месту исчезал, пока он по нему шел. Билли почувствовал, что не в силах будет сделать даже шаг в том направлении, если и попытается. Не было возврата по тому пути, которому он следовал.

Он встал лицом к желтому западу — месту, где день сворачивался и закрывался. Бросая пыльцу, он думал о концовках, о границах циклов. Потом на восток, думая обо всех утрах, которые он познал, и о следующем, которое оттуда появится. Видя очень далеко на восток с необычайной ясностью, он думал о крае, по которому двигался его взор, добавляя черты из внутреннего ландшафта памяти, гадая, почему ему когда-то захотелось отринуть Денету, представлявшую столь большую его часть.

Как долго он смотрел на восток, трудно сказать. Внезапно воздух вокруг головы наполнился кружащимися частичками света под аккомпанемент тихого жужжания. Будто рой мелькающих светляков. Вдруг они устремились направо. Он воспринял это как своего рода предупреждение — и взглянул направо.

Невдалеке среди деревьев двигалось зеленое мерцание. Билли отвернулся, вновь остановив взор на тропе, а потом зашагал по ней. Вскоре он уже бежал — льдинки, сбрасываемые порывами ветра и об-

разующие эфемерные облачка, жалили его лицо. Однако снег не скрывал тропу, проглядывавшую сквозь любую преграду совершенно отчетливо. Продолжая проследивать ее взглядом на расстоянии, Билли увидел, что она ведет, изгибаясь налево, в сухое русло реки. Похоже, в этом месте оно сужалось. Проследовав дальше, он увидел, что сужение продолжалось до тех пор, пока тропа не стала шириной с рождественский серпантин, лежащий посередине склона. Странно: тот отрезок, который он проходил, не казался уже, хотя он знал, что давно миновал ту точку, где началось сужение. Вместо этого Билли обнаружил один новый феномен.

Сперва сухое русло показалось глубже и длиннее, чем оно производило впечатление изначально. Однако, пока он углублялся в него, само это место стало казаться просторнее — громадный каньон с высокими стенами. И чем дальше продвигался Билли, тем отвеснее становились стены, тем большее расстояние разделяло их. К тому же теперь ущелье оказалось усеянным массивными валунами, которых сначала не было видно. Но красный путь, по которому он следовал, оставался таким же. Никаких признаков сужения, замеченных ранее.

Огромное белое колесо пролетело мимо — рельефное и блестящее, пятиконечное, как морская звезда. Тотчас же еще одно медленно проплыло над головой, снижаясь. Он осознал, что это снежинка.

Каньон был больше каньона дель-Муэрто, гораздо больше. Временами стены, отступавшие на значительные расстояния, вообще исчезали из виду.

Билли ускорил шаг, побежал, перепрыгивая через крупные камни. Он поднялся на один холм и обнаружил перед собой массивную прозрачную гору — ее призматические поверхности отбрасывали радуги под необычными углами. Потом он спустился к ней и увидел то место, где тропа входила в отверстие в ее склоне — рваный пролом в камне и блеске, словно черная молния пробежала с трети ее высоты вниз, до самой земли.

Порыв ветра подхватил его, и Билли помчался дальше. Снежинка рухнула на землю, словно упал дом. Он пробежал по поверхности небольшого озера, колебавшейся под ним.

Гора становилась все ближе, все выше. Наконец он очутился на расстоянии, достаточном, чтобы заглянуть в громадный проем, и увидел, что тот сияет как внутри, так и снаружи, стены влажно искрятся, образуя остроконечный шатер, сходящийся к некоей невидимой точке высоко наверху.

Он рванулся внутрь и тотчас же замер. Рука потянулась к ножу еще до того, как он осознал, что мужчины, окружающие его, — многочисленные отражения в блестящих стенах. А тропа разбегалась во всех направлениях...

Искаженные образы.

Билли наткнулся на стену, провел ладонями по ее поверхности. Казалось, тропа уходила прямо вперед, но теперь он видел, где реальное лишь на вид соединяется с иллюзорным. Он мог теперь разглядеть, что тропа ускользает вправо.

Три шага — и еще одна стена! Этого не может быть. Тропе некуда деваться. Здесь она шла непосредственно вперед, без каких-либо отклонений — хоть отраженная, хоть нет.

Билли протянул руку, ощутил стену, исследовал ее. Отражение передразнивало его движения.

Вдруг — пустота. Рука проскочила вперед, и он понял, что лишь верхняя часть пути закрыта. Он встал на четвереньки и продолжил путь.

Пока он полз, окружавшие его отражения ступивались. Какое-то время уголком глаза он видел себя справа будто медлительного неуклюжего медведя, идущего с ним вровень. Он быстро бросил взгляд налево. Олень — шестиконечные рога, темные глаза настороже, ноздри подрагивают. Многократные отражения слились в нечто, что являлось медведем, оленем и человеком — чем-то первобытным, прокладывающим себе путь, как Первочеловек, через узкие и темные туннели вверх, к новому миру.

Отражения впереди показывали, что пространство наверху вновь становилось обширнее, путь вел через узкую и высокую готическую арку. Заметив это, Билли встал на ноги, а образы животных исчезли, не оставив ничего, кроме бесконечных отражений его самого со всех сторон. Впереди искрилась вся гамма цветов разнообразной насыщенности. Он пошел дальше, а увидев впереди выход, побежал.

Освещенный участок по мере приближения, похоже, стал чуть меньше. Отражения, бежавшие рядом, теперь видоизменялись призмами и тенями. И он заметил, что все они по-разному одеты: одно мчалось в скафандре, другое — в вечернем костюме, еще на одном была лишь набедренная повязка. Какое-то отражение бежало голым. На другом красовалась парка. Одно носило голубую вельветовую рубашу, о которой он давно забыл, ремень с литой раковиной, стягивающий ее на талии. Вдалеке он увидел себя мальчишкой, неистово бежавшим и размахивавшим руками.

С улыбкой Билли выбежал в проем, следуя красному пути. Возникли и приблизились к нему стены каньона, становящиеся ниже по мере его продвижения.

Он остановился и посмотрел назад.

Не было никакой сияющей горы. Он возвратился по своим следам на дюжину шагов назад и, наклонившись, поднял обломок камня с расколотым кристаллом кварца, лежавший на земле. Поднес его к глазам. Внутри танцевала радуга. Он сунул обломок в карман с ощущением, будто тот содержал в себе половину времени и пространства.

Он бежал потом около часа, кристаллики льда царапали лицо, словно когти котов — камни и ветви деревьев. Замерзшая земля издавала под его ногами звуки, напоминающие сгибание целлофана. На склонах холмов, похожие на скрюченные пальцы, лежали полосы снега. Кусок неба просветлел, и поблизости прогрехотал гром. Путь вел в горы, и вскоре он начал восхождение.

*Когда я зову,
они приходят ко мне
из Горы Тьмы.*

*Трубопроводы пересекают ее,
спутники пролетают над ней,
но я держу землю перед собой,
и все существа, которые охотятся на ней
и на которых охотятся.*

*Я следовал за Народом
на протяжении эпох,
давая добычу належащему охотнику
в належащее время.*

*Однако охотящиеся сами на себя
подпадают под особую категорию.
Такие извращения были неизвестны
в стародавние времена.*

*Но ты всегда не настолько стар, чтоб учиться,
и именно это делает работу увлекательной
и сохраняет меня чернокрылым. На-йя!
Итак из Горы Тьмы:
Пошли концовку.*

И восхождение. Все странно. Он потерял след времени и пространства. Порой местность буквально скользила назад, а в других случаях, казалось, он затрачивает века, чтобы покрыть небольшое расстояние. Путь вел его среди гор. Он уже не был уверен относительно того, где точно находится, хотя не сомневался, что по-прежнему направляется на север. Снег перешел в дождь. Дождь начинался и прекращался. Тропа еще раз взмыла вверх и повела по горным перевалам. В некоторых местах мимо бежали ручьи, и он проходил через узкие горловины, прижавшись спиной к камню; кончики пальцев и пятки — единственная опора. Тучи иногда очерчивались яркими линиями, которые мгновения спустя стирались серостью.

Он пролез через расщелину столь узкую, что пришлось снять рюкзак и куртку, а идти боком. Та резко обрывалась слева, и Билли понял, что мог бы не заметить пропасть даже при дневном освещении, если бы его не вела тропа. А затем путь вновь стал шире, напоминая брачные движения веретенообразных анклаваров в мире, называвшемся Байу.

Свернув за поворот и размяв оцепеневшие мышцы, Билли остановился. Что это за местность? Тут находились развалины какого-то здания, построенного в лицевой грани скалы справа от него. Дальше впереди — еще, там, где каньон продолжал расширяться. Руины из камня и необожженного кирпича не были ему знакомы, хотя некогда он думал, что ему известны почти все. Его подмывало приостановиться для краткого исследования, но вновь начал бить барабан, а тропа побежала к еще большим высотам.

Каньон повернул направо, дно поднималось, а стены отступали. Вокруг появлялось еще больше развалин. Название «Лукачукай» пронеслось у Билли в голове, когда он вспомнил рассказ о потерянных руинах анасаси. Ветер стих, а пульсация барабана участилась. Темные фигуры мелькали за разрушенными стенами. Он устоял на возвышенную ровную площадку перед собой — и увидел конец тропы. Озноб пробежал по всему телу, волосы встали дыбом.

Билли сделал шаг вперед, потом еще один. Он двигался осторожно, медленно, будто почва могла в любой момент расступиться у него под ногами. Хотя все верно, не правда ли? Конечно. Любая тропа кончается так же. Почему эта должна отличаться? Если ты преследовал кого-то всю его жизнь — с первого нерешительного шага до последнего нерешительного шага, — конец всегда один и тот же... Тропа заканчивалась под выступом скалы перед пустым взором побуревшего от времени человеческого черепа.

Ритм барабана изменился. Ма-и, Трикстер, Койот, Бродящий-вокруг, глядел на него из-за угла ближайшей развалины. Йеи белой радуги образовал дугу от вершины одной стены каньона до другой. Теперь раздалась трещотки, аккомпанировавшие барабану. Зеленый стебель пробился из земли, поднялся вверх, выпустил листья, а затем красный цветок.

Билли двинулся дальше. Когда он подошел, показалось, что череп слегка дернулся вперед. Внутри что-то замерцало, потом все отверстия в нем засветились бледно-зеленым светом. Далеко справа Койот внезапно издал низкое рычание.

Когда он приблизился к концу тропы, череп отклонился назад и повернулся чуть вправо, направив глазные впадины прямо на него. Раздался резкий дребезжащий голос:

— Узи своего чинди.

Билли остановился.

— Я раньше играл в европейский футбол, — сказал он, улыбаясь и занося для удара ногу. — Те два камня у развалины могут сойти за штанги.

Земля перед ним изверглась вверх. Череп взлетел примерно на фут выше его головы. Череп сидел на плечах массивной обнаженной мужской фигуры, которая выросла перед ним, словно цветок. Зеленое свечение плясало вокруг нее.

— Существо-тьень! — воскликнул Билли, снимая с плеча оружие.

— Да. Твоя тень. Стреляй, если угодно. Это тебя не спасет.

Продолжая движение руки, Билли перевернул обрез и сильно ударил прикладом по черепу снизу вверх. Череп с хрустом развалился, и осколки посыпались на землю. Туловище упало на одно колено, руки вытянув вперед. Одна крупная ладонь схватила оружие и вырвала его у Билли. Затем бросила обрез через плечо, и тот с грохотом упал на камни каньона и исчез из виду.

Левая рука вцепилась в запястье Билли и сжала его, будто стальной обруч. Он нанес удар по бицепсу противника ребром левой ладони. Это не произвело заметного воздействия, так что он вытащил охотничий нож и вонзил его в безголового — в мягкое место под левым плечом. Внезапно его запястье высвободилось, а существо перед ним начало падать назад, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

Билли наблюдал, как оно катилось прочь, темнея, теряя характерные черты, сжимаясь и производя хрустящие звуки при передвижении по гальке и песку. Вот превратилось в большой круглый валун, теперь сбавивший скорость...

Валун остановился метрах в пятнадцати, а потом медленно начал разворачиваться в новую форму. Выпростал конечности и образовал голову, хвост...

Глаз.

Кот стоял лицом к лицу с ним в каньоне потерянного города.

— Продолжим с того места, где мы остановились, когда нас прервали, — сказал он.

Мерси Спендер подкинуло во время глубокого сна без сновидений. Она заорала, но крик заглох внутри нее. Происходящее было искаженным, хотя близко знакомым. Она свернулась в позу зародыша и накрылась с головой одеялом.

Алекс Мансин гонял цифры на видеоконсоли, когда нечто поразило его. Перед глазами все поплыло и затуманилось, и он подумал, что его хватил удар. А потом осознал, что произошло, и не стал этому сопротивляться, поскольку любопытство в нем оказалось сильнее страха.

Элизабет Брук извивалась из стороны в сторону. С каждой секундой становилось все приятнее. Всего через несколько мгновений... Ее разум тоже начал извиваться, и она завизжала.

Фишер общался с Железным Медведем, когда разразилась ментальная буря и их всосало в иное состояние сознания.

— *Что за черт?* — спросил он.

— *Нас опять стягивает вместе,* — ответил Железный Медведь.

— *Кто этим занимается?*

— *Сендс. Разве ты его не чувствуешь? Как сломанный магнит, восстанавливающий сам себя...*

— *Красивый образ. Но я все еще не пони... А!*

Рыв вз. Раз выр.
пепел падает обратно в костер, огоньпламя вдоль
через ночь дугой на восток стянутая вмст радума
четверо содержащие птго опять собирающегося пруж-

жина толкающая вверх под змлей снега облака сорти-
рующие влагу яркие острия зплнщие ткщую воду
пстглзые развалины перед ножомвооруженным чело-
веком и скалепривиденным зверем потерянными в
этом городе предков мы выходящие бесконечно раз-
ворачивая мыслипокрывающую контреально сть мо
внсейчас за субстанции ика эссенции а над огнем-
пламенем водыпоток и воздухадуновенье мяя спу-
скаем воду в сортире мира и позволяем спирали со-
хранить мщь под волнами мчащими джинсы стросс
ливайз завернутые в эбинг краффт бумагу заполнить
человекотень в миртеней он путе шествует и мя
огоньпламя ямы как заполнить круговорот и возврат
и повтор вдоль человекаформы вытягивает смго сбя
огоньпламя вдоль
рыв

Он стоит, согнувшись, с ножом в левой руке. Совершает медленные движения оружием: поворачивает его, поднимает, опускает, надеясь на пару мгновение приковать внимание глаза. Зверь делает шаг вперед. Зеленый свет пойман фасетками. Завораживает ли лезвие каким-либо образом?

Зверь делает еще один шаг.

Идет слабый дождь. Билли не знает, когда точно тот возобновился. Постепенно дождь усиливается.

Еще один шаг...

Его правая рука движется к пряжке на ремне и хватается за нее. Он поворачивается, чтобы выставить левое плечо, продолжая движение лезвия.

Еще один шаг...

Язык у зверя высовывается и прячется. Что-то неправильно. Размер? Манера двигаться? Холодное отсутствие спроецированных чувств, когда он общается?

Еще шаг.

По-прежнему немного далековато для прыжка... Он слегка разворачивает корпус, расстегивает пряжку и плавно уводит руку дальше налево; при таком угле поворота туловища движение замаскировано концом куртки. Читает ли зверь в данный момент его мысли?

Он вновь начинает песнопение Пути Благословения — мысленно, чтобы заполнить сознание. Кажется, что-то у него внутри подхватывает песню. Она легко льется у него в груди, без всяких усилий текут аккомпанирующие чувства.

Еще...

Скоро. Скоро бросок. Правая ладонь ложится на приклад тазера.

Почти...

Еще два шага.

Один...

— *Сейчас время перерезания глотки...*

Два.

Билли вскидывает оружие и стреляет. Он попадает в цель, и зверь, оцепенев, останавливается.

Он бросает тазер, перекладывает нож в правую руку и кидается вперед.

И замирает за несколько шагов до зверя, поскольку тот начинает таять, превращаясь в пар. Через считанные мгновения фигура возгоняется, а пары собираются в небольшое облачко метрах в трех над землей.

Опустив нож, Билли поднимает голову.

Дымоподобное, оно плывет теперь налево, к громадной куче камней, оставшейся после древнего оползня. Он идет следом, наблюдая, выжидая.

— *Ловкий трюк.*

— *Я — не зверь, которого ты убил. Я — то, что ты не можешь уничтожить. Я — все твои страхи и слабости. И теперь я сильнее, поскольку ты от меня убежал.*

— *Я не убежал от тебя. Я следовал тропе.*

— *Какой тропе? Я не видел ничьих следов, кроме твоих.*

— *Это причина того, что я нахожусь в этом месте, и предполагаю, что я — причина того, что ты находишься здесь.*

Дым прекращает двигаться, паря над горой камней.

— *Конечно. Я — часть тебя, которая тебя уничтожит. Ты слишком долго меня отвергал.*

Дым начинает принимать новую форму.

— *Я больше не отвергаю тебя. Я смело посмотрел в лицо прошлому и нахожусь с ним в мире.*

— *Слишком поздно. Я стал автономен при созданных тобой условиях.*

— *Тогда деавтономизируйся. Возвращайся туда, откуда появился.*

Форма превращается в нечто человекообразное.

— *Не могу, поскольку ты не в мире с прошлым. Как и у Кота, у меня теперь только одна функция.*

— *Кот мертв.*

— *...А мне не хватает чувства юмора.*

Форма продолжает преобразовываться.

Билли видит свою точную копию, так же одетую, держащую нож — дубликат его собственного, — смотрящую на него. Двойник улыбается.

— *Как же тебя развлечь?*

— *Я получаю удовольствие от одной своей функции.*

Билли поднимает острие ножа вверх.

— *Тогда чего ты ждешь? Спускайся и выполняй ее.*

Двойник поворачивается и прыгает влево от него, приземляясь на дальний склон горы камней. Билли бросается вокруг нее, но к тому времени, когда он добегает, другой уже встает на ноги. Он вытирает лоб свободной рукой, поскольку по-прежнему льет дождь. Затем низко приседает, согнув колени и выставив вперед обе руки. Двойник делает то же самое.

Билли отступает, тогда как другой наступает, затем смещается направо, отвлекая внимание противника, и начинает двигаться по кругу. Он быстро осматривает почву под ногами, надеясь завести другого на скользкое место. Пока его взгляд шарит по земле, двойник совершает выпад. Он блокирует его левым предплечьем и сам наносит удар в туловище. Острие лезвия противника распарывает рукав куртки и вонзается в руку. Билли уверен, что его нож глубоко вошел в левый бок противника, но двойник не показывает никаких признаков этого, да и крови не видно.

— *Начинаю тебе верить, — говорит он вслух, ощущая, как его собственная кровь увлажняет руку. — Вероятно, я не могу убить тебя.*

— *Верно. Но я-то могу убить тебя, — отвечает другой. — И я тебя убью.*

Билли парирует еще один выпад, сам попадает по щеке. Раны не появляется. Крови нет.

— Так почему же ты не сдашься? — спрашивает другой.

— Предлагаешь бросить нож и послать все к черту?

— Я бы тебя убил.

— Ты же говоришь, что убьешь меня, неважно, буду я драться или нет?

— Да.

— Тогда я могу и драться, — говорит Билли, вновь нанося удар, парируя, рубя ниже, отходя, коля выше, кружа.

— Почему?

— По традиции воина. Почему бы нет? Это же самый лучший поединок на свете.

Отступая от новой атаки, он чуть не спотыкается, когда правая нога упирается в камень размером с яблоко. Но он сохраняет равновесие и отшвыривает камень назад как нечто надоевшее. Потом бешено начинает рубить и колоть, останавливая противника. Затем делает широкий шаг назад, ставя ногу так, чтобы...

Он как можно сильнее бьет ногой по камню в направлении двойника. Камень летит, будто выпущенный из катапульты, с характерным звуком попадая в коленную чашечку.

Противник наклоняется вперед, опуская нож. Голова занимает соблазнительное положение, и Билли изо всех сил наносит боковой удар в челюсть.

Двойник падает на левый бок, и Билли бьет ногой по держащей нож руке. Лезвие со звоном опускается вдалеке на камни. Он, высоко занеся свой нож, бросается на упавшего противника.

Когда он опускает лезвие вниз, к горлу, противник выкидывает левую руку и пальцы обхватывают его запястье. Рука Билли останавливается, будто наткнувшись на стену. Давление, оказываемое на запястье, неимоверно. Затем поднимается правая рука, и он каким-то образом понимает, что та нацеливается на его горло.

Он проводит еще один удар левой в челюсть двойнику. Голова откидывается в сторону, и захват слегка ослабевает. Он бьет еще и еще. Потом ощущает под собой какое-то мощное движение.

Противник подгибает ноги, наклоняется вперед и начинает подниматься, таща его за собой. Билли бьет еще раз, но это, по-видимому, не играет никакой роли. Движение поднимает их обоих на ноги, и левая рука двойника снова тянется вперед. Билли вцепляется в запястье, ему с трудом удается остановить надвигающуюся руку. Он как можно сильнее отталкивает ее, но сам неспособен сделать выпад рукой с ножом.

Потом постепенно противник отодвигает его левую руку назад. Возникает ощущение, что правое запястье вот-вот будет сломано.

— Вы, чинди, сильные ублюдки...

Тот рычит и выворачивает ему кисть. Билли наносит удар коленом в пах. Двойник мычит и сгибается пополам. Нож Билли немного продвигается вперед.

Но пока другой все еще согнут, Билли смотрит за него и начинает петь песню, которой научил его старик, вызывая Икне-этсо, Большой Гром, вспоминая то, как он перекачивал силу из песчаного рисунка в свою руку.

Смотрит...

Сперва туда, где стоит тотем — снизу те же самые четыре фигуры, но теперь столб духов венчает смутный пятый образ, становящийся все более отчетливым и сияющий сверхъестественным светом. Кажется, тот ему улыбается.

— Я вижу, ты решил поиграть. Хорошо, — похоже, говорит он, а потом столб начинает удлиняться, вытягиваясь к теперь прояснившимся небесам, затем туда, где радуга изгибается полным спектром.

А его взор продолжает двигаться вверх, к вершине радуги. Там он видит Воинов-Близнецов, глядящих на него, как и в том случае, много лет назад. Над ними кружит некая темная фигура.

Найенесгани натягивает тетиву на свой большой лук. Вставляет стрелу, отводит ее немного назад и на-

чинает поднимать лук. Темная фигура снижается, и Черный Бог садится на плечо Найенесгани.

Двойник усиливает захват и выкручивает руку, нож выпадает у Билли из ладони. Он ощущает, что кровь струится по его левой руке, а силы начинают иссякать. Противник притягивает его к себе. Он продолжает произносить слова песни, зовя...

Теперь столб достигает невероятной высоты, а фигура наверху — мужчина по пояс — поднимает правую руку и опускает левую, указывая на него. Он тянется, тянется...

Бой барабана становится громче, учащается. Звучи трещоток, напоминающие град.

Несмотря на последнюю попытку оттолкнуть двойника, тот удерживает свою позицию и стискивает Билли, обхватив обеими руками. Но Билли продолжает выдавливать из себя слова.

Найенесгани до конца натягивает тетиву и выпускает стрелу — с одновременным движением левой руки вперед. Мир взрывается во вспышке, более яркой, чем солнечный свет. В этот миг Билли понимает, что вошел в своего двойника, а двойник вошел в него, что он слился с отделенным «я», что разбросанные кусочки его самого встали на место, вновь образовали целое, что он победил...

И это все, что он понимает.

ДИСК IV

**КОМПЬЮТЕР БАНКА «НОВА-СКОТИЯ»
ОТКАЗЫВАЕТСЯ
В СУДЕ ОТ ЗАЩИТНИКА**

**ДОГОВОР О ТОРГОВЛЕ СО СТРАГИЕЙ
СКОРО СТАНЕТ РЕАЛЬНОСТЬЮ**

ДЕЛЬФИНЫ ПОКИДАЮТ ЗАЛ СУДА

ИМЖ СООБЩАЕТ О ПРОПАЖЕ МЕТАМОРФА

*Теперь ты идешь по тропе один.
Кем ты теперь стал, мы не ведаем.
Какой теперь твой клан, мы не знаем.
Теперь уж ты не от мира сего.*

**НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
ДАЕТ ПРЕМЬЕРУ СИМФОНИИ «ЛЕВИАФАН»**

Чарли, пожилой кит-горбач, обосновавшийся в Скаммонской лагуне, услышит первое исполнение своего опуса с помощью спутниковой связи через высококлассные колонки, установленные под водой. Хотя он отказался комментировать репетиции, Чарли, по-видимому

БОРЦЫ С НАЛОГАМИ НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ

Когда изрешеченное пулями тело клона их лидера было найдено в Ист-ривер, ситуация потенциального бунта была избегнута лишь временно

**КОСТРЫ, РАЗВЕДЕННЫЕ В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА,
ВЫЗЫВАЮТ ПАНИКУ
ИНОПЛАНЕТЯНАМ СДЕЛАНО ЗАМЕЧАНИЕ**

Пара туристов с Джетакса-5, где культура славится эксцентричным чувством юмора, находящиеся

**ГЕНЕРАЛ ПОЛУЧАЕТ
НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ МИРА**

...ползком он добрался до укрытия. Прислонился спиной к стене и окунул палец в кровь. Вытянув руку

СТАИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРАВЛЕЙ БУДУТ СОКРАЩЕНЫ

Будут выдаваться разрешения на отстрел для борьбы с проблемой перенаселения в стаях некогда очень редкого журавля, который теперь превратился в помеху. «Разве могут нормальные американцы спать при таком шуме?» — жалуются местные жители

**ОБЕЗУМЕВШИЙ ЗАВОД КРУШИТ СВОЮ ПРОДУКЦИЮ
В ТЕЧЕНИЕ ВОСЬМИ ЧАСОВ СДЕРЖИВАЕТ
НАЦИОНАЛЬНУЮ ГВАРДИЮ
ЗАЛОЖНИКИ ОСВОБОЖДЕНЫ ЦЕЛЫМИ И НЕВРЕДИМЫМИ**

*Старый педик из Кентрионар
Спирт на член свой сумел расплескать.
Его бросило в жар,
Не хватил чуть удар.
Он не кончил, а начал орать,*

**КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПСИХИАТР
ОБВИНЕН В НЕБРЕЖНОМ ЛЕЧЕНИИ**

**ЧЕРНАЯ ДЫРА
БУДЕТ ВЫСТАВЛЕНА НА АУКЦИОНЕ**

В следующую среду на аукционе «Сотби» в Парк-Бернете

ВЛАЖНАЯ ВЕСНА ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА НАЦИИ

темп заполняющий через вод ивниз если по еданье после огоньтечение свысот вер но невер но о сендс слияние каждого сендс ом сендс сендс сендс наши лесендсные часы бежит по дней рулетке высек огонь ивнизв ечносужающиеся туннели бытия мы идем огоньтечение врозь в рос в ечносновидящие новая сновидеденья тронул шамана разума под бусиной огоньтечение через ветромвынутые дни ивниз условия существованья сфокусированные заново линзами огняпотопа преследуемое я настигнуто дождьвлага снегпорыв ветерразрез деньвыпад ножудар огоньпоток суть преследуемое и преследующее я ландшафт сномсказанный под землей сознания сквозь сердце звезда тот по бегущий прежнему распускающийся вечнобег навечнобег еще навеки как гбы что цлуют молнию твореньежар вечнотечение огоньтотем врозь в рос в начало навеки и бежит

Мерси Спендер, проснувшись с желанием выпить чаю и сходить на собачьи бега — странная мысль, — позвонила Фишеру и попросила его пообедать вместе с ней. Потом приняла душ, оделась, причесалась и впервые со времен начала своей певческой карьеры подумала о косметике.

Фишер копался в мыслях, прикидывая, не стать ли ему чуть более стильным. Как давно он не бывал ни в одной художественной галерее? И кстати, — изучая себя в зеркале, — следует отпустить более длинные волосы.

За окном прояснялся новый день, снег таял, капала вода. Он напевал один мотив — услышанный от Железного Медведя, — и теперь подумал о нем. Этот ритм не так уж плох.

Алекс Мансин решил уйти в монастырь в Кентукки, о котором от кого-то слышал. Денежный рынок позаботится о себе сам, а собак будет кормить и холить псарь, бедняга.

Железный Медведь повернулся и бочком пролез через узкую, заваленную камнями расщелину между отвесными склонами. По мере продвижения его способность читать знаки на тропе становилась все лучше и лучше, вероятно, превосходя ту, какая была у него в давно забытые дни в «Воротах Арктики». Теперь, войдя в каньон, он почувствовал, что приближается к концу тропы.

Он не остановился, чтобы изучить окружающие его развалины, а направился прямо к месту посреди

обожженных кустов и трав, где следы на земле говорили о произошедшей схватке. Железный Медведь сел на корточки и долгое время оставался неподвижным, изучая землю. Осколки бирюзы, засохшая кровь... Что бы здесь ни случилось, борьба была яростной.

Наконец он поднялся и повернул к руинам слева от себя. В той стороне кто-то полз или кого-то тащили. Он открыл разум и тщательно все прощупал, но не мог ничего обнаружить.

Когда он подходил к развалинам, смутные образы проносились в его сознании. До этого он являлся частью той сущности, которую дух Сендса сформировал здесь при крайне символических обстоятельствах, ощущал расширение телекинетической мощи, почувствовал взрыв. А после этого события — ничего. В той самой точке он был опустошен, чтобы продолжать и дальше идти по следу.

...И тут увидел его, прислонившегося к стене у угла развалившейся постройки. Сперва Железный Медведь не мог разобрать, дышит ли он, хотя глаза были открыты, а взгляд устремлен направо.

Подойдя ближе, он увидел пиктографию, которую Сингер нарисовал на стене собственной кровью. Она представляла собой большой круг с парой точек внутри, рядом друг с другом, примерно на трети диаметра сверху. Ниже под ними находилась выгнутая концами наверх дуга.

Вздохнув, Железный Медведь покачал головой: это было нечто редкостное, нечто могучее. Подобно бизону, оно, вероятно, не выживет. Жизнь — игра. Но именно сейчас, в данный момент, прежде чем он подошел и разрушил чары ощущения, что-то существовало. Напоминавшее бизона.

Высоко на горе огня
в потерянном городе Предков,
огонь падает справа от меня,
слева от меня,
перед, над и подо мной, позади меня.
Я встретил чинди своего «я»,
«я» своего чинди.
Назову ли я теперь себя по имени,
поглотив его? ,

Я иду по тропе радуги.
В некое время льда и огня
в потерянном городе Предков
я встретил чинди своего «я»,
превратился в «я» своего чинди.
Я прошел через миры.
Я повсюду охотник.
Мое сердце было разделено
на четыре части
и поглощено ветрами.
Я вновь их обрел.

Я сижу в центре целого мира,
испуская свою песню.
Повсюду я дома,
и все мне возвращено.
Я следовал тропой своей жизни
и в конце концов встретил себя.
Вокруг меня красота.

Найенесгани зашел за мной
в Дом Тьмы,
отбрасывая в сторону своим посохом
искаженное и перевернутое.
Темный Охотник помнит меня,
Койот помнит меня,
Небесный Народ помнит меня,
этот край помнит меня,
Предки помнят меня,
я вспомнил себя,
взойдя в этот мир.
Я сижу на огромном песчаном узоре
Денеты — здесь, в ее центре.
Ее сила помнит меня.
Койота зов из-за преграды тьмы...
Я поглотил себя и стал сильнее.
Вокруг меня красота.
Передо мной, позади меня, справа
и слева от меня,
маисовая пыльца и радуга.
Белое колдовство поднимает меня в руке.

Танцор в сердцевине всего сущего
крутится передо мной, словно демон пыли.
Моя бусина-молния разбита.
Я высказал собственные законы.

Мой единственный враг,
мое «я», вновь рожденное, —
тоже танцор.
Моя тропа, мой разум наполнены звездами —
велико колесо их вращения
в сторону весны. Звезды.
Я прихожу, словно дождь вместе с ветром
и всем растущим.
Белое колдовство поднимает меня в руке.
Здесь, в потерянном городе Лукачукай
я говорю:
«Охота никогда не закончится.
Путь есть красота.

*Колдовство — сильно.
Поезд-призрак здесь больше
не остановится.
Я есть охотник
в глазах тех, на кого охотятся.
Когда позову,
они придут ко мне
из Горы Тьмы».*

Содержание

Мост из пепла , роман, <i>перевод с английского В Гольдича, И Оганесовой</i>	5
Глаз Кота , роман, <i>перевод с английского С Хренова</i>	175

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 18 томах

Том седьмой

Ответственный за выпуск *Е Чутов*

Редактор *В Баканов*

Технический редактор *К Козаченко*

Корректор *Т Пикович*

Оператор компьютерной верстки *В Ветчинин*

Художественный редактор *М Захаренкова*

Иллюстрация на обложку *И Леонтьев*

Оформление форзаца *А Кириллов*

Оформление шмуцтитолов *В Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 28.04.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 25 000 экз.

Заказ № 647. С 125.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика LV 1039 Рига а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Таверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040 г Таверь проспект 50-летия Октября 46

МОСТ ИЗ ПЕПЛА
ГЛАЗ КОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995